Генералъ-Лейтенантъ К. В. Сахаровь.

Бълая сибирь.

«Мы проходили черезъ селения, разоренныя Пугачевымъ, и поневолъ отбирали у бъдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не анали, кому повиноваться. Правленіе было всюду преиращево. Пом'вщики укрывались по л'всамъ. Шайки разбойниковъ злод'яйствовали повсюду. Начальники отд'яльных отрядовъ, посланныхъ въ погоню аз Пугачевымъ, тогда уже бъгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояние всего крап, гдъ свиръпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведя Богъ вид'ятъ русскій бунть, безсимсленный и безпощадный. Тъ, которые замышляютъ у насъ невозможние перевороты, ели молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, которымъ и своя шейка — копейка, и чужая головушка-полушка.

1833-1836 r.r.

А. С. Пушкинъ. «Капитанская дочка.»

BBAAR CHENPS.

Право перепечатокъ в переводовъ авторъ оставляеть за собой. Нарушевія этого права будуть преслідоваться по закову.

Предисловіе.

Пользуясь первымъ выпавшимъ мит свободнымъ временемъ, я намтренъ записать, коть коротко, последовательный кодъ событий въ восточной части Россіи за 1818, 1919 и 1920 годы. Какъ одинъ изъ участниковъ и очевидцевъ этихъ событи, я не вправт, понятно, произнести какой-либо приговоръ, не собираюсь также изрткать истинъ, делать окончательныхъ выводовъ. Истина лежитъ вит усили единоличныхъ, приговоръ скажетъ безпощадная и справедливая исторія, а правильные выводы сдёлаетъ сама жизнь.

Моя цѣль — исполнить только мой долгь, — записать для моихъ соотечественниковъ, совершенно правдиво и бевпристрастно, тѣ условія, въ которыхъ проходила борьба антибольшевиковъ, тѣ побуждающія причины, что двигали и управляли этой борьбой, раскрыть состояніе и настроеніе народныхъ массъ, показать пріемы борьбы и тѣ обстоятельства, которыя повліяли на ея неуспѣхъ.

Глубокая въра живетъ въ насъ всъхъ, что Родина-Великая Россія не можетъ исчевнуть, что она вовродится, несмотря на всъ противодъйствія, отъ кого бы они не исходили. Народъ, сумъвшій въ теченій своей тысячельтней исторій образовать величайшую въ міръ Имперію, давшій человъчеству дары блестящаго генія, вынесшій ивъ своей массы плеяды міровыхъ писателей, ученыхъ, художниковъ и комповиторовъ; страна, спасавшая не равъ Европу и общечеловъческую культуру, воспитавшая въ себъ духъ самопожертвованія, поставившая исканіе правды и нравственной справедливости превыше матеріальныхъ благъ; народъ, всегда искавшій Бога: такіе страна и народъ не могутъ погибнуть или ассимилироваться съ другой культурой, чуждой Русскимъ историческимъ путямъ и задачамъ.

Возрождение Россіи будетъ скоръе, чъмъ многіе предполачаютъ; оно придетъ изнутри, изъ массъ самого народа. Наша общая въра въ нашу Родину и ея судьбы оправдается; наша общая работа и великія жертвы Русскаго народа не пройдутъ безрезультатно.

Воэстановление своего разрушеннаго дома мы должны дѣлать сами, своими руками; преступно расчитывать, что кто-то можетъ выполнить это за насъ. Нѣтъ сомнѣнія, — друзей мы имѣемъ среди другихъ странъ, народовъ и націй. Но не надо ни на минуту забывать, что всѣ эти друзья заняты своими личными дѣлами и заботами, почти никто изъ нихъ не уясняетъ да и не можетъ уяснить себѣ истиннаго состоянія массъ и необъятныхъ пространствъ Россіи и не знаетъ ни историческаго хода развитія нашего государства, ни лежащаго теперь передъ нимъ правильнаго и исторически-естественннаго пути. Да кромѣ того, обычно эти иностранные друзья при своей помощи возстановленю Государства Россійскаго руководятся своими эгоистическими цѣлями. И эти скрытыя цѣли всегда противуположны интересамъ Россіи, вредны дла нея.

Намъ самимъ зачастую трудно понимать и уяснять современное. Въдь отъ равности этого понимания и затянулась такъ гражданская братоубійственная война, — отъ равности понимания или отъ незнания, незнакомства со многими событиями, настроениями и руководящими цълями.

Чтобы успѣшно дѣйствовать, строить, — надо правильно оцѣнить условія и взять вѣрное направленіе; а чтобы правильно судить, необходимо знать возможно подробнѣе и полнѣе о той совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ, которые вліяли на жизнь нашей страны. Надо знать правду о Россіи. Чтобы людямъ правильно выполнить свою задачу завтра, имъ необходимо быть освѣдомленными о томъ, что было сдѣлано сегодня и вчера, и какъ было сдѣлано.

Цѣль настоящей книги раскрыть это вчерашнее. Предметъ ея — описание событий въ восточной России съ осени 1918 года до весны 1920 года.

Все написанное является результатом лично пережитаго. Мнѣ пришлось работать въ исключительныхъ условіяхъ, находясь почти въ самомъ центрѣ этого огромнаго русскаго напряженія, среди большихъ русскихъ людей и патріотовъ.

Очень хотвль бы этой книгой помочь и иностранцамъ, расположеннымъ искренно къ Россіи, желающимъ принести ей пользу, и всвиъ друзьямъ нашей Родины, — разобраться немного въ Русскомъ вопросв и получить представление о томъ, что нужно Россіи и Русскому народу. Для этой цвли необ-

ходимо показать тоть, можеть быть невольный, но большой вредь, какой принесла Русскому народу пресловутая интервенція союзниковъ - иностранцевъ. Представляю факты, встр'ьчи и д'вйствія въ ихъ неприкрашенномъ вид'ь; пусть это не будеть истолковано какъ результать недружелюбнаго чувства, какъ результать какихъ-либо оріентацій. Н'вть, но при описаніи такого сложнаго процесса борьбы, при безпристрастномъ разсказ событій н'втъ возможности все хвалить или обходить непріятныя стороны молчаніемъ.

А мое стремленіе — дать полный очеркъ всего хода событій и безпристрастное описаніе ихъ. Если невольно, мъстами иногда проявится мое личное чувство и излишнія подробности, прошу снисходительности, такъ какъ все прежитое очень еще свѣжо, и слишкомъ больно ватронуло оно каждое русское сердце.

Нью-Іоркъ (Америка). Октябрь 1920 г.

Мой трудъ, написанный по свъжей памяти и съ испольвовашемъ части сохранившихся и собраныхъ документовъ, пролежалъ два съ половиною года. Многія обстоятельства дълали его опубликованіе преждевременнымъ и нежелательнымъ.

Теперь, когда препятствія эти устранились, я им'єю возможность напечатать книгу о б'єломъ движеніи въ Сибири, руководимый той ц'єлью, о которой говорю выше.

Нѣкоторые собственныя имена мною поставлены лины въ иниціалахъ, — изъ-за опасенія повредить людямъ, которые досягаемы для чрезвычаекъ ІІІ-го интернаціонала. Но всѣ эти фамиліи у меня имѣются и, когда придетъ время, онѣ займутъ въ книгѣ свое мѣсто. Точно также я нахожу еще рано давать подробности и освѣщеніе нѣкоторыхъ фактовъ, останавливаться болѣе детально на характеристикахъ и оцѣнкѣ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, равно и опубликовывать часть документовъ, оставляя все это до другого раза.

При выполнени настояшаго труда я началъ подбирать и системативировать матеріалы, касающіеся бѣлаго движенія въ Сибири, и буду продолжать это дѣло; буду весьма признателенъ, если кто-либо изъ участниковъ гражданской войны въ восточной части Россіи найдетъ возможность подълиться со мною новыми документальными данными. Съ своей стороны, всъ собранные документы, включительно до ивсколькихъ собственноручныхъ адмирала А. В. Колчака и другихъ двятелей, будутъ мною переданы въ русскій офиціальный архивъ, когда таковой снова появится послъ сверженія въ Россіи власти большевиковъ.

Рисунки, пом'вщенные въ втой книг'в, принадлежать карандашу поручика Михайловскаго стр'влковаго полка Л., давшаго ихъ мн'в еще л'втомъ 1919 года. Его, лицъ, помогшихъ мн'в доставлениемъ документовъ и въ подыскани новыхъ, а также вс'вхъ, оказавшихъ помощь при печатани моего труда, прошу принять мою искреннюю благодарность.

Мюнхенъ (Баварія). Іюль 1923 г.

ГЛАВА І.

Борьба за власть.

1.

Посл'в долгихъ и трудныхъ странствій, частью верхомъ, частью на тел'в'в, черезъ киргизскія песчанныя степи, прівхали мы съ женой изъ Астрахани въ Уральскъ, дважды перейди красный фронтъ. Впервые посл'в почти годового пребыванія въ сов'втской Россіи и посл'в шестим'всячнаго заключенія въ большевицкой тюрьм'в, я попалъ въ городъ, гд'в свободно разв'ввался Русскій національный флагъ. Была осень 1918 года. По всей шири Руси отъ Карпатъ и до Тихаго Океана вспыхнули возстанія противъ большевиковъ. Самые разнообразные слои, классы и національности Русскаго народа поднялись противъ угнетателей и кровавыхъ тирановъ, захватившихъ власть въ стран'в именемъ народа и для народа. Національная Русь возстала противъ интернаціонала.

Эти возстанія были разрозненны и не организованны. Это было чисто стихійное движеніе. Только на Волгів и къ востоку отъ великой русской артеріи возстанія русскихъ людей нашли помощь и поддержку въ чехо-словацкомъ корпусів, примкнувшемъ къ нимъ въ своемъ стремленіи пробить путь на во-

стокъ.

Отрывочныя свёдёнія обо всемъ этомъ доходили и въ большевицкій станъ, достигали и Астраханской тюрьмы, гдё насъ сидёло свыше ста офицеровъ; сердца были полны надеждой, — казалось, что всё мы, русскіе люди, довольно уже научены пережитой революціей, чтобы не дёлать снова ошибокъ, чтобы найти объединеніе для общей работы по очисткё нашего дома — Россіи отъ большевицкой нечисти.

Уральскъ кишълъ на подобіе растревоженнаго муравейника. Все населеніе жило однимъ общимъ интересомъ, — разбить красныя полчища большевиковъ, отнять у нихъ Саратовъ и Астрахань для соединенія съ Добровольческой арміей генерала Деникина. Мобиливація въ станицахъ проходила полностью, и всѣ мужчины шли въ ряды сражающихся; не хватало винтовокъ, шашекъ и пикъ, — шли съ вилами и косами, составляя

особые отряды для поддержанія первой линіи.

Всѣ политическіе ловунги были отброшены. Одна мысль управляла этимъ народнымъ движеніемъ: покончить съ большевивмомъ и тогда заняться разрѣшеніемъ вопросовъ внутренняго устройства. Въ этомъ казаки сходились съ Самарскими и Саратовскими крестьянами и соединились съ ними для борьбы противъ общаго врага.

Въ Уральскъ впервые пришлось узнать отголоски правдиваго положения на новомъ бъломъ фронтъ. Грустными, похо-

ронными акордами прозвучали извъстія съ Волги.

- «Казань отдали большевикамъ»...

— «Сколько тамъ погубили людей. Какіе огромные запасы оружія и военнаго имущества оставили краснымъ...»

— «Палъ Симбирскъ...»

— «Самарское правительство не желаетъ поддерживать ка-

заковъ и Сибирскую армію...»

Помню засъдание Уральскаго казачьяго круга и докладъ на немъ делегатовъ, вернувшихся изъ Уфы съ такъ называемаго Государственнаго совъщания. Залъ наполненъ серьезными бородатыми казаками, только отдъльными пятнами мелькаютъ пять-шесть молодыхъ безусыхъ лицъ; глаза у всъхъ смотрятъ пытливо и напряженно; такъ искренно, съ такимъ страстнымъ желаніемъ найти правильный путь, путь объединенія въ работъборьбъ. И имъть въ ней успъхъ. Полная тишина и порядокъ въ отличіе отъ всъхъ шумныхъ и говорливыхъ собраній 1917 года.

Два казака, пріѣхавшіе изъ Уфы, дѣлаютъ докладъ. Тихо и медленно говорятъ они по очереди; каждое слово ихъ звучитъ въ этой тишинѣ такъ четко, какъ благовѣстъ ночного колокола.

«... Образовали Россійскую директорію изъ пяти лицъ: Авксентьевъ, генералъ Алексѣевъ, Чайковскій, Астровъ и Вологодскій; такъ какъ нѣкоторымъ прибыть сейчасъ нельзя, то будутъ ихъ замѣстители; сейчасъ составъ такой: предсѣдатель директоріи Авксентьевъ, члены: генералъ Болдыревъ, Вологодскій, Зензиновъ и Виноградовъ.

Порфшили на совъщании, что вся полнота власти сосредоточивается у директоріи. Всф остальныя правительства должны

подчиниться ей...

Мы подписали за Уральское казачество это обязательство, чтобы Россія могла объединиться въ борьбъ противъ большевиковъ.»

Ни слова возраженія. Въ глазахъ и на лицахъ спокойная радость удовлетворенныхъ ожиданій и окрѣпшей надежды.

Согласенъ ли кругъ и одобряетъ ли дъйствія избран-

ныхъ делегатовъ?» — спрашиваетъ предсъдатель.

— «Согласны, согласны» . . . проносится дружное эхо всего

круга...

Изъ Уральска я отправился автомобилемъ въ Бузулукъ, чтобы оттуда провхать черезъ Самару въ Уфу, въ новый глав-

ный штабъ для полученія назначенія.

Путь до Бузулука, самъ этотъ городокъ Самарскихъ черновемныхъ степей, дальше тряскій вагонъ до Самары, набитый пассажирами такъ, что въ четырехмѣстномъ купе насъ уплотнилось десять человѣкъ, — все дышало какой-то сумятицей, ваволнованностью, неувѣренностью. Крестьяне Бузулуцкаго большого села Марьевки, гдѣ мы остановились на ночлегъ изъва поломки автомобиля, жаловались мнѣ на чеховъ и на новое правительство учредителей за то, что тѣ произвели жестокую экзекуцію этого села.

— «Вишь ты, Ваше Благородье или, какъ тебя называть, не знаемъ, — у насъ нъкоторые горлотяпы отказались идти въ солдаты, ну къ примъру, какъ большевики они. А мы ничего, мы міромъ ръшили идти. Скажемъ такъ: полъ села, чтобы идти въ солдаты, а полъ села противъ того.

Пришли эт-то двъ роты чеховъ и всъхъ перепороли безъ

разбору, праваго и виноватаго. Чтожъ, это порядо-окъ?»

— «Да еще какъ-то пороли! Смѣхота! Виновныхъ — то, самыхъ большевиковъ, — не тронули, а которыхъ, хорошіе мужики, перепороли. Вонъ дядя Филиппъ сидитъ, сидѣть не можетъ, а у него два сына въ солдаты въ народную армію ушли.»

Крестьяне сочувственно и безобидно засмъялись, а дядя

Филиппъ неловко заерзалъ на лавкъ.

— «Что жъ, баринъ, и когда конецъ будетъ этому? Кто порядокъ — то установитъ?» обратился ко мнѣ съ вопросомъ старый крестьянинъ въ армякѣ и лаптяхъ. Всѣ сдвинулись ближе.

Я старался объяснить имъ, что теперь порядокъ можно установить только самимъ намъ, всѣмъ сообща, покончивъ съ большевиками. Слушали крестьяне молча, а въ концѣ дядя Филиппъ отвѣтилъ за всѣхъ:

— «Эхъ, не то, баринъ, — намъ бы какая власть не была все-равно, — только бы справедливая была, да порядокъ бы установила. Да, чтобы вемлю за нами оставили. Если бы вемлю-то намъ дали, мы бы всё на Царя согласились.»

— «Да ужъ чего тогда бы — лучше», раздались голоса въ

толпъ.

Меня, какъ жившаго въ Самарской губерни раньше, до войны, не удивилъ этотъ заключительный аккордъ, такъ какъ тамошние крестьяне всегда отличались большимъ, почти святымъ почитаниемъ Царя; всѣ они большие хлѣборобы, и рѣдки дѣлалъ запашку меньше чѣмъ двадцать-двадцать пять десятинъ. Постоянная мечта ихъ была разжиться землицей, прикупить ее; ну, а здѣсь такая благодать — даромъ свалилась.

Но меня поразило, что наши дивныя черновемныя Самарскія степи, эта житница Россіи, лежали теперь почти не тронутыми. Десятки верстъ пробъгалъ автомобиль, далеко, до самаго горизонта уходила волнистая плодородная степь, и только ръдкими мъстами попадался таборъ пахарей или плугъ въ работъ среди чернаго блестящаго вспаханнаго поля. Въ прежніе годы, въ сентябръ, бывало, вся степь была чернымъ— черна, вся грудь ея распахана для новаго весенняго посъва.

Въ селѣ Марьевкѣ нѣсколько тысячъ населенія и, несмотря на будни, почти, всѣ оставались дома. На мой вопросъ о причинахъ такой перемѣны какъ равъ теперь, когда они завладѣли всей землей, крестьяне отвѣтили такъ:

— «Видишь, баринъ, намъ это не способно: одно дѣло, кто землю-то намъ продалъ? Неизвѣстно. Какія они права имѣли землю-то отдавать? Ее распашешь, а потомъ отвѣчай. А другое дѣло война, — все равно пропадетъ. Ты посѣешь, потрудишься, а красная гвардія придетъ, половину стравитъ (истопчетъ), а другую половину отниметъ...»

Въ Бузулукъ я увидълъ первый полкъ новой народной арміи. Безъ погонъ, со щиткомъ на подобіе чешскаго на правомъ рукавъ, почему-то съ георгіевской ленточкой, вмъсто кокарды, на фуражкъ. Видъ полутоварищескій. Самъ городокъ, обычно шумный, центръ одного изъ наиболъе хлъбородныхъ уъздовъ Россіи, жилъ теперь тихой, спрятанной жизнью, точно домъ, изъ котораго уъхали главные хозяева.

Въ вагонъ пришлось ъхать вмъстъ съ нъсколькими офицерами. Два изъ нихъ сидъли, а одному мъста не хватило, стоялъ. Въ углу же размъстился какой то желъзнодорожникъ съ яркой желто-голубой «украинской» ленточкой въ петличкъ и на утрированно хохлацкомъ жаргонъ разглагольствовалъ о «самостійной Украйнъ». Слушалъ его поручикъ, слушалъ, да и говоритъ:

- Вотъ что, пане добродію, вылъзайте-ка изъ угла, я хочу сидъть. Дорога-то въдь наша русская, да и Самарская губернія тоже Россія, ей въ Украйну не попасть.»
- «Какъ такъ? Поавольте, какое вы имъете право?» перешелъ на литературный русскій языкъ желто-голубой жельзнодорожникъ.

— «А такое, пане добродію, что я русскій, значить адѣсь дома у себя, хозяинъ. Вотъ поѣзжайте на Украйну, тамъ и посидите. Ну! вылѣзайте!»

Сконфуженно оглядываясь, подъ смъхъ остальной публики вышелъ новоявленный украинецъ изъ купе и даже изъ вагона.

Бхали и дѣлились впечатлѣніями, интересами текущихъ дней, событіями войны съ большевиками. Офицеры народной арміи высказывали недовольство отношеніемъ къ нимъ и ихъ полкамъ Самарскаго правительства, что развели опять политику, партійную работу, скрытыхъ комиссаровъ, путаются въ распоряженія команднаго состава; начали чехо-словаковъ втягивать во внутреннюю политику, проводя среди нихъ то же, что Керенскій проводилъ въ 1917 году въ Русской арміи для ея развала.

Выяснялось, что Самарское правительство учредителей пропагандируетъ всячески противъ Сибирскаго правительства и Сибирской армии, называя ихъ «монархическими и контръреволюціонными»; а въ то время, если что и можно было поставить въ вину сибирякамъ, то это — ихъ слишкомъ сильный кренъ въ сторону соціалистовъ-революціонеровъ.

Оказалось, что много надеждъ возлагалось въ то время прозвучали торжественно на весь міръ ноты Англійская, Французская, Итальянская, Японская и Американская. Всѣ онѣ призывали Русскій народъ къ продолженію войны противъ Германіи и «ихъ прислужниковъ и агентовъ, большевиковъ». Всѣ они заявляли о своей готовности активно поддержать въ этомъ Россію и клялись, что не преслъдуютъ никакихъ личныхъ цѣлей, что ни одна пядь Русской земли не будетъ никъмъ занята.

До чего была сильна и наивна эта въра Русскихъ въ помощь союзниковъ! Одна дъвушка-курсистка, ъхавшая изъ Бузулука на высште курсы въ Самару, увъряла, что на Волгу направляются пять японскихъ дивизій, что «въ Самару прівхали уже триста японцевъ — квартирьеровъ»...

Подтверждались тревожные слухи съ Волжскаго фронта. Передавали объ ужасной соціалистической панамѣ въ Казани, гдѣ Лебедевъ и Фортунатовъ, два партійныхъ работника, забрали власть въ свои руки, митинговали съ рабочими во время боевъ, вели переговоры съ большевиками и . . . предали армію.

Самара произвела жуткое впечатлъніе. Большой городъ, центръ торговли Поволжья, съ нъсколькими стами тысячъ жителей, казался обреченнымъ мъстомъ, ждущимъ своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народомъ, но все двигается тихо, безъ обычнаго шума. Почти на всъхъ лицахъ написано боязливое, тревожное ожидание и мольба о спасении.

Многіе изъ слуховъ подтвердились. Я нашелъ здѣсь своего однокашника по кадетскому корпусу, полковника С. А. Щепихина, который исполнялъ должность начальника штаба народной армии при командующемъ Волжскимъ фронтомъ, чешскомъ поручикъ Чечекъ, произведенномъ учредителями въ генералъмајоры. Вотъ какими пріемами искали они себѣ опору и сторонниковъ!

Положение было хуже 1917 года; чехи подъ вліяниемъ пропаганды уже разваливались, воевать не желали; народная армія была крѣпка только офицерами и добровольцами, да и то въ частяхъ, къ которымъ эсъ-эры получали доступъ, тамъ исчезала дисциплина, а съ нею вмѣстѣ и боеспособность. Только отряды полковниковъ Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духомъ, и боевыми качествами, такъ какъ эти начальники не подпускали и близко къ своимъ войскамъ соціалистовъ.

Они брали Казань, Симбирскъ. Каппель проявлялъ прямо чудеса маневра со своимъ маленькимъ отрядомъ. Но въ Казань, сейчасъ же по взятіи ея, нагрянули эсъ-эры и такъ все перепортили, что наши едва успѣли уйти, нѣкоторые тамъ и остались большевикамъ. Бросили одного сукна на пяти-миліонную армію, болѣе ста аэроплановъ съ огромнымъ имуществомъ, массу пулеметовъ, патронный заводъ; въ Симбирскѣ оставили огромный инженерный паркъ всей Императорской Русской армии.

А все оттого, что учредители мѣшали и противодѣйствовали вывозу: боялись, что все это можетъ попасть въ руки Сибирской армии. А понятно, по Волгѣ почти все можно было вывезти.

Отъ другихъ офицеровъ пришлось слышать разсказы о такихъ же непорядкахъ въ Хвалынскѣ, Вольскѣ, Николаевскѣ. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

— «Мы не хотимъ воевать за эсъ-эровъ. Мы готовы драться

и отдать жизнь только за Россію», говорили они.

— «Такое предательство, хуже 1917 года», горячо разсказываль мив капитань, трижды раненый въ Германскую войну и два раза уже въ бояхъ съ большевиками. «Какъ только успъхъ и мало-мальски прочное положение, они начинаютъ свою работу противъ офицеровъ, снова натравливаютъ массы, мутятъ солдатъ, кричатъ о какой-то «контръ-революціонности». А какъ опасность, такъ офицеры впередъ. Посылаютъ прямо на уничтожение цълые офицерские батальоны»...

Когда я прі халъ въ Самару, оттуда шла уже спѣшная и довольно безпорядочная эвакуація, управляемая чешскими

комендантами.

— «Завтра (это было 19 сентября 1918 года) будутъ брать мъста въ поъздахъ уже съ револьверами въ рукахъ.»

Съ большими трудностями и неудобствами, безконечно долго простаивая на самыхъ маленькихъ станціяхъ, добрались до Уфы.

Здѣсь на вокзалѣ стоялъ оцѣпленный чешскими часовыми поѣздъ, состоявшій изъ шести классныхъ пульмановскихъ вагоновъ. Часовые никого не пропускали, образовавъ на платформѣ около вагоновъ большой свободный полукругъ.

- «Чей это поъздъ? опросилъ я одного чеха.

— «Нашего генерала Дитерихса.»

— «Какого Дитерихса, русскаго генерала?»

— «Ну да, а теперь онъ нами командуетъ, нашъ генералъ.»

— «Могу я его видъть?»

 «Да, только его сейчасъ адъсь нътъ, онъ поъхалъ въ городъ автомобилемъ на совъщание съ директорией.»

Отправился я въ штабъ Верховнаго Главнокомандующаго генерала Болдырева, члена директоріи. И штабъ, и директорія, и всѣ ея канцеляріи помѣщались въ большой «Національной гостинницѣ». Здѣсь сразу пришлось окунуться въ обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лѣта и осени 1917 года. Та же безпорядочная снующая безъ дѣла толпа, масса юркихъ штатскихъ брюнетовъ съ горбатыми носами, всюду грязь, неубранный соръ, стучатъ пишущія машинки, здѣсь же доступный для всѣхъ телеграфъ съ армейскими аппаратами Юза.

|Шелъ длинными коридорами, ни отъ кого не могъ добиться толку, какъ пройти къ начальнику штаба. Наконецъ въ самомъ концъ коридора, при входъ въ ресторанный залъ одинъ офицеръ мнъ помогъ.

- «Да вонъ онъ сидитъ у стола, генералъ Розановъ, на-

чальникъ штаба.

Опять старый знакомый, еще съ довоеннаго времени, съ которымъ вмъстъ сражались въ памятныхъ героическихъ Люблинскихъ бояхъ августа 1914 года. Тепло встрътились. Оказалось, что генералъ Розановъ только нъсколько дней самъ прорвался черезъ большевицкій фронтъ.

«Шелъ въ красной рубахъ, какъ простой крестьянинъ.
 Сначала свои пускать не хотъли, взяли подъ подозръне»...

Разсказалъ коротко ему и мои злоключения у большевиковъ въ тюрьмѣ, случайное спасение, и какъ дважды проби-

рался черезъ ихъ фронтъ.

Здѣсь же встрѣтилъ своего давняго пріятеля, полковника генеральнаго штаба Д. А. Лебедева, который работалъ на Дону вмѣстѣ съ генералами Корниловымъ и Алексѣевымъ, а теперь пробрался сюда изъ Добровольческой арміи черезъ Москву. Затѣмъ вскорѣ подошелъ уральскій казакъ, генералъ-маіоръ Хорошкинъ, оказавшійся однокашникомъ по кадетскому корпусу.

Оба они были въ Уфѣ уже нѣсколько недѣль, съ самаго государственнаго совѣщанія. Нѣсколько часовъ проговорили мы; оба они по очереди, одинъ дополняя другого, нарисовали мнѣ обстановку, военную и политическую, среди которой роди-

лась Россійская директорія.

Ивъ равскавовъ еще многить оченидцевъ тѣхъ дней и изъ тогдашнихъ уфимскихъ газетъ устанът ивается такая картина. Послѣ начала возстанія, когда отрядь Тусскихъ офицеровъ и добровольцевъ, поддержанные чехо-пасваками, свергли иго большевиковъ в равсѣяли ихъ краоноармейскіе полки, образовалось много мѣствыхъ правительствъ. Въ Самарѣ знаменитый Комучъ (Комитетъ членовъ учредительнаго собранія или, какъ тогда больше называли, учредиловки), въ Уральскѣ — кавачье правительство, въ Оренбургѣ — атаманъ Дутовъ съ Оренбургскимъ кавачьимъ кругомъ, въ Екатеринбургѣ — Уральское горное правительство, образованное евреемъ Кролемъ и имѣвшее всего одинъ уѣздъ территоріи, въ Омскѣ — Сибирское правительство, въ Читѣ — атаманъ Семеновъ, на Дальнемъ Востокѣ, въ Харбинѣ и Владивостокъ одновременно три правительства: генерала Хорвата, еврея Дербера и коалиціонное.

Въ то же время отряды чеховъ были разсредоточены по всей линіи Великаго Сибирскаго пути, отъ Волги до Тихаго Океана, ихъ военное начальство и политическій комитетъ отдавали свои распоряженія и пытались также управлять.

Получалась полная равноголосица и сумбуръ. Тогда было созвано въ Уфъ государственное совъщание для выбора единой

авторитетной Россійской власти.

Въ совъщание вошли представители большинства перечисленныхъ правительствъ, всв наличные члены перваго эсъ-эровскаго учредительнаго собранія, партіи меньшевиковъ, эсъ-эровъ, умфренныхъ соціалистовъ, кадетъ и представители отъ нъкоторыхъ казачьихъ войскъ. Составъ крайне пестрый, не выражавшій народныхъ массъ (какъ и всв собранія, начиная съ марта 1917 года), и съ сильнымъ преобладаніемъ партійныхъ соціалистическихъ работниковъ; последніе определенно вели линію этого совъщанія за признаніе Комуча, какъ правительства Всероссійскаго.

Но на это не шли остальные члены совъщания, — несоціали-

сты. Дфло чуть не разстроилось.

Вотъ тогда то выступили на сцену чехи. Ихъ политическій руководитель докторъ Павлу ваявиль на этомъ совъщаніи отъ имени чехо-словацкаго корпуса, что если не будеть обравована единая власть, то чехи бросають фронть; причемъ было произведено имъ еще одно давленіе на совъсть собравшихся и заявлено: чехи полагають, что единственнымъ ваконнымъ и революціоннымъ правительствомъ будеть то, которое привнаетъ

учредительное собрание перваго совыва и которое будеть въ свою очередь признано и поддержано этими «учредителями». Для всякаго русскаго было ясно, что подъ этимъ подразумъвались соціалисты-революціонеры, т. е. партія, ввергшая подъруководительствомъ своего лидера Керенскаго въ 1917 году Россію въ бездну разрушенія, позора и гражданской войны.

Заявленіе Павлу, однако, заставило всѣхъ пойти на открытыя уступки, оставивъ втайнъ свои истинныя намъренія. Очень быстро было достигнуто соглашеніе, которое и подписали всѣ

участники Уфимскаго государственнаго совъщанія.

Въ качествъ Всероссійской власти признавалась избранная этимъ же совъщаніемъ директорія изъ пяти лицъ подъ предсъдательствомъ Авксентьева, ближайшаго сотрудника и партійнаго товарища Керенскаго. Далье слъдоваль пунктъ, что директорія отвътственна въ своихъ дъйствіяхъ передъ учредительнымъ собраніемъ перваго созыва и что, какъ только соберется опредъленное число членовъ его (помнится 250), директорія обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредиловцевъ.

Директорія вступила во власть, т. е. начала на бумаг'в отдавать распоряженія, писать къ народу возванія, выпускать международныя деклараціи. Собиралась образовывать кабинеть министровь, причемъ еще на сов'вщаніи было об'вщано взять готовый аппарать министровь отъ Сибирскаго правительства въ Омск'ть. Почти все соглашеніе сд'тано въ угоду Комучу, который примазался къ народной арміи, вовставшей на

борьбу противъ большевиковъ.

Имъя въ своемъ составъ болъе шестидесяти процентовъ іудеевъ, учредиловцы, съ присущимъ своей партіи апломбомъ, не постъснялись еще разъ назваться избранниками Русскаго народа, не остановились передъ преступной игрой еще разъ на русской крови. Какое самодовольство звучало въ словахъ —

фронтъ учредительнаго собранія!

И какъ разъ теперь, когда все было сдёлано по ихъ вожделениямъ, когда власть вторично после революции попадала въ руки той же парти, она показала себя совершенно неспособной къ какой-либо не то, что творческой, а просто плодотворной работе.

Падали одинъ за другимъ города на Волгѣ. Отданы Хвалынскъ, Вольскъ, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Кинель, Бугульму и подходили къ Уфѣ. Вся мѣстность, громко называвшаяся «территоріей учредительнаго собранія», оказалась уже къ началу октября въ рукахъ большевиковъ.

Директорія спѣшно укладывала чемоданы и готовилась къ переѣзду. Куда? Вотъ вопросъ, вставийй передъ всѣми. Сначала хотѣли въ Екатеринбургъ, какъ центръ Урала и, такъ сказать, независимый городъ. Но казалось, слишкомъ близко отъ боевого фронта и слишкомъ ненадежно. Ръшено было ъхать въ Омскъ, въ столицу Сибирскаго правительства, хотя вдъсь какъ-то сама собою напрашивалась всъмъ мысль, что директорія ъдетъ въ гости, на готовое къ сибирякамъ, у которыхъ былъ уже сконструированъ работоспособный аппаратъ управленія, образована сильная армія; мобилизація среди крестьянъ и рабочихъ Сибири прошла такъ успъшно, что была несомнънна полная поддержка Сибирскаго правительства всъмъ населеніемъ.

Въ Уфѣ я на нѣсколько лѣтъ разстался со своимъ вѣрнымъ другомъ, — моя жена рѣшила ѣхать въ Саратовъ къ оставшимся тамъ дѣтямъ, чтобы попытаться ихъ вывезти ко мнѣ на востокъ. Надежнымъ путемъ была доставлена она въ Кинель, гдѣ проходилъ тогда отступавший чешско-учредиловский фронтъ, оттуда на лошадяхъ направилась въ Самару. Исчезла на долго въ кровавомъ туманѣ, которымъ соціалисты-большевики окутали

Русскую землю...

По прівадв въ Омскъ директоріи и разноцвітной толпы бъженцевъ, сразу обнаружилось течение массъ не въ ея пользу; съ другой стороны — директорія оказалась настолько несостоятельной, что почти никто съ нею не считался. Одинъ разъ, напримъръ, вечеромъ въ гостинницу «Европа», гдъ стояли члены директоріи, явились нісколько человінь изъ партизанскаго отряда Красильникова съ криками, что они пришли арестовывать директоровъ. Этотъ скандалъ удалось локализировать только самому Верховному Главнокомандующему генералу Болдыреву; но никакихъ мѣръ воздѣйствія, никакого наказанія виновныхъ, фактически, въ государственномъ преступленіи — директорія провести не могла. Власть была до того безсильна, что на вопросы генерала Болдырева къ нъкоторымъ паъ кадровыхъ офицеровъ: «какое мъсто Вы желаете занять», онъ получаль въ отвъть: «я не желаю вовсе служить зпъсь, съ эсъ-эрами». . .

Въ массахъ народныхъ къ директории относились совершенно безразлично, слои интелигентные неодобрительно, а армія на фронтъ буквально начинала ее ненавидъть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будетъ проливать кровь и жертвовать живнями, разъ нътъ въры и нътъ малъйшей очевидности, что новая миническая власть мо-

жетъ спасти и оздоровить Россію.

А признаки, подтверждавшіе этотъ печальный выводъ, все сгущались и увеличивались. Директорія была въ Омск'в бол'ве двухъ нед'вль и все еще не могла сговориться объ образованім общаго Россійскаго аппарата министерства. Д'влами продолжалъ управлять Сибирскій кабинетъ. причемъ одинъ изъ его

самыхъ энергичныхъ членовъ, Сибирскій Военный Министръ генералъ Ивановъ-Риновъ повхалъ въ Читу и на Дальній Востокъ, чтобы тамъ на мастахъ наладить формированіе арміи и даль снабженія ея нашими русскими запасами и присланными отъ союзниковъ.

Въ Омскъ шли долгіе переговоры, различныя персональныя перестановки въ проектъ состава кабинета. Но дъло не двигалось.

Въ концѣ сентября прівхаль въ Омскъ изъ Харбина адмираль Колчакъ въ качествѣ частнаго человѣка и даже въ штатскомъ платъѣ. Я былъ у него на третій день пріѣзда, и мы проговорили цѣлый вечеръ. Адмиралъ разсказывалъ мнѣ подробно своихъ поѣздкахъ въ Америку и Японію, о положеніи на Дальнемъ Востокѣ, о роли разныхъ союзниковъ-интервентовъ, причемъ смотрѣлъ онъ на все мрачными глазами. Онъ тогда, еще въ октябрѣ 1918 года, высказывалъ мысль, что союзники преслѣдуютъ какія-то скрытыя цѣли, что поэтому мало надежды на помощь съ ихъ стороны.

- «Знаете-ли, мое убъждение, что Россію можно спасти только русскими силами. Самое лучшее если бы они совсъмъ не прівзжали, въдь это какой то новый интернаціоналъ. Положимъ, очень ужъ бъдны мы стали, безъ иностраннаго снабжения не обойтись, ну а это, значитъ, попасть имъ въ зависимость.»
- «Я намъренъ пробраться въ Добровольческую армію и отдать свои силы въ распоряжение генераловъ Алексъева и Деникина,» закончилъ адмиралъ Колчакъ.

Около того же времени прибыль особымь повздомь, съ пулеметами и цёлой командой, одётой въ новенькую солдатскую форму съ сине-бёлыми погонами, членъ Комуча Роговскій. На вопросы, что означаеть такой прівздъ и каково назначеніе сине-бёлаго отрада, Роговскій даваль отвёть:

— «Я прибыль въ качествъ министра полици новаго кабинета, а отрядъ мой есть кадръ новой полици, которую я начну образовывать по всей территории.»

? ! !

Оказалось, что предсѣдатель директории Авксентьевъ далъ въ Уфѣ обязательство своей партии обезпечить портфель министра полиции для члена Комуча, которымъ и былъ намѣченъ Роговскій. Шито было слишкомъ бѣлыми нитками. Несомнѣнно, что если Роговскій образуетъ всюду свою полицію, партійную эсъ-эровскую, то фактически вся власть въ странѣ попадаетъ въ руки опять этой злосчастной партіи. На это никто не шелъ. Соглашеніе, почти достигнутое съ сибиряками, вновь разстроилось.

Въ тъ дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причемъ многіе говорили: вотъ подождите — пріъдетъ, Ноксъ... Какъ будто его пріъздъ, этого англійскаго генерала, могъ многое измънить, создать и дать опору. Я недоумъвалъ, искалъ объясненія и не могъ найти.

— «Погодите, вотъ прівдеть Ноксъ, — увидите,» отвічали

мнъ.

3.

Вскор'в генералъ Ноксъ прибылъ въ Омскъ въ особомъ довольно скромномъ по'взд'в въ сопровождении небольшой свиты. Ему сд'влали почти царскую встр'вчу, директорія въ полномъ состав'в была на вокзал'в, городъ и станцію разукрасили флагами, національными и новыми сибирскими, б'вло-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодыя Сибирскія

войска, одътыя въ шинели изъ мъшечнаго холста.

Въ этотъ день, проходя по мосту черезъ рѣчку Омь, я встрѣтилъ двухъ офицеровъ въ англійской формѣ. Одинъ изъ нихъ былъ полковникъ великобританскаго генеральнаго штаба Нильсонъ, мой хорошій внакомый по Могилевской Ставкѣ въ августѣ 1917 года, настоящій офицеръ; другой русскій полковникъ П. Родзянко, принятый на службу англичанами. Обрадовавшись другъ другу, обмѣнялись первыми фразами, — такъ много воды утекло съ памятныхъ намъ Корниловскихъ дней. Нильсонъ взялъ съ меня обѣщаніе придти къ нему на

чашку чая въ тотъ же день вечеромъ.

Надо сказать, что между офицерами всъхъ армій, настоящими офицерами, существуетъ особая связь, стирающая въ обычное время даже національныя грани. Не даромъ соціалисты называли офицерство враждебно-преврительно «кастой». Да, каста-корпорація, общество культивированной чести, самопожертвованія и даже подвига. Бевъ этого не можетъ существовать ни одна армія, а значитъ и ни одна страна. Этотъ духъ культивировался вѣками и представляетъ одно изъ самыхъ цѣнныхъ составныхъ человѣческой цивилизации. Духъ этотъ общій, присущій всѣмъ націямъ. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разныхъ армій, какъ бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями однихъ традицій. Очевидно оттого-то на русскихъ офицеровъ и направился первый и полный ненависти ударъ со стороны разрушителей старой міровой христіанской культуры, соціалистовъ.

Генералъ Ноксъ оказался очень общительнымъ человъкомъ, типичный англичанинъ, высокаго роста, съ моложавымъ не по лътамъ лицомъ, въ высшей степени smart, довольно хорошо говорилъ по русски. Отъ него я узналъ, что Англія готова помогать антибольшевицкимъ русскимъ арміямъ оружіємъ, патронами, всякимъ военнымъ снабженіемъ и обмундированіемъ на 200000 человѣкъ; кромѣ того посылаетъ въ Сибирь нѣсколько сотъ своихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ на помощь намъ, русскимъ офицерамъ. Для активной помощи направляется два батальона англійскихъ войскъ, Мидльсекскій и Хэмпширскій, и цѣлая дививія въ полномъ составѣ изъ Канады.

Прямо въ глазахъ зарябило отъ такихъ цифръ. Чисто великобританскій жестъ. В'ёдь это все об'ёщало д'ёйствительную помощь въ возстановленіи нашей Родины, Великой Россіи,

и давало намъ полную надежду.

Въ поъздъ генерала Нокса встрътилъ нашего русскаго генералъ-маюра Степанова, тоже стараго знакомаго еще въ Ставкъ въ дни совмъстной борьбы противъ развала арми комиссарами и комитетами Керенскаго. Генералъ Степановъ пріъхалъ съ Ноксомъ изъ Владивостока, подтвердилъ все, сказанное имъ, и отъ себя добавилъ много интереснаго о личности этого генерала, его исключительно дружественныхъ чувствахъ къ Россіи, о его планахъ, какъ лучше осуществить эту помощь намъ.

Въ это время съ фронта приходили тревожныя въсти. Съ одной стороны чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотятъ тать драться противъ нъмцевъ на французскій фронтъ; а съ другой стороны наша новая, молодая Русская армія, теперь объединенная номинально подъкомандованіемъ генерала Болдырева изъ частей Сибирской и народной армій, волновалась все больше и больше неопредъленностью въ Омскъ, медлительностью формированія правительственнаго аппарата. Раздавались оттуда уже открыто голоса о необходимости установленія единоличной военной власти, при которой эсъ-эры не могли бы снова дълать свои кровавые опыты надъ арміей и страной.

«Дайте намъ работать, не мѣшайте насъ въ политику»,

было общее желаніе офицерства.

Полковникъ Д. А. Лебедевъ объвхалъ фронтъ, побывалъ у генераловъ Дитерихса, Ханжина, Голицина и Гайды; всъ ему говорили о необходимости скоръйшей замъны директории единоличной военной властью. Но къмъ? Будь здъсь генералы Алексъевъ или Деникинъ, — тогда всъ сходились на нихъ...

Въ Омскъ образовался политическій центръ, въ который вошли всъ общественные и политическіе дъятели отъ народныхъ соціалистовъ и правъе. Этотъ политическій центръ пришелъ также къ выводу, что директорія не способна сдвинуть вовъ и довевти его до мъста, что необходимо ее замънить единоличной военной властью.

Дъйствительно, бъдная директорін была подобна классической курицъ, высидъвшей утять и бъгавшей безпомощно по берегу, когда ея птенцы плавали, ныряли и плескались на водномъ просторъ. Роды кабинета министровъ происходили очень мучительно. Наконецъ, сталъ помогать, засучивъ рукава, и генералъ Ноксъ, — подъйствовала его угрова, что работа по снабжению не будетъ начата, пока не установится власть.

Долго камнемъ преткновенія былъ самозванный министръ полиціи Роговскій со своимъ сине-бѣлымъ отрядомъ. Предсѣдатель директоріи Авксентьевъ выкручивался во всю; говорилъ, что онъ обязанъ былъ пойти на это назначеніе въ Уфѣ, иначе бы соглашеніе не состоялось, чехи ушли бы съ фронта.

 - «Да они и такъ уходятъ! А потомъ все равно они съ сентября уже не воюютъ и всю мъстность отъ Волги до Ураль-

скихъ горъ отдали большевикамъ, отвъчали ему.

Тогда Авксентьевъ попросту умолялъ согласиться на Роговскаго, объщая недъли черевъ двъ его «прогнать» и замънить другимъ, пріемлемымъ лицомъ. Долго спорили изъ за этого пункта. Наконецъ пришли къ соглашенію, Роговскаго не назначать; на этихъ условіяхъ кабинетъ сформировался, и А. В. Колчакъ вошелъ въ него, какъ военный и морской министръ.

На радостяхъ директорія устроила пышный банкеть, достали даже вина. Говорилось много рѣчей на всѣхъ языкахъ, раздавались призывы къ дружной, энергичной работѣ, трещали фразы о демократіяхъ всего міра; директора и общественность

на карачкахъ полвали передъ высокими иностранцами.

Соціалисты - революціонеры къ этому времени основали свои штабъ квартиры въ Уфѣ и Екатеринбургѣ. Въ первомъ городѣ они пробовали мутить среди нашей русской арміи, устраивая митинги и формируя русско-чешскіе батальоны «защиты учредительнаго собранія», а въ Екатеринбургѣ они близко объединились съ родственнымъ имъ по составу чешскимъ національнымъ комитетомъ и дѣйствовали здѣсь во всю, разлагая чехо-словацкіе полки.

Всв эсь-эры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, ихъ вождя и одного ивъ самыхъ вредныхъ двятелей, который шелъ всю революцію въ перегонки съ Керенскимъ; обладая безграничнымъ личнымъ честолюбіемъ, Черновъ не останавливался ни передъ чъмъ, чтобы перещеголять своего

конкурента и товарища по партін.

И вотъ въ серединъ октября, какъ разъ ко времени этого банкета, былъ выпущенъ въ Уфѣ «манифестъ» партіи соціалистовъ-революціонеровъ ко всему населенію Россіи, подписанный В. Черновымъ и его ближайними сотрудниками; въ этой
листовкъ повторялось въ сотый разъ, что «завоеванія рево-

люціи въ опасности», что «новое правительство и армія стали на путь контръ-революціи»; а потому все населеніе призывалось къ оружію и къ повсемѣстной партиванской войнѣ

противъ правительства и его арміи.

Неслыханная и небывалая подлость! Вёдь это самое правительство-директорія была избрана и составлена самими эсъ-эрами; они подписали на Уфимскомъ сов'ящаніи обязательство всячески ее поддерживать. Кром'я того предс'ядателемъ директоріи былъ ихъ же челов'якъ, членъ ихъ партіи Авксентьевъ, и два члена директоріи, Аргуновъ и Зенвиновъ, были тоже партійные эсъ-эры. Выходило, что или и они трое повинны въ этомъ предательскомъ возваніи, какъ члены партій, или предательство направлено и противъ нихъ. Эта прокламація-манифестъ широко распространилась и попала въ армію. Волненіе поднялось страшное. Требовали суда надъ преступниками.

Посыпались обращенія къ новымъ министрамъ, къ Авксентьеву, къ генералу Болдыреву; тѣ вовмущались !и говорили, что примутъ мѣры. Но ничего не дѣлалось, а Авксентьевъ на поставленный прямо вопросъ не могъ дать никакихъ объясненій; такъ и осталось невыясненнымъ, участвовалъ ли онъ въ этомъ вовзваніи, которое было на руку только большевикамъ. Впрочемъ о выходѣ своемъ ивъ партіи Авксентьевъ, Зенвиновъ и Аргуновъ не ваявляли, да и по сейчасъ состоятъ въ ней.

Кабинетъ министровъ присоединился къ мивню армии и политическаго центра о необходимости и своевременности замвны директоріи единоличной военной властью и обратился къ генералу Болдыреву, какъ Верховному Главнокомандующему съ предложеніемъ ваять полноту всей власти на себя. Болдыревъ соглашался съ мотивами и живненной необходимостью такой вамвны, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность.

А волненія въ арміи все равростались, увеличивалась и неув'вренность въ вавтрашнемъ дн'в, въ способности директоріи быть д'виствительной, твердой властью.

Въ концѣ октября мнѣ пришлось объѣхать большинство частей нашего фронта. Я ѣздилъ вмѣстѣ съ генераломъ Ноксомъ, будучи командированъ ставкой Верховнаго Главнокоман-

дующаго.

Чехи всюду были выведены съ фронта въ ближайшій тылъ. Русскія молодыя части стояли въ передовой линіи, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русскіе офицеры была выше силъ человіческихъ. Безъ правильнаго снабженія, не имізя достаточныхъ денежныхъ средствъ, при отсутствіи оборудованныхъ казармъ, обмундированія и обуви

приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать ихъ къ боевой работв и нести въ то же время караульную службу въ гарнизонахъ. Надо еще прибавить, что все это происходило въ мъстности и среди населенія, только что пережившаго бурную революцію и еще не перебродившаго; работа шла подъ непрекращающіеся вопли соціалистической пропаганды вродъ приведеннаго выше возванія Чернова.

Подъ вліяніемъ такой пропаганды въ сентябрѣ и октябрѣ было сдѣлано нѣсколько попытокъ возстаній среди воинскихъ частей тыловыхъ гарнизоновъ. Офицерамъ приходилось жить почти безвыходно въ казармахъ, чтобы предохранить людей отъ провокаторовъ и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россія представляла тогда бурлящій котелъ, не было ничего установившагося, настроенія массъ не опредѣлились и легко поддавались самымъ неожиданнымъ колебаніямъ. Жизнь тысячъ этихъ скромныхъ безвѣстныхъ русскихъ работниковъ, строевыхъ офицеровъ, была въ постоянной опасности.

Въ Челябинскъ видълъ смотръ и парадъ 41-го Уральскаго горныхъ стрълковъ полка. Послъ мъсяца работы полкъ представился, какъ настоящая воинская частъ; видна была спайка офицеровъ и солдатъ, хорошее знаніе строевого ученья, умънье нести боевую службу въ полъ. Но внъшній видъ былъ очень жалкій: болъе чъмъ у половины людей отсутствіе шинелей, и сапоги — одна сплошная заплата. Командиръ полка, молодецъ-полковникъ Круглевскій, настоящій заботливый командиръ, дълалъ все, что могъ, добывая снабженіе и у интендантства и у состоятельной части населенія.

— «Приходится», говорилъ онъ, — «прямо выпрашивать. Въдь у меня половина людей осталась въ казармахъ, не въ чемъ выйти. На нъсколько человъкъ одна пара сапогъ, по очереди ходятъ на ученье, въ столовую и на дворъ.»

Въ Челябинскъ же встрътился съ М. К. Дитерихсомъ, впервые съ осени 1917 года, когда онъ вернулся въ Ставку послъ неудачнаго похода на Петроградъ генерала Крымова. Работая вмъстъ съ Дитерихсомъ и подъ его начальствомъ съ 1915 года, я хорошо зналъ его раньше; и теперь прямо не узналъ: генералъ постарълъ, исхудалъ, осунулся, не было въ главахъ прежней чистой твердости и увъренности, а ко всему онъ былъ одътъ въ неуклюжую и невоенную чешскую форму, безъ погонъ, съ однимъ ремнемъ черезъ плечо и со щиткомъ на лъвомъ рукавъ. Онъ состоялъ начальникомъ штаба у командующаго чешскими войсками генерала Яна Сырового.

— «Много пережить приплось тяжелаго», скавалъ мив М. К. Дитерихсь, — «развалъ арміи, работа съ Керенскимъ,

убійство Духонина почти на моихъ главахъ. Пришлось скрываться отъ большевиковъ. Потомъ работа съ чехами»...

Мрачно и почти безнадежно смотрель генераль Дитерихсъ

на предстоящую виму.

— «Надо уходить за Иртышъ», было его мнѣніе, — «вы не можете одновременно формироваться и бить большевиковъ, да и снабженія нѣтъ, а англичане когда-то еще дадутъ. Чехи...» онъ махнулъ рукой, — «чехи воевать не будутъ, развалили ихъ совсѣмъ».

На слѣдующій день я быль на похоронахь доблестнаго солдата, чешскаго полковника Швеца. Онь воеваль на германскомь фронтѣ, затѣмъ подняль возстаніе противъ большевиковъ п сражался неутомимо съ ними. Полкъ его обожаль. Но разваль шель среди всѣхъ чеховъ и, когда коснулся полка Швеца, тотъ пробоваль бороться, сдержать массу, одинъ изъ всѣхъ продолжаль со своимъ полкомъ вести боевыя дѣйствія на фронтѣ. Но воть полкъ отказался выполнить боевую задачу, рѣшительно потребоваль увода въ тыль и образованія комитета. Полковникъ Швецъ собраль солдатъ, говориль съ ними, грозилъ, что онъ обращается къ нимъ въ послѣдній разъ, требуя полнаго подчиненія и выполненія боевого приказа. Полкъ не подчинился.

Тогда полковникъ Швецъ вернулся въ свой вагонъ и застрвлился. На похоронахъ его въ Челябинскъ собралась многотысячная толпа и было не мало искреннихъ слезъ. На могилъ этого героя политиканы, русскіе и чехи, говорили звонкія ръчи и лили крокодиловы слезы. . Можетъ быть, они и не сознавали тогда, что истинными убійцами этого честнаго солдата были они, виновники развала.

Много пришлось вид'ьть разных в людей и картинъ чехословацкаго воинства въ Сибири, но, чтобы не отвлекаться,

оставлю это для отдёльной главы.

Изъ Челябинска я провхаль вмвств съ генераломъ Ноксъ въ Екатеринбургъ, въ городъ, который сталъ для русскаго народа мвстомъ величайшей святыни и небывалаго повора. Еще сидя въ большевицкомъ заствикъ, лвтомъ 1918 года мы прочитали въ мвстныхъ «извъстіяхъ» офиціальное сообщеніе московскаго совдена объ убійствъ Государя; тамъ же была замвтка, въ которой комиссары лживо и лицемврно заявляли, что Царская Семья перевезена ими изъ Екатеринбурга въ другое, «безопасное» мвсто.

Больно ударила по душть эта ужасная, алая въсть всъхъ русскихъ офицеровъ и простыхъ казаковъ, — болъе ста человъкъ было насъ заключено въ городской тюрьмъ Астрахани. Какъ будто отняли послъднюю надежду и вмъстъ съ тъмъ надругались надъ самымъ близкимъ и дорогимъ, надругались

нивко, по ламски, какъ гады. Даже красноармейцы, державище въ тюрьмъ караулъ, и астраханскіе комиссары кавались въ тъ дни сконфуженными, — ни одинъ ивъ нихъ ни словомъ, ни намекомъ не обмолвился о влодъяни; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасомъ и поворомъ. . .

Генералъ Ноксъ имълъ неофиціальное порученіе отъ своего короля донести вовможно подробнъе объ Екатеринбургской

трагедіи.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ входили не только мы, русскіе, но и бывшіе съ нами англійскіе офицеры, въ Ипатьевскій домъ, въ которомъ Царская Семья томилась два послѣднихъ мѣсяца ваключенія, и гдѣ преступная рука посягнула на Ихъ священную жизнь.

Насъ сопровождалъ и давалъ подробныя объясненія чиновникъ судебнаго въдомства Сергьевъ, который и велъ въ то время слъдствіе по дълу Цареубійства. Изъ его словъ тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи съ 16 на 17 іюля.

Когда бълые впервые заняли Екатеринбургъ, всѣ цареубілцы и ихъ главные сообщники бъжали заблаговременно; кое-кого изъ мелкоты, — нъсколькихъ красноармейцевъ внъшней охраны, родственниковъ убійцъ и даже сестру чудовища Янкеля Юровскаго, удалось захватить и привлечь къ слъдствію съ первыхъ же дней; съ самаго начала все дъло было ввято въ свои руки группой строевыхъ офицеровъ и ими то были получены первыя нити, по которымъ установлено почти полностью преступленіе.

Весною 1919 года во главъ слъдствія были поставлены генералъ Дитерихсъ и слъдователь по особо важнымъ дъламъН. А. Соколовъ, которые съ помощью спеціальной экспедиции тщательно обслъдовали всю мъстность вокругъ города по радіусу въ нъсколько десятковъ верстъ. Общарили почти всъ шахты, собирали каждый признакъ, шли по самому малъйшему намеку, чтобы равсъять мракъ, нависшій надъ концомъ Царской Семьи. Мнъ пришлось быть еще два раза въ Екатеринбургъ и бесъдовать съ обоими; выводъ ихъ былъ тотъ же, который сообщилъ намъ осенью 1918 года Сергъевъ: въ ночь на 17 иоля новаго стиля Государь Императоръ Николай Александровичъ и Его Семья были звърски умерщвлены въ подвалъ Ипатьевскаго дома.

Кром'в Сергвева, тогда же довелось подробно говорить съ докторомъ Деревенько, л'вчившимъ Насл'вдника, съ протојереемъ Строевымъ, который былъ большевиками дважды допущенъ въ домъ ваключенія служить об'вдню, и еще съ рядомъ лицъ, жившихъ въ Екатеринбург'в.

Навсегда осталось въ памяти то общее ивъ ихъ равсказовъ, что свътитъ, какъ вънцы мучениковъ ивъ старо-русской Четьи-Минеи; каждый штрихъ, всякая подробность говорили о томъ величавомъ смиреніи, съ которымъ Царственные Узники переносили тяжелый крестъ страданій, всевозможныя лишенія и даже надругательства большевиковъ.

Всѣ осмотры и ознакомленія съ матеріалами слѣдствія за этотъ пріѣздъ въ Екатеринбургъ легли въ основу донесенія объ убіеніи Царской Семьи, посланнаго тогда же генераломъ

Ноксъ въ Лондонъ.

Домъ Екатеринбургскаго горнопромышленника Ипатьева небольшой особнякъ на площади противъ собора былъ окруженъ двумя стънами; вторую, сплошной деревянный заборъ, вышиною болъе сажени, большевики построили спеціально для того, чтобы еще болъе отдълить Высокихъ Заключенныхъ отъ

вившняго міра.

Караулы неслись самые строгіе, причемъ наружный, вокругъ дощатаго забора, былъ изъ красноармейцевъ, внутренній же состоялъ изъ чекистовъ-инородцевъ (іудеи и латыши) и нъсколькихъ человъкъ русскихъ, самыхъ отъявленныхъ мерзавцевъ, каторжанъ. При этомъ внутреннемъ караулъ имълись два пулемета, стоявше всегда наготовъ въ окнахъ верхняго этажа, чтобы отразить возможное нападеніе. Комиссары жили все время подъ опасеніемъ, что русскіе люди освободятъ своего

Царя изъ ихъ хищныхъ кровавыхъ рукъ.

Настроеніе народных в массъ Екатеринбурга, хотя и было придавлено терроромъ, но поднялось бы и смяло кучки святотатцевъ во глав съ Янкелемъ Юровскимъ, если бы только въ народъ проникли слухи о возможности того страшнаго конца, который эти выродки готовили Царской Семь в. Оттого-то комиссары не дов вряли красноармейцамъ внутренняго караула, по той же причин они постарались покрыть такой тайной свое влод вяне и затерять сл в ды его. Лишь черезъ н в сколько дней посл 17 юля 1918 года попол въ шепотомъ разскавъ о томъ, что неслыханное совершилось. Но наряду съ этимъ выросли тогда же легенды, будто Царская Семья вывезена изъ Екатеринбурга, что кто-то и гд в то вид в лъ Ихъ, про в жающими въ направлени на Пермь.

Записываю отрывочныя воспоминанія того, что запечатльнось тогда въ Екатеринбургь. Несомньно появятся подробные отчеты сльдствія, въроятно также, что люди, жившіе въ этомъ городь льто 1918 года, дадуть полную картину тьхъ тяжелыхъ недьль и страшныхъ дней. Здьсь умьстно отмьтить лишь, что съ первыхъ же часовъ ванятія бълыми Екатеринбурга были приложены всь усилія, чтобы не только открыть правду, какъ бы ужасна она ни была, но и собрать всь пред-

меты-реликвін, сохранившіеся отъ Царской Семьи; все собранное было потомъ опечатано и при описяхъ отправлено на анг-

лійскій крейсеръ «Кентъ».

За время правленія директоріи все это д'влалось по частному почину русскихъ людей, не встрічая не только сочувствія, а иной разъ такъ даже скрытое противодійствіє; но настроеніе офицерства, солдатъ и крестьянской массы было таково, что эти разрушители Государства Россійскаго не сміть открыто препятствовать.

Посл'є того, какъ эсъ-эровская директорія была зам'єнна единоличной властью адмирала А.В. Колчака, сл'єдствіе пошло въ порядк'є государственнаго д'єла. И только тогда чешскій генералъ Гайда принужденъ былъ сп'єшно вы єхать изъ Ипатьевскаго дома, который онъ занималъ для своего штаба.

Задача будущаго покольнія — открыть все полностью: и великій, единственный въ міровой исторіи, подвигъ мученичества нашего Государя и Его Семьи, и неслыханную мерзость Ихъ мучителей-убійцъ, и низость безвольнаго непротивленія тъхъ, кто могъ въ тъ дни противустоять убійцамъ. Все будетъ открыто. И не далекъ тотъ день, когда передъ обновленной Россіей развернется вся картина и встанутъ и засіяють обравы Царственныхъ Великомучениковъ.

Но многое еще придется пережить до того и нашей странъ,

и намъ, современникамъ.....

Въ Екатеринбургъ въ то время, въ октябръ 1918 года, были два энергичныхъ генерала, — русскій — В. В. Голицынъ, формировавшій 7-ю дивизію горныхъ стрълковъ Урала и чехъ Гайда. Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти безцвътные глаза съ твердымъ выраженіемъ крупной, хищной воли и двъ глубокихъ, упрямыхъ складки по сторонамъ большого рта. Форма русскаго генерала только безъ погонъ, снятыхъ въ угоду чешскимъ политиканамъ. Голосъ его тихій, размъренный, почти нъжный, но съ упрямыми нотками и съ легкимъ акцентомъ; короткія, отрывистыя фразы съ неправильными русскими оборотами.

Гайда проводилъ такую точку зрънія:

— «Русскій народъ совсвить не можеть имівть теперь, немедленно, парламентаризма. Я въ этомъ убівдился, пройдя всю Россію и Сибирь въ два конца. И отъ революцій всів устали, хотять только порядка. По моему мнівнію, Россіи нужна только монархія и хорошая демократическая конституція. Но теперь нельзя. Надо скоріве военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русскій генераль, который возьметь власть на себя».

Такъ говорилъ Гайда въ октябръ 1918 года въ вагонъ у генерала Нокса. Но и онъ былъ безсиленъ удержать свои

части на фронтъ и поневолъ требовалъ замъны ихъ дивизіей генерала Голицына.

На нашихъ главахъ эта смѣна и происходила. Русскіе полки и батальоны, которые пришлось видѣть на фронтѣ, поражали своей малочисленностью, скуднымъ снабженіемъ, плохимъ об-

мудированіемъ.

Непостижимо, какъ могли при тъхъ условіяхъ наши отряды и молодые полки не только держаться на фронтъ, но и вести наступленіе, очищать отъ большевиковъ огромныя пространства Сибири и Урала. А это было такъ, сама дъйствительность тому свидътельство. Горячая любовь къ Родинъ, выносливость русскаго человъка, да всеобщая ненависть къ большевикамъ дълали это дъло. А выносливость, прямо, единственная въ міръ! Легкія, вътромъ подбитыя шинели, рваные сапоги, отсутствіе бълья. Въ передовой линіи генералъ Голицынъ представилъ Ноксу одного молодого капитана, какъ наиболъе отличившагося и дважды раненаго. И у него не было второй нижней рубахи на перемъну. Никогда не забуду этой картины, какъ розовый, хорошо упитанный англійскій генералъ, одътый щеголемъ, похлопалъ по плечу этого героякапитана, съ худымъ, изможденнымъ лицомъ и впалыми глазами:

- «Ничего, ничего, мы Вамъ дадимъ бълья».

Какъ огнемъ, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза:

— «Покорно благодарю, мнѣ ничего отъ васъ не надо Вотъ солдатамъ, если привезли, дайте».

Полураздѣтую армію одѣть было необходимо.

— «Наши интенданты — красные», говорили генералы Голицынъ и Вержбицкій: «что отъ нихъ заберемъ въ бояхъ, то и имъемъ; съ тыла ничего еще не получали».

Духъ и внутренняя спайка среди этихъ частей были замѣчательныя. Офицеры и солдаты жили въ общихъ землянкахъ,
зачастую оберъ-офицеры стояли въ строю и въ бою, какъ
рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже вимы
неслась въ высшей степени добросовъстно, безъ отказа. Жила
среди всъхъ насъ большая въра въ справедливость своего дъла.
Между всъми было полное довъріе; никакихъ недомолвокъ,
недоговоренностей. Та отчужденность и подоврительность къ
своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши
политиканствующіе соціалисты въ 1917 году, исчезли совершенно и замънились нормальными отношеніями, чувствомъ взаимной дружбы, что, въдь, такъ естественно между сынами одного
народа, между офицеромъ и солдатомъ одной арміи.

Маленькій, весь сплошной нервъ, генералъ Вержбицкій, стоявшій со штабомъ у самыхъ передовыхъ частей наиболье опаснаго направленія, такъ говорилъ генералу Ноксу на во-

просъ его о снабжении и о нуждахъ:

— «А вотъ, Ваше Превосходительство, посмотрите сами. Одъты въ лапти и випуны. Винтовки? Есть и винтовки, — у красныхъ отняли. Патроны? Патроновъ мало. Ну, ничего добудемъ, добудемъ, Ваше Превосходительство ... Объщаете дать? Что-жъ, спасибо, большое спасибо. Не откажусь».

Онъ побарабанилъ нервно маленькой кръпкой рукой по

столу и послъ молчанія продолжаль:

 - «Это все герои, Ваше Превосходительство, они прошли отъ самаго Иркутска, очистили Сибирь и Уралъ. И дальше

пойдемъ. Надо весь Уралъ очистить.»

И онъ здѣсь же на картѣ развилъ основу стратегическаго плана; ясно и просто показалъ положение красныхъ и ихъ затруднения изъ-за малаго количества путей въ горахъ Урала,

одънилъ направления, силы

Всѣ генералы и офицеры жаловались на неустройствотыла, что политическія распри тамъ — отвываются тяжело на боевой арміи, что необходимо какъ можно скорѣе установить такую власть, которая могла бы наладить порядокъ въ тылу; всѣ они представляли себѣ и вѣрили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращени въ Омскъ я получилъ назначение во Владивостокъ, чтобы тамъ на Русскомъ Островъ собрать 500 офицеровъ и 1000 солдатъ и подготовить изъ нихъ кадръ для будущаго корпуса, причемъ генералъ Ноксъ объщалъ всевоз-

можную помощь этому дълу.

Въ Омскъ волнения и политичесний муравейникъ продолжали кипъть все больше. Черновское возввание оставалось безъ всякаго отвъта. Вслъдствие этого, были даже сдъланы попытки отдъльныхъ офицеровъ и воинскихъ частей арестовать его сообщниковъ, но, благодаря чехамъ и попустительству директории, Черновъ спасся и ускользнулъ съ другими эсъзрами... прямо въ совътскую Россію, къ большевикамъ.

Политичесній центръ на своихъ васѣданіяхъ, даже малои скрываясь, пришелъ къ рѣшенію, что необходимъ переворотъв врученіе всей власти одному лицу — адмиралу Колчаку.

Вмъстъ съ генераломъ Степановымъ и Ноксомъ 2 ноября

я выбхаль во Владивостокъ.

4.

При провадв по желваной дорогв, — а вхали мы съ остановками въ некоторыхъ городахъ, — совдавалось такое впечатление, будто вдешь не по одной странв, а попадаешь изъ одного удельнаго княжества въ другое. Центральной власти, какого-либо объединения и единаго управления на общее государственное благо, на общее дъло не было. Мъстная власть дъйствовала всюду на свой образецъ, преслъдуя только тъвадачи, которыя ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всемъ. Всего хуже было то, что даже тв вапасы, которые имълись въ обширной Сибири, не могли распредъляться правильно между ея частями; каждый думалътолько о своемъ разонъ, какъ бы обезпечить его нужды. То же явление наблюдалось и въ отношензи армзи.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробление на удѣлы, свернуло съ твоего историческаго пути и ввергло на нѣсколько столѣтій въ темное татарское иго. Много страданій пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто-русской, славянской культуры. Только живой инстинктъ народа, соединивъ его вокругъ Московскаго Великаго Князя, спасъ Россію, воскресилъ страну; она окрѣпла и вѣками сумѣла образовать Великое Государство Россійское. Не для того же, чтобы снова распасться на отдѣльные удѣлы и ввергнуться въ гибельное состояніе расчлененія, подпасть подъ иноземную власть, новое иго, горше татарскаго.

Въ Иркутскъ былъ губернаторомъ (или, какъ тогда еще называли, губернскимъ комиссаромъ) Яковлевъ, партійный эсъаръ, ведшій очень ловко свои дъла, но личность очень темная, по отзывамъ мъстныхъ людей. Меня посътилъ старый боевой другъ, полковникъ Лабунцовъ, раненый въ одномъ бою со мною, подъ Люблиномъ, и братъ по Георгіевскому кресту. Онъ развернулъ ужасную картину того, что творилось во всей округъ; Яковлевъ положительно развращалъ народъ и молодые войска, всячески затрудняя ихъ работу; онъ не отводилъ казармъ и квартиръ, умышленно тормозилъ дъло снабженія. Населеніе здъсь волновалось, мъстами вспыхивали возстанія, которыя раздувались всячески изподтишка губернской властью.

Въ то же время про Читу и управление атамана Семенова шли самые лучшие разсказы изъ разныхъ источниковъ; то, что мы увидали, въ въ забайкалье, подтверждало эти разсказы. На станцияхъ порядокъ, правильное движение по вздовъ, удовлетворение нуждъ вс вхъ слоевъ населения. Городъ Читу про вхали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наобороть, съ пъной у рта доказывали, что въ Читъ творились безобразія; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова съ японцами. Средняго мнънія не было, — или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактовъ; съ самаго начала здъсь плелась интрига и провокація. Мнъ лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только въ февралъ 1920 года, уже тогда, когда я съ арміей пробился черезъ всю Сибирь въ

Забайкалье. Объ этомъ я буду подробно писать въ одной ивъ

последующихъ главъ.

А вдъсь сдълаю нъкоторое отступление, чтобы была яснъе связь некоторыхъ дальнейшихъ событій. Еще, когда я быль въ большевицкой тюрьмъ въ Астрахани, всъ мы, читая коммунистическія газеты, встръчали чаще всъхъ имена Корнилова, Путова и есаула Семенова. Невыразимая влоба и самая отборная ругань сопровождала каждое упоминание ихъ на столбцахъ совдепской прессы. Для насъ же, заключенныхъ и обреченныхъ на смерть русскихъ офицеровъ, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освъщали мракъ большевицкаго ужаса, окутавшій всю Россію. Они поддерживали въ насъ надежду на возрождение Родины. Атаманъ Семеновъ началъ есауломъ, по своему почину, за свой рискъ и страхъ, борьбу противъ разрушителей-большевиковъ, и велъ онъ эту борьбу неослабно, не выпуская изъ рукъ оружія. Онъ оказывалъ поддержку всемъ остальнымъ антибольшевицкимъ борцамъ, шелъ съ ними на соединение. Но, понятно, передавать дъло эсъ-эрамъ или другимъ бевсильнымъ людямъ для новаго опыта и провала — атаманъ Семеновъ не хотълъ и не могъ. Поэтому онъ, хотя и призналъ номинально директорію, но твердо держалъ власть въ своихъ рукахъ.

Въ Харбинъ и полосъ отчуждения Восточно-Китайской желъвной дороги управлялъ генералъ Хорватъ, старый и опытный администраторъ, знавшій отлично мъстныя условія и весь край, пользовавшійся большимъ авторитетомъ даже среди китайцевъ. Онъ призналъ директорію, но, понятно, продолжалъ вполнъ самостоятельно управлять Дальнимъ Востокомъ.

Грустно было видъть русское положение въ Харбинъ мнъ, бывшему здъсь въ послъдний разъ въ 1905 году, передъ заключениемъ Портсмутскаго мира. Городъ шумълъ теперь праздной, хорошо одътой и сытой толпой; сюда стеклось, кромъ невольныхъ бъженцевъ отъ большевиковъ, масса спекулянтовъ и укрывавшихся отъ воинской повинности; преобладали горбатые носы и говоръ съ Бердичевскимъ акцентомъ. Китайцы, прежние «ходи», смотръли и держали себя вызывающе, выказывая какъ-бы свое превосходство надъ нами въ нашемъ несчастии.

Владивостокъ — жемчужина Россіи. Какъ говорилъ генералъ Ноксъ, это самый красивый и живописный городъ въ міръ по своему расположенію, только неблагоустроенный и грязный.

— «Если бы онъ попалъ въ хорошія руки».... добавиль онъ.

Упаси Господи! Будутъ и русскія руки хорошими, будутъ еще, можетъ быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской вемли, — во всякомъ случать.

Владивостокъ представлялъ изъ себя какой-то хаосъ, еще не установившийся послѣ свержения тамъ большевиковъ; безпорядокъ и неустройство здѣсь были самые больше изъ всѣхъ мѣстъ. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Былъ губернаторъ Циммерманъ, былъ комендантъ крѣпости полковникъ Бутенко, но оба оказывались безсильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными другъ другу злементами, что на-

хлынули сюда.

Йъло было такъ. Большевиковъ выгнали изъ Владивостока чехи подъ командой генерала Дитерихса при помощи и поддержив японскихъ частей; на помощь къ чехамъ направлялся и отрядъ русскихъ офицеровъ, но чехи ихъ не приняли и даже требовали разоруженія. Тотчась же вслідь за сверженіемь совътской власти во Владивостокъ образовалось съ одной стороны правительство эсъ-эровъ, еврея Дербера и земское, а съ другой стороны междусоюзническій совъть изъ неполномочныхъ и случайныхъ иностранныхъ офицеровъ, оказавшихся въ Владивостокъ; миссіи тогда еще не прибывали. Когда русскій отрядъ полковника Бурлина все же пришелъ во Владивостокъ, прівхаль также сюда генераль Хорвать, чтобы объединить власть во всемъ крат Дальняго Востока, то этотъ случайный «союзнический» совъть по настоянию эсь-эровъ потребоваль разоруженія отряда Бурлина. На русской землѣ разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь изъ офицеровъ! И этотъ позорный актъ совершился. И совершили его именемъ союзниковъ Россіи, опираясь на ихъ авторитетъ и силу. Когда черезъ нъсколько недъль начали прибывать настоящие представители союзниковъ, то дело решили поправить и оружіе вернули.

Самозванное правительство Дербера, не опиравшееся ни на одинъ слой населенія, пало само собою, безболѣзненно. Во главѣ управленія Дальнымъ Востокомъ сталъ генералъ Хорватъ, который и переѣхалъ изъ Харбина во Владивостокъ. Сюда же былъ назначенъ ставкой генералъ Ю. Д. Романовскій, какъ представитель центральной власти при иностранныхъ союзническихъ миссіяхъ. Здѣсь же находился въ это время и генералъ Ивановъ-Риновъ, который по сформированіи въ Омскѣ новаго кабинета пересталъ быть военнымъ министромъ, оставаясь номинально командующимъ Сибирской арміей.

Во Владивостокъ прибывали, да прибывали союзники. Здѣсь были воинскія части японцевъ, высадились англійскіе Мидльсекскій, а затѣмъ и Хемпширскій батальоны, канадскія войска и американцы. Былъ образованъ международный совѣтъ, причемъ главное командованіе союзными войсками и

предсвдательствование на этомъ совъть было номинально вручено, какъ старвишему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по своему, мало считаясь не только съ русскими людьми, но и съ русскими интересами.

Больныя и обидныя воспоминанія! Какъ разъ въ пути между Читой и Манчжуріей было получено извъстіе о заключеніи перемирія на французскомъ фронтъ между союзниками и центральными имперіями, о революціи въ Германіи, о бъгствъ Кайзера и т. д.

Долгожданная побъда была достигнута; четыре года страданій и великихъ жертвъ принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая такъ обильно на поляхъ всего свъта, служила вмъстъ съ другими тъмъ фундаментомъ, на которомъ теперь должны были утвердиться миръ, право и справедливость. Въдь изъ-за нихъ воевало человъчество?...

Англійскіе офицеры шумно радовались побѣдѣ. Они выражали съ чисто офицерской искренностью мнѣніе, что безъ Россіи и ея жертвъ никогда бы имъ не получить этой побѣды. Да, върно, истина. Но изъ-за этихъ то великихъ жертвъ и изъ-за медлительности, изъ-за затяжки войны, изъ-за того, что отъ Россіи потребовали слишкомъ большого напряженія, наша страна не выдержала и впала въ такое несчастье, въ степень гибельнаго разоренія. А понятно, если бы Россін не вступила въ войну, или, вступивъ, не жертвовала такъ беззавѣтно, то Антантѣ никогда не выиграть бы войны.

Какъ теперь отнесутся къ намъ бывше союзники? Во что теперь выльется ихъ призывъ къ Русскому народу? Вотъ вопросы, которые вставали передъ нами. Понятно, все, что объщалось, будетъ, выполнено; несомнънно, останутся прежнія отношенія къ вамъ, какъ къ нашимъ близкимъ союзникамъ, — такъ отвъчали англичане.

Но то, что пришлось видъть съ первыхъ шаговъ во Владивостокъ, било не по самолюбію даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранецъ чувствоваль себя господиномъ, бариномъ, третируя русскихъ, проявляя страшное высокомъріе. Было впечатльніе, что теперь, когда долгая война окончилась, имъ совсьмъ не до насъ; что они дълаютъ величайшее одолженіе, прівхавъ сюда, оставаясь здъсь.

Надо отдать справедливость, что лучше всёхъ относились японцы; ихъ офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную норректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское понимание нашего несчасти и временнаго характера его. Хуже всёхъ было отношение домашнихъ, такъ сказать, интервентовъ, войскъ сформированныхъ изъ нашихъ бывшихъ военнопленныхъ.

Лучшія зданія въ город'є, вс'є вагоны, м'єста въ по'євдахъ отдавались иностранцамъ; наши соотечественники какъ бы согнули спину и тащили на себ'є ихъ, ожидая спасенія. В'єдь 'была об'єдана помощь, призывали къ совм'єстной войн'є съ н'ємцами и большевиками. Н'ємцы выбыли изъ строя враговъ, въ Версал'є собралась мирная конференція, но другой-то врагъ, большевики, остались. И русскіе люди ждали отъ интервентовъ по-

мощи, върили въ нее.

Въ первой половинъ ноября прибылъ во Владивостокъ со своимъ штабомъ французскій генералъ Жанэнъ. Ступилъ онъ на русскую землю, привътствуемый, какъ избавитель, какъ заранъе признанный герой. На привътственныя ръчи Жанэнъ отвъчалъ опредъленно и довольно ясно, объщая поддержку, самую активную, выражая въру въ успъхъ общаго дъла. Сюда же прибылъ французскій батальонъ, что-то около взвода ихъ колоніальныхъ цвътныхъ войскъ, да одна батарея. И вслъдъ за англійскими батальонами французы двинулись по желъзной

дорогь на западъ, къ нашимъ боевымъ линіямъ.

Когда генералъ Ноксъ объъзжалъ фронтъ, его повсюду встръчали не только дружественно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестръ игралъ англійскій гимнъ, предоставлялось все лучшее, что только было у самихъ. На его слова о помощи, заранъе благодарили, почти вездъ просили прислать хоть взводъ англійскихъ солдатъ, — необходимо было показать нашимъ солдатамъ и офицерамъ, что давнія объщанія союзниковъ о помощи не одни слова. Атаманъ Дутовъ въ тяжелые дни Оренбурга прислалъ телеграмму ему въ Омскъ: дайте мнъ одну роту французскихъ или англійскихъ войскъ, и и отстою Оренбургъ, а то казаки уже не върятъ словамъ о помощи союзниковъ.

Въ отвътъ мы слышали, что помощь будетъ, но не сейчасъ, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще въпути. Мы ждали и върили.

5.

Въ это время въ Омскъ разыгрывались центральныя событія, имъвшія важное значеніе на весь дальнъйшій ходъ борьбы. Адмиралъ Колчакъ, какъ военный министръ, объъхалъ фронтъ, посътилъ войсковыхъ начальниковъ и убъдился, что организація арміи и ея снабженіе поставлены въ условія совершенно неудовлетворительныя; не было ни общаго плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующемъ порядкъ наладить интенданство. Кромъ этого А. В. Колчакъ получилъ уже лично теперь завъренія отъ войсковыхъ начальниковъ, что дальше такъ идти не должно, что армія можетъ сама сдълать переворотъ, а это было бы гибельнымъ для фронта; что въ директорію совершенно никто не въритъ, ждутъ замъны ея единой властью и хотвли бы видъть ее въ лицъ адмирала.

Вследъ за темъ вывхалъ на фронтъ Верховный Главнокомандующій, членъ директоріи генералъ Болдыревъ; и они разминулись, - генералъ Болдыревъ вхалъ въ Уфу, а адмиралъ Колчакъ возвращался изъ Екатеринбурга въ Омскъ.

А въ новой столицъ въ то же время шли совъщанія кабинета министровъ, на которыхъ рѣшалось, какъ слѣдуетъ произвести сміну директоріи; о томъ, что ее надо смінить, вопросъ быль уже решень, такъ какъ выяснилась не только совершенная безполезность и безсильность этой власти, но и ея чрезмърный склонъ на сторону соціалистовъ-революціонеровъ, т. е. той партіи, которая ей же объявила войну и призвала къ ней население. Исно было, что при оставлении у власти директории произойдеть варывь; вспыхнуть возстанія, которыя не только погубять начатое успъшно Сибирскимъ правительствомъ дъло, но ввергнутъ страну въ состояние анархии и еще худшаго большевицкаго разгула, чемъ было до лета 1919 года.

Совътъ министровъ пришелъ къ ръшению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему. Это было вечеромъ 17 ноября, а въ ночь на 18 ноября полковники Сибирскаго казачьяго войска Волковъ и Катанаевъ со своими казаками окружили квартиры председателя и членовъ директоріи и арестовали ихъ. Такъ что, когда совътъ министровъ пришелъ къ адмиралу Колчаку объявить о своемъ ръшении и просить взять на себя тяжкое время высшей власти, — директоріи фактически не существовало; она вся была арестована, а гене-

ралъ Болдыревъ находился въ Уфъ.

Мив извъстно совершенно достовърно, что адмиралъ А. В. Колчакъ не только самъ не добивался власти, но и уклонялся отъ нея. Личность Верховнаго Правителя вырисовывается исключительно свътлой, рыцарски-чистой и прямой; это быль крупный русскій патріотъ, человъкъ большого ума и образованія, ученый путешественникъ и выдающійся морякъ-флотоводецъ. Александръ Васильевичъ Колчакъ, какъ человъкъ, отличался большой добротой, мягкимъ и даже чувствительнымъ сердцемъ; его волевой характеръ, надломленный революціей, быль очень вспыльчивъ. Настроенія быстро мінялись подъ давленіемъ незначительныхъ событій и первыхъ пав'ьстін, амплитуда колебаній отъ полной надежды до упадка ея проходила легко и быстро. Въ дни подъема настроенія вліяніе его на людей было почти неограничено; примой глубоко проникающій взглядъ горящихъ глазъ уміть подчинить себіт волю другихъ, какъ бы гипнотизируя ихъ силою многогранной души. Адмиралъ принялъ на себя тяжесть власти, какъ подвигъ, руководимый чувствомъ самопожертвованія во имя чести и спасенія Родины; и все дальнъйшее его служеніе, до конца было проникнуто сильной любовью къ Россіи и высоко развитымъ совнаніемъ долга.

18 Ноября 1918 года адмиралъ Колчакъ былъ поставленъ передъ совершившимся фактомъ. Онъ подчинился ему и принялъ на себя всю полноту Верховной власти.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій, Адмираль Александрь Васильевичь Колчакъ.

Послѣдовалъ чисто-комическій конецъ директорім. Арестованные Авксентьевъ, Зензиновъ, Аргуновъ и Роговскій провели тревожную, полную безпокойства ночь. Когда ихъ на утро посѣтили прокуроръ и слѣдователь, чтобы начать дѣло противъ офицеровъ, арестовавшихъ ихъ, то бывшіе директоры предстали блѣдные и дрожащіе, прося спасти ихъ жизнь. Имъ было заявлено, что имъ нечего бояться, что, офицерамъ, произведшимъ арестъ грозитъ военно-полевой судъ. На вопросъ прокурора, что хотѣли бы директоры, — они заявили:

— «Отправьте насъ поскоръе въ безопасное мъсто». А пока не отправятъ, просили держать ихъ подъ арестомъ и подъ стражей, такъ какъ «иначе ихъ можетъ убить толпа». Вотъ какъ върили эти правители въ народъ, во главъ котораго имъли наглость встать.

Всъмъ имъ выдали деньги въ иностранной валютъ для поъздки заграницу и на жизнь тамъ и отправили. Генералъ Болдыревъ проъхалъ прямо во Владивостокъ, а оттуда въ Японію; остальные не рискнули ъхать черезъ Сибирь, а пробрались какимъ-то кружнымъ путемъ черезъ Китай Всъ они дали честное слово жить за границей тихо и въ политическую жизнь Россіи не вмъшиваться. Но это слово оказалось «клочкомъ бумаги».

Почти съ перваго дня появленія за границей всѣ они начали свою дѣятельность, мутя еще больше ту международную тину, что съ первыхъ дней революціи совдалась около имени Россія.

Полковники Волковъ и Катанаевъ были преданы военнополевому суду, который вынесъ имъ оправдательный приговоръ, принявъ во вниманіе то, что настоящими государственными преступниками были директоры, — такъ какъ выяснилась ихъ связь съ большевицскими организаціями, — и что офицеры дъйствовали исключительно въ интересахъ страны и народа. Около зданія суда весь день стояла густая толпа, привътствовавшая оправданныхъ офицеровъ радостными криками и устроившая имъ овацію.

Верховный Правитель въ первый же день вступленія на свой пость издаль указъ къ войскамъ и населенію, разъяснявшій обстоятельства и самый порядокъ врученія ему власти. Были посланы извъщенія о томъ же всъмъ союзнымъ представителямъ. Затъмъ послъдовалъ короткій и точный приказъ, запрещавшій какую-либо пропаганду среди войскъ и населенія, призывавшій всъхъ къ работъ, самой горячей и дружной, для возрожденія Родины; съ перваго же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось и твердая, которая поведетъ армію именно на спасеніе Русскаго народа и его правъ, а не для пресловутыхъ и ложныхъ завоеваній революціи.

Затъмъ была опубликована декларація, основъ которой покойный А. В. Колчакъ держался до самаго конца; сущность была въ томъ, что онъ беретъ на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевицкую тиранію, возстановить право народа и его свободу, дать порядокъ и возможность каждому заниматься его трудомъ. Послъ этого имъ было объщано передать въ Москвъ всю власть вновь избранному народомъ Національному учредительному собранію.

Какъ равъ на другой день послѣ переворота я пріѣхалъ въ первый равъ съ Русскаго Острова во Владивостокъ, утромъ зашелъ въ штабъ крѣпости и тамъ узналъ объ этихъ событіяхъ изъ полученнаго по телеграфу указа. На верху, надъ штабомъ помѣщалась британская военная миссія. Я заглянулъ къ генералу Ноксу, который встрѣтилъ меня очень взволнованный и сказалъ, что теперь будетъ плохо, что союзники могутъ даже прекратить помощь.

Пришлось долго докавывать и убѣждать въ естественной послѣдовательности этихъ событій, въ ихъ неизбѣжности, что объ этомъ въ сущности было извѣстно въ Омскѣ еще до нашего отъѣзда, напомнить ему поѣздку на фронтъ, всѣ встрѣчи тамъ, даже слова чешскаго генерала Гайды; объяснить, что директорія фактически не могла остаться, такъ какъ тогда разва-

лилась бы армія.

пальцемъ не двинули.

Генералъ Ноксъ объщалъ поддержку и сейчасъ же поъхалъ къ Жанъну. Что они говорили и какое было сначала отношеніе союзниковъ къ совершившемуся перевороту, мит неизвъстно. Но безъ сомития, не такое трагическое, какъ представлялось съ перваго раза главъ британской военной миссіи. Даже чехи, по спинамъ которыхъ взгромоздилась на высокое мъсто директорія, даже и они только частично поволновались, но и

Черевъ нѣсколько дней послѣ ареста директоріи, была сдѣлана ивъ Куломзино, рабочаго предмѣстья Омска, попытка произвести вовстаніе, организованное и подготовленное эсъ - эрами. Бунтовщикамъ удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступниковъ, надѣясь съ ихъ помощью развить дѣйствія; но съ этимъ легко и быстро справились, возстаніе ликвидировали. Характерно и показательно, что англійскій батальонъ, стоявшій въ Омскѣ, пришелъ въ эту ночь, чтобы охранять адми-

рала Колчака, къ его дому.

Черновское наслѣдіе въ Уфѣ и оставшеся тамъ еще коекто изъ членовъ учредительнаго собранія выпустили отъ себя манифестъ, снова призывая народъ и армію къ возстанію, пробовали опереться на чеховъ и поднять русскія части, но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила нѣсколько непріятныхъ дней. Пришлось посылать спеціальный отрядъ изъ Челябинска въ Уфу, такъ какъ чешскіе начальники не позволяли арестовывать бунтовщиковъ. И большинство ихъ ускольвнуло за линію фронта на соединеніе съ большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомнъвающийся въ томъ, что руководило съ самаго начала и руководитъ дъйствіями соціалистическихъ партій и ихъ работниковъ. Имъ важна не Россія и не Русскій народъ, они рвались и рвутся только къвласти, одни, — болье чисто убъжденные, фанатики, чтобы про-

водить въ жизнь свои книжныя теоріи, другіе смотрять болве практически, и имъ важна власть, чтобы быть на верху, имъть лучшее мъсто на жизненномъ пиру. Борьбу между собою соціалисты большевики и эсъ-эры подняли исключительно изъ этихъ побуждающихъ мотивовъ, до Россіи и народа имъ попрежнему дъла было меньше всего. И вотъ, когда они увидали, что въ этой борьбъ власть попадаетъ къ самому народу, къ наиболъе активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счеты, и эсъ-эры пошли помогать большевикамъ.

Русская армія была не только на сторон'в новой власти, она долга ждала ее, желала и, такъ сказать, сама она вызвала эту власть къ жизни. Страна всюду и сраву подчинилась ей.

Генералъ Хорватъ, бывшій во главѣ всего края Дальняго Востока, послалъ отъ себя телеграмму въ день переворота, что онъ признаетъ законность его: всецѣло подчиняется Верховному Правителю. Генералъ Ивановъ-Риновъ, какъ командующій Сибирской арміей и атаманъ Сибирскаго казачьяго войска, телеграфировалъ всѣмъ высшимъ войсковымъ начальникамъ и атаманамъ, что въ дни напряжещя народной воли и силы къ освобожденію Родины отъ предателей-большевиковъ необходима немедленная и полная поддержка Верховнаго Правителя въ тяжеломъ дѣлѣ, принятомъ имъ на себя.

Цѣлый рядъ общественныхъ организацій, городскихъ учрежденій, многіе сельскіе сходы присылали въ Омскъ телеграммы съ выраженіемъ своей радости въ перемѣнѣ и увѣренности въ успѣхѣ дѣла, всѣ, предлагали Верховному Правителю свою готовность поддержать его въ русскомъ національномъ дѣлѣ; вскорѣ послѣдовали многочисленные адреса и депутаціи отъ крестьянъ, рабочихъ, желѣзнодорожниковъ съ выраженіемъ тѣхъ же чувствъ къ новой власти.

Молча примирились съ переворотомъ и союзныя миссін, а черевъ нихъ и правительства Антанты. Признанія своего они въ эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, въ теченіи цѣлаго года. Фактъ съ этимъ «признаніемъ» — необяснимая, на первый взглядъ, и во всякомъ случаѣ странная сторона отношенія нашихъ бывшихъ союзниковъ къ Русско-

му дълу, а слъдовательно и къ Русскому народу.

Оказывалась самая дъйствительная матеріальная помощь, т. е. присылались въ нашу армію орудія, винтовки, боевые припасы, обмундированіе, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были вдъсь и иностранныя войска, все же какъ-никакъ помогавше намъ, — они несли охрану желъвной дороги. Выходило, что союзники не только признаютъ, но и помогаютъ

новому Русскому правительству, какъ своему союзнику. А вотъ самое слово «признаніе» громко, прямо и открыто не произносилось. При этомъ надо замѣтить, что актъ этого офиціальнаго признанія висѣлъ все время въ воздухѣ, какъ призракъ, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Онъ, какъ болотный блуждающій огонь, дразнилъ и манилъ къ себѣ. Естественно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгоралось желаніе Омскаго правительства быть признаннымъ; подъ конецъ это сдѣлалось чуть-ли не главнымъ, руководящимъ стимуломъ его. усилій и дѣйствій.

Много зла принесла такая двойственная неопредъленная политика уже тъмъ однимъ, что иностранцы использовали ее для своихъ цълей, чуждыхъ русскому національному дълу; не разъ получались отъ союзныхъ миссій такія заявленія: сдълайте то и то, такъ какъ наше правительство находитъ это необходимымъ для признанія. Такъ было не разъ съ выпускомъ «либеральныхъ, демократическихъ» декларацій; хотя и не столь ясно, но такое в давленіе было при избраніи неправильнаго операціоннаго направленія для главнаго удара на Пермь, Вятку, Котласъ.

Но какъ бы то ни было союзники фактически, неофиціально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русскіе армія и народъ подчинились повсемъстно, кромъ Читы и стоявшаго во главъ ея атамана Семенова. Этотъ эпизодъ надо разсказать нъсколько подробнъе, чтобы понять самое возникновение его, подкладку этого непризнанія и неподчиненія.

6.

Къ тому, что сказано было объ атаманѣ Семеновѣ, слѣдуетъ добавить, что между нимъ и адмираломъ Колчакомъ были недоразумѣнія еще въ ту пору, когда адмиралъ былъ въ Харбинѣ, передъ пріѣздомъ въ Омскъ, лѣтомъ 1918 года. Эти недоразумѣнія возникли изъ за того, что адмиралъ потребовалъ тогда подчиненія себѣ Манджурскаго отряда атамана Семенова, отряда, который былъ имъ сформированъ совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецѣло преданные атаману и вѣривше въ него. Послѣдовалъ отказъ, въ отвѣтъ на что получилась угрова не давать въ будущемъ отряду никакихъ снабженій. Затѣмъ, на одной изъ станцій, гдѣ одновременно оказались поѣзда адмирала и атамана, адъютантъ послѣдняго напуталъ и не доложилъ ему; въ результатѣ вышла неловкость и обида въ томъ, что атаманъ не явился къ адмиралу.

Теперь послъ переворота 18 ноября 1918 года въ Омскъ были получены свъдънія о томъ, что атаманъ Семеновъ не собирается признать адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя и Главнокомандующаго. Не знаю, какія были основания для такого заключения, но мит извъстно слъдующее: атаманъ Семеновъ не получилъ ключа къ шифру между директоріей, ея ставкой и Владивостокомъ. Когда произошелъ въ Омскъ переворотъ, Чита не могла расшифровать телеграммъ, видъла въ то же время, что между Владивостокомъ и Омскомъ идеть усиленный обмънъ ихъ. Наконецъ атаманъ Семеновъ получилъ короткую телеграмму безъ шифра, что директорія смъщена и власть единолично перешла въ руки адмирала Колчака. Атаманъ Семеновъ запросилъ тогда подробности переворота, а также, кто именно вручилъ адмиралу власть. Но въ то же время, какъ мив разсказывалъ поздиве самъ атаманъ Семеновъ, дожидаясь отвъта, онъ приказалъ заготовить и подписаль телеграмму о признании власти адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя. Но въ Омскъ поспъшили и сдълали очень большую оплошность; атаманъ Семеновъ, не имъя отвъта на свой запросъ и не успъвъ отправить своей телеграммы о признаніи, получиль по телеграфу же знаменитый и такъ нашумѣвшій приказъ № 61. Этоть приказъ гласиль, что атаманъ Семеновъ — единственный отказался признать Верховнаго Правителя, не подчинился ему и поэтому отръщается отъ всѣхъ должностей, какъ «измѣнникъ Родинѣ».

Пусть каждый поставить себя на мѣсто атамана Семенова и отвѣтить себѣ, что онъ испыталь бы при подобныхъ обстоятельствахъ. Офицеръ, который съ первыхъ дней большевизма началь противъ него борьбу и создаль большой отрядъ изъничего, затѣмъ очистилъ цѣлую область отъ красноармейскихъ бандъ, установилъ порядокъ, началъ раньше всѣхъдругихъ получать поддержу отъ союзниковъ, — такой офицеръ объявляется измѣнникомъ. И главное въ тотъ часъ, когда онъ готовъ все, сдѣланное имъ, принести, какъ составнуючасть цѣлаго Русскаго, и подчинить только-что появившейся

власти

Послѣ прикава № 61 атаманъ Семеновъ отмѣнилъ телеграмму о признании и вмѣсто нея послалъ другую, что онъготовъ былъ подчиниться, но теперь этого не сдѣлаетъ, такъкакъ считаетъ себя, своихъ помощниковъ и свой отрядъ незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Дѣйствительноофицеры и казаки всѣхъ частей Забайкалья были сильно возмущены приказомъ № 61 и волновались.

Загорѣлся костеръ чисто русской вражды и дѣленія на двалагеря. Больше русскіе патріоты, единомышленники по убѣжденіямъ и дѣйствіямъ, разошлись и заняли непримиримую

повицію. А туть нашлось немало досужихь людей, готовыхь подкидывать дрова въ огонь. Полетвли доносы о задержанныхь яко-бы Читой повздахь съ военнымь снаряжениемь и боевыми припасами для армии, о случаяхь самоуправства. Люди, которымь было выгодно и раньше очернение атамана Семенова, работали во всю. Клевета шла главнымь образомь изъ вражескаго стана, отъ большевистскихъ агентовъ и ихъ сторонниковъ; двйствовали ловко и скрытно, такъ что казалось будто обвинения идуть изъ нейтральныхъ, непартійныхъ источниковъ и изъ союзныхъ круговъ.

Сначала въ Омскъ ръшили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открывъ противъ него военныя дъйствія. Былъ сформированъ отрядъ подъ командой генерала Волкова. Не успълъ послъдній доъхать до Иркутска и приступить къ выполненію плана, какъ японцы заявили, что они не могутъ допустить столкновенія въ Забайкальъ и, если Волковъ начнетъ военныя дъйствія противъ Семенова, то японцы оставляютъ за собою свободу дъйствій и, въроятно, выстуиятъ, чтобы по-

мочь Читъ.

Совершенно неожиданный результать конфликта. Само собою разумѣется, что на разрывъ съ японцами, одними изъ союзниковъ, и на враждебный дѣйствія съ ними пойти не могли; Омскъ отставилъ приказъ о наступленіи на Читу. Японское вмѣшательство какъ бы предупредило новое братское кровопролитіе. Но послѣ этого японцы продолжали вмѣшиваться въ конфликтъ, а досужіе люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздуваютъ и поддерживаютъ.

Одно изъ несчастій нашего лихольтья, и именно на бълой, антибольшевицской сторонъ, заключалось въ такъ называемыхъ иностранныхъ оріентаціяхъ. Были: японская оріентація, англійская, американская, появилась, привезенная съ юга Россіи, германская оріентація. Не приходилось мить встртьчать въ бъломъ движени оріентаціи на французовъ; слишкомъ ужъ много съ этой стороны было печальныхъ фактовъ, отвергнувшихъ совершенно симпати русскихъ людей и массъ. Достаточно назвать Одесскую впопею, когда русская армія и цілый большой городъ оказались въ безвыходномъ положени, попали совствить неожиданно, въ два дня, во власть большевиковъ, вслъдствіе странныхъ, если не сказать хуже, дъйствій францувскаго штаба въ Одессъ. Затъмъ политика францувовъ въ Малороссіи съ стремленіемъ создать самостійность Украйны, равсказы о возмутительно скверныхъ отношенияхъ къ русскимъ бъженцамъ и офицерамъ. Еще въ Сибири это не такъ было замътно, а всъ русские, пріъзжавшие изъ Добровольческой армии и изъ Европы не могли говорить о французахъ безъ пъны у рта, — такъ переболъло оскорбленное чувство.

Упоминая о кокомъ-либо мало мальски выдающемся русскомъ человъкъ, начинали прямо съ того, что «онъ такой-то оріентаціи». Ръдко приходилось встрътить мнъніе, которому одному надлежало быть въ эту пору, въ годину народнаго испытанія и святой борьбы ва Русь. Только одна оріентація можеть быть у русскихъ людей — чисто русская, оріентація на Россію — и должна быть у всъхъ. Остальныя отношенія вытекають уже изъ ноя; если иностранная нація желаетъ искренно возстановленія и возрожденія Россіи, — она нашъ другь; если она къ тому же помогаеть намъ въ борьбъ противъ большевиковъ, — она нашъ союзникъ. Такъ ясно и естественно.

Но на дълъ было иначе. Это коренная ошибка, происходящая отъ слишкомъ мягкаго и довърчиваго русскаго характера, да отъ старой привычки смотръть на Европу снизу вверхъ. Но и иностранныя миссіи старались не мало надъ этимъ, чтобы навербовать побольше своихъ сторонниковъ и ревниво

смотря за ихъ симпатіями.

Послѣ того, какъ Омское правительство отказалось отъ плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаманъ Семеновъ выставилъ одно условіе: пусть будетъ отмѣненъ приказъ № 61, и онъ всецѣло подчинится. Изъ Омска же шло требованіе сначала подчиненіе, а затѣмъ уже отмѣна приказа № 61. Оттуда были посланы въ Забайкалье комиссіи для выясненія, насколько справедливы обвиненія въ задержаніи атаманомъ поѣздовъ съ военными грузами, и для провѣрки всей его дѣятельности. Комиссіи долгое время сидѣли въ Читѣ, были допущены къ полному контролю, и въ результатѣ выяснили, что всѣ обвиненія являлись выдумкой или клеветой.

Бадилъ въ Читу генералъ Ивановъ-Риновъ, была телеграмма отъ атамана Дутова съ просьбой кончить конфликтъ.

Но къ несчастью долго еще тянулась эта исторія, отвлекая много вниманія, людей и силъ, тормозя невольно общую работу. Не разъ дѣлались Верховному Правителю представленія отъ цѣлаго ряда лицъ, отъ совѣщаній высшихъ начальниковъ о необходимости кончить дѣло примиреніемъ. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссія находила для себя возможнымъ выступать и ставить условія; такъ ими указывалось, что необходимо при ликвидаціи конфликта сохраненіе за атаманомъ Семеновымъ всей власти въ Забайкальѣ на правахъ командующаго арміей, ониде заннтересованы въ этомъ, вслѣдствіе долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время въ этой области и матеріально, и военными дѣйствіями. Необходимо отмѣтить, что части японской арміи съ ея традиціями представляли лучшія и наиболѣе дисциплинированныя среди иностранныхъ войскъ въ Сибири. И не равъ они выполняли первое слово, сказанное въ началѣ интервенціи, объ активной помощи. Кровь японскихъ офицеровъ и солдатъ была пролита на поляхъ Сибири вмѣстѣ съ Русской арміей; отношеніе японскихъ войскъ къ нашему населенію было не только вполнѣ лойяльное, но отличалось предупредительностью и сочувствіемъ. Къ несчастью, ихъ дипломатія всѣхъ видовъ полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрещивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконецъ, въ исходъ зимы произошла отмъна приказа № 61, конфликтъ былъ конченъ и примирение состоялось. Но трещина осталась, и, какъ будетъ видно ниже, осталась она до самаго конца.

7.

Не все было благополучно и на остальномъ общирномъ пространствъ Сибири. Партіи соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ ушли въ подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А гдъ было можно, тамъ они дъйствовали и въ открытую.

Такимъ обътованнымъ мъстомъ для нихъ являлся Владивостокъ, благодаря интернаціональному характеру, пріобрътенному этимъ городомъ съ 1918 года отъ массы наъхавшихъ туда интервентовъ. Къ декабрю 1918 года здъсь были уже полностью всъ военныя миссіи, прибыли высокіе иностранные комиссары, въ Сибири сосредоточились войска японскія, британскія, американскія, немного итальянскихъ и чехи, а на рейдъстояли военныя суда всъхъ націй. При этомъ, чъмъ дальшешли переговоры въ Версалъ, тъмъ неопредъленнъе и запутаннъе было отношеніе здъсь этой разношерстной массы. Какъ-то вышло, что войска бывшихъ союзниковъ, прибывшія въ Сибирь, чтобы образовать общій съ русскими фронтъ противъ нъмцевъ и большевиковъ, теперь на этотъ фронтъ не шли, — война съ нъмцами была кончена, а «вмъшиваться въ наши внутреннія дъла» союзники не желали.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во Владивостокѣ нѣкоторыми изъ союзныхъ представителей допускался прямой контроль именно надъ чисто внутренними распоряженіями русской власти, здѣсь какъ разъ и было вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Особенно отличались этимъ два лица одной изъ дружественныхъ націй, генералъ Гревсъ и его начальникъ штаба полковникъ Робинсонъ. Такъ съ ихъ стороны послѣдовалъ форменный протестъ, когда генералъ Ивановъ-Риновъ арестовалъ рядъ вредныхъ лицъ, бывшихъ въ связи съ большевиками 1)

¹⁾ Медвъдевъ, Огаревъ и др.

и ведшихъ пропаганду среди населенія, призывавшихъ его открыто къ возстанію противъ правительства. Господа Гревсъ и Робинсонъ заявили, что они не могутъ допустить этого ареста и настаивають на освобождении, оставляя въ противномъ случав за собою свободу действій. Затемь съ ихъ стороны последовалъ новый протестъ, когда изъ Омска военный министръ хотьль смъстить коменданта Владивостокской кръпости полковника Бутенко, офицера въ сущности неплохого, но впавшаго слишкомъ въ сильную оріентацію на эту націю и объединявшагося раньше съ эсъ-эрами. Когда полковникъ генеральнаго штаба Чубаковъ, служивший въ этой иностранной миссін и работавшій одновременно въ противуправительственныхъ партіяхъ, былъ вызанъ въ Омскъ для отчета въ своихъ дъйствіяхъ, то отъ генерала Гревса, представителя дружественной націи, посл'ядоваль рядь телеграммь съ отказомъ. Въ концъ концовъ онъ потребовалъ гарантій личной безопасности Чубакова и непреданія его суду. А послів этого Чубаковъ перешелъ, при первомъ удобномъ случав, на сторону большевиковъ и въ Красноярскъ вошелъ крупнымъ лицомъ въ чрезвычанную слъдственную комиссію (большевистская че-ка).

Можно было бы написать нѣсколько томовъ, приводя всѣ случаи подобнаго «невмѣшательства», — такъ ихъ было много. Были даже документально установлены сношения съ американской военной миссіей нѣкоторыхъ шаекъ, возстававшихъ съ оружіемъ въ рукахъ въ раіонѣ Сучанскихъ копей и бывшихъ

фактическими большевиками.

Много, можетъ быть и невольнаго, зла причинили Россіи эти представители интервенціи, Гревсъ и Робинсонъ, но не мало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по ихъ дѣйствіямъ судили Русскій народъ и общество о всей странѣ ихъ. А въ связи съ другими агентами и мелкими представителями ея въ Сибири, извращенно представлявшими здѣсь интересы своей страны, мнѣніе о ней среди русскихъ составилось крайне отрицательное.

Это отразилось и на мѣстной прессѣ; газеты день ото дня все ѣдче и остроумнѣе писали о дѣйствіяхъ этихъ интервентовъ и о ихъ хозяйничаньѣ на Дальнемъ Востокѣ. И вотъ въ одинъ день начальникъ миссіи Гревсъ пріѣхалъ къ генералу Иванову-Ринову, какъ помощнику Хорвата, и просилъ, нельзя ли подѣйствовать и надавить на газеты для прекращенія непріятныхъ фельетоновъ. Это ужъ совсѣмъ не вязалось съ его прежними протестами, что онъ и его войска прибыли во Владивостокъ защищать всяческія свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были праваго лагеря.

Нътъ сомнънія, что многіе изъ этихъ господъ дъйствовали по незнанію и полному непониманію того, что происходило въ

Россіи, ни нашихъ пастроеній, ни в'врованій и надеждъ; но былъ несомн'вино и умышленный, организованный вредъ.

Въ декабръ будучи по дъламъ во Владивостокъ, я заъхалъ отдать визитъ полковнику Робинсону, посътившему на Русскомъ Островъ мою военную инструкторскую школу. Робинсонъ вышелъ, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и началъ меня поздравлять; когда, видимо, на моемъ лицъ отразилось недоумъніе, онъ быстро скрылся и вернулся съ переводчикомъ. Начался разговоръ.

— «Поздравляю Васъ, генералъ, скоро будетъ конецъ вашей гражданской войнъ. Мы получили извъстія изъ Вер-

саля.»

- «?!»

— «Союзники ръшили пригласить на Принцевы Острова всъ русскія партіи: отъ большевиковъ, отъ генерала Деникина, отъ адмирала Колчака, отъ Юденича и изъ Архангельска, а также и отъ народа.»

— «Съ какой цѣлью?»

— «Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.»

Долго мит пришлось доказывать полковнику Робинсону, всю нелтвость этого плана и его неосуществимость; почти полтора часа затянулся мой визить, а въ концт его почтенный полковникъ Робинсонъ съ ясной улыбкой заявилъ мит:

— «Нѣтъ все это не такъ. Вотъ послушайте, что мнѣ пишетъ миссисъ Робинсонъ изъ дому о томъ, какъ тамъ у насъ говорятъ ваши русскіе.» И онъ вытащилъ изъ письменнаго стола пачку писемъ своей жены. — «А миссисъ Робинсонъ у насъ пишетъ даже въ газетахъ!»

Аргументъ такой въсскій, что отбилъ у меня охоту гово-

рить съ нимъ когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная нѣсколько англійскій языкъ, я слѣдилъ внимательно за словами Робинсона и за тѣмъ, какъ переводчикъ переводилъ ему мои мысли. Въ одномъ мѣстѣ почти въ началѣ разговора, когда я разъяснялъ Робинсону задачи нашей арміи и всего дѣла борьбы, я обнаружилъ, что переводчикъ отклонился въ сторону и плелъ уже отъ себя. Я остановилъ его и по англійски сказалъ, что моя мысль была совсѣмъ не та. Переводчикъ смутился и задалъ мнѣ невольный вопросъ:

- «А вы развъ говорите по англійски?»

Онъ тоже былъ русскій, но моисеева закона — изъ Польскаго края, либо изъ Шклова. И большинство переводчиковъ въ Сибири были изъ того же изгнаннаго племени. Какъ они путали и перевирали, часто явно умышленно. Одинъ англійскій офицеръ, капитанъ Стевини, отлично говорящій по русски, — онъ воспитывался въ Москвъ, — передавалъмнъ такой фактъ. Только-

что пришелъ на одну большую Сибирскую станцію эшелонъ войскъ одной державы; ихъ офицеры встръчены нашими; радушныя рукопожатія, улыбки, и начинается разговоръ при помощи переводчика. Наши говорятъ, онъ переводитъ по англійски, — тъ отвътятъ или зададутъ вопросъ, онъ къ нашимъ обращается по русски.

«И такъ вралъ, такъ извращалъ всѣ мысли и слова»,
 докончилъ капитанъ Стевини,
 «что я подошелъ и по англій-

ски предупредилъ иностранныхъ офицеровъ ..

Переводчикъ-еврейчикъ переводилъ, напримъръ, слова стараго боевого русскаго полковника о томъ, что всъ устали отъ партійной борьбы и отъ словоговоренія, — гакъ: «всъ почти русскіе офицеры сочувствуютъ соціалистамъ-революціонерамъ и хотъли бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатлъніе составлялось при

такихъ условіяхъ у американцевъ!

Во Владивостокъ обравовалась штабъ-квартира соціалистовъ-революціонеровъ, оставшихся въ Сибири; другая часть ихъ перекочевала въ Москву и тамъ открыла другой свой центръ. Свявь шла черевъ Европу съ одной стороны, а съ другой — при помощи большевистскихъ агентовъ черевъ фронтъ. Во Владивостокъ же они работали почти въ открытую, подготовляли и проводили тотъ планъ, который погубилъ дъло русскихъ людей, направленное къ воврожденію Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою съть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались въ самой администраціи. Верховный Правитель получиль отъ директоріи въ наслъдство аппарать, далеко не готовый и не совершенный, но съ вначительной довой введенныхъ въ него партійныхъ соціалистическихъ дъятелей. Какъ уже скавано раньше, губернаторомъ Иркутска былъ эсъ-връ Яковлевъ п онъ оставался невамъненнымъ до послъднихъ дней. Онъ умълъ, когда нужно, явиться въ волотыхъ губернаторскихъ погонахъ, въ черномъ пальто съ красной подкладкой, по военному тянулся и часто прибавлялъ титулъ; а вечеромъ того же дня онъ шелъ къ своимъ «товарищамъ» въ синей блувъ, и они при его участи дълали въ его губерніи свое дъло. И сдълали его.

Въ другомъ важномъ центръ и университетскомъ городъ, Томскъ, былъ губернаторомъ тоже партійный соціалистъреволюціонеръ, Михайловскій, который именовалъ себя поручикомъ и даже носилъ военную форму, надъвъ вмъстъ съ нею и личину самаго искренняго благожелательства къ арміи и лойяльности. У Михайловскаго начальникомъ контръ-развъдки, т. е. тайной полиціи, былъ еврей Д., бывшій коммунистскій дъятель. Въ Томскъ была и другая контръ-развъдка, военная, съ талантливымъ товарищемъ прокурора Смир-

новымъ во главѣ; Смирновъ прямо задыхался, съ неимовѣрными трудами открывалъ заговоры, находилъ склады оружія, посылалъ обстоятельные и обоснованные доклады, но имъ

ходу не давали.

До самой весны 1919 года министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ также соціалистъ, Граціановъ, приходившійся вдобавокъ сродни губернатору Михайловскому. Между прочимъ было занято крѣпко эсъ-эрами въ Томскѣ почтово-телеграфное вѣдомство. Благодаря этому, многія важныя телеграммы, особенно шифрованныя, извращались и замедлялись, а также обо всѣхъ распоряженіяхъ заблаговременно предупреждались ихъ партійные дѣятели. Въ центральной конторѣ у чиновника Рыбака нашли въ стѣнѣ складъ оружія, подготовленный на случай возстанія и спрятанный въ тайникѣ въ стѣнѣ; былъ произведенъ арестъ, начался процессъ, который, увы, ни къ чему не привелъ.

Слъдующей цитаделью ихъ былъ Красноярскъ, гдѣ имѣлась эсъ-эровская тайная типографія и гдѣ работалъ, скрываясь подъ чужой фамиліей, одинъ изъ наиболъе вредныхъ
іудеевъ, Дерберъ. Какъ будетъ видно дальше, катастрофа,
погубившая все дѣло, и грянула одновременно предательствомъ въ тылу арміи, въ Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ и
Владивостокъ. И въдь это было все извъстно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнъзда интернаціонала, но

не было силы вырвать ихъ съ корнемъ и обезвредить.

Дальше работа соціалистовъ-революціонеровъ направилась въ народныя массы; для этой цѣли они избрали такія безобидныя и полезныя учрежденія, какъ кооперативы. И центральныя управленія и мѣстныя отдѣленія были наполнены ихъ людьми и отвѣтственными партійными работниками. «Синкредитъ», «Центросоюзъ» и «Закупсбытъ», три главныхъ кооператива въ Сибири, были всецѣло въ рукахъ эсъ-эровъ. Этимъ путемъ распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на мѣстахъ и подготавливались вовстанія.

Наконецъ, были направлены усилія проникнуть въ дѣйствующія арміи. Къ сожалѣнію и это удалось имъ сдѣлать; не всюду, въ одну лишь армію вошли они, но и этого было доста-

точно, чтобы замкнуть кругъ.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй планъ, чтобы подготовить силы и ждать удобнаго момента. И въ то же время всячески мѣшать живой работѣ русскихъ людей, сплотившихся около Верховнаго Правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своимъ историческимъ путемъ. А работа была и безъ того тяжелая, чрезмѣрная, требовавшая героическихъ напряженій.

ГЛАВА II.

Армія и тылъ.

1.

Не прошли даромъ волненія въ Уфѣ. Наши части на этомъ направленіи были очень слабы численно; они состояли изъ остатковъ народной арміи, сведенныхъ теперь въ неорганизованные отряды подъ начальствомъ молодого способнаго генерала Каппеля; затѣмъ вдѣсь же дѣйствовали полки и батареи сформированные въ Уфимскомъ раіонѣ изъ добровольцевъ и мобилизованныхъ; они вмѣстѣ съ чешскими частями входили въ отрядъ генерала Войцеховскаго. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что въ волжскихъ батареяхъ Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли цѣлыя роты, которыя дрались и умирали, какъ ни одна воинская часть въ свѣтѣ.

Уфимсне и Камскіе полки имѣли въ своихъ рядахъ больше крестьянъ, — населеніе этихъ раіоновъ опредѣленно встало все противъ большевиковъ. Какъ примѣръ, могу привести 30-й стрѣлковый Аскинскій полкъ, сформированный изъ жителей волости этого названія; полкъ дрался выше похвалы, а волость давала не только пополненіе людьми, она снабжала полкъ одеждой, обувью, обозомъ и пищевыми продуктами. Вотъ какъ русскій народъ хотѣлъ сбросить большевицское ярмо и какъ умѣлъ онъ жертвовать. Или другой полкъ, 15-й стрѣлковый Михайловскій полкъ, стяжавшій себѣ боевую славу, какъ одинъ изъ первыхъ; онъ былъ сформированъ и пополнялся жителями Михайловскаго уѣзда, посылавшими подкрѣпленія по первому слову.

Генералъ Каппель съ волжанами дълалъ чудеса. Онъ нъсколько разъ отбивалъ попытки красныхъ взять Уфу тъмъ, что самъ переходилъ въ наступленіе, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывалъ блестящія дъла, нанося большевикамъ тяжелыя поражения. Въ то же время уфимцы съ чехами сдерживали натискъ на другихъ направленияхъ. Но вотъ чехи ушли въ тылъ. Волнения въ Уфѣ и пропаганда соціалистовъ поколебали фронтъ.

И въ концъ декабря, какъ разъ передъ Рождественскими правдниками, Уфа пала. Наши отступили на востокъ къ горнымъ проходамъ черезъ Уральскій хребетъ. Здъсь удалось

удержать фронтъ въ течении всей вимы.

Но необходимо было немедленно влить какія-то свъжія части для устойчивости, необходимо было волжанамъ дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одъться, чтобы весной можно было начать съ ними наступление.

Еще болъе настойчиво требовалось ввести въ армію опредъленный порядокъ, перейти отъ хаотической отрядной организаціи къ правильному дъленію на корпуса, дивизіи и полки, создать небольше работоспособные штабы и органы снабженія.

Можно себъ представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ и его ставкой. Его начальникъ штаба генералъ Д. А. Лебедевъ справился съ честью съ этой задачей; ему случалось вести работу иногда цълыя сутки, зачастую завтракая и объдая у себя въ кабинетъ. Приходилось работать безъ устали и безъ малъйшаго откладыванія дъла, ибо жизнь требовала быстрыхъ ръшеній, и каждый пропущенный день могъ свалить все хрупкое тогда сооруженіе. Шла лихорадочная дъягельность среди бурлившаго, не установившагося еще русскаго моря; надо было одновременно разбираться и вести дъло съ разнообразными военными представителями интервенціи, говорить съ ними, выслушивать ихъ безконечныя требованія и вводить ихъ въ рамки.

Всв силы, дъйствовавшия на фронтв противъ большевиковъ были разделены на три отдельныхъ армін: Сибирскую на Пермскомъ направлении съ базой въ Екатеринбургъ, Западную на Уфимскомъ направлении съ базой въ Челябинскъ и Оренбургскую, дъйствовавшую на югв. Арміи были составлены изъ тъхъ войскъ, которыя дъйствовали и раньше на этихъ направленіяхъ, съ подачей имъ изъ тыла всего маломальски боеспособнаго, что можно было къ этому времени собрать. Во главъ армій были поставлены: Оренбургской атаманъ генералъ Дутовъ, Западной - генералъ Ханжинъ, а командовать Сибирской арміей быль назначень генераль Гайда, поссорившийся къ этому времени съ чехами и поступивший на русскую службу. Почему именно выборъ остановился на этомъ иностранцъ, такъ мнъ и не удалось выяснить точно; было это сделано А. В. Колчакомъ, отчасти, какъ бы въ благодарность за то, что Гайда въ свое время одинъ изъ первыхъ

опредъленно поддержалъ его и проявилъ не только полную лойяльность, но и преданность.

Всѣ три генерала получили права командующихъ отдѣльными арміями, т. е. почти равныя правамъ Главнокомандующаго, для того, чтобы дать имъ болѣе возможности и свободы проявлять иниціативу въ устройствѣ и увеличеніи ихъ силъ. Для той же цѣли армейскіе раіоны были опредѣлены до рѣки Иртыша, давая огромныя пространства для производства людской, конской и повозочной мобилизацій, для устройства всякихъ мастерскихъ и образованія запасовъ путемъ использованія средствъ раіона.

Работа шла очень живо, почти лихорадочнымъ темпомъ. Арміи сами формировали новыя части, составляли запасныя для подготовки пополненія, вели ему учетъ, расходовали его, сообразно съ нуждами фронта, имъющимися средствами снабженія и планомъ дъйствій; налаживали все сложное снабженіе.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, въ общія нормы, уравнивая излишки, пополняя недостачу. Приходилось заново пересмотрѣть и пересоставить всѣ штаты, многія законоположенія, наладить совершенно разстроенный аппарать для подачи изъ Владивостока получаемаго отъ союзниковъ вооруженія и боевыхъ запасовъ. Надо сказать, что вѣдь тѣ нормы, по которымъ была построена наша старая русская армія, разваленная соціалистами въ 1917 году, въ большинствѣ своемъ теперь требовали измѣненія; съ одной стороны за время германской войны въ нихъ нашлось много неправильнаго, неоправдавшагося и тогда опытомъ, съ другой — были въ нихъ и анахронизмы, уже отжившіе свой вѣкъ, возстановленіе которыхъ было бы реставраціей ихъ вопреки здравому смыслу и жизненнымъ требованіямъ.

Путь для работы лежаль теперь такой: взять изъ стараго все лучшее, освященное успъхами русской арми, связанное съ нею исторически, вытекавшее изъ естественныхъ условій и особенностей Русскаго народа; необходимо было въ дополнене къ этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условіями, вызванными войной. Ибо отрицать, это новое, не принимать его во вниманіе, держаться слъпо старыхъ образцовъ было бы также безразсудно, какъ и другая крайность — полное отрицане своихъ историческихъ нормъ и старане изобръсти что-то совершенно новое, ничъмъ даже не

напоминающее прежняго.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условія, необходимыя для ея усп'єха; и т'є результаты, которыхъ удалось добиться за виму, говорятъ сами, краснор'єчив'є всякихъ словесныхъ доказательствъ, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа.

Фронтъ былъ удержанъ на Уральскихъ проходахъ къ вападу отъ Аши Балашовской; всѣ попытки красныхъ прорвать его отбивались. Въ то же время армія пополнялась, росла,

пріобрѣтала правильную организацію.

Волжскій корпусъ генерала Каппеля вывели въ тылъ въ раіонъ города Кургана, на Тоболъ, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одъть и снабдить всъмъ необходимымъ. Послъднюю задачу взялъ на себя генералъ Ноксъ, объщавшій, все, что нужно для волжанъ, подать въ первую очередь. Пополненіе людьми и конскимъ составомъ должна была сдълать ставка, такъ какъ Волжскій корпусъ былъ оставленъ въ ея распоряженіи. Тутъ сказалась нъкоторая автономность армій; ни Сибирская армія, ни Западная не давали пополненія людьми, такъ какъ каждая была занята всецъло пополненіемъ и формированіемъ «своихъ» частей; лошади были получены изъ Западной арміи, нъсколько съ опозданіемъ она же дала и часть людей. Часть же пополненія генералъ Каппель былъ принужденъ взять изъ плънныхъ красноармейцевъ, которыхъ послъ нъкотораго обученія поставили въ строй.

Вскоръ произошло событие очень радостное, но имъвшее

большое вліяніе на уклоненіе въ неправильную сторону.

23—24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской арміи; операція была проведена среди лютыхъ морозовъ съ малыми для насъ потерями и дала блестящіе результаты.

Это явилось какъ бы компенсаціей за потерю Уфы и показало, что работа надъ созданіемъ армій идетъ успѣшно.
Запасы, взятые въ Перми, склады и военные заводы давали
кромѣ того возможность пополнить многіе пробѣлы въ снабженіи нашихъ войскъ. А эта сторона, не взирая на всю проявленную энергію и работу, оставляла желать много лучшаго.
Не говоря уже о томъ, что наше воинство было одѣто такъ
разнообразно, какъ великое ополченіе 1613 года, многаго прямо
не хватало такого, безъ чего жизнь и служба становились
невозможными; было мало полушубковъ, валенокъ и даже
шинелей, чувствовался острый недостатокъ въ винтовкахъ и
патронахъ.

На Сибирскую армію щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляєвъ получили чины генералъ-лейтенанта и Георгія 3-ей степени; многіе изъ офицеровъ были произведены въ слѣдующіе чины, причемъ Гайда, начавшій съ этихъ поръ проявлять большую самостоятельность, отдавалъ иногда прикавы о производствъ прямо изъ поручиковъ въ подполковники.

Штабъ-квартира Сибирской армін была въ Екатеринбургъ. Это — центръ горнопромышленнаго уральскаго разона, населене котораго отличается довольно большой зажиточностью, сохраненнымъ крѣпкимъ семейнымъ укладомъ, религіозностью, монархическимъ настроеніемъ, честностью и въ большинствѣ прямымъ, хотя и нетвердымъ характеромъ; это не былъ матеріалъ для большевиковъ, наоборотъ съ перваго дня вовстанія мѣстные жители присоединились къ бѣлымъ и шли цѣлыми селами и волостями въ новую армію адмирала Колчака. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ этому служатъ знаменитыя Ижевская и Воткинская дивизіи, составленныя цѣликомъ изъ рабочихъ двухъ большихъ заводовъ этихъ названій и примкнувшихъ къ нимъ волостей; эти дивизіи до сихъ поръ борятся противъ большевиковъ въ Забайкальѣ, пройдя пѣшкомъ черезъ Уралъ и Сибирь болѣе четырехъ тысячъ верстъ.

Всв эти простые и хорошіе русскіе люди были поставлены послв революціи передъ совершившимся фактомъ крушенія стараго порядка, прежнихъ устоевъ и передъ задачей исканія новаго, лучшаго. Въ своей довърчивости они шли вначаль ва тымъ, кто умыль и браль на себя смылость громче и красивые говорить, беззастычивые обыщать. Все это было учтено соціалистами-революціонерами, которые еще съ 1917 года много работали надъ пропагандой въ этомъ крав. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, послы освобожденія Урала, устремили опять на него свои усилія и попытались снова раскинуть

здъсь свою съть.

Не знаю какими путями, — пользуясь ли старыми связями съ чехо-словацкимъ національнымъ комитетомъ, или играя на чрезмърномъ честолюбіи Гайды, — но имъ удалось проникнуть и въ его армію; были введены партійные работники въ самый штабъ, среди нихъ такой, какъ извъстный затъмъ по Владивостокскому и Иркутскому возстаніямъ штабсъ-капитанъ Калашниковъ. Они сумъли захватить въ свой руки цъликомъ освъдомительный отдълъ, важный тъмъ, что онъ завъдывалъ всей информаціей, имълъ въ своихъ рукахъ типографіи и всъ средства пропаганды.

И отсюда поплелась съть по всей Сибирской армии. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для посторонняго глаза шла эта подготовка. Тъ генералы и высше чины гражданской администрации, которые боролись противъ этой преступной работы, устранялись съ пути подъ разными предлогами, включительно до клеветы и подстроенныхъ обвинений; такъ было съ Екатеринбургскимъ губернаторомъ, затъмъ также былъ убранъ начальникъ военно-административнаго отдъла Сибирской армии генералъ Домонтовичъ, работавший

въ Екатеринбургъ съ первыхъ дней возстанія.

Пробовали эсъ-эры провести такой же планъ и въ Западной арміи, но въ самомъ началъ, въ серединъ мая удалось ихъ попытки совершенно искоренить

Эта подпольная дъятельность эсъ-эровъ дала свои плоды гораздо позднъе и обратила военные неуспъхи фронта въ полную катастрофу армии, привела къ разгрому всего дъла, возглавляемаго адмираломъ А. В. Колчакомъ. Теперь же въ началъ его блестящаго и полнаго надеждъ періода они, какъ мыши, подтачивали и буравили тотъ кораблъ, на который забрались сами, спасаясь отъ разбушевавшейся стихи бурнаго и взбаламученнаго ими же Русскаго моря.

Всѣ люди на этомъ кораблѣ были заняты одной мыслью и однимъ дѣломъ, какъ вѣрнѣе и лучше привести его въ гавань государственности. Работа кипѣла, и на всемъ пространствѣ бевпредѣльной Сибири, отъ Урала до Владивостока, творилось самое нужное дѣло, создане арми. Офицерство снова понесло на служене Родинѣ свои жизни, свою кровь и всѣ свои силы. Какъ показала весна и быстрое движене на Волгу, эти жертвы

и усилія были направлены не даромъ.

Да, такъ показали весна, и лѣто, и осень 1919 года. Но послѣ того наступила вима, и вмѣстѣ съ нею крушене всего большого дѣла, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала Русь. Въ числѣ многихъ причинъ, вызвавшихъ ее, была полная отчужденность тыла отъ фронта, полное несоотвѣтствіе работы въ тылу.

2.

Въ военной наукъ существуетъ очень правильное положение, что ошибка, допущенная въ стратегическомъ равворачивании. трудно поправима до конца кампании. Это положение примънимо и въ дълъ органивации, особенно при устройствъ ваново большого разрушеннаго государственнаго органивма.

Подходя къ описанію, какъ устраивалась и налаживалась работа центральныхъ аппаратовъ въ Омскѣ, необходимо укавать на допущеніе одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти директоріей и ея ставкой, ошибки, принятой, какъ бы по наслѣдству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работѣ.

Для бѣдной и неустроенной восточной Россіи начали совдавать аппаратъ во всероссійскомъ масштабѣ; строились тѣ многоатажныя постройки министерствъ, департаментовъ и управленій, которые рухнули въ февралѣ—сентябрѣ 1917 года

въ Петроградъ.

Люди, которые пришли къ Верховному Правителю и получили его довъріе и полномочіє, принялись воздвигать изъ обломковъ старыхъ дореволюціонныхъ учрежденій громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мнъ всего ближе пришлось ознакомиться съ дъятель-

ностью Военнаго Министерства и Главнаго Штаба.

Когда совершился перевороть, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховнаго Главнокомандующаго во главъ съ его начальникомъ, генераломъ Д. А. Лебедевымъ; и мы видъли, какъ справлялся онъ и его ближайше сотрудники съ тяжелымъ дъломъ въ самые отвътственныя первыя недъли работы. Подъ ихъ руками арми принимали видъ живыхъ и сильныхъ организмовъ — на исторически върныхъ и необходимыхъ основанияхъ строились новыя. самой жизнью вызываемыя формы.

Увхавшій во Владивостокъ и Харбинъ генералъ-маюръ Н. А. Степановъ былъ адмираловъ Колчакомъ назначенъ Военнымъ Министромъ; долго онъ не вхалъ, проводя цвлыя недвли въ Харбинъ и, видимо, опасаясь провзда черезъ Читу, такъ какъ генералъ Степановъ былъ одинъ изъ самыхъ упорныхъ и непримиримыхъ противниковъ атамана Семенова и «японской оріентаціи». Наконецъ передъ Рождествомъ онъ появился въ Омскъ, привезя съ собою на постъ начальника Главнаго Штаба

генералъ-мајора Марков скаго.

Съ самаго перваго дня ихъ дъятельность можетъ быть охарактеризована такъ. Вытащены изъ пыли 24 тома Свода военныхъ законовъ, всъ старые штаты и положенія; поставлены во вращающуюся этажерку около министерскаго письменнаго стола. Какъ только жизнь выдвигала какой-либо вопросъ, — а это было на каждомъ шагу, — доставался соотвътствующій томъ и искалось готовое ръшеніе, «старый испытанный рецептъ», но увы, — зачастую — испытанный и забракованный жизнью, а въ условіяхъ разрухи гражданской войны

прямо нелѣпый.

Все сдѣланное уже ставкой, та живая, организаціонная работа, которая создавала армію, всѣ ея начинанія, были забракованы, какъ плодъ незрѣлый и неподходящій подъ узкія старыя рамки. Была сначала сдѣлана попытка подчинить Военному Министерству все, касавшееся вооруженныхъ силъ, чтобы можно было все подвести подъ эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законовъ и штатовъ. Но Верховный Правитель на это не пошелъ и раздѣлилъ сферу власти такъ: дѣйствующая армія съ территоріей по Иртышъ подчинялась (въ военномъ отношеніи) начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣ гарнизоны и запасныя войска, вся мѣстность къ востоку отъ Иртыша — Военному Министру.

Возникъ дуализмъ, который прюбрѣлъ еще болѣе острую форму, благодаря личнымъ свойствамъ дѣйствовавшихъ лицъ. Д. А. Лебедевъ, молодой, сравнительно, офицеръ генеральнаго штаба, не искалъ власти и не дорожилъ ею, преслѣдуя исключительно цѣли боеспособности армии и стремясь вызвать для

того къ дъятельности всъ живыя силы. Н. А. Степановъ оберегалъ свой престижъ, вмъстъ съ Главнымъ Штабомъ, цъплялся за власть и усматривалъ въ каждомъ начинани, несогласномъ съ его возвръніями, чуть ли не личные противъ него выпады. Появились тренія. Мнъ лично говорилъ нъсколько разъ адмиралъ А. В. Колчакъ:

— «Страшно трудно. При каждомъ важномъ вопросъ мнъ приходится сначала мирить Наштаверха съ Военнымъ Министромъ, разбирать личныя обиды послъдняго.»

Но убрать его онъ не рѣшался, питая дружескія чувства еще по совмѣстной работѣ въ Харбинѣ; когда же просился уйти съ поста генералъ Лебедевъ, Верховный Правитель и слышать не хотѣлъ, говоря, что онъ больше всѣхъ въ него вѣритъ и знаетъ на дѣлѣ его способность вести работу.

При этихъ условіяхъ мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное Министерство и Главный Штабъ распухли до чудовищныхъ по величинъ размъровъ; вышли къ жизни всъ прежніе отдълы, отдъленія, столоначальники. Создано было военное совъщаніе изъ семи-восьми дряхлыхъ лътами генераловъ, на обязанности которыхъ лежало разсмотръніе всъхъ законопроектовъ и штатовъ. Долго, многоръчиво и весьма добросовъстно дълалось это; спъшные законопроекты лежали цълыми недълями, отклоняясь иногда по пустякамъ, а иной разътакъ перекраивались, что не оставалось живого мъста. Но вато на вновь отпечатанныхъ штатахъ и положеніяхъ красовались внизу фамиліи членовъ этого совъщанія, совсъмъ какъ на старыхъ, дореволюціонныхъ, великороссійскихъ, даже и фамиліи похожія были подобраны.

Многоэтажныя зданія, полныя офицеровъ и чиновниковъ, работали также очень много и усердно; писали изъ одного отдъленія въ другое и въ ставку отношенія, составляли проекты, доклады и объяснительныя записки. Какъ одинъ изъ многихъ примъровъ, мнъ показывалъ начальникъ организаціоннаго отдъла полковникъ Оберюхтинъ, - человъкъ весь горъвшій желаніемъ работать, приносить пользу и дълать живое дъло, - проектъ о подготовкъ офицеровъ и унтеръ офицеровъ, составленный вначаль не только жизненно, но даже талантливо. Три мъсяца этотъ проектъ ходилъ отъ стола къ столу, и за это время образовался объемистый томъ. На первомъ проектъ была резолюція Военнаго Министра «доложить и пересоставить». На второмъ, пересоставленномъ, стояло указание согласовать съ такими - то статьями такой - то книги прежнихъ ваконоположеній. Затімь шли третій, четвертый, пятый, шестой варіанты доклада и объяснительныя записки, съ объемистыми революціями; наконецъ на последнемъ красовалась надпись

начальника Главнаго Штаба: «Повременить»!

Еще болье грустная по ревультатамъ была судьба большого проекта о формировании въ тыловыхъ разонахъ Сибири дъйствующихъ частей для фронта. Былъ составленъ опять таки вполнъ жизненный и выполнимый проектъ и планъ, по которому армія должна была получить три съ половиной дивизіи въ апрълъ 1919 года и столько же въ августъ. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соотвътствующіе приказы, соблюдая разсчетъ времени плана. Получилась бы полная обезпеченность боевого дъла даже, если бы этотъ планъ выполнили даже частично.

Но его постигла та же участь безконечныхъ передълокъ, передокладовъ, исправленій и наконецъ полнаго отставленія; время шло и тратилось самымъ недопустимымъ образомъ. Не было ничего совдано и въ отношеніи военно-административнаго устройства тыла, опять по той же причинъ увлеченія ложно-классическими обравцами прежняго бюрократическаго порядка.

Возстание для сверженія большевиковъ въ Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало отъ нихъ сразу разрѣшенія многихъ вопросовъ; былъ разрѣшенъ въ числѣ прочихъ и этотъ: отказались отъ системы военныхъ округовъ и ввели вмѣсто нихъ корпусные районы съ примѣненіемъ территоріальной системы. Во фронтовомъ, армейскомъ районѣ такой порядокъ и укрѣпился, что и давало тѣ силы, которыми фронтъ велъ борьбу. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго Военнаго Министерства былъ отказъ отъ корпусныхъ районовъ и замѣна ихъ военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громовдкіе штабы, штабъ Иркутскаго округа имѣлъ свыше ста тридцати офицеровъ, Омскаго округа — болѣе ста семидесяти. Войскъ же было только то, что осталось отъ прежнихъ корпусныхъ районовъ.

На бумагѣ отказались и отъ территоріальной системы комплектованія войскъ. Аргументы были вѣсскіе: ввиду неспокойнаго состоянія страны и непрекращающейся пропаганды, нельзя надѣяться, что поддерживать порядокъ въраюнѣ будутъ войска, составленныя изъ мѣстныхъ жителей. Но существовавшія въ Сибири условія транспорта, наличіе единственной желѣвнодорожной магистрали при чисто-сибирскихъ колоссальныхъ равстояніяхъ дѣлало фактически невозможнымъ примѣненіе другой системы, кромѣ территоріальной, особенно при томъ недостаткѣ времени, какой тогда ограничивалъ всѣ наши дѣйствія. Въ эти дни рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ въ какой либо другой войнѣ, вставала вся

правда великихъ словъ Императора Петра I: «Потеря времени

смерти невозвратной подобна».

Это — съ одной стороны; съ другой, — надо было предпринимать для успокоенія населенія и для привлеченія всѣхъ его симпатій на сторону правительства другія мѣры. Нельзя было вести священную, освободительную войну противъ большевиковъ, не довѣряя населенію, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Въдь фронтъ сумълъ собрать полумиллюнную армію изъ тахъ же народныхъ массъ; тамъ некогда было разводить теорію и отчеканивать проекты: живнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллюнная армія образовалась, существовала, вела успъшные бои, - докавываетъ лучше словъ: 1) съ этой работой справились и 2) массы увидъли и повърили, что война, на которую ихъ призывають, ведется ва Россію и ва благо всего ея народа. Надо понять тоже и вапомнить, что такого числа «бѣлогвардейцевъ» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы въ армію насильно; не было для этого средствъ, да и не было желанія, такъ какъ всъ вожди армии искренно отдавали себя на служение Россіи и только Россіи. Но Россіи прежде всего русской, устроенной на ея самобытныхъ, историческихъ основаніяхъ, великой и самостоятельной. Сложна была психологія арміи во всемъ бъломъ движени, но одно несомнънно: настроения лучшихъ ея представителей, а за ними и массы, было чисто національно.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узко-бюрократическую дъятельность новаго Военнаго Министерства. Оно считало себя обязаннымъ стать на стражъ интересовъ старшинства въ чинахъ офицерскаго корпуса и не нашло ничего лучые, какъ достать изъ архивной пыли старые «списки по старшинству». По этимъ спискамъ и дълались почти всъ назначения. Ни боевыя заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новыхъ олимпійцевъ, считавшихъ необходимымъ для воврождения Россіи прежде всего воскрешение старыхъ, отжившихъ формъ. Даже и внъшне видъ Главнаго Штаба принялъ тотъ же чванливый, недоступный и отталкивающий характеръ петербургскихъ канцелярій.

На ряду съ этимъ пренебрегались истинные интересы офицерства; вачастую представленія къ производству въ слѣдующіе чины за боевыя отличія, за выслугу лѣтъ, еще въ германскую войну, мѣсяцами лежали и ждали резолюціи Военнаго Министра. Сначала даже потребовали было обязательнаго наличія послужныхъ списковъ по всей формѣ и со ссылками на всѣ приказы, хотя бы до 1880-хъ годовъ. И долго дер-

жались этого правила; наконецъ поняли, что въ такое время, когда офицеры сошлись почти со всъхъ концовъ свъта, многе ускользнули изъ самыхъ когтей большевистскаго стервятника, — это требование чистая и законченная нелъпость.

Вотъ ужъ именно, гдъ примънимо выражение — ничему

не научились и ничего не забыли.

Верховный Правитель рвалъ и металъ, когда до него доходили свъдънія обо всемъ этомъ. Но, господа бюрократы, налетъвшіе на теплыя омскія мъста въ избыткъ, находили и здъсь средства для маскировки:

— «Это все интриги...»

Или:

«Какъ не совъстно отвлекать Верховнаго Правителя

отъ дълъ государственныхъ!»

А развъ армія, ея боеспособность, ея офицерскій корпусъ, — развъ это не было тогда дъломъ государственной важности первой степени.

Такая же картина была и въ другихъ министерствахъ Омска. Всюду шли тъмъ же легчайшимъ путемъ постройки и копированія старыхъ дореволюціонныхъ бюрократическихъ аппаратовъ; но раньше въ нихъ были хотя свои хорошія стороны. — десятилътіями налаженное дъло, преемственность и опытные работники. Здёсь же, въ копіяхъ, главное вниманіе обращалось на вившность. Даже время службы было примвнительно къ Петербургу мирнаго времени: въ 10 часовъ утра начало, въ 12 — перерывъ на завтракъ, въ 4—5 часовъ конецъ, и всв расходились по домамъ. Министерства были такъ полны служилымъ народомъ, что изъ нихъ можно было бы сформировать новую армію. Все это не только жило мало д'вятельной жизнью на высокихъ окладахъ, но ухитрялось получать впередъ армін и паекъ, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количествомъ здоровыхъ, сильныхъ людей призывного возраста; много держалось здісь зря и офицерства, которое сидівло на табуретахъ центральныхъ управленій и учрежденій. Переизбытокъ ненужныхъ людей, такъ необходимыхъ фронту, былъ и въ другихъ городахъ Сибири. Противъ этого Военное Министерство мъръ не принимало, и почти каждый, кто хотълъ укрыться отъ военной службы, делаль это безпрепятственно.

3.

Въ ноябръ, когда организаціонная работа только что началась, я прибыль во Владивостокъ, чтобы начать подготовку и провести формированія тамъ, на Дальнемъ Востокъ Россіи.

Мъстомъ для этого былъ ивбранъ Русскій Островъ. Лежитъ онъ въ океанъ, верстахъ въ 15—20 отъ города, имъя сообщение съ нимъ только параходами; на Островъ еще до войны были

построены казармы болъе, чъмъ на дивизію. При созданіи во Владивосток в крыпости, послы 1905 года, на островы были возведены форты и батареи, прекрасныя, построенныя по послѣднему слову техники укрѣпленія; самъ островъ, благодаря своему выдвинутому положеню, гористому характеру и большому количеству закрытыхъ, глубокихъ бухтъ, представляетъ большія стратегическія преимущества. До революціи доступъ на Островъ былъ обставленъ очень большими трудностями, безъ пропуска коменданта Владивостокской кръпости никто не могъ попасть туда; въвздъ иностранцамъ былъ воспрещенъ вовсе. Когда послъ революціи товарищи захватили власть въ свои руки и контроль попалъ въ ихъ комитеты, — все перемънилось. И это природное сокровище Русской Державы было очень скоро приведено въ состояние печальнаго разрушения и упадка. Всъ огромныя зданія казармъ стояли ограбленныя, безъ оконъ, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видьть только посль революции. На Островъ вхалъ и жилъ на немъ всякій, кто хотвлъ; тамъ образовались даже притоны преступниковъ.

Приходилось заняться исправлениемъ всего разрушения,

наладить снова порядокъ и охрану Русскаго Острова.

При ремонтъ и очисткъ зданій мнъ много помогли британскіе офицеры. Съ присущей имъ энергіей и размахомъ, они болъе двухъ мъсяцевъ работали безъ устали надъ приведениемъ казармъ въ жилой видъ, три энергичныхъ канадскихъ офицера. Долженъ по правдъ сказать, что со стороны англійскаго офицерства русскіе видъли много доброго, много искреннихъ дружескихъ чувствъ и откровеннаго благодарнаго признанія великихъ заслугъ Россіи въ Міровой войнъ. Большинство изъ нихъ вполнъ оправдывало название джентельмена; они доказали, что русскіе могуть им'ть діло съ отдільными представителями ихъ націи. И темъ обиднее для обеихъ сторонъ, и тъмъ невыгодите — та двойственная политика, которую велъ все время ихъ словесный диктаторъ, Ллойдъ Джорджъ, этотъ, какъ его называли въ Сибири, Керенскій крупнаго масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытаго смысла, въ числъ другихъ причинъ, привела въ концъ концовъ къ гибели на востокъ Русское дъло, а вмъстъ съ нимъ и многомилліонные военные грузы, которые Англія привезла въ Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила тъ услуги и ту работу, которыя безкорыстно и рыцарски несли здъсь многіе британскіе офицеры.

Мнѣ удалось собрать для подготовки пятьсотъ офицеровъ и около восьмисотъ солдатъ. Курсъ былъ составленъ самый простой, почти примънительно къ учебной командѣ и школѣ подпрапорщиковъ мирнаго времени. Главной цѣлью было —

упорнымъ трудомъ и регулярной казарменной живнью счистить революціонный товарищескій налеть, показать на самомъ дѣлѣ всѣ преимущества крѣпкой воинской дисциплины и порядка.

Кромѣ того нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основныя обяванности младшаго офицера, всущности, не сложны; они требуютъ только очень отчетливаго внанія всего, что долженъ знать солдатъ; младшій офицеръ обяванъ умѣть быстро рѣшить всякую задачу въ полѣ, быть мастеромъ этого дѣла, чтобы не растеряться и не промедлить. Вотъ такого то мастера въ предѣлахъ взвода и роты, отчетливаго инструктора для подготовки молодыхъ солдатъ и надо было сдѣлать въ два — три мѣсяца.

Были попытки провести это дѣло подготовки на Русскомъ Островѣ и раньше, осенью того же года, но онѣ окончились неудачей. Мой пріѣздъ съ цѣлью начать то же дѣло встрѣтилъ поэтому недовѣрчивость и даже скрытыя улыбки преждевременнаго сожалѣнія.

Стали прибывать партіи офицеровъ. Рѣдкіе изъ нихъ пріѣвжали въ военной формѣ; большинство въ самыхъ разнообравныхъ штатскихъ костюмахъ, иные почти въ лохмотьяхъ, длинноволосые, небритые, съ враждебнымъ недовѣрчивымъ взглядомъ изподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя изъ подъсдвинутыхъ бровей.

Бъдное русское офицерство! Оно принесло міру и своей Родинъ жертвъ больше всъхъ; никто не перенесъ зато и такихъ страданій, мукъ и обидъ, какія выпали на его долю.

Условія работы были слѣдующія: весь день распредѣленъ по расписанію, восемь часовъ въ день ванятій, каварменная живнь строго по уставу внутренней службы. Отпускъ въ городъ равъ въ недѣлю, въ воскресенье. Зато весь возможный комфортъ былъ предоставленъ на Островѣ. Съ перваго дня этотъ порядокъ и работа пошли, какъ новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначалѣ. Генералъ Степановъ, помогавшій мнѣ нѣсколько дней и жившій во Владивостокѣ, передалъ равъ предупрежденіе — кѣмъ то выраженныя угровы убить начальствующихъ лицъ за введеніе такой строгой дисциплины. Но надо замѣтить, что самымъ тяжелымъ наказаніемъ былъ выговоръ старшаго начальника въ присутствіи части послѣ разбора проступка. Арестъ не примѣнялся вовсе и даже не былъ введенъ въ инструкцію-уставъ школы, такъ какъ офицеръ или солдатъ, не желавшій измѣниться къ лучшему послѣ трехъ случаевъ выговора, не исправился бы отъ ареста и подлежалъ

отчисленію или даже разжалованію, взависимости отъ серьез-

ности проступка.

Первыя двъ недъли было тяжело всъмъ. Начинались занятия въ 7 час. утра, кончались въ 7 час. вечера, чередуя ученья въ полъ съ лекциями. Туго вначалъ прививался и казарменный порядокъ. Когда я черезъ недълю выъхалъ по дъламъ на день во Владивостокъ, адъютантъ докладываетъ мнъ по телефону, что одинъ рядовой-офицеръ первой роты, поручикъ военнаго времени В. сдълалъ попытку застрълиться, выстрълилъ изъ револьвера себъ въ правый бокъ; все офицерство волнуется. Я тотчасъ вернулся на Островъ, собралъ роту и равъяснилъ имъ всю сущность этого некрасиваго поступка, что такъ офицеры не поступаютъ.

Офицеры слушали молча. Но я уже встрътилъ среди массы не одну пару глазъ, смотръвшихъ на меня не только съ пониманиемъ, но и съ сочувствиемъ, прямымъ, открытымъ взгля-

домъ.

Прошелъ первый мѣсяцъ. И какая разительная перемѣна. Изъ безпорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятія шли полнымъ ходомъ и уже не утомляли, — всѣ втянулись. Усиленная работа и пріобрѣтаемыя знанія давали каждому увѣренность въ себѣ, сознане въ исполненіи долга. А это вмѣстѣ со здоровымъ режимомъ и прекраснымъ зимнимъ воздухомъ Острова наложило на лица отпечатокъ мужественности и чистоты.

Много разъ представители иностранныхъ миссій просили позволенія осмотр'єть эту новую военную школу. И вотъ они прі вхали, приглашенные на одно наше торжество: прибитіє мраморной доски къ домику, гд'є до войны жилъ на Русскомъ

Островъ генералъ Л. Г. Корниловъ.

Послѣ парада былъ смотръ двухъ ротъ. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное ученье, то что у насъ называется «на пятачкѣ»; шагъ и всѣ пріемы, какъ одинъ, перестроенія, какъ въ гвардейской учебной командѣ. Стояли иностранные офицеры, молча смотрѣли на спаянную, отчетливую роту, и на ихъ лицахъ постепенно выростало удивленіе, замѣнившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же, послѣ ученья рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской пѣсней, всѣ эти представители «пяти великихъ державъ» стояли на своемъ возвышени изъ штабеля бревенъ и постепенно поворачивали головы вслѣдъ уходившей ротѣ, не могли оторгать внимательнаго взгляда.

Что это? Неужели Россія встаетъ изъ гроба?...

Мы върили, что да, встаетъ, кончаются е пеликія неизръ-

Тактическое ученье произвело еще бол в сильное впечатл в ніе. Японскій генераль и два офицера до того увлеклись, что сами шли ва той или другой частью, то бросались къ обходящему взводу, то къ пулеметамъ, отражавшимъ контръ-атаку. Посл в отбоя они пожимали офицерамъ руки и говорили:

— «Да, да, это вотъ дъйствительно хорошо.»

Одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ офицеровъ, показавшій себя большимъ другомъ Россіи, американскій адмиралъ Роджерсъ прислалъ мнѣ на слѣдующій день письмо съ выраженіемъ полнаго восхищенія.

 «Видъ людей всѣхъ ротъ, такой довольный и веселый, доказываетъ, что они счастливы; а это лучили залогъ боль-

шого успъха, котораго вы уже достигли, в писалъ онъ.

Генераль Ноксъ передаль школь знамя, подарокъ воврождающейся Русской армии отъ Британской армии, — соединенный Русской національный и Андреевскій флагь съ образомъ Георгія Побъдоносца и съ надписью «за въру и спасеніе Родины». 1-го января состоялось его освященіе въ нашей военной церкви. Изъ города пріткали кореспонденты русскихъ газетъ, несмотря на то, что погода была ужасная, — одинъ изъ тъхъ ръдкихъ даже здъсь тайфуновъ, когда сносятся его силой крыши, вырываются съ корнемъ деревья. Идти противъ вътра можно было только согнувшись подъ прямымъ угломъ.

Церковная торжественная служба, парадъ въ помъщени, видъ стройныхъ ротъ, весь внутренній, отчетливый, воинскій порядокъ такъ поравили газетныхъ людей, что даже соціалистъ Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недовърчиво, буравя своими черными маленькими главами, и тотъ крестился въ церкви украдкой, а потомъ въ газетъ написалъ отчетъ о видънномъ, какъ о надеждъ на возрождене Русской

армін.

Приходилось дёлать нёкоторую чистку. Среди массы офицерства военнаго времени попали два самозванца, такихъ искусныхъ, что ихъ обнаружили не такъ то скоро; ватесался одинъ прапорщикъ, бывшій ранёв большевицкимъ комиссаромъ, человёкъ пять попалось неисправимыхъ. Зато остальные черезъ два съ половиной мёсяца были уже совершенно другими.

Отличные русскіе офицеры, полные сознанія долга, связанные честнымъ товариществомъ, esprit de corps, и знающіе своє дъло. Если бы имъ можно было показать теперь тъхъ, что пришли на Русскій Островъ, то они сами себя бы не узнали.

Такіе же результаты получились и въ унтеръ-офицерскихъ батальонахъ, гдѣ люди постепенно втянулись въ работу, утратили навѣянное революціонными демагогами отчужденіе и враждебное чувство къ офицеру; теперь отношенія были самыя

нормальныя и даже дружескія, чувствовалось, что вдѣсь и офицеръ и солдатъ — сыны одного народа. Показателенъ такой случай: среди присланныхъ мобиливованныхъ кадровыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ попалъ одинъ большевикъ, который на второй же день началъ пропаганду; сначала устроилъ вечеринку съ балалайкой, а затѣмъ завелъ рѣчь, что опять офицеры хотятъ на старое повернуть, что-де надо имъ погоны къ плечамъ гвовдями прибить и т. д. Эфектъ для большевика получился неожиданный, — дежурный по ротѣ изъ молодыхъ солдатъ, пробывшихъ въ школѣ около мѣсяца, явился къ командиру роты и доложилъ о пропагандистѣ-большевикѣ....

Строевая и полевая подготовка унтеръ-офицеровъ послътрехъ мъсяцевъ не оставляла желать ничего лучшаго.

Планъ дальнъйшей работы состоялъ въ томъ, чтобы изъ втихъ офицеровъ и солдатъ, такъ сжившихся, одинаково обученныхъ, воспитанныхъ въ дисциплинъ, сформировать двъ стрълковыхъ бригады, а школу оставить для дальнъйшаго укомплектования частей этого корпуса. Были равработаны всъ подробности плана. Оставалось только по готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дъло. Но Главный Штабъ и Министерство переръшили. Почему, — мнъ такъ и не удалось выяснить. Но посылались самыя разнообразныя приказания; сначала отправить всъхъ офицеровъ и унтеръофицеровъ въ распоряжение Главнаго Штаба для назначения; затъмъ — поименные списки для отправления по разнымъ городамъ, причемъ Военный Министръ бралъ себъ въ ординарцы пять офицеровъ; наконецъ, послъднее — отправить въ три новыхъ дивизи, въ Омскъ, Новониколаевскъ и Томскъ.

Наладивъ на Русскомъ Островъ дъло съ новымъ наборомъ офицеровъ и солдатъ, я отправился вслъдъ ва первымъ выпускомъ въ Омскъ, пробывъ на Дальнемъ Востокъ съ ноября до середины марта.

Много приходилось миѣ видѣть въ это время различныхъ сторонъ знаменитой интервенціи; въ общихъ чертахъ объ этомъ сказано раньше, теперь приведу иѣкоторые факты.

Ү. М. С. А., общество христіанской молодежи или, какъ ихъ навывала вся Сибирь «христіанскіе мальчики», 1) устраиваетъ спектакль для развлеченія русскихъ и интервентовъ. Представляется русскій офицеръ съ огромнымъ жестяннымъ Георгіевскимъ крестомъ, женщина русская ввидѣ уличной дѣвки, бородатые мужики и бравый иностранный солдатъ, который спасаетъ женщину. Вся публика, кромѣ русскихъ,

¹⁾ Опять таки и туть, послали они въ Сибирь большею частью своихъ агентовъ изъ јудейскаго племени, русскихъ эмигрантовъ, настроенныхъ къ Россіи и къ Русскому народу непримиримо враждебно.

забавлялась и громко хохотала. А русскіе глотали слезы обиды....

На улицахъ Владивостока иностранные солдаты позволяли себъ затрагивать вполнъ порядочныхъ женщинъ; было нъсколько случаевъ, когда русскія женщины должны были обо-

роняться отъ нихъ зонтиками.

Въ концѣ февраля я прівхалъ съ Острова на большой благотворительный вечеръ. При входѣ въ бальный залъ стояли три иностранныхъ офицера одной изъ странъ-интервентокъ, нагрузившеся до того, что тѣла ихъ покачивались, а глава смотрѣли мутно-посоловѣлымъ взглядомъ; лишь только я вошелъ, какъ ко мнѣ обратились нѣсколько дамъ и со слезами на глазахъ просили защитить ихъ, — эти три рыцаря печальнаго образа затрагивали всѣхъ входившихъ въ залъ женщинъ, нѣкоторыхъ хватали руками.

Я подощель къ нимъ.

— «Джентельмены, я прошу Васъ прекратить Ваше пребывание здъсь и немедленно оставить балъ.»

Тѣ тупо на меня посмотрѣли, а одинъ изъ нихъ вызывающе спросилъ:

- «Какое Вы им'вете право говорить намъ такъ?»

— «Вотъ что, — если Вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужденъ употребить силу, а кромъ того сейчасъ же протелеграфирую генераламъ Ноксу и Эрмслею.»

Не знаю, что больше подъйствовало, думаю, второе, - но

интервенты поспъшили уйти съ бала.

Одинъ подвыпившій итальянскій солдать (по фамилін Сартори) убилъ на Владивостокскомъ вокзалѣ русскаго офицера, командированнаго сюда атаманомъ Дутовымъ; офицеръ дѣлалъ замѣчаніе русскому солдату, итальянецъ вмѣшался и толкнулъ офицера, а когда тотъ вынулъ револьверъ, то интервентъ схватилъ свою винтовку и сразилъ эсаула К. на смертъ. И, не смотря на всѣ протесты, остался безнаказаннымъ.

На похороны этой жертвы интервенции я послалъ двъроты и хоръ музыки. Въ соборъ, на Свътланкъ, у гроба есаула К. стоялъ почетный иностранный караулъ: взводъ карабинеровъ и парные часовые, всъ въ киверахъ. Духовенство посылало къ нимъ съ просьбой снять шапки; но тъ отрицательно мотали головами. Произошла заминка, такъ какъ священникъ отказался начинать отпъваніе, пока иностранные солдаты не подчинятся религіозному требованію. Какъ разъ при входъ въсоборъ я засталъ эту сцену. Обратился по французски къофицеру, начальнику караула.

Наша религія требуетъ, чтобы въ церкви всѣ были безъ шапокъ. Будьте любезны приказать вашимъ людямъ

сейчасъ же снять кивера.»

- «Но у насъ полагается быть въ шапкахъ»....

— «Ради Бога, не забудьте, что Вы здѣсь не у себя, а у насъ.»

— «Но тогда мы не можетъ дълать пріема на караулъ, по

нашему уставу нельзя.»

— «Да и не надо, — лучше не дълать ничего, чъмъ оскорблять религюзное чувство народа. Видите, публика какъ взволнована. Можете уходить совсъмъ. Для почестей уби-

тому у меня есть своихъ двѣ роты.»

Только тогда караулъ подчинился и обнажилъ головы. Вскоръ послъ прибытія на островъ, мнъ было доложено, что чины одной изъ иностранныхъ армій ходятъ по Русскому Острову и производятъ топографическія съемки; съ появленіемъ ротъ школы, карауловъ и патрулей это прекратилось. Вскоръ мнъ понадобились для занятій и маневровъ наши военныя карты. Запрашиваю штабъ кръпости. Отвъчаютъ: забрала военная часть одной изъ дружественныхъ странъ, занявшая Хабаровскъ, гдъ былъ топографическій отдълъ штаба округа.

— «Какъ! наши секретныя карты?»

— «Да, всъ забрали...»

Обратился къ помощи англичанъ, чтобы вернуть, но такъ до марта мъсяца и не вернули. Кому-то они понадобились

больше, чемъ Россіи. Кому?

А вотъ выдержка изъ газеты, издающейся въ Кобе (Японія), «The Japan Chronicle» отъ 25 іюня 1920 года изъ статьи подъ заглавіемъ: «The alleged sale of maps». «... Цунанори Ойяма, племянникъ князя Ойяма, былъ арестованъ Токійской жандармеріей по обвиненію въ продажѣ секретныхъ стратегическихъ картъ извѣстному иностранцу (to a certain foreigner).... Когда Ойяма вернулся изъ Сибири, онъ завязалъ дружескія отношенія съ военнымъ аташе посольства извѣстной страны (оf a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продалъ карты стратегической важности за 40000 іенъ...» Цунанори Ойяма былъ въ 1919 году офиціальнымъ лицомъ въ Сибири при интервенціи. Какъ принято писать, — коментаріи излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характеръ интервенціи, не одну книгу; я привожу эти факты не для того, чтобы зад'ввать кого-либо или настранвать противъ кого-нибудь, а лишь съ ц'элью не быть голословнымъ въ сказанномъ раньше. Возникаетъ вопросъ: кому больше повредили вс' подобные господа, — нашей Россіи или своимъ странамъ, которыя послали ихъ на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику?...

Изъ впечатлъній обратнаго пути отъ Владивостока до Омска — сначала Харбинъ съ той же толпой, еще болъе густой. шумной и спекулятивной; но порядокъ и авторитетъ русской власти вамътно окръпъ ва время правленія адмирала Колчака. Китайскія власти соблюдали всъ прежніе договоры, и русскія суверенныя права вдъсь не нарушались.

Читу опять провхали ночью. Я пошель спать, а генераль Ноксъ решиль дожидаться, такъ какъ на вокзале должень быль встретить его съ подробнымъ докладомъ офицеръ миссіи,

маюръ Керквудъ.

Утромъ рано прихожу въ вагонъ-столовую пить чай, вижу тамъ въ углу сидитъ одинъ Керквудъ, отличный человѣкъ, такой веселый, бодрый и прямодушный, какъ истый строевой офицеръ.

— «Здравствуйте, маюръ. Какъ Вы вдѣсь очутились?»

— «Хелло, генералъ! Да вотъ, ночью доложилъ я все генералу Ноксу, а онъ мнъ и говоритъ: собирайте сейчасъ же Ваши вещи, поъдете со мною въ Омскъ. Ничего не знаю, почему?»

И смѣется.

— «Что же Вы докладывали? Какъ положение въ Чить?»

— «Да, прекрасно тамъ; атаманъ очень хорошій человѣкъ, и все у него организовано въ порядкѣ. Очень стараются.»

Вскоръ вошелъ Ноксъ.

«Вообразите,» сказалъ онъ, — «Керквудъ сдѣлался

ваядлымъ семеновцемъ.»

И долго еще этотъ вопросъ дебатировался; маюръ описывалъ работу въ Забайкальъ, борьбу съ большевиками, большя заботы атамана Семенова объ офицерахъ, казакахъ и населении. Я высказывалъ генералу мои соображения, которыя приводилъ выше, но онъ такъ и остался при своемъ мнѣніи, не только пристрастномъ, но видимо имѣющимъ скрытую цѣль; мнѣніе это, — которое Ноксъ не разъ выражалъ даже и въ печати, что въ Читѣ все плохо, много беввакония и большое японское вліяніе.

Иркутскъ. Тихая, вялая работа по формированію, почти бевъ продвиженія впередъ. Огромный штабъ округа представиль подробныя справки и схемы, но не могъ составить плана мобиливаціи и осуществить его. Губернаторомъ оставался все тотъ же Яковлевъ, и населеніе губерніи все больше

волновалось; то тамъ, то тутъ вспыхивали возстанія.

Вскоръ въъхали въ опасный участокъ желъзной дороги. Около станціи Тайшетъ (восточнъе Красноярска) шелъ бой съ бандами красныхъ; такія же банды были и къ югу отъ Красно-

ярска.

За четыре мѣсяца всѣ части Сибири объединились, не представляли болѣе отдѣльныхъ самостійныхъ удѣловъ. Инцидентъ съ атаманомъ Семеновымъ былъ улаженъ, прикавъ № 61 отмѣненъ. Условія для дружной и усиленной работы, кава-

лось, были на лицо. Но дѣло или подвигалось туго, или стояло на мѣстѣ, а изрѣдка стало идти назадъ, создавая новыя препятствія и затрудненія. Причины этого отчасти обрисованы выше; онѣ крылись прежде всего въ разрушительной работѣ соціалистовъ. Ихъ потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многихъ мѣстахъ въ глубокомъ тылу появились новые внутренніе фронты, желѣзно-дорожная магистраль и весь транспортъ были частично подъ угрозой отъ красныхъ бандъ; приходилось отвлекать войска на борьбу съ ними, такъ какъ воинскія части интервенціи, а за ними и чехи, понимали задачу охраны желѣзной дороги увко, т. е. только самой линіи рельсъ и станцій.

На фронтъ же въ это время наша армія начала успъшное наступлене, готовое обратиться въ побъду. Въра въ успъхъ русскаго дъла была полная; казалось, не за горами часъ из-

бавленія Россіи.

Что же намъ нужно было для успъха?

4

Борьба въ этой внутренней, братоубійственной войнѣ велась за идею, священную для каждаго русскаго, — за возрожденіе Великой Россіи. Для всѣхъ было несомнѣнно, что соціалисты развалили Русскую армію въ 1917 году, какъ разъ въ то время, когда она была наканунѣ полной побѣды надъ Германей; затѣмъ они заключили позорнѣйшій Брестъ-Литовскій миръ, унизивъ Русскій народъ до небывалыхъ размѣровъ. И высыпавъ, какъ изъ бездонной бочки, всевозможныя анархическія свободы, до оправданія кражи включительно, они начали разрушать страну внутри. Безпощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушеніе и коснулось оно всего: городовъ, деревень, желѣзныхъ дорогъ, школъ, судебныхъ установленій, общества, церкви и семьи.

Каждый протестъ душился, каждый несогласный къ безусловному подчиненю этой новой разрушительной власти бросался въ тюрьму или ставился къ стѣнкѣ подъ разстрѣлъ.

Были учреждены чрезвычайныя слёдственныя комиссіи съ абсолютной властью, свирёпствовали самодуры-комиссары и красная армія. Большевики прихлопнули всю прессу, закрыли всё газеты и журналы, кромё партійных коммунистических»,

и реквизировали всѣ типографіи.

Россія, уставшая въ міровой войнѣ и потерявшая въ ней лучшихъ сыновъ своихъ, задыхалась, дрожала и тонула въ крови и слезахъ. Ибо, къ чести Русскаго народа, — не было ни одного дня и часа съ самаго воцаренія большевиковъ, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многострадальную спину. Нѣтъ, съ осени 1917 года и до сихъ поръ, до

5.

осени 1920-го, три года наша Родина бъется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернаціонала.

Дъломъ заправляла, изъ центра въ Москвъ, кучка пришельцевъ, нанятыхъ Германіей; среди нихъ девять десятыхъ были іудеи, прикрывавшіе свои специфическія фамиліи «блюмовъ» и «штейновъ» псевдонимами. Такія же личности изъ того же энергичнаго племени появились въ каждомъ городъ и мъстечкъ Россіи, никому на мъстахъ неизвъстные и также прикрывающіеся и до сихъ поръ поддъльными именами на

русскій ладъ.

И эти люди, новые властители великаго Русскаго народа, ненавидъли его самой непримиримой ненавистью, презирали его исторію, бытъ, и культуру. Никому неизвъстные на мъстахъ, не связанные съ ними, они особенно свиръпствовали. Поэтому-то разрушеніе страны шло особенно мучительно, ускоренно и безпощадно. Къ этимъ интернаціоналистамъ, обръзаннымъ, присоединилось изъ русскаго народа все, что было худшаго, самые поддонки; въ комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса безпринципныхъ неудачниковъ на разныхъ поприщахъ и люди безъ чести и совъсти изъ-за личной наживы. Такіе же контингенты съ надбавкой нъкотораго процента увлекающихся истеричныхъ фанатиковъ составили коммунистическую партію, изъ которой и только изъ которой составлялись «совъты рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ».

Для возрожденія Россіи было необходимо прежде всего сбросить всёхъ этихъ вампировъ, присосавшихся къ власти и выпускающихъ кровь изъ Русскаго народа. Это сознавалось всёми слоями его, всёми племенами, и оттого-то такъ могуче и откликнулась народная масса на призывъ вождей и шла сотнями тысячъ подъ русскія національныя знамена. Такъ началась

гражданская война.

Но большевики, руководимые этими отличнъйшими организаторами своего разрушительнаго дъла — евреями, сумъли сдавить русскій народъ и общество такимъ прессомъ, что заставили ихъ служить себъ. Ряды красной армін пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежить сомнвнію, — ибо этоть взглядь существоваль еще въ 1917 году, — что довольно значительная часть офицерства шла служить коммунистамъ съ твердымъ намвреніемъ свалить ихъ и съ вврой, что съ паденіемъ большевиковъ кончатоя революціонныя испытанія Родины и настанетъ время для плодотворной, творческой національной работы. Это подтверждалось неоднократно также твми офицерами, которые на Уралв и въ Сибири переходили отъ красныхъ къ намъ.

въ нашу армію; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для побъды надъ захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многихъ бояхъ своихъ братьевъ, кладя не мало жизней и на нашей сторонъ. И Россія была готова къ этой жертвъ, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва нашла оправдание. Прежде всего для армии нужны были подготовленные офицеры, живненная организация ея, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тылъ и налаженная работа желъвныхъ дорогъ. Со всъмъ этимъ мы могли справиться сами; мы должны были это спълать и съ большой частью этого мы справились.

Затъмъ для арміи необходимы были вооруженіе, боевые припасы, обмундированіе, обувь, снаряженіе, техническое и санитарное снабженіе; этого добыть или изготовить сами мы были не въ состояніи; намъ все это объщали дать союзники.

Для обевпеченія военнаго успѣха и закрѣпленія порядка въ странѣ было крайнѣ необходимо въ успокоенныхъ и очищенныхъ отъ большевиковъ мѣстностяхъ сейчасъ же наладить живнь и наладить ее такъ, чтобы населеніе этихъ мѣстностей почувствовало увѣренность въ прочномъ порядкѣ, получило бы вовможность и охоту заниматься своимъ обычнымъ продуктивнымъ трудомъ. Слѣдовало опереться въ этомъ на само населеніе, призвать къ дѣятельности его лучшіе и средніе элементы, дать имъ самимъ организацію волостной и уѣздной власти и управленія. Надо было разрѣшить, не задаваясь всероссійскимъ масштабомъ, земельный и рабочій вопросы такъ, чтобы они удовлетворяли мѣстные насущные интересы, такъ волновавшіе народъ этихъ областей. Это должно было сдѣлать новое правительство.

Кромъ того, для этой же цъли было крайне важно дать населеню вовможность пріобрътать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь въ этомъ объщали союзники.

Хлѣбъ, мясо, масло, рыбу, фуражъ и всякое сырье Сибирь давала не только для своей арміи и населенія, но могла еще вывовить.

Вотъ тѣ нужды и тѣ условія, удовлетвореніе которыхъ обевпечивало бы успѣхъ дѣлу народной освободительной войны. И армія, и вожди ея не мыслили этой войны ва какой-либо отдѣльный классъ, ва чьи-либо интересы, кромѣ обще-народныхъ, всей Русской Земли.

Необходимо было это еще болѣе ясно покавать всѣмъ, а особенно противной сторонѣ, красной арміи; надо было скавать вполнѣ искренно и проводить въ живнь, что никакая мстительность, мелкая элоба и разсчеть за старое не будуть допущены при новомъ строительствъ нашей общей Родины; что наша цъль одна — вырвать власть изъ рукъ большевицкихъ коммиссаровъ и передать ее народу. При работъ же по возстановлению Россіи каждому русскому мъсто найдется.

Полный неуспъхъ дъла, крахъ его и въ Сибири, и на Югъ Россіи, и у Юденича, и въ Архангельскъ какъ будто говоритъ, что все дълалось не такъ, какъ нужно. Върно, многое, какъ будетъ видно дальше, было упущено; но главныя причины

лежали не въ томъ.

Надо отдать справедливость: то, что намъ было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, намъ давали союзники почти въ полной мѣрѣ. Но какъ? Они привозили все это во Владивостокъ и складывали въ обширные пакгаузы. Затѣмъ начиналась выдача не только подъ контролемъ, но и при самомъ тягостномъ давлении на вопросы во всѣхъ отрасляхъ. Однимъ иностранцамъ не нравилось, что нѣтъ достаточной близости съ эсъ-эрами, другие считали курсъ внутренней политики не достаточно либеральнымъ, третьи говорили о необходимости такихъ-то именно формированій, наконецъ доходили даже до вмѣшательства въ оперативную часть, указывая и настаивая на выборѣ операціоннаго направленія. Все это подкрѣплялось аргументомъ: у насъ запасы всего вамъ необходимаго, мы вамъ даемъ, а вѣдь можемъ и не дать...

Подъ такимъ именно давленіемъ было выбрано направленіе для главнаго удара на Пермь-Вятку-Котласъ, чтобы соединиться съ силами, дъйствовавшими изъ Архангельска. На главное же направленіе, жизненно-важное для насъ, на среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшія силы. А это направленіе давало намъ обладаніе богатъйшимъ краемъ, способнымъ прокормить и отопить всю Россію; это же направленіе соединяло Сибирскую армію съ силами юга Россіи.

У русскихъ людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотвли спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянекъ, не русскихъ, добрыхъ и родныхъ, а семь иностранныхъ гувернавтокъ; каждая изъ нихъ считала себя самой умной и способной помочь «этимъ русскимъ». Въ результатъ мы оказались не только безъ глаза, но и безъ рукъ, и безъ ногъ.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя вниманіе: какъ только обнаружился въ арміи и въ народныхъ массахъ чистый націонализмъ, тоска по Великой Россіи былого, — опека усилилась и давленія сдѣлались рѣвче. И даже проявились открытыя выступленія представителей интервенціи, очевидно считавшихъ національное возрожденіе Россіи вреднымъ для себя, недопустимымъ.

А національное чувство росло въ массахъ народныхъ и крѣпло вмѣстѣ съ первыми успѣхами нашей арміи.

5.

Повторилась одна изъ комбинацій, встръчающихся почти въ каждой войнъ, когда объ стороны усиленно готовятся къ активнымъ дъйствіямъ, къ переходу въ наступленіе послъ затишья и временнаго перерыва, но одна успъваетъ произвести ударъ раньше. Повторилось то же, что было въ 1906 году при началъ Мукденскаго сраженія, когда японцы предупредили всего на нъсколько дней наступленіе Куропаткина; или въ весенней кампанін 1915 года въ Галиціи, когда Макенвенъ сумълъ подговиться и произвести прорывъ нашего фронта на Карпатахъ, опередивъ расчетъ и планъ дъйствій нашего командованія. И всегда сторона, вырывавшая иниціативу, сумъвшая лучше использовать время, бывала побъдительницей.

Весною 1919 года красная армія готовилась перейти въ наступленіе, но мы предупредили ее и начали активныя д'яй-

ствія раньше, первыми.

Западная армія по приказу генерала Ханжина двинулась впередъ, рванула фронтъ красныхъ разъ, оттъснила ихъ немного, затъмъ рванула въ другой разъ. Было нъсколько дней очень тревожныхъ и опасныхъ. Большевики напрягали всъ силы, чтобы спасти положене и отбить атаки нашей арміи; они искусно направили свой контръ-ударъ, чтобы выйти намъ въ тылъ и перехватить единственную здъсь желъзную дорогу. Но и на этотъ разъ наши предупредили противника. Блестящимъ смълымъ маневромъ, сдълавъ въ нъсколько дней свыше трехсотъ верстъ по глубокимъ снъгамъ, вышла 4-я Уфимская дивизія генерала Космина въ тылъ краснымъ, переръзала у станціи Чишмы ихъ коммуникаціонную желъзную дорогу и этимъ сразу облегчила натискъ нашихъ съ фронта. 13 марта, благодаря занятію генераломъ Косминымъ ст. Чишмы, пала Уфа.

Для красныхъ этотъ маршъ-манервъ 4-й Уфимской дивизи былъ такъ неожиданенъ, что они не могли подготовить никакихъ мѣръ противодѣйствія и не успѣли эвакуировать Уфы. Намъ достались тамъ больше запасы и богатые склады, захвачены были тысячи плѣнныхъ и много оружія. Наши войска 3-го и 6-го корпусовъ спѣшили къ Уфѣ почти на перегонки и вошли туда одновременно, занявъ городъ и захвативъ большую военную добычу. Поѣздъ, привезштй изъ Москвы самого Лейбу Троцкаго-Бронштейна, еле успѣлъ ускользнуть на западъ и чуть не былъ захваченъ генераломъ Косминымъ.

Настроеніе нашихъ войскъ приподнялось сраву. И не смотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армія начала дальнъйшее наступленіе и преслъдованіе красныхъ. Быстро развивался планъ. Событія и успѣхи слѣдовали одни за другими съ быстротой Галипійской осенней кампаніи. 6-го апрѣля взятъ Стерлитамакъ, разбита еще одна совѣтская дивизія; 7-го апрѣля захваченъ нашими городъ Белебей. Къ атому времени началось наступленіе уже по всему фронту; 8-го апрѣля былъ достигнутъ крупный успѣхъ и въ Сибирской арміи, — выбили красныхъ изъ Воткинскаго завода.

Перешла успѣшно въ наступленіе и Оренбургская армія генерала Дутова. Это весеннее наступленіе бѣлыхъ армій 1919 года было подобно могучей русской тройкѣ, которая не знаетъ ни устали, ни преградъ, ни разстояній; мчится впередъ, какъ птица, проносится какъ ураганъ, все сметая на своемъ пути, гордая, прекрасная и грозная. Въ корню шла Западная армія,

пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красныя полчища почти бѣжали, дѣлая на подводахъ въ иные дни по семьдесятъ верстъ. Догнать ихъ, окружить и разбить было нельзя. Но несмотря на это масса трофеевъ, — десятками пушки, сотни пулеметовъ, винтовки, снаряды и патроны, — попадали въ руки нашихъ войскъ. И бѣлые полки буквально рвались впередъ. Высшее командованіе сначала думало пріостановить Западную армію на рѣкѣ Икъ, чтобы дать разобраться, пополниться, передохнуть. Но порывъ бросилъ впередъ, дальше. Рѣшили, что передышку устроятъ на Волгѣ.

11 апръля была обойдена и занята Бугульма; въ этотъ же день на съверъ сибиряки захватили Сарапуль, а на югъ былъ взятъ Орскъ. 13 апръля бълые освободили исторический

Ижевскъ съ его знаменитымъ заводомъ.

Красные начали приходить въ панику. Они разсказывали жителямъ бросаемыхъ деревень разныя небылицы про нашу армію. Забавно передавали намъ крестьяне своимъ простымъ

безыскуственнымъ языкомъ эти разсказы:

— «Вишь ты, говорять, рази возможно съ ими справиться, али остановить ихъ. Наше начальство только выберетъ позицью, чтобы окоповъ нарыть и бой дать, а «Колчаки» тутъ уже, прямо точно изъ земли вылъзли али на крыльяхъ прилетъли. Не успъли мы и лопатъ достать...»

— «У нихъ, парень, у «Колчаковъ-то», у каждаго на ногахъ по два американскихъ лыжъ на колесикахъ, вродъ какъ на автомобили, а къ лыжамъ механическій пулеметъ у каждаго придъланъ. Какъ намъ тутъ обороняться противъ нихъ. Ни-

какъ невозможно...»

Сильно была распространена въ народъ версія, что бълая армія идеть со священниками въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и поютъ «Христосъ Воскресе». Эта легенда распространилась вглубь Россіи; спустя два мъсяца еще намъ разсказывали пробиравшіеся черевъ красный фронтъ на нашу сторону изъ

Заволжья: народъ тамъ радостно крестился, ввдыхалъ и просвътленнымъ вворомъ смотрълъ на востокъ, откуда въ его мечтахъ шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недѣль, когда я прибылъ на фронтъ, мнѣ передавали свои думы крестьяне при объѣздѣ мною нацпихъ бое-

выхъ частей западнъе Уфы:

— «Вишь ты, Ваше Превосходительство какое дѣло вышло, незадача. А то вѣдь, народъ совсѣмъ размечтался, — конецъ мукамъ думали. Слышимъ, съ бѣлой арміей самъ Михаилъ Ляксандрычъ идетъ, снова Царемъ объявился, всѣхъ милуетъ и землю крестьянамъ даритъ. Ну, народъ православный и ожилъ, осмѣлѣлъ, значитъ, комиссаровъ даже избивать стали», разсказывали мнѣ крестьяне. «Все ждали, вотъ наши придутъ, потерпѣтъ немного осталось. А на провѣрку-то вышло не то» закончили они. И кучка односельчанъ, стоявшая кругомъ и жадно слушавшая разсказъ, вздохнула глубокимъ, какъ бездонное горе, вздохомъ.

Но въ апрълъ казалось еще все безоблачнымъ. Успъхи арми продолжались. Наступление развивалось, войска шли

все дальше и глубже, манила Волга.

17 апръля былъ взятъ Бугурусланъ, откуда двинулись на Бузулукъ, чтобы отръзать Туркестанскую армію красныхъ, занимавшую Оренбургъ. 29 апръля 2-ой Уфимскій корпусъ рванулся еще впередъ и захватилъ Сергіевскій Заводъ, всего въ 50—70 верстахъ отъ Волги. 4 мая Сибирская армія, развивая свое наступленіе на съверъ, заняла городъ Елабугу.

Въ это время Сибирская армія была болѣе чѣмъ въ полтора раза сильнѣе Западной; главная масса сибирскихъ войскъ была сосредоточена на Глазовскомъ направленіи, — все на той же несчастной для насъ линіи Вятка-Котласъ. Западная же армія, продѣлавъ блистательно быструю операцію, сильно выдохлась; помимо неимовѣрной усталости были большія потери, и не такъ отъ боевъ, сколько отъ форсированныхъ маршей и

холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что вѣдь эта армія, сдѣлавшая прямо чудеса, была не вполнѣ регулярна, вѣдь она имѣла возрастъ — только четыре мѣсяца организованной службы; понятно требовать и ожидать отъ нея настоящей регулярности было нельзя. Вполнѣ въ порядкѣ вещей было такое ненормальное явленіе, что Ижевская дивизія, одна изъ лучшихъ, потребовала переброски ея на Ижевскъ, къ ихъ дворамъ. «Мы котимъ драться съ большевиками, какъ и дрались, но только желаемъ защищать свой Ижевскъ», — такъ говорили они. А въ это время какъ разъ надо было Ижевцевъ во что бы то ни стало перебросить на Бузулукское направленіе, самое важное для насъ въ тѣ дни. Но надо понять, что это была вѣдь граж-

данская война, которая велась за освобожденіе страны, а въ понятіяхъ массъ, прежде всего за освобожденіе ихъ очаговъ, ихъ земли, своихъ домовъ, своихъ близкихъ.

Надо было также вид'ять своими глазами, чтобы пов'ярить, во что была од'ята армія, сд'ялавшая пятисотверстный насту-

Конный развидчик -Татарии.

пательный походь. Большинство въ рваныхъ полушубнахъ, иногда одътыхъ прямо чуть ли не на голое тъло; на ногахъ дырявые валенки, которые при весенией распутицъ и грязи были только лишней обузой, — легче и пріятить идти босикомъ. Такъ часть и продълывала. Полное отсутствіе бълья, непрерывное, безъ остановокъ движеніе, насъкомыя, некогда

помыться въ банѣ. Не было возможности почти всѣ семь дней въ недѣлѣ готовить и давать горячую пищу, — походныхъ кухонь въ то время не имѣлось; питались консервами, хлѣбомъ, да чѣмъ Богъ пошлетъ. Все это вызывало очень большой процентъ больныхъ. Да можно себѣ представить и состояние здоровыхъ!

Требовалась самая настоятельная необходимость въ немедленной присылкъ съ тыла свъжихъ частей, которыя докончили бы начатое дъло. Только съ ними, съ новыми частями, можно было расчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней пріостановиться и подготовиться къ дальнъйшей лътней кампаніи.

Какъ разъ въ началъ весенняго наступленія я прівхаль въ Омскъ и былъ назначенъ на должность генерала для порученій при Верховномъ Правителъ для спеціальной задачи инспектировать всъ тыловыя части и школы подготовки, слъдить за ихъ боевой готовностью, принимать мъры для ускоренія

ея, имъя непосредственный докладъ у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидъть, что можеть дать фронту тыль и когда; зная условія тамь, въ передовыхъ частяхъ, понимая все значение для Россіи переживаемыхъ дней и своевременной поддержки дъйствующей армии, я со своими помощниками провели шесть недъль въ напряженной работ' по инспекци частей ближайшаго къ фронту Омскаго округа и мобилизаціоннаго отдъла Главнаго Штаба. Выяснившеся результаты были ужасны: округь быль совершенно не въ состояни дать ранве двухъ мвсяцевъ что-либо въ двиствующую армію, даже при условіи немедленной присылки новобранцевъ въ имъвшеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже, — Главный Штабъ не закончилъ даже плана мобилизаціи по увадамъ, не сдвлалъ разсчетовъ перевозки ихъ по желъзнымъ дорогамъ. Все это было представлено миъ въ полуготовомъ видъ. А въдь надо было еще разослать воинскимъ начальникамъ и мъстнымъ властямъ, тъ должны были сдълать свои распоряженія, собрать новобранцевъ, распредълить ихъ на партіи и отправить. . . Эта схема экстериторіальнаго комплектованія была прямо абсурдна: изъ Барнаула люди ъхали въ Красноярскъ, изъ Красноярска въ Омскъ, изъ Омска въ Томскъ, изъ Томска въ Нижнеудинскъ, изъ Иркутска въ Бійскъ, изъ Ново-Николаевска въ Иркутскъ, изъ Маріинска въ Барнаулъ и т. д., и т. д. Этотъ безподобный планъ подготовлялся и проводился не спъща и съ сознаниемъ непреложности и правильности работы. На сдъланномъ графикъ движенія всёхъ партій новобранцевъ была цвётная частая сётка перекрещивающихся по всвиъ направленіямъ линій. Не надо при этомъ забывать, что мы въдь имъли въ распоряжении одну магистральную линію жельзной дороги, и безь того вагроможденную транспортированіемъ грувовъ съ востока. Естествененъ былъ первый вопросъ:

Сколько же времени понадобится для перевозки всъхъ

партій?»

— «Это мы еще не высчитали, это долженъ сдѣлать отдѣлъ военныхъ сообщеній.»

«Такъ когда же по Вашему плану можно разсчитывать

послать части на фронтъ?»

— «Нельзя точно скавать. Ставка дала ваданіе подать три дививіи къ 1 мая. Но, понятно, съ этимъ не справиться. Это въдь не такъ просто. А потомъ, обмундированіе еще не полу-

чено отъ генерала Нокса...»

Вотъ къ чему привела бюрократическая система, укрѣпившаяся за зиму въ Военномъ Министерствѣ Омска. Нечего было и думать о посылкѣ на фронтъ на смѣну и поддержку выдохшимся бойцамъ свѣжихъ частей. По принятому Главнымъ Штабомъ и неваконченному еще плану можно было разсчитывать, при напряжени работы, послать на фронтъ три дивизи не раньше августа. И то, если работу начать немедленно, отказавшись отъ бумажной волокиты.

Волжскій корпусъ генерала Каппеля спѣшно готовился въ Курганѣ; ставкѣ пришлось его сорвать съ работы и въ полуготовомъ видѣ, по частямъ перевозить въ Уфу и западнѣе. Но это былъ именно срывъ и самое плохое использоване тѣхъ силъ и того послѣдняго резерва, который могъ при правильномъ употребленіи дать дѣйствительно рѣшительные резуль-

таты, такъ нужные Россіи.

Было еще одно средство добиться этихъ результатовъ и тъмъ поправить положение. Какъ уже сказано, Сибирская армія была очень сильна числомъ, имъла къ тому же лучшее снабжение, была и одъта, и обута, и понесла мало потерь за весеннее наступление. Она развивала наступление по главному своему направлению на Вятку-Котласъ и по второстепенному — на Казань. Нужно было отказаться отъ этого плана; первое направление, на съверъ, прикрыть небольшимъ отрядомъ, а всъми силами вести наступление на Волгу, примърно, на фронтъ Казань — Симбирскъ, ударяя въ лъвый флангъ большевиковъ, сосредоточившихся противъ Западной арміи. Это было возможно сдълать и, если бы это выполнили, хотя и съ оповданиемъ, дъло было бы выйграно.

Теперь поздно давать хорошіе совѣты, но всѣ эти соображенія докладывались въ тѣ дни Верховному Правителю и ставкѣ; они соглашались, но сдѣлать ничего не могли. Генералъ Гайда и его штабъ не хотѣли и слушать о перемѣнѣ операціонныхъ направленій; поддержку въ этомъ они находили у нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей иностранной интервенціи, кото-

рымъ казалось важнѣе всего бить на сѣверъ, къ Архангельску. Такъ и не было достигнуто взаимодѣйствіе двухъ армій, даже и тогда, когда на Волжскомъ фронтѣ, въ Западной арміи начались неудачи. А онѣ пришли для большинства неожиданно.

6.

Небо казалось чистымъ, безоблачнымъ, горизонтъ яснымъ, завътная цъль близкой. Омскъ въ эти дни, совпавше съ ранней мягкой весной, жилъ спокойной, увъренной радостью. Была какъ разъ Святая Недъля, въ тепломъ воздухъ трепетали и плыли звуки пасхальнаго перезвона, на улицахъ весело гудъла праздничная толпа. У всъхъ счастливыя улыбающеся лица, громкій говоръ, при чемъ, какъ всегда въ нашей милой сторонъ, преувеличеніе сверхъ предъла. Извъстія объ успъхахъ арміи подхватывались въ ставкъ, передавались черезъ знакомыхъ, летъли въ массы, все выростая, претворяясь въ желанную легенду. Говорили уже о томъ, что наша кавалерія перешла Волгу, Дутовъ занялъ Оренбургъ, что за Волгой всюду возстанія крестьянъ.

Верховный Правитель объёхалъ передъ тёмъ почти всё освобожденныя отъ большевиковъ мёстности; когда онъ былъ въ Перми, тамъ его встрёчали всё слои населенія, какъ народнаго вождя, выдвинутаго самимъ Богомъ для спасенія Родины. Въ особнякё его на берегу Иртыша въ пріемной стояла горка, обитая синимъ сукномъ, уставленная вся въ нёсколько ярусовъ блюдами и адресами отъ Перми; на всёхъ вырёзаны слова благодарности и готовности на новыя жертвы. Здёсь были и отъ русскихъ женщинъ, и отъ духовенства, отъ крестьянъ, отъ рабочихъ Пермскихъ заводовъ, отъ городского самоуправленія и даже отъ земской управы созыва 1917 года.

Такъ же встрвчали его и другіе города. Рабочіе знаменитаго Златоустовскаго завода поднесли ему цвнную булатную шашку съ трогательной надписью, какъ національному герою. И въ селахъ при его прівздв всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили отъ чистаго сердца скромную хлъбъ-соль.

Армія, тѣ части ея, которыя адмираль объѣхаль, показала ему, что самь народь идеть вь ея рядахь на великое дѣло, а порывь войскь укрѣпиль надежду и увѣренность въ успѣхѣ. Но порѣдѣвше ряды, убогое снабжене и отсутствіе обуви заставляли задуматься и искать быстрыхъ способовъ заполнить недостатки.

— «Подумайте только,» говорилъ Верховный Правитель, — «какъ они одъты. Нътъ», — онъ повышалъ голосъ, — «какъ они раздъты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. Въ шестомъ корпусѣ мнѣ былъ выставленъ почетный караулъ босикомъ, безъ сапогъ».

Но центральныя учреждения и тылъ казались забронированными, непонимающими людьми, о которыхъ сказано: они имъли глаза и не видъли, имъли уши и не слышали. Въдь если бы собрать въ тылу бълье, одежду и сапоги у тъхъ мущинъ, которые сидъли тамъ и не желали воевать сами, ожидая отъ армии новыхъ подвиговъ и жертвъ, если бы не раздъть ихъ, эти десятки тысячъ людей, сидъвшихъ дома, а хоть бы собрать у нихъ лишнее, но собрать дъйствительно и настойчиво, — то сколько бы офицеровъ и солдатъ было спасено этимъ. Но глухъ былъ тылъ, и сказалась полная отчужденность его отъ фронта.

Успъхи арміи, ея побъдное шествіе впередъ, большія площади новыхъ губерній, освобожденныя ею, все это, наоборотъ, усилило еще болье то ошибочное направленіе, которое было ввято съ самыхъ первыхъ дней. Занялись совданіемъ даже новаго учрежденія — Всероссійскаго Сената. Министерства росли и распухали еще больше, укръпляясь въ своемъ яко-бы всероссійскомъ размъръ и значени. Этому не мало способствовало и то, что всъ русскіе антибольшевицніе вожди и правительства привнали адмирала Колчака, какъ Верховнаго Правителя Россіи, а его правительство, какъ центръ. Помню, какое сильное впечатлъніе произвела телеграмма генерала Деникина о подчиненіи его и Добровольческой арміи адмиралу Колчаку.

«Какой патріотическій поступокъ, какая высота. Дѣйствительно, видно, русскіе люди объединились, чтобы спасти Родину; нѣтъ мѣста для личныхъ честолюбій».

Въ эти дни торжества Русской идеи и побъднаго шествія нашей арміи измінилось и отношеніе соювниковъ-интервентовъ. Они стали гораздо мягче, исчевъ нетерпъливый и ворчливый тонъ. Усилилась ихъ дъятельность теперь по разнымъ министерствамъ, главнымъ образомъ въ иностранномъ министерствъ съ его «министромъ» Сукинымъ; все вертълось, главнымъ обравомъ, - опять таки у того же вопроса объ офиціальномъ привнаны Антантой Омскаго правительства, какъ всероссійскаго-Это быль одинь изъ самыхъ острыхъ моментовъ его. Вотъвоть признають, не сегодня-вавтра, увъряли всв иностранцы. а одинъ, наиболъе вліятельный велъ кампанію и убъждалъ Верховнаго Правителя въ необходимости для признанія выпустить новую декларацію, «совстить либеральную и демократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой духъ керенщины, этой первой ступени интернаціонала, ожиль и черевь явныхь и тайныхъ агентовъ своихъ вносилъ снова разрушение среди русскихъ людей въ ихъ національное діло.

Никакихъ декларацій, понятно, не надо было никому; лишь одно дѣло могло дать все. Если бы арміи наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народъ окавывалъ такую могучую поддержку, установило бы въ странѣ порядокъ и занялось бы творческой работой, — кто могъ бы не признать его? Кто?

Арміи же были въ эти дни въ зенитѣ своихъ успѣховъ и славы. Еще усиліе, и Русское дѣло выиграно. Но для этого усилія нужно было рѣшиться на измѣнение плана Сибирской арміи, на перемѣну ея направленія на юго-западъ для комбинированнаго удара съ Западной арміей.

Гайда со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Богословскимъ прівхали въ эти дни въ Омскъ съ докладомъ. Мастерски сдвланныя схемы наглядно показывали, какую силу представляетъ изъ себя теперешній составъ Сибирской арміи, ея организацію, группировку и намвченное увеличеніе. Гайда горячо отстаивалъ свою идею движенія на Вятку, доказывая, что, взявши ее и Казань, будетъ очень легко дойти до Москвы.

Послѣ доклада Верховный Правитель оставиль всѣхъ насъ обѣдать; разговоръ за обѣдомъ не касался этого вопроса и шелъ на самыя обыденныя темы. Но затѣмъ, уже вечеромъ, въ кабинетѣ адмирала остались онъ, Гайда съ начальникомъ штаба Богословскимъ, генералъ Д. А. Лебедевъ и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить всѣ силы, чтобы развить наступленіе на Поволжье и соединиться съ Добровольческой арміей; иначе вставала угроза, что Западная армія не выдержитъ. Вставалъ призракъ катастрофы.

Здёсь впервые прозвучали тё ноты, которыя вскорё миё пришлось слышать въ Екатеринбурге. Гайда сталь очень искусно затушевывать и преуменьшать сделанное Западной арміей, восхваляя ловко въ то же время общій стратегическій планъ, вспоминая и разсказывая операціи и зпизоды изъ своей арміи, набрасывая широкія перспективы занятія имъ Казани, Вятки, соединенія съ Архангельскомъ, легкой подачё оттуда англійскаго снабженія и товаровъ. Нарисовалъ положеніе Москвы, которая легко и скоро будетъ занята тогда Гайдой. Все это онъ пропитывалъ струйкой тонкой, умёлой лести, вплетая увёренія о своей безпредёльной преданности Верховному Правителю, и дёлалъ это такъ искусно, что только постороннее вниманіе могло замётить неискренность и затаенную мысль.

Разговоръ все дѣлался интимнѣе и ближе. Часовая стрѣлка подходила ко времени отхода поѣзда Гайды. Передъ самымъ отъѣздомъ адмиралъ Колчакъ обнялъ его, расцѣловалъ и, обращаясь къ остальнымъ, сказалъ слова, совершенно неожиданныя и глубоко насъ поразившія:

— «Вотъ что, слушайте,» онъ обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, — «я върю въ Гайду и въ то, что онъ многое можетъ сдълать. Если меня не будетъ, если бы я умеръ, то

пусть Гайда замвнить меня».

Было больно слышать и видъть, какъ послъ этого Гайда, этотъ очень хитрый и очень волевой человъкъ, склонился къ плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица, — торжествующая улыбка эмъплась на его тонкихъ губахъ; тихимъ, неслышнымъ намъ шопотомъ что-то нашептывалъ онъ въ самое ухо Верховному Правителю.

Вскоръ Гайда уъхалъ; вопросъ о координации дъйствий

Западной и Сибирской армій остался нервшеннымъ.

7.

Мнѣ пришлось до середины мая, производя инспекціи войсковыхъ частей, объѣхать города Томскъ, Новониколаевскъ, Барнаулъ, Бійскъ и Екатеринбургъ. Въ Омскѣ я бывалъ въ промежуткахъ между этими поѣздками, работая тамъ по провъркъ дѣятельности мобилизаціоннаго отдѣла Главнаго Штаба

и частей Омскаго гарнивона.

Одно изъ коренныхъ заблужденій нашихъ заключается въ томъ, что дѣло можно дѣлать, сидя у себя въ кабинетѣ и управляя съ помощью бумагъ и телеграфа. И въ обычное-то время, при прочномъ и стройномъ государственномъ аппаратѣ, этотъ способъ даетъ плохіе результаты, а въ наши дни послѣреволюціоннаго развала результатовъ не получается никакихъ. Такъ было и здѣсь во всѣхъ вѣдомствахъ; писались вылощенные доклады-проекты, по нимъ составлялись бумажныя распоряженія и разсылались по почтѣ и телеграфу; послѣ этого составлялся новый докладъ о проведенныхъ мѣрахъ, и дѣло считалось сдѣланнымъ. Центральные и подчиненные имъ окружные или губернскіе органы успокаивались на сознаніи исполненнаго долга, проводя затѣмъ такимъ же способомъ вереницу другихъ вопросовъ.

На мъстахъ же обыкновенно происходило дъло такъ: мъстные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряжения, и каждый поступалъ сообразно съ его разумъниемъ и свойствами. Иногда бумажное распоряжение клалось въ столъ безо всякаго примънения, у другихъ были попытки провести его въ жизнь, третьи, возмущенные непримънимостью распоряжения изъ центра къ мъстнымъ условиямъ, заводили споръ и переписку; въ большинствъ случаевъ эти распоряжения, казавшеся издали такъ законченными и полезными, не оказывали никакого дъйствия, будучи безжизненными. Послъдствия такой системы были тъ, что центръ успокаивался на самообманъ исполненнаго дъла, — мъстные же органы привыкали

къ мысли, что центръ неспособенъ и не желаетъ вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось къ бумажному управлению и бумажнымъ отчетамъ. Это и есть то, что называется бюрократической системой; въ этомъ самообманъ и успокоении и ваключаются ея вредныя стороны.

Жизнь же всякой страны требуеть для успаха другого рода дъятельности, жизненнаго и живого. Т. е. такого, который быль бы основань на знаніи містныхь условій, соотвітствовалъ силамъ и проводился бы всеми частями государственнаго аппарата, отъ центральныхъ органовъ до последней периферіи, — быстро, стройно и цізльно. Для этого нужно: 1) изученіе м'встныхъ условій черезъ м'встныхъ агентовъ и черезъ агентовъ центра, разъвзжающихъ по мъстамъ; 2) на основании общей идеи и мъстныхъ условій должны отдаваться изъ центра директивы, направляющія работу, вводящія ее въ опредъленный планъ; 3) постоянное руководство работой на мъстахъ центральными органами черезъ своихъ агентовъ и постоянный контроль. Для этого должна быть деятельность канцелярій сведена до минимума съ очень небольшимъ личнымъ составомъ, а дъятельность чисто активную, разъъзды и работу на мъстахъ необходимо развить, особенно вначаль, до высшаго напряженія. На это не приходится жаліть ни людей, ни средствъ. Но эти разъзжающе и руководяще на мъстахъ агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами съ Олимпа, а настоящими руководителями и помощниками въ работъ мъстныхъ органовъ, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочіями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтверждение во времи моихъ объёздовъ по инспекции войсковыхъ частей. Картина была во всёхъ городахъ почти одна и та же. Русские люди хотвли работать, начинали дёло, но вскорт натыкались на препятствия, неясности, несогласованность; возникали трения, изъ-за пустяковъ дёло тормозилось. Писалось въ центръ, но оттуда разъяснения и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильныя, еще болте затрудняющия дёло.

Оказалось, что работа по формированію частей для посылки на фронтъ заглохла и была почти безъ движенія; такая же участь постигла и школы подготовки младшаго команднаго состава. Офицеры, бившеся надъ попытками начать дѣло и вести его, не хитрое, простое, привычное имъ дѣло, получали вмѣсто руководства рядъ бумажныхъ распоряженій, иногда противорѣчащихъ одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, натыкались на затрудненія, не могли ихъ разрѣшить, бились надъ этимъ, и долго бились, но безуспѣшно. Дѣло не шло.

Всюду меня встръчали сначала прежней, традиціонной встръчей, какъ ревивора изъ центра, которому надо показать все благополучіе, втереть очки; который будетъ гремъть, пыжиться, разнесетъ для порядка и уъдетъ, послъ чего можно будетъ снова погрузиться въ прежнее инертное состояние.

Но моя формула работы по инспекции была иная:

— «Посмотримъ вмѣстѣ, что и какъ сдѣлано у Васъ, Вашъ планъ, совмѣстно сравнимъ его съ планомъ, составленнымъ въ Главномъ Штабѣ и въ округѣ, выяснимъ всѣ мѣстныя условія и затрудненія. И затѣмъ давайте сраву и начнемъ работу. Я имѣю полномочія помочь Вамъ и устранить всѣ затрудненія. Пробуду столько, сколько Вамъ нужно, чтобы дѣло пошло.»

Безъ всякихъ парадовъ, безъ спеціально назначенныхъ часовъ собирались мы, мъстные работники и я со своими помощниками, съ ранняго утра, въ часы, назначенные ихъ постояннымъ расписаниемъ дня. И вмъстъ начинали работать. Черезъ нъсколько дней дъло выяснялось, всъ препятствія совмъстными усиліями были устранены. И получался отъ этой работы сразу ощутительный результатъ, который вмъстъ съ простымъ и яснымъ планомъ — были лучшей гарантей успъха.

Черезъ нѣсколько дней, уѣзжая, мы равставались какъ люди, связанные общими интересами и общимъ дѣломъ, рав-

ставались, въ большинствъ случаевъ, друвьями.

Когда я вы халъ въ первый разъ и прибылъ въ Томскъ, въ пути была получена телеграмма изъ ставки, что Верховный Правитель приказалъ принять всъ мъры къ возможно большему привлеченію офицеровъ изъ тыла на фронтъ, такъ какъ дъйствующія части испытываютъ острый недостатокъ въ младшемъ командномъ составъ.

Бево всякаго ущерба для мѣстнаго дѣла мнѣ удалось отправить на фронтъ въ три дня изъ Томска двѣсти офицеровъ, изъ Новониколаевска сто семьдесятъ. Дѣлалось это такъ: собиралъ начальниковъ частей со списками личнаго состава, провѣрялъ ихъ, а также дѣятельность части, устанавливалъ, сколько офицеровъ необходимо оставить, а остальнымъ — три дня на сборы, и спеціальнымъ эшелономъ въ дѣйствующую армію.

При этомъ выяснялись попутно прямо невъроятныя вещи. Въ Томскъ числилось свыше ста отдъльныхъ частей, и изъ нихъ только около десяти были чисто строевыя, необходимыя для фронта. Среди остальныхъ же были нъкоторые, еще образованные «Комучемъ» въ Казани и Самаръ, звакуированные отряды; существовалъ химическій батальонъ, имъвшій сорокъ офицеровъ и десять солдатъ, инженерный учебный полкъ съ еще болъе невъроятной пропорціей и др.

— «Какъ давно Ваша часть существуеть?» спросиль я ко-

мандира инженернаго полка.

- «Съ августа 1918 года».
- «Ваши задачи?»
- «Подготавливать для арміи младшій командный составь и чинить инженерное имущество. Мы имъемъ много мастерскихъ...»
- «Много мастерскихъ?... А сколько Вы отправили въ армію подготовленныхъ офицеровъ и солдатъ?»

-- «Пока ни одного».

— «Сколько доставили инженернаго имущества?»

— «Тоже пока ничего. Намъ никто не присылалъ для

исправленія. . .»

Химическій батальонъ им влъ какіе-то вывезенные съ Волги балоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это въ на-

шей-то Россіи, въ гражданской войнъ...

Были и еще части, абсолютно не имѣвшя никакого значения или даже вредныя тѣмъ, что, ничего не давая дѣлу обороны, онѣ поглощали большое количество денегъ и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже мѣсяцами привыкше ничего не дѣлать, легко сдавались и охотно ѣхали на фронтъ; наоборотъ они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы въ Главный Штабъ. Но все же черевътри дня эшелонъ съ офицерами отправился въ дѣйствующую армію.

Въ Томскъ, этомъ большомъ университетскомъ городъ, поражало и бросалось въ глаза чрезвычайно большое число молодыхъ и здоровыхъ штатскихъ людей, слонявшихся здѣсь бевъ дѣла, въ то время, когда на фронтъ былъ дорогъ каждый человъкъ, армія испытывала острый недостатокъ въ младшихъ офицерахъ. А здѣсь какъ разъ было много подходящаго матеріала, учащейся молодежи. Ихъ можно было завербовать всѣхъ бевъ вреда, такъ какъ наступали лѣтнія вакаціи, да кромѣ того всѣ зданія учебныхъ заведеній были реквизированы, какъ необходимыя подъ постой нашихъ и чешскихъ войскъ. И вѣдь такъ ясно, казалось бы, что всѣ усилія должны были быть направлены на то, чтобы вовможно быстрѣе окончить гражданскую войну, вымести изъ Россіи соръ интернаціонала, а тогда уже налаживать и ученье.

Въ Томскъ же я впервые увидълъ наглядно безграничную наглость чехо-словацкихъ руководителей, поощряемыхъ нъкоторыми изъ интервентовъ. Сюда пришла на постой 2-я чешская дивизія; остальныя дивизіи распредълены были по квартирамъ въ городахъ по линіи желъзной дороги между Омскомъ и Владивостокомъ. А мъсяца полтора передъ тъмъ по всей Сибири разъъвжала междусоюзная квартирная комиссія въ составъ по одному представителю отъ англичанъ, французовъ, итальянцевъ, румынъ, чеховъ и американцевъ; былъ прикомандированъ

къ комиссіи и одинъ русскій офицеръ. Эта комиссія въ нашей странъ распоряжалась по своему, всъ лучшія помъщенія отводили для иностранныхъ войскъ, состоявшихъ главнымъ обравомъ изъ нашихъ бывшихъ военноплънныхъ; притомъ русскіе интересы въ разсчетъ совсъмъ не принимались.

Намъ были необходимы тогда же казармы для вновь формируемаго въ Томскъ егерскаго батальона и для военно-училищныхъ курсовъ, подготовлявшихъ въ дъйствующую армію портупей-юнкеровъ. Подходящія зданія были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссіей для чеховъ. Я приказалъ тогда, на основаніи им'ввшихся у меня полномочій высшаго Русскаго командованія, отвести чехамъ другія казармы, а эти, такъ необходимыя для насъ самихъ, занимать. Объяснилъ это при личномъ свиданіи начальнику 2-ой чехо-словацкой дивизіи; причемъ затрудненій не было, такъ какъ чехо-словаки еще не выгружались изъ своихъ вагоновъ. Надо сказать, что они вообще не желали разставаться съ вагонами, полными всякаго скарба и имущества, пріобр'втеннаго ими за время пути ихъ отъ Волги до Сибири, и цълыми мъсяцами держали десятки тысячъ вагоновъ. Чехъ-полковникъ на словахъ согласился, но только я увхаль изъ Томска, вслвдъ телеграмма, что чехи силой хотять занять епархіальное училище, назначенное для военно-училищныхъ курсовъ. Понятно, на силу ответить силой мы въ то время не могли, хотя такое движение имъло бы успъхъ, и было бы встръчено населениемъ восторженно, — въ массахъ русскихъ солдать и среди населенія накопилось много озлобленія противъ наглыхъ «освободителей»; когда еще въ мартъ я былъ въ Иркутскъ съ Ноксомъ, во многихъ мъстахъ города мы видъли надписи на ствнахъ, сдвланныя полуграмотной рукой простого человъка: «Бей жида и чеха. Спасай Россію. Чехи убирайтесь домой въ . . . » и т. д.

Попытались дъйствовать черезъ чешскаго главнокомандующаго, французскаго генерала Жанэна. И вотъ потянулась исторія на цълые полтора мъсяца. Французскій генералъ на словахъ соглашался съ нами, объщалъ, издали грозилъ даже чехамъ, а на дълъ выходило другое: онъ писалъ имъ, что «ихъ справедливыя желанія столкнулись съ желаніями русскихъ, и онъ, Жанэнъ, проситъ чеховъ уступить». Тъ отказывали; тогда Жанэнъ писалъ намъ, что не можетъ ничего сдълать, надо намъ уступить чехамъ. Только, когда Верховный Правитель вышелъ изъ терпънія и заявилъ, что вредъ, приносимый армии проволочкой времени, заставитъ его пойти на крайнія мъры, до примъненія силы оружія включительно, — чехи и ихъ французскіе руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить съ ними съ самаго начала другимъ языкомъ. . .

Иначе, какъ наглымъ, отношение массы чехо-словацкихъ войскъ назвать было нельзя. Представьте себъ цълыя толпы этихъ людей съ славянскимъ говоромъ, одътыхъ въ новенькія и щеголевато сщитые русскія шинели и мундиры, въ новыхъ нашихъ же сапогахъ и фуражкахъ, бевъ погонъ, но съ русскимъ оружіемъ, почти всѣ съ длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили цълыми стаями по улицамъ всъхъ сибирскихъ городовъ, толпились на станціяхъ, ничего не дълая и не желая дѣлать. Когда возникалъ вопросъ о несеніи ими караульной службы въ гарнизонахъ, они отвъчали, - это не ихъ дъло, пусть несуть русскіе, или кто хочеть. Они захватывали больше склады продовольствія и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидъли, здоровые и сытые тунендцы, ва спиной многострадальнаго русскаго фронта, гдъ офицеры и солдаты были въ рубищъ, терпъли во всемъ недостатокъ. И въ то же время взглядами, жестами и встмъ внъшнимъ видомъ большинство чеховъ выражало какое-то непонятное презрѣніе и нескрытую радость нашему горю и неудачамъ. Они были въ большомъ почетв и всячески ублажались нашими лѣвыми, соціалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу съ ихъ команднымъ составомъ и политическимъ цен-

Какъ я уже писалъ, въ Томскъ мнъ пришлось увидъть ту бевдну, которую подготовляли русскому делу эсъ-эры. Ко мне шли многіе русскіе люди разныхъ положеній и занятій, зная, что я генералъ, присланный Верховнымъ Правителемъ, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонуло въ многоярусных Омских канцеляріях. Шло само русское горе, надъясь на исцъление. Понятно, я не имълъ права пройти мимо этихъ сторонъ жизни, не могъ ограничиться только военной инспекціей, такъ какь вся работа эсь-эровъ и сродныхъ имъ органивацій была направлена главнымъ образомъ на то, чтобы мѣшать и вредить дълу организаціи армін, расшатывать страну и свести на нътъ наши военные успъхи. Это былъ врагъ опаснъе большевиковъ, потому что дъйствоваль онъ не въ открытую, подготавливалъ тайный внутренній фронтъ въ тылу. Отсюда и изъ другихъ городовъ я привезъ адмиралу, помимо доклада о воинскихъ частяхъ, общирные фактические матеріалы, доказывавиие преступную, анти-русскую работу соціалистовъ-рево-

люціонеровъ и связь ихъ съ большевиками.

Верховный Правитель разсмотрѣлъ все, выслушалъ подробный докладъ, и впервые я замѣтилъ выражение усталости въего глазахъ.

— «Да, да, все это такъ,» сказалъ онъ, — «я и раньше многое зналъ; надо принимать мѣры. Но приходится дѣйствовать очень осторожно. Вѣдь союзники и до сихъ поръ убѣждены, что эсъ-эры выражають мивніе народныхь массь и опираются на нихъ...»

ô.

Богатвйшій Алтайсній край съ его сербезнымъ, двловитымъ населеніемъ, потомками первыхъ колонизаторовъ Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу противъ большевиковъ, отдавали ей все и хотвли одного, — скорве покончить войну, раздавить гидру интернаціонала и начать спокойную прежнюю живнь. Здвсь пахнуло на меня старой Россіей, бливкой и дорогой всвмъ намъ и такъ ненавистной соціалистамъ всвхъ толковъ. Барнаулъ, столица края, стоялъ почти на половину обгорвлый, — соціалисты, выпустивъ изъ тюрьмы въ первые же дни революціи уголовныхъ преступниковъ, сожгли вмвств съ ними городъ, продвлывая свой опытъ въ 1917 году. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всвхъ отрасляхъ. Отличное впечатлъне произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные тамъ.

— «Вотъ только не даютъ намъ пополнения. Влили бы мъстныхъ крестьянъ и алтайцевъ, въдь это-же лучшій элементъ, и сами просятся», говорили мнъ старшіе офицеры. Съ такими же ваявленіями приходили и депутаты отъ крестьянъ, горожанъ и инородцевъ.

Бійскъ, другой городъ Алтая, носилъ ту же физіономію дъловитости, работы и общаго страстнаго желанія національнаго возрожденія страны. Ранняя весна развезла глубокіе снъта, и на улицахъ грязь стояла по ступицу.

— «Нашъ городъ славится тѣмъ», — безобидно смѣялись надъ собою бійцы, — «что онъ самый грязный городъ въ Россіи. У насъ даже открытки есть: цѣлый возъ утонулъ весной на улицѣ».

Зато жизнь стоила здёсь гроши и была всёмъ доступна. Въ ресторанв за полный обёдъ брали всего полтора рубля по тогдашнему курсу. Чувствовались между всёми тё хорошія настоящія отношенія, когда каждому живется хорошо, и всё иміноть свой достатокъ, не вырывая куска другь у друга. Даже и выраженіе лиць у большинства было то, къ которому мы привыкли у себя на Родинв раньше: спокойное, ласковое и мягкое, безъ маліншей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изрінка попадалось лицо, искривленное влобой, худое и черное, со взглядомъ, устремленнымъ враждебно на все. Это были партійные работники, разрушители жизни. Эти угловатыя фигуры и эти лица съ печатью нечеловіческой злобы вы встрітите во всёхъ странахъ Стараго и Новаго світа. Какъ вічные жиды, какъ потомки Каина, разбрелись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тоть

ужасъ разрушенія, тотъ дымъ пожаровъ, моря крови и слезъ, тѣ руины городовъ и селеній, которыми они покрыли великую Русскую землю.

Около церквей толпился народъ; шли великопостныя службы, и цвлыми днями огромныя толпы направлялись на исповъдь. Здвсь было братство и равенство не на словахъ; сюда шли люди всвхъ состояній и классовъ, шли рядомъ и получали одинаковое утвшеніе, надежду и духовную свободу. Въ часы перерыва, между горячей работой въ мъстныхъ воинскихъ частяхъ, я шелъ въ эту толпу, старался ближе подойти къ ней, узнать ея подлинныя настроенія.

Всюду была тихая радость отъ новыхъ, получаемыхъ ежедневно свъдъній объ успъхахъ нашихъ армій на фронтъ, была спокойная надежда, что приходятъ къ концу дни великихъ потрясеній и испытаній народныхъ. И почти всюду читался въ умныхъ свътлыхъ крестьянскихъ глазахъ затаенный вопросъ; нъкоторые спрашивали прямо:

- «Что же будеть потомь? Объясните намь, Ваши Благородія. А то читали мы въ газетахъ объявленіе начальства, да неясно какъ-то. Опять, моль, учредительное собраніе будеть, а изъ кого неизв'єстно. Неужто опять этихъ жидовъ туда напустять. Въдь какой же порядокъ тогда возможно сд'влать?!»
 - «А что вы хотъли бы?»
- «Да намъ ничего не надо, только чтобы опять все по старому, по хорошему было, какъ до войны.»

Надо понять вамъ всъмъ, господа иностранные олагожелатели Россіи, что наша жизнь была отлична отъ вашей во всемъ. То вившнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которыя бросались въ глаза вамъ, возмъщались гораздо болъе цъннымъ преимуществомъ; у насъ отсутствовала конкуренція, та, что держить вась всёхь въ своихъ жестокихъ тискахъ, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой ленью и отсталостью: нигдъ, кромъ Россіи, человъческія отношенія не заключали въ себъ такой мягкости, такого альтруизма и чисто-христіанскаго братства; никто не умъетъ такъ, какъ русскіе, удовлетвориться своимъ положениемъ; не было у насъ въ массъ зависти, и не было на свъть народа лучшаго и болье добраго, чъмъ Русскій народъ. Мы не закостенъли, какъ многіе думали, въ своихъ формахъ, а мы тихо, спокойно и върно шли впередъ, развивали свою собственную культуру, шли своимъ историческимъ путемъ. А наша страна такъ богата и такъ неиспользована, что хватило бы всёмъ намъ и нашимъ потомкамъ на многія и многія поколёнія. Гдв еще можно встрвтить такія картины: крестьянинъалтаецъ запрягаетъ телъгу, ъдетъ на берегъ ръки и топоромъ

накалываетъ каменнаго угля, 1) нагружаетъ телъгу, везетъ къ себъ домой, и на недълю-двъ его семья обезпечена топливомъ.

Въ нашей странѣ эксплоатаціи народа не было и быть при такихъ условіяхъ не могло. Но вотъ нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общаго съ Россіей не имѣвшіе и ненавидѣвшіе ее. Широкимъ грязнымъ потокомъ устремился на нашу землю интернаціоналъ, которому не было никакого дѣла ни до нашего народа, ни до его исторіи, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природныя богатства, а чтобы добраться до нихъ, они должны были разрушить русскія условія жизни, перешагнуть черезъ милліоны труповъ. Дьявольски ловкимъ планомъ они выполняютъ вотъ уже четвертый годъ это, чтобы затѣмъ начать эксплуатировать народныя массы безпощадно и систематически съ помощью мірового еврейскаго капитала.

Но борьба еще не кончена. И живы, почти неизсякаемыя, силы народныя; не дадуть онъ торжества въ Россіи интернаціоналу. Въ то время, весной 1919 года, казалось и върилось, что не далекъ уже день освобожденія.

При небольшихъ навадахъ въ Омскъ я видвлъ, какъ адвсь проникало постепенно совнане опасности отъ скрытой, противогосударственной работы соціалистовъ. Происходила постепенная чистка государственнаго аппарата, начиная съ кабинета министровъ, гдв до сихъ поръ еще сидвли партійные работники.

Но слишкомъ медленный, слишкомъ постепенный былъ путь, къ тому же полный какихъ то другихъ скрытыхъ и неясныхъ цёлей, куда вплетались самыя разнообразныя вліянія международной политики черезъ всевозможныхъ агентовъ интервенціи. И трудно было разобраться, гдѣ кончалось противодѣйствіе интернаціоналу и гдѣ начинались интриги въ пользу его; одни и тѣ же люди, разрушая работу соціалистовъ одной рукой, другой поддерживали ихъ. Переплелись самыя запутанныя и скрытыя вліянія, закрутились въ клубокъ въ совѣтѣ министровъ Омскаго правительства и тянулись оттуда, незримыя, за океанъ, въ Европу и Америку.

Какъ равъ около этого времени началась чистка и реконструкція высшаго правительственнаго аппарата. Мнъ разскавываль генераль Д. А. Лебедевъ:

— «Застръльщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блокъ изъ наиболъе энергичныхъ членовъ правительства. И вотъ стараются подобрать кабинетъ, выгнать изъ него эсъ-вровъ. Тъ цъпляются за Вологодскаго.»

¹⁾ Изъ пласта, выходящаго прямо на поверхность вемли.

Но про тѣхъ же двухъ министровъ шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецѣло подъ иностраннымъ вліяніемъ, но опутываютъ имъ и адмирала.

О Вологодскомъ и всколько разъ слышалъ я мивне Верхов-

наго Правителя:

— «Да, какой онъ эсъ-эръ! Онъ уже старъ и отъ всѣхъ дѣлъ отошелъ, даже и въ партіи не состоитъ. Но понимаете, онъ здѣсь необходимъ, какъ vieux drapeau,» было его любимое слово. А это vieux drapeau прикрывало собою всѣхъ агентовъ разрушительной работы эсъ-эровъ по подготовкѣ возстаній по

всей Сибири.

Какъ то въ одинъ вечеръ пріѣхалъ въ вагонъ къ генералу Лебедеву одинъ изъ этихъ министровъ С. и предложилъ мнѣ отъ имени своихъ товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять постъ Военнаго Министра, такъ какъ они убѣдились въ полной бюрократичности теперешняго и неспособности его руководить живой работой. Подумавъ, я отклонилъ предложеніе, такъ какъ былъ уже связанъ со своей новой работой, да и считалъ, что, оставаясь на ней, я сумѣю принести больше пользы.

Надо было не устраивать смѣны министровъ, а добиться ивмѣненія въ работѣ Главнаго Штаба и всего центральнаго аппарата, заставить работать всѣхъ и работать не на бумагѣ.

Вотъ что было необходимо.

Такъ и не сумълъ Главный Штабъ провести своевременно мобилизацію; а въдь условія были чрезвычайно благопріятны, — населеніе шло очень охотно, съ совнаніемъ долга и необходимости; ъхали сами, по первому объявленію изъ городовъ и селъ; толпились съ перваго дня привыва у канцелярій воинскихъ начальниковъ. Многіе приходили и прямо въ войсковыя части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое разсужденіе: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажетъ, всѣ пойдемъ».

Между прочимъ, послѣ доклада о массахъ вдоровой и молодой интелигенціи въ сибирскихъ городахъ, былъ проведенъ прикавъ о полной ея мобиливаціи, но допустили опять такія ошибки и недомоловки, что болѣе пятидесяти процентовъ сумѣло избѣжать привыва. Такая же участь постигла и прикавъ о переосвидѣтельствованіи всѣхъ офицеровъ, привнанныхъ прежними комиссіями пригодными лишь къ нестроевой службѣ.

Въдь въ эти дни, что Россія переживаетъ теперь, прежніе нормальные масштабы непримънимы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его въ болъе легкую категорію. А теперь. . . Представьте себъ, что вы идете съ близкой женщиной, съ женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Развъ вы

станете справляться съ вашей категоріей, вспоминать старыя раны и контувіи. Нѣтъ, никогда! Вы броситесь на хулигановъ и изъ послѣднихъ силъ будете защищать женщину. Теперь въ такомъ же положеніи наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилуетъ интернаціоналъ. Долгъ каждаго сына Россіи идти къ ней на помощь, освободить ее. Нельзя вспоминать старыя раны, преступно справляться съ категоріей. Не время!

Нужно было помочь твмъ героямъ, которые въ невыразимо тяжелыхъ условіяхъ бились на фронтв и изнемогали въ борьбв. Необходимо было бросить всв силы на помощь русскому фронту, нашимъ арміямъ, которыя выйдя почти къ самой Волгв, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать новаго удара красныхъ.

9.

Руководители интернаціонала, абсолютные владыки красной арміи, напрягали вс'в усилія, чтобы спасти свое положеніе. Они бросили сотни милліоновъ золотыхъ рублей и тысячи пропагандистовъ намъ въ тылъ, пользуясь своими связями съ разными сродными имъ организаціями въ Сибири. На свой фронтъ они подвезли св'вжія части, набравъ ихъ среди коммунистовъ, мобилизовавъ всю свою партію.

Наше высшее командование также напрягало всѣ силы, чтобы помочь Западной армии. Какъ мы видѣли выше, — благодаря потери времени, тылъ не могъ дать въ то время ни одного полка. Поэтому собирались всѣ мало-мальски боеспособныя части и отправлялись на фронтъ. Въ числѣ ихъ былъ посланъ въ 6-й корпусъ и курень Тараса Шевченки, составленный изъ украицевъ-сепаратистовъ, со своимъ желто-голубымъ знаменемъ, съ хохлацкимъ нарѣчіемъ, принятымъ какъ командный языкъ; этому формированію, какъ и другимъ, — латышскимъ, польскимъ и т. д., — сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссія во главѣ съ историческимъ Жанэномъ.

Курень Шевченки оказался совершенно распропагандированной частью, какъ и всв, бывшія подъ покровительствомъ иностранцевъ. Поставили его въ первую линію, на Бузулуцкомъ направленіи, гдв особенно была необходима поддержка. Но украинцы вмісто того произвели гнусное предательство. Черезъ нісколько дней послів прихода, рано утромъ, когда всвеще спали, курень кинулся по выстрівлу къ винтовкамъ, перебилъ своихъ офицеровъ, а затімъ бросился въ сосівдній 41-й полкъ горныхъ стрівлковъ Урала и открылъ стрівльбу. Въ то же время депутація отъ украинцевъ отправилась къ большевикамъ доложить о своемъ іудиномъ ділів.

«Съ этого и началось. Большевики использовали случай; они сейчасъ же направили въ образовавшийся прорывъ свои части, усиливая ихъ и распространяясь все глубже. Надо было принять сраву мъры противъ этой опасности. Но силъ подъ рукою не было. Вотъ тогда-то и начали спъшно, по частямъ, посылать Волжскій корпусъ генерала Каппеля, высаживать эшелоны и бросать ихъ въ бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда нашихъ частей во флангъ увеличивалась, что и заставило Западную армію отходить на востокъ по всему фронту.

Въ то же время Сибирская армія продолжала развитіе прежняго плана, наступала по двумъ направленіямъ, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступленіе и неудача на Волжскомъ фронтъ не могли поколебать ръшенія и заставить

измънить этотъ неправильный и нежизненный планъ.

Какъ разъ въ эти памятные дни мнѣ довелось быть въ Екатеринбургѣ для инспекціи частей Сибирской арміи и для устройства тамъ новой военно-инструкторской школы. Когда я прибылъ въ Екатеринбургъ и утромъ заѣхалъ въ штабъ арміи, близкіе къ Гайдѣ люди встрѣтили меня буквально съ улыбкой и потирая руки:

— «Знаете, а вчера за день Западная армія еще отступила.

Нашъ генералъ правъ, надо проводить его планъ.»

Всѣ доказательства обратнаго, всѣ убѣжденія, что общіе интересы, всей Россіи, требують немедленной помощи Волжскому фронту ударомъ съ сѣвера, въ лѣвый флангъ красныхъ, что въ случаѣ пораженія Западной арміи, будетъ трещать и операція Сибирской, — все было напрасно. Передъ ними стояла твердо ихъ собственная цѣль, съ ея скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрѣпленнымъ авторитетомъ придавалъ этому почти непоколебимую устойчивость.

Недъли двъ тому назадъ, Ноксъ, вернувшись изъ Екатеринбурга въ Омскъ, разсказывалъ, прямо захлебываясь, о своихъ впечатлъніяхъ и доказывалъ необходимость того же

плана

— «Гайда такъ увъренъ, онъ прямо по днямъ разсчиталъ всю операцію, когда онъ беретъ Вятку, соединится съ нашими изъ Архангельска, на другомъ направленіи беретъ Казань. Въ первой половинъ іюня Гайда будетъ въ Москвъ!»

А въ его штабѣ въ это время шла уже открытая работа эсъэровъ. Нѣкоторые русскіе офицеры, будучи не въ силахъ остановить разрушительныя приготовления, уходили въ дѣйствующую армію и шли на фронтъ. У старшихъ чиновъ штаба опу-

скались руки.

— «Помилуйте,» говорили они мнѣ, — «нѣтъ никакихъ силъ. Докладываемъ Гайдѣ о преступныхъ прямо дѣйствіяхъ, о необходимыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ. Гайда согласенъ, отдаетъ приказъ, а черезъ десять минутъ изъ другой двери,

черевъ комнату его довъреннаго чеха Гусарика входитъ эсъ-

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, какъ почти всегда, «либералами» и соціалистами, вела искусную кампаню. День ото дня все усиливая, пъли они дифирамбы Гайдъ, восхваляли его демократизмъ, называли его спасителемъ Россіи, единственнымъ человъкомъ, способнымъ на это великое дъло. И опять Москва выставлялась, какъ близкая завътная

цъль. Гайда долженъ войти въ Москву первымъ!

Вскор'в прівхаль въ Екатеринбургъ и Верховный Правитель, который въ эти тяжелые дни старался личнымъ присутствіемъ помочь на фронт'в. Къ приходу его по'вада на станціи собрались вс'в высшіе чины, былъ построенъ почетный караулъ, п'вшая часть и какіе-то конные въ фантастической форм'в, чтото среднее между черкеской и кафтаномъ полковыхъ п'ввчихъ. Въ сторон'в важно и неприступно прогуливался Гайда, изр'вдка подходя къ кому-либо изъ старшихъ начальниковъ и обм'вниваясь короткими фразами. Оченъ интересный и показательный разговоръ былъ у меня съ нимъ.

 «Что это за часть, генераль?» спросиль я, показывая на всадниковь въ коричневыхъ кафтанахъ, расшитыхъ галунами.

— «То мой конвой.»

— «Что за оригинальная форма у нихъ. Сами придумали?»

— «Нътъ, та форма, генералъ, исторична.»

- «Ибо всегда въ Руссіи всѣ великіе люди, вашъ Императоръ и Николай Николаевичъ, всѣ имѣли коукавскій конвой. Я думаю, что если войти въ Москву, то надо имѣть тоже такой конвой.»
- «Что же, они у Васъ съ Кавказа набраны, коуказскіе люди?»
- «Н'ѣтъ, мы беремъ здѣсь, только типъ чтобы близко подходилъ къ коуказскому.»

На носкахъ приблизился ординарецъ и почтительно доложилъ Гайдъ:

— «Повадъ подходитъ, брате-генерале.»

Такъ было принято у Гайды, по чешскому. Чтобы больше

на демократа походить.

Подана команда на краулъ. Оркестръ играетъ «Коль славенъ» (этимъ церковнымъ гимномъ въ то время замѣнили мощный, музыкальный и самый красивый въ мірѣ Русскій гимнъ). Изъ вагона выходитъ адмиралъ Колчакъ, слегка сгорбленный, съ блѣднымъ исхудавшимъ лицомъ и остро блестящими глазами отъ бевсонныхъ ночей на фронтѣ. Губы плотно сжаты, опустились углы ихъ, и около легли двѣ глубокія складки тяжелыхъ думъ. Рапортъ. Обходитъ ряды почетнаго ка-

раула, смотря, по своей привычкѣ, пристальнымъ взглядомъ въ лицо каждаго солдата.

— «Спасибо, братцы, за отличный видь!» — «Рады стараться, Ваше ..ство-о-о!»

- «Я только что объвхалъ геройскія полки Западной армін; имъ трудно, на нихъ обрушились сввжія части коммунистовъ. Но, Богъ дастъ, одолвемъ враговъ Россіи. Надо только помочь нашимъ....»
- «Рады стараться Ваше . . . ство-о-о.» Гремить въ отвѣтъ въ воздухъ. И всъ лица смотрятъ радостно и возбужденно.

Затвиъ адмиралъ съ Гайдой и еще нъсколькими лицами провхали въ штабъ армии. Здъсь генералъ Богословскій, начальникъ штаба, сдълалъ оперативный докладъ по послъднимъ сводкамъ; положение было такое, что само собою напрашивалось ръшение. Западная армия нъсколько отступила, и теперь Сибирская армия имъла фронтъ впереди, сильно выдавалась и какъ бы нависла съ съвера на флангъ у красныхъ. Ударить отсюда сильно, — и полчища большевиковъ снова побътутъ къ Волгъ.

Верховный Правитель сдавался на это рѣшеніе, но снова зазвучалъ тихій, размѣренный и настойчивый голосъ Гайды, снова пошли увѣренія, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной арміи гадательна, а здѣсь мы навѣрняка-де возьмемъ Казань и Вятку. И опять вопросъ остался нерѣшеннымъ.

Затвиъ былъ смотръ ударнаго корпуса, который формировался въ Екатеринбургв и составлялъ резервъ Гайды. Какъ курьезъ: въ него входилъ «безсмертный батальонъ имени генерала Гайды» съ коричневыми погонами и шифровкой на нихъ: «Б. Б. И. Г. Г.» У всего корпуса были нашивки на рукавахъ, чернокрасный уголъ, какъ въ дни керенщины. Медленно и внимательно обходилъ адмиралъ Колчакъ всв части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался онъ въ каждое лицо, какъ будто хотвлъ запомнить его, какъ будто хотвлъ передать свою волю, свою горячую любовь къ Родинв и желаніе спасти ее. Послв обхода части прошли церемоніальнымъ маршемъ. Видъ людей былъ хорошій, да и обмундированіе вполнв сносное; подготовка еще не закончилась вполнв, но для развитія успвха вмвств со старыми частями ихъ можно было послать.

Посл'в об'вда у Гайды, въ его особняк'в, Верховный Правитель, усталый до нельзя и отъ парада и отъ стратегическихъ споровъ, у'вхалъ. Вопросъ о Сибирской арміи былъ р'вшенъ такъ, что она будетъ продолжать свой прежній планъ движенія на Вятку-Котласъ. Между прочимъ Гайда въ этотъ день говорилъ мн'в, что можетъ взять городъ Глазовъ въ любую минуту;

дъйствительно, тамъ было сосредоточено силы болъе половины всей его арміи.

- «Что же Вы не берете?»

«Сейчасъ еще не своевременно. Прикажу взять, когда

надо будетъ.»

По возвращении адмирала въ Омскъ, онъ со ставкой начали принимать рядъ отрывистыхъ мѣръ, пытаясь спасти положеніе. Торопили отправку частей Волжскаго корпуса. Изыскивали всюду, гдѣ можно, и посылали на фронтъ сапоги и обмундированіс. Но въ то время мало удалось собрать; дорога изъ Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагоновъ; да и генералъ Ноксъ, въ рукахъ у котораго были всѣ запасы, выдавалъ ихъ по своему собственному плану, мало, иной равъ, считаясь съ дѣйствительной нуждой русскихъ армій.

Теперь, когда результаты работь, или правильные волокиты, Главнаго Штаба были такъ печально выявлены, Верховный Правитель рышиль идти на крайнія міры; была управднена должность Военнаго Министра, а его права переданы начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, какъ всякая ломка въ

тяжелые дни потрясенія.

А событія шли неумолимымъ ходомъ; остановить его или измѣнить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русскій фронтъ и систематически, исподволь обезвредить тыль отъ преступной работы, направленной во вредъ дѣлу спасенія страны. Съ первой задачей справились, вторая ускользнула изъ рукъ и погубила все.

Подвигъ Арміи.

1.

Весна въ 1919 году была дружная. Быстро сошли снъта, пронеслись вешнія воды, сразу выступила яркая, нъжная ве-

лень, вемля просожла, и наступили теплые дни.

Это время самое лучшее для веденія военных операціи. Наши полки и батареи вздохнули послів тяжелой зимы. И не смотря на всів недостатки, на малочисленность частей и на перевівсь красных, наши войска прилагали всів усилія сдержать их натискь, остановить наступленіе. Предпринимался рядь контрыватакь и маневровь, но новыя обстоятельства свели на нівть и эти усилія Западной арміи.

Основной планъ, принятый теперь, состоялъ въ томъ, чтобы, отступивъ центромъ и втянувъ ва собою красныхъ, обрущиться на нихъ съ съвера, произвести сильный ударъ въ лъвый ихъ флангъ Уфимскимъ корпусомъ, усиленнымъ частями

генерала Каппеля.

Одна изъ первыхъ частей Волжскаго корпуса, Бугульминскій полкъ, пополненный вимой вначительнымъ числомъ плѣнныхъ красноармейцевъ, въ первомъ же бою былъ обойденъ большевиками. Проивошло замѣшательство, растерянность; была сдѣлана попытка пробиться, не удалось, и полкъ передался на сторону противника. 2-й Уфимскій корпусъ не успѣлъ къ этому времени сосредоточить своихъ силъ. Операція не удалась.

Западная армія продолжала отступленіе по всему фронту; въ то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили св'яжія войска, и начали давить на правый флангь Оренбургской, или Южной арміи.

16 мая, когда я собирался выважать для вторичнаго осмотра всёхъ частей Омскаго округа, чтобы ускорить формирование

и подготовку трехъ дивизій, мнѣ позвонилъ адъютантъ Верховнаго Правителя по телефону и передалъ, что адмиралъ прикавалъ немедленно прибыть къ нему. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, тамъ находился уже начальникъ тшаба, генералъ Д. А. Лебедевъ. Адмиралъ Колчакъ изложилъ подробно мнѣ о томъ, что въ Западной арміи отступленіе продолжается вслѣдствіе безпорядка въ управленіи и растерянности; что командующій арміей генералъ Ханжинъ просилъ уволить его въ отпускъ, такъ какъ онъ чувствуетъ себя крайне утомленнымъ. Поэтому адмиралъ находитъ необходимымъ немедленныя перемѣны въ командованіи и улучшеніе управленія арміей, что онъ намѣренъ назначить меня сначала начальникомъ штаба Западной арміи, а, если генералъ Ханжинъ будетъ настаивать на своемъ уходѣ, то и командующимъ ею.

Я доложилъ адмиралу, что какъ солдатъ привыкъ подчиняться приказу, но имъю соображения противъ: 1) я и мои помощники только что втянулись въ свою работу по приведению въ порядокъ тыла и увърены, что удастся скоро провести формирования, такъ необходимыя для фронта; что было бы вредно для самаго дъла бросить сейчасъ эту работу; 2) что, какъ я слышалъ, среди высшаго командования Западной армии происходятъ трения, которыя миъ сразу будетъ трудно ула-

дить.

Верховный Правитель настаиваль и сказаль, что онь самь съ генераломъ Лебедевымъ займется тыломъ. Хотя и съ тяжелымъ сердцемъ я принужденъ былъ согласиться; моимъ отвътомъ, была искренняя мысль, которая руководила всей дъятель-

ностью, вив которой и не видель успеха:

— «Подчиняясь Вашему приказу, я приложу всѣ силы и разумѣніе на работу съ Западной арміей. Но, Ваше Высокопревосходительство, позвольте высказать мое убѣжденіе, вынесенное изъ нашей войны съ Германіей, изъ борьбы на Дону, изъ эпопеи на Волгѣ, изъ большихъ личныхъ переживаній, — успѣхи дѣйствующей арміи ничего не значатъ, сводятся къ нулю, если тылъ не устроенъ. А у насъ сейчасъ въ тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить тамъ внутренній порядокъ и заставить всѣхъ способныхъ носить оружіе идти на фронтъ. Иначе всѣ жертвы на боевомъ фронтѣ будутъ безполезны и даже вредны. Армія исполнитъ свой долгъ; лично я отдамъ всѣ силы ей, но надо заставить работать тылъ. Необходимо также вычистить его отъ соціалистовъ.»

— «Все это я объщаю самъ сдълать», отвътилъ адмиралъ

и благословилъ меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомлении по матеріаламъ, имъвшимся въ ставкъ, съ состояніемъ Западной арміи, ея положеніемъ, съ послъдними данными о противникъ и съ ходомъ операціи, стало

вырисовываться много ненормальнаго; было ясно, что работа штаба арміи оставляла желать многаго; приходилось исподволь и тамъ ввести тотъ же методъ работы, жизненный и живой, безъ котораго немыслимъ полный успѣхъ ни въ какомъ дѣлѣ.

Пригласивъ съ собою ближайшимъ помощникомъ полковника Оберюхтина изъ Главнаго Штаба, я черезъ день выъхалъ

въ Уфу.

Тяжело было разставаться съ дѣломъ, въ которое я ушелъ весь, завязалъ близкія, дружественныя дѣловыя связи со всѣми начальниками на мѣстахъ, узналъ мѣстныя условія. Было грустно оставлять и работу, и тѣхъ хорошихъ русскихъ людей, съ которыми вмѣстѣ мы надѣялись удачно закончить организацію и чистку тыла. Мои друзья въ Омскѣ провожали меня на новую дѣятельность, и многіе говорили, что напрасно я согласился: уѣзжаю отъ работы, которую началъ налаживать, и ѣду въ армію въ то время, когда тамъ ничего уже сдѣлать нельзя.

По пути я сдълалъ нъсколько небольшихъ остановокъ, чтобы ознакомиться съ ближайшимъ тыломъ армии. Первая остановка была въ Курганъ, гдъ грузились въ эшелоны послъднія части Волжскаго корпуса и его тыловыя учрежденія, еще даже не закончившія своего формированія. Части производили хорошее впечатление, чему много содействоваль ихъ внешний видъ, — новенькое англійское обмундированіе съ русскими бълыми погонами; люди были хорошо обуты, имъли достаточно бълья, у всъхъ имълись шинели и исправное оружіе. Здъсь же мив было доложено, что соціалисты, скрытые остатки учредиловцевъ, пытались за послъднія двъ недъли организовать въ Курганъ тайныя собранія и митинги, но имъ это не удалось, такъ какъ почти весь офицерский составъ не пошелъ съ ними, а солдатскія массы посл'в опытовъ этой партін въ 1917 году не поддавались уже на ихъ лживыя ръчи, не прельщались ихъ дешевыми лозунгами.

Слъдующая остановка была въ Челябинскъ, гдъ сосредоточивались всъ тыловыя учрежденія Западной армін, — склады, мастерскія, запасныя части, все собственное хозяйство армін. Въ складахъ имълись различные матеріалы, мастерскія могли изготавливать и чинить обмундированіе, обувь, оружіе, продовольственные магазины оказались наполненными различнымъ продовольствіемъ на полтора мъсяца, причемъ средства разона не были еще полностью использованы. Армію можно было считать обезпеченной; слъдовало только объединить дъятельность тыловыхъ учрежденій съ армейскими органами, дать все въ однъ хозяйскія руки; слъдовало также расширить мастерскія и наладить своевременный подвозъ. А то выяснялось, что интенданть въ Челябинскъ не имъль связи съ армейскимъ интен-

дантомъ и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не зналъ точно нуждъ фронта; весь планъ заготовокъ строилъ на соображенияхъ чисто-теоретическихъ. Такая же невявка была въ управленияхъ, инженерномъ, артиллерійскомъ и санитарномъ.

Запасныя части были полны новобранцами; молодые парни, въ воврастъ отъ 20 до 22 лътъ, являлись отличнымъ матеріаломъ для армін, но при большой работ по ихъ подготовк забывались нъкоторыя стороны, необходимыя для фронта; такъ совершенно не проходили курса стръльбы, изъ-ва экономи патроновъ. Но въдь было гораздо экономите имъть на фронтъ солдатъ, умъющихъ стрълять, ибо они, придя на фронтъ, будутъ выпускать въ бояхъ меньше патроновъ и съ большими результатами. Ощущался недостатокъ въ офицерахъ, причемъ запасныя части не только не собирали ихъ для фронта, а еще претендовали на получение офицеровъ изъ дъйствующей армии; не было совершенно школъ для повторительнаго офицерскаго курса и для подготовки портупей-юнкеровъ. Всв эти задачи требовали разръщения съ первыхъ дней моего вступления въ новую должность. Втеченіе перваго м'всяца удалось исподволь ихъ наладить, такъ что съ средины іюня армейскій тыль работаль, какъ ваведенная машина съ исправнымъ механизмомъ, хорошо прилаженнымъ для нуждъ фронта.

Промелькнулъ дивный красавецъ Уралъ, съ его отвѣсными скалами, развѣсистыми соснами и быстрыми горными рѣчками; пересѣкли у станціи Уржумки пограничный столбъ между Европой и Азіей. 20 мая я прибылъ въ Уфу, въ этотъ чисто русскій городъ, красиво расположенный на высокой горѣ надъмогучей, полноводной рѣкой Бѣлой. За Бѣлой разстилалась и уходила къ горизонту безграничная равнина, веленыя плодородныя степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка ихъ далей, — тамъ были близкія родныя мѣста, тамъ желанная Волга. И только стѣна интернаціонала, нагло вторгшагося въ Родину нашу, отдѣляетъ насъ отъ всего близкаго, самаго дорогого.

2.

Въ тотъ же день я вступилъ въ должность начальника штаба Западной арміи. Къ этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугурусланъ, Белебей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжскій и 2-й Уфимскій сдерживали на фронтъ напоръ красныхъ и прикрывали направленіе Самара-Уфа, а 3-й Уральскій корпусъ былъ выведенъ въ резервъ на р. Бълую съвернъе города Уфы для отдыха и пополненія. На станціи около Уфы выгружались изъ эшелоновъ 1-я Сибирская казачья дивизія и Волжская кавалерійская бригада.

23-го мая правый флангъ Южной (Оренбургской) арміи, прикрывавшій направленіе на Стерлитамакъ, отскочилъ болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ верстъ, оставивъ втотъ городъ и уйдя на восточный берегъ Бѣлой. Это было полной неожиданностью, такъ какъ еще наканунѣ были получены сводки Южной арміи о полномъ успѣхѣ въ отбитіи атакъ красныхъ и даже о частичномъ переходѣ нашихъ въ наступленіе. Создавшееся теперь положеніе было въ высшей степени тяжелое для Западной арміи: нашъ лѣвый флангъ былъ совершенно на вѣсу; между нимъ и правымъ флангъ былъ совершенно на срезу междунить болѣе шестидесяти верстъ, широкая открытая дверь, отъ Стерлитамака по западному берегу Бѣлой идетъ на Уфу большая дорога, которою могли свободно пройти въ городъ силы красныхъ.

Въ Уфѣ поднялось смятение. Генералъ Ханжинъ въ первую минуту предполагалъ отдать приказъ о немедленномъ отходъ ва Бълую всей нашей армии. Но это было немыслимо, такъ какъ наше отступление отдало бы въ руки большевиковъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, около десятка госпиталей, семьи офицеровъ и добровольцевъ, огромные запасы военнаго имущества и артиллерійские парки. Кромѣ того эта поспъшность раврушила бы весь планъ дѣйствій, по которому 3-й Уральскій корпусъ и конница должны были къ вападу отъ рѣки ударить по краснымъ, накапливавшимся въ промежуткѣ между Западной и Сибирской арміями.

Послѣ обсужденя было рѣшено, что нѣтъ основаня спѣшить съ отходомъ и откавываться отъ выполнения этой операци, такъ какъ большевики не имѣли достаточно силъ для быстраго наступления въ образовавшйся промежутокъ; кромѣ того психологія ихъ команднаго состава и массъ не была въ то время такова, чтобы идти на рискованныя предпріятія. Намъ же необходимо было рисковать, такъ какъ отступленіе за Бѣлую не было подготовлено, къ эвакуаціи Уфы почти не приступали, желѣзная дорога работала бевъ всякаго плана, хаотически и была вабита до предѣла; кромѣ того саперы не вакончили еще постройку мостовъ и переправъ черевъ рѣку Бѣлую. Если бы начать отступленіе тогда же, то мы не только бы не вывевли ничего ивъ Уфы, но не смогли бы отвести въ порядкѣ и войска.

Скоро событія доказали полную справедливость и правильность разсчетовь и нашего риска. Городъ Стерлитамакъ, оставленный Южной арміей, три дня лежалъ въ нейтральной полосѣ, — красные его не занимали. Генералъ Каппель успѣшно справлялся на лѣвомъ флангѣ нашей арміи и, переходя къ активнымъ дѣйствіямъ, билъ короткими ударами большевиковъ, стремившихся выйти намъ въ тылъ.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцю, переправы черезъ Бѣлую, организовать линю обороны рѣки и производить звакуацію Уфы. До чего все было въ хаотическомъ положеніи, — въ концѣ этой недѣли ко мнѣ въ канцелярю влетѣлъ какой то растрепанный штатскій съ краснымъ взволнованнымъ лицомъ. Прерывающимся голосомъ онъ началъ сбивчиво разсказывать о томъ, какъ они не могутъ справиться и вывезти нѣсколько десятковъ милліоновъ пудовъ разнаго зерна и муки, погруженныхъ на баржи, на пристаняхъ рѣки Бѣлой.

— «О чемъ же Вы думали раньше?»

 «Намъ только сегодня прислади приказъ изъ министерства.»

— «Что же Вамъ надо, какую помощь Вы ожидаете найти

у меня?»

Оказалось, по его словамъ, что они хотъли теперь получить въ свое распоряжение всю желъзную дорогу и просили приостановить остальную эвакуацію. Понятно, это было невыполнимо. Такъ почти всъ эти больше запасы и достались по-

томъ въ руки большевиковъ.

Самое худшее было то, что штабъ арміи потерялъ управленіе и какой-либо престижъ, самую тѣнь довѣрія къ себѣ; почти каждый начальникъ привыкъ критиковать всякое распоряженіе штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вслѣдствіе этого отсутствовала согласованность дѣйствій и не было возможности провести цѣльно какой-бы то ни было планъ. Правда, нѣкоторые основанія этому были; даже самая техника работы армейскаго штаба вызывала такое къ себѣ отношеніе, — связь съ корпусами и отрядами не была обезпечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграфъ могъ придти всякій, открыто печатались въ литографіи красивыя цвѣтныя схемы боевого расположенія нашихъ войскъ съ подробнымъ перечисленіемъ частей; отдѣлъ генералъквартирмейстера кишѣлъ весь день самой разнообразной публикой.

Между прочимъ, ко мнѣ явились представители французской миссии полковникъ Ф. и капитанъ М.; они заявили при первомъ же разговорѣ, что почти каждое рѣшеніе командующаго арміей дѣлалось извѣстнымъ въ городѣ въ тотъ же день

черезъ гостинныя и знакомыхъ.

Все это надо было круто и сразу измѣнить, необходимость вызывала подъ часъ рѣзкія мѣры. Также приходилось поступать и въ другихъ отрасляхъ. Но всѣ были проникнуты желаніемъ настоящей работы, всѣ съ надеждой смотрѣли на будущее и готовы были на жертвы для успѣха. Это облегчало трудную работу и давало много цѣнныхъ помощниковъ.

Въ дѣлѣ эвакуаціи Уфы и налаживаніи работы желѣвной дороги неоцѣнимую помощь окавали полковникъ С. и инженеръ Д., пріѣхавшіе изъ Омска. Трудность заключалась въ томъ, что ежедневно прибывало много вагоновъ съ эшелонами все подходящихъ частей и тыловыхъ учрежденій 1-ой Сибирской казачьей дивизіи и Волжскаго корпуса, забивали станцію, къ тому же вывозъ грузовъ и подвижного состава шелъ медленно и безъ плана; къ итогу каждаго дня число вагоновъ на станціи все увеличивалось и дошло до цифры въ двѣ съ половиной тысячи.

Опасаюсь, что несмотря на всё эти подробности, не удастся обрисовать трудность тогдашняго положенія и работы; штабъ, усиленный новыми людьми, занимался отъ семи часовъ утра и до десяти, одиннадцати часовъ ночи, почти безъ перерыва для завтрака и обёда, давая максимумъ напряженія. Ясно вставала опасность, что если не примёнить исключительныхъ мёръ и работы, то неуспёхъ можетъ обратиться въ катастрофу.

Немалое затрудненіе заключалось еще и въ томъ, что организмъ арміи, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовалъ постепеннаго веденія операціи отхода, — иначе можно было бы испортить все и развалить армію. Клинокъ хорошей, но необработанной, перекаленной стали согнулся почти въ кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно, — клинокъ отпрянеть со звономъ, мелькнеть въ воздухъ молніей метала и разобьется отъ силы удара на куски, пропадетъ. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его...

Необходимо также было считаться и съ тѣмъ, что наша молодая армія требовала укрѣпленія въ ней вѣры въ свою силу, въ способность выигрывать дѣла, побѣждать. Это было особенно необходимо теперь, такъ какъ неуспѣхъ весенняго наступленія, неожиданное крушеніе всѣхъ напряженій и результатовъ значительно подорвали вѣру и даже расшатали дис-

циплину, особенно среди высшаго команднаго состава.

Наладивъ первые шаги новой работы въ штабъ, генералъ Ханжинъ и я поъхали на боевой фронтъ, чтобы на мъстъ ознакомиться съ положенемъ дълъ. Планъ операции уже приводился въ исполнение: 3-й Уральский корпусъ и 11-я дивизия сосредотачивались на съверъ отъ Уфы, чтобы ударить по краснымъ, наступавшимъ на Бирскомъ направлении, въ разръзъмежду нашимъ правымъ флангомъ и Сибирской армией. Надобыло во что бы то ни стало задержать наступление красныхъ на фронтъ, пока это сосредоточение не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимскаго корпуса.

Была вторая половина свътлаго мая. Вся земля ярко зеленъла новыми всходами, въ воздухъ звенъли жаворонки.

Кусты черемухи утопали въ пышныхъ белыхъ гирляндахъ цветовъ, наполняя воздухъ своимъ нежнымъ возбуждающимъ ароматомъ.

Родныя деревни съ ихъ бѣдными сѣрыми избами, соломенными крышами, съ улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами белоголовыхъ босоногихъ ребять, шумели какъ ульи пчелъ, проснувшихся весной отъ зимней спячки.

А за деревнями черивли батареи, цвии стрвлковъ вели наступленіе. Въ прозрачномъ воздухѣ плыли бѣлыя облака шрапнельнаго дыма, и гулко, и далеко разносилось эхо вметрфловъ. Въ складкахъ местности и въ оврагахъ стояли резервы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать въ донесеніяхъ о состояніи геройскихъ бізлыхъ частей блізднізло передъ дъйствительностью. Маленькія, иногда въ 20-25 рядовъ роты;

MS DAPMHENHO

люди выстроены и выравнены съ обычной тщательностью при встръчв начальства. Раздается уставная, такъ знакомая, русская команда, бодрыя отрывистыя фразы; винтовки обычнымъ пріемомъ «на краулъ», — все какъ было сотни леть, когда наша армія создавала Великую Россію, все такъ же, какъ было и въ недавніе дни. когда Русская армія спасала на Галиційскихъ и Восточно - Прусскихъ поляхъ Францію, Италію и Англію. Но вившній видъ этихъ русскихъ полковъ былъ совершенно отличный оть того, какой они имъли всегда раньше. Какъ будто это были не воинскія части, а тысячи нищихъ. собранныхъ съ церковныхъ папертей. Одежда на нихъ самая разнообразная, въ большинств'в своя, крестьянская, въ чемъ ходилъ дома; но все потрепалось. Микайлевец износилось за время непрерывныхъ боевъ и выглядитъ рубищемъ. Почти на всѣхъ рваные сапоги, иногда совсѣмъ безъ подошвъ; кое-кто еще въ валенкахъ, а у иныхъ ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большею частью въ лаптяхъ. Штаны почти у всѣхъ въ дырьяхъ, черезъ которыя просвѣчиваетъ голое тѣло. Сверху одѣты кто какъ: кафтаны, зипуны, рубахи, и изрѣдка только попадаются солдатски мундиръ или гимнастерка. Офицеры ничѣмъ не отличались по внѣшности отъ солдатъ. Они стояли въ строю, обвѣшанные мѣшками и котомками съ патронами, и все тѣло ихъ, согнутыя поги, опущенныя плечи, — показывали, какъ эти люди устали за время долгой войны и послѣднихъ боевъ. Но узловатыя сильныя руки крѣпко сжимали винтовки; у большинства не было штыковъ. На вопросъ, почему такъ, — отъвѣчали:

— «Вѣдь мы всѣ винтовки отнимали отъ красныхъ, а тѣ

не любять носить штыкь, бросають его.»

Не забыть никогда того дивнаго выраженія, полнаго невыразимой теплоты и чувства высокаго подвига, что свътились въ этихъ десяткахъ тысячъ русскихъ сърыхъ глазъ. Такъ могутъ смотрътъ только истинные герои, скромные, простые и незамътные, которые молча и всецъло отдали жизнь свою для спасенія родной страны.

Когда мы стали выяснять нужды войскъ и записывать ихъ, то оказалось проще записывать не то, чего не доставало, а что имѣлось; нехватка была почти во всемъ. И такая неотложная нужда во всемъ; требовалась немедленная подача снабжений

изъ тыла.

По возвращени въ Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омскъ; давление это не прекращалось послъ того ни на одинъ день, такъ какъ даже и съ этимъ прессомъ мы мало получали и никогда не были въ состояни удовлетворить всъ

нужды арміи.

Сосредоточение Уральскаго корпуса и 11-й дивизіи заповдало. Начались безконечныя препирательства и ссылки на усталость, на затрудненія, на невозможность, — все то, къ чему привыкли нѣкоторые промежуточные начальники раньше, за періодъ иррегулярства. Генералъ В., командовавшій 11-й дивизіей, позволилъ себѣ даже заявить прямо, что онъ приказа о движеніи не исполнитъ, такъ какъ онъ обѣщалъ дивизіи дать отдыхъ. Пришлось его смѣнить, назначивъ слѣдствіе; дивизію повелъ новый ея начальникъ генералъ-маюръ Круглевскій, но уже съ потерей цѣлыхъ сутокъ.

Командующимъ арміей принимались всё мёры, чтобы устранить затрудненія. Надо было усилить войска артиллеріей и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было воз-

можно найти подъ рукой.

Между прочимъ докладываютъ, что въ Уфъ, на станціи, стоить еще одна батарея, французская, съ отличными скоростръльными орудіями, снабженная всъмъ превосходно сверхъ мъры. Я пригласилъ офицеровъ французской миссіи Ф. и К. Познакомивъ ихъ въ общихъ чертахъ съ планомъ дъйствій, съ начавшейся операціей, я просиль ихъ дать батарею для 11-й дивизіи.

- «O, mon general, наши офицеры и люди будуть въ восторгъ; они давно рвутся въ дъло, чтобы помочь русскимъ», галантно отвътили миъ французские офицеры. - «Но только мы должны раньше спросить генерала Жанана.»
- «Такъ, пожалуйста, прошу Васъ скорѣе, намъ необходима батарея не позже сегодняшняго вечера.»

- «О, это будеть, мы не сомивваемся, что генераль Жанэнь разрѣшитъ. Это только простая формальность.»

Вечеромъ приглашаю ихъ снова. Какой отвътъ?

— «Представьте, mon general, мы еще не получили отвъта. Вотъ если бы можно было поговорить по прямому проводу.»

— «Пожалуйста, телеграфъ къ Вашимъ услугамъ. прошу, скорње! . .»

На следующее утро опять никакого ответа. Не могли добиться къ проводу самого генерала Жанана, а его начальникъ штаба не бралъ на себя ръшения. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ую дививію. Но такъ никакого отвъта получено и не было. Полковникъ Ф. и капитанъ К. сами не понимали и. какъ будто, искренно чувствовали себя сконфуженными.

Ударъ по краснымъ на Бирскомъ направлении начался удачно. Ихъ 35-я совътская дивизія сначала дрогнула, одинъ полкъ бъжалъ даже такъ, что его не могли догнать роты, посаженныя на телъги, но запоздание въ маршахъ и несогласованность наступленія Сибирской армін, которая наконецъ-то по приказу ставки должна была содъйствовать намъ, -- дали возможность большевикамъ подвести резервы и задержать наше продвижение. Операція затянулась. А на фронтъ, 2-й Уфимскій корпусъ, истощивъ всъ усилія, началь быстро отходить къ Уфъ. Оставление города и уходъ за Бълую стали неизбъжными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всёхъ раненыхъ и больныхъ, госпиталя и склады интендантскихъ запасовъ, а также семьи офицеровъ и добровольцевъ. Чтобы закончить эвакуацію, жельзной дорогь требовалось еще десять дней, въ течени которыхъ войска должны были удерживать за собой западный берегъ Бълой. И это было выполнено, благодаря конницъ, которая вышла на фронтъ и прикрыла собою усталыхъ уфимцевъ.

Могли бы получиться и больше результаты, если бы этотъ сводно-конный корпусъ подъ командой генерала Волкова выполнилъ полно и точно данную ему задачу, вышелъ бы на флангъ красныхъ и произвелъ оттуда ударъ, не стремясь занять растянутое фронтальное расположение. Но нельзя требовать идеаловъ; надо помнить, что блестящія кавалерійскія діла рідки въ исторіи такъ же, какъ рѣдки крупные чистѣйшей воды бриліанты; и зависять онъ оть исключительныхъ талантовъ и свойствъ высшаго кавалерійскаго начальника. Онъ долженъ быть смилыми до дерзости, быстро находчивыми всегда и вездъ, свободнымъ отъ всякой заботы о своемъ тылъ, не думать и о своихъ флангахъ, а лишь — о тылъ и флангахъ противника; онъ долженъ знать въ совершенствъ и умъть использовать свойства всадника и его лошади. Онъ, какъ орелъ, свободно, легко и смъло паритъ въ пространствъ, чтобы все видъть своимъ острымъ взглядомъ и стремительно бить врага тамъ, гдв его всего меньше ожидаютъ.

Наша конница работала скромно, безъ громкихъ блестящихъ дѣлъ, но упорно, постоянно и беззавѣтно. И здѣсь, подъ Уфой, она сдѣлала многое и дала возможность пѣхотѣ планомѣрно, безъ спѣха, совершить свой отходъ за рѣку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацію.

Жельзнодорожники старались изо всъхъ силъ, особенно, когда съ прівадомъ полковника Супруновича почувствовалась твердая рука, систематическій планъ и решимость не отступать отъ него. Весьма характерно, что почти вст желтанодорожные рабочіе, даже деповскіе, т. е. обычно наибол'те склонные къ броженію, просили вывезти ихъ съ семьями, не желая оставаться и работать при большевикахъ. Удалось вывезти изъ Уфы все; даже несмотря на преступно небрежное отношение интенданта армии и его помощниковъ, которые бросили склады и поспъшили уъхать изъ Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспъшностью интендантъ полковникъ С. произвелъ панику, въ которой надъялся скрыть многіе гръхи и злоупотребленія. Онъ былъ преданъ военно-полевому суду; на его мъсто назначили другого, которому пришлось изъ за потери трехъ дней доканчивать эвакуацію уже подъ выстрълами большевистской артиллерии.

Теперь, когда вся Западная армія отошла и заняла новый фронтъ на восточномъ берегу р. Бѣлой, первая задача наша — была не пустить большевиковъ за рѣку, а въ случаѣ ихъ переправы сбросить и разбить по частямъ. Это представлялось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Бѣлая въ этомъ мѣстѣ — довольно серьезная преграда, мы же успѣли составить небольше резервы, выведя изъ первой линіи двѣ дивизіи.

Эта задача была блестяще выполнена Волжскимъ корпусомъ юживе Уфы; генералъ Каппель впустилъ красныхъ, далъ возможность переправиться одной бригадъ 24-й совътской дивизи, затъмъ атаковалъ ее съ съвера, опрокинулъ сильнымъ ударомъ въ ръку и почти уничтожилъ.

Городъ Уфу и средий боевой участокъ оборонялъ 2-й Уфимскій корпусъ. Ему не удалось разбить красныхъ, переправившихся здёсь, хотя вначаль дело шло вполнъ успешно для насъ. Правъе уфимцевъ, ниже по теченію ръки Бълой, оборона лежала на 3-мъ Уральскомъ корпусъ; центръ его быль городь Бирскъ. Въ то время, когда уфимцы ударяли съ юга, уральцы должны были обрушиться съ съвера и уничтожить совмъстно группу красныхъ, переправившихся съвернъе Уфы (примърно въ рајонъ Благовъщенскаго Завода). Сначала наше наступление развивалось успъшно. Но на второй день случилась измена въ одномъ изъ полковъ 6-й Уральской дивизіи, гдъ только что прибывшее пополнение, распропагандированное соціалистами, бросилось во время боя на своихъ офицеровъ, перебила часть ихъ, послъ чего сдалась краснымъ. Это обстоятельство испортило все дъло; красные стали распространяться все глубже, угрожая выйти въ тылъ 2-му Уфимскому корпусу и переръзать желъзную дорогу.

Войска Западной армии были отведены тогда на линю горныхъ Уральскихъ проходовъ; это давало намъ возможность сильно сократить силы первой линии и оттянуть 2-й Уфимскій корпусъ въ резервъ; онъ былъ поставленъ за первой грядой горъ въ долинахъ ръкъ Юрезань и Ай. Начались усиленныя работы по комплектованію и снабженію уфимцевъ, которые такъ долго, беззавътно и безъ отдыха несли боевую службу на фронтъ.

Уфа была оставлена 8 іюня. Штабъ армін перешелъ на станцію Бердяушъ. Здѣсь, вдали отъ большого города, было гораздо легче вести спѣшную органиваціонную работу, заниматься исправленіемъ всѣхъ недочетовъ и подготовкой армін къ рѣшительному переходу въ наступленіе для перелома кампаніи.

Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо выяснить, какъ обстояло дѣло съ Сибирской армей.

3.

Когда обозначилась неудача весенней кампаніи Западной арміи и была оставлена Уфа, генераль Гайда отдаль прикавь своей съверной группъ перейти въ наступленіе и взять городъ Глазовъ. Это было исполнено легко. Впечатлъніе получилось сильное, такъ какъ казалось, что всъ слова и предсказанія

Гайды оправдываются; въ Омскъ загорълась надежда на новый

успъхъ, на новомъ операціонномъ направленіи.

Но это только казалось при поверхностномъ взглядѣ. На самомъ же дѣлѣ происходило другое. Большевики, наваливнись всей силой на Западную армію, сокрушивъ ен наступлене на Волгу и оттѣснивъ за рѣку Бѣлую, начали теперь переброску своихъ силъ отчасти на южный фронтъ генерала Деникина, а частью на сѣверъ, противъ Сибирской арміи. Почти одновременно съ занятіемъ Глазова начались неуспѣхи на Казанскомъ направленіи. Повторились тѣ же событія, что и въ Западной арміи, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, такъ какъ въ Сибирской арміи, сильно подпавшей пропагандѣ соціалистовъ-революціонеровъ, происходили массовыя возстанія войскъ и измѣна.

Гайда использовалъ эти затруднения по своему. Онъ прислалъ въ Омскъ, минуя Верховнаго Правителя, прямо въ кабинетъ министровъ ноту, гдѣ излагалъ, что причина всѣхъ неудачъ лежитъ въ неумѣломъ руководствѣ армиями, что такъ дѣло погибнетъ, если не передадутъ командования всѣми вооруженными силами Россіи ему, Гайдѣ. Особенно онъ нападалъ на начальника штаба Верховнаго Правителя, на генерала Лебедева. Тонъ ноты былъ угрожающій, — что-де, если не подчинятъ всѣ армии Гайдѣ, то онъ или уѣдетъ совсѣмъ, или повернетъ штыки своей армии на Омскъ.

Тамъ поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ѣхать самому въ Екатеринбургъ на свиданіе съ Гайдой; оттуда они оба вернулись въ Омскъ. Здѣсь шли долгія колебанія, переговоры, а Сибирская армія въ это время отходила все дальше. Верховный Правитель хотѣлъ прогнать Гайду, такъ какъ выяснились уже почти всѣ закулисные замыслы его и окружавшихъ его эсъ-эровъ. Но не рѣшился на этотъ, какъ тогда казалось, крайній шагъ и пошелъ на уступки. Гайдѣ была подчинена Западная армія — въ оперативномъ от-

ношеніи.

Насъ засталъ этотъ прикавъ за работой по подготовкъ арміи къ новой операціи. Производилась мобилизація во всемъ армейскомъ раіонъ; крестьяне и рабочіе Уральскихъ заводовъ сами просили увеличить возрастъ призыва, такъ какъ они желали идти въ армію противъ большевиковъ всъ поголовно, прівзжали депутаціи изъ селъ и заводовъ. На каждомъ шагу были доказательства того, что самъ народъ хотълъ сбросить иго чужеземнаго захвата, ненавистную власть интернаціонала.

Однажды, когда въ эти дни я ъхалъ на автомобилъ къ войскамъ на правый флангъ арміи, мы обогнали длинный, растя-

нувшійся крестьянскій обовъ.

^{— «}Какой части?»

- «Пуванской волости,» отвъчали возницы.
- «Что везете?»
- «Хлѣбъ.»
- «Куда?»
- -- «Да въ армію, значить, веземъ.»

Никого изъ представителей интендантства не было, не видно команды при обовъ. Непорядокъ. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчась же разъяснили недоразумъніе.

— «Вишь, Ваше Превосходительство, прослышали мы, что въ Вашей арми хлъба нехватка, ну наша волость собрала сходъ, и постановили, кому сколько испечь караваевъ. Вчерась пекли, собрази шестьсотъ пудовъ. А вотъ, теперь, значитъ, мы и веземъ хлъбушко-то».... тихимъ, ласковымъ голосомъ разсказываль мит бтлый, какъ лунь, старикъ крестьянинъ.

Также по всему Златоустовскому уваду собирали крестьлне совершенно добровольно одежду и даже нъсколько сотъ паръ сапогъ; а въ этомъ они сами очень нуждались. Объ ихъ подъемъ, объ ихъ готовности жертвовать всъмъ для спасенія родины отъ большевиковъ, за которыми они своимъ здоровымъ инстинктомъ чувствовали чуждый народу, враждебно и влорадно ненавидящій все русское — интернаціональ, — обо всемь этомъ свидътельствуютъ рядъ подобныхъ фактовъ и множество документовъ, приговоры сельские, волостные и заводские.

Налаживалось у насъ въ армін и діло снабженія въ рукахъ молодого, энергичнаго полковника Б., замънившаго уфимскаго интенданта, котораго военно-полевой судъ приговорилъ за преступныя дізянія и полную небрежность къ шести годамъ каторжной тюрьмы.

Урегулированъ былъ также вопросъ съ офицерскимъ пополнениемъ. Начали уже дъйствовать три вновь открытыя школы, которыя готовили для армін до тысячи офицеровъ и портупей-юнкеровъ.

2-й Уфимский корпусъ пополнялся, одъвался, отдыхалъ и съ каждымъ днемъ дълался сильнъе. Работали въ арміи всъ, отъ генерала до рядового стрѣлка, не покладая рукъ, вѣруя въ правоту нашего дъла и твердо надъясь на успъхъ его. Войска, стоявшія на фронть, отбивали всь попытки красныхъ сбросить насъ съ горныхъ проходовъ Урала; при этомъ начальники, отъ самыхъ высшихъ, принимали непосредственное участие въ руководительствъ боями, часто бывая въ опасные моменты въ передовыхъ частяхъ.

И вотъ какъ разъ въ это время была получена телеграмма изъ ставки о подчинении Западной армии Гайдъ на правахъ главнокомандующаго, а черезъ нъсколько часовъ пришелъ и

его первый и единственный приказъ.

Грубо и цинично онъ писалъ, что обвиняетъ въ неудачахъ на фронтѣ русскихъ офицеровъ, главнымъ образомъ высшихъ начальниковъ, которые будто бы слишкомъ далеко держатся отъ боевой линіи, что Западная армія отступала изъ за недостатка стойкости и мужества. Дальше шло приказаніе никому не отступать ни шагу назадъ, и опять обвиненіе офицеровъ и начальниковъ, угроза имъ разстрѣломъ. А затѣмъ добавлялось, что онъ, Гайда, сумѣетъ въ нѣсколько дней поправить положене и дать побѣду. Чувствовалось въ этомъ приказѣ та же нота и та же скрытая рука, что и въ знаменитомъ приказѣ 1917 года № 1; какъ тогда, такъ и теперь, было стремленіе натравить массы на офицеровъ, раздѣлить ихъ, лишить спайки. Но на этотъ разъ дѣло не выгорѣло. Наученъ нашъ русскій народъ, прозрѣлъ онъ и умѣетъ разбираться въ коварныхъ замыслахъ соціалистовъ всѣхъ ранговъ и нарѣчій.

Вся армія была оскорблена этимъ приказомъ. Отъ многихъ начальниковъ поступили рапорты съ просьбой оградить армію отъ пріемовъ натравливанія на офицеровъ и отъ незаслуженныхъ оскорбительныхъ обвиненій. Генералъ Ханжинъ вновь послалъ Верховному Правителю телеграмму съ просьбой уволить его въ отпускъ для поправленія здоровья.

Гайда, надо сказать правду, пытался остановить разваль и отступление своей армии; онъ даже выбхаль тамъ на фронть со своимъ «безсмертнымъ» батальономъ, но за нимъ потянулись туда же и эсъ-эры, окружавшие его къ этому времени тъснымъ кольцомъ. И ихъ преступная работа пошла уже въ открытую. Результаты не заставили себя ждать. «Безсмертный батальонъ имени Гайды» перешелъ на сторону большевиковъ однимъ изъ первыхъ; вследъ за темъ это печальное явление повторялось почти ежедневно на различныхъ участкахъ всего фронта Сибирской арміи. Неудача ея вм'ясто об'ящанных влегких усп'яховъ подъйствовала удручающе на население и войска; а усилившаяся пропаганда соціалистовъ, эсъ-эровъ и большевиковъ, ввергла массы снова въ нервное состояние, полное волненій и броженія. Этимъ и объясняются всв изміны воинскихъ частей и переходъ нъкоторыхъ изъ нихъ на сторону красныхъ. И все это происходило какъ разъ въ то время, когда внутреннее положение въ сосъдней Западной арми становилось все прочиве, чисто народное движение противъ большевиковъ увеличивалось тамъ съ каждымъ днемъ.

Сибирская армія, такъ недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кромъ указанныхъ выше причинъ, много способствовало этому безостановочное отступленіе, почти безъ попытокъ образовать резервы и переходомъ въ наступленіе остановить натискъ красныхъ. Безъ боевъ была оставлена Пермь съ заводами, съ потерей огромнаго количества

снабженія, складовъ, съ потерей всей нашей рѣчной флотиліи. Эта безнадежность дѣйствовала на Сибирскія части все хуже и хуже.

Въ эти дни Верховный Правитель рѣшилъ устранить отъ командованія Гайду и замѣнить его генераломъ Дитерихсомъ. Гайда пытался противодѣйствовать, выступить снова, не подчиниться. Тогда адмиралъ Колчакъ издалъ приказъ объ увольненіи Гайды въ отставку съ лишеніемъ его русскаго мундира. Въ командованіе Сибирской арміей вступилъ генералъ Дитерихсъ. Но вмѣсто того, чтобы энергичными мѣрами остановить отступленіе и развалъ Сибирской арміи, заняться организаціонной работой для усиленія ея боеспособности, — былъ начатъ рядъ мѣръ, направленныхъ на коренную ломку всего аппарата армій, ведшихъ борьбу на фронтѣ.

Съ отходомъ Сибирской арміи на сѣверѣ, большевики получили возможность устремиться оттуда черезъ Уральскія горы и ударить въ правый флангъ Западной арміи; ихъ цѣлью было отрѣзать нашу линію сообщеній, желѣзную дорогу въ тылу, примѣрно между станціями Аша-Балашовская и Златоустомъ. Этимъ двѣ арміи, Западная и Южная, ставились бы въ безвыходное положеніе.

3-й корпусъ подъ натискомъ значительныхъ силъ красныхъ началъ отходить вглубь Уральскихъ горъ, ведя упорные бои и неся большія потери. Какъ разъ въ это время прибылъ на станцію Бердяушъ генералъ Дитерихсъ и привезъ приказъ Верховнаго Правителя, которымъ генералу Ханжину давался отпускъ, согласно его просьбы, а командованіе Западной арміей возлагалось на меня.

Въ трудное время и тяжелые дни вступилъ я въ командоване. Надо было принимать мѣры для спасенія положенія на фронтѣ, еще болѣе необходима была спѣшная работа для сохраненія боеспособности арміи. Все время моего командованія на фронтѣ я стремился проводить ту, единственно возможную, по моему, систему управленія, которая давала результаты и внѣ которой нѣтъ жизненной связи между командованіемъ и войсками. Промежуточнымъ аппаратомъ для этого служатъ различные штабы; каждый штабъ долженъ работать, какъ хорошо слаженный и исправный механивмъ; главнымъ руководящимъ стимуломъ можетъ быть только одинъ, оправдывающій самое существованіе этого промежуточнаго аппарата, — штабъ не самодовлѣющая величина, онъ существуетъ лишь для службы войскамъ, вся дѣятельность его должна быть направлена только на полезное и необходимое для войскъ; внѣ этого не должно быть ничего. Отсюда опредѣляются его размѣры, программа его работы и самый характеръ ея. Всѣ строевые

начальники, до самыхъ высшихъ, обязаны руководить дѣятельностью штаба и управлять съ его помощью войсками, бывая, однако, вовможно чаще на мѣстахъ, не жалѣя силъ и времени на то, чтобы быть среди войскъ всюду и всегда, а особенно въ дни серьезныхъ боевъ.

Принявъ армію, я проводилъ больше половины своего времени среди войскъ передовой линіи, для быстроты передвиженій пользуясь автомобилями. Такъ я получалъ дъйствительное впечатлъніе о своихъ войскахъ, дъля съ ними ихъ трудности, а иногда и опасности боевъ, знакомясь со всъми хорошими и плохими сторонами. Зная истинное состояніе частей, можно было увеличивать ихъ боеспособность, укръплять въ нихъ въру въ наше дъло и въ успъхъ его. Этимъ же путемъ я узнавалъ и условія жизни мъстнаго населенія, ихъ настроенія и надежды. Живое слово, ознакомленіе на мъстахъ и контроль

- главныя условія успъха всякой работы.

Объевдъ всехъ трехъ корпусовъ Западной арміи даль мне увъренность въ полной возможности имъть этотъ успъхъ, а также показаль тв недочеты, которые требовалось устранить теперь же. Части представляли, въ сущности, не вполнъ еще готовые и слаженные организмы, иногда съ очень ненормальными отклоненіями; такъ напримъръ, за время весенней операціи и при отступленіи выросли неимов'єрно войсковые обозы, въ одномъ только 32-мъ Прикамскомъ полку было свыше двухъ тысячь повозокъ. Можно представить, какое огромное количество бойцовъ отвлекалось этимъ изъ строя, какой величины хвостъ связывалъ всъ маневры и боевыя дъйствія. Бороться съ этимъ можно было, только бывая на мъстахъ, одновременно контролируя и сейчасъ же исправляя; бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми. Естественно, что прежній способъ пріучилъ строевыхъ начальниковъ отписываться, смотръть на полученный приказъ, какъ на простой лоскуть бумаги. Надо было искоренить и этоть взглядь, нигдъ не допустимый, на прикавъ; сдълать это можно было только однимъ способомъ, отдавая вполнъ выполнимые приказы, вызываемые самой жизнью, и следя за точнымъ исполненіемъ ихъ безъ проволочекъ и отступленій.

Затъмъ назръла необходимость урегулировать офицерский вопросъ; надо было исправить ошибки Главнаго Штаба, вадержавшаго почти всъ производства офицеровъ дъйствующей арми; получивъ право, какъ командующий армией, производить въ чины до капитана включительно, я дълалъ это на мъстахъ, бывая въ частяхъ, производя офицеровъ иногда во время самыхъ боевъ. Адъютантъ записывалъ, по возвращении отдавалъ записи въ штабъ, и приказъ выходилъ черевъ нъ-

сколько дней, безъ всякой волокиты.

При всѣхъ поѣздкахъ я узнавалъ подлинное, ничѣмъ не прикрашенное настроеніе и своихъ войскъ, и массъ населенія. Помню посѣщеніе Саткинскаго завода, обладавшаго почти самыми крупными на Уралѣ чугунно-литейными печами. Поговоривъ о положеніи завода съ директорами, я пошелъ въ большое помѣщеніе, полное собравшимися рабочими, и спросилъ, какія у нихъ есть нужды.

Первое, что они просили, разсказать имъ объ арміи, о нашемъ военномъ положеніи, о большевикахъ и красноармейцахъ. Затьмъ, уже пошли заявленія о дороговизнъ, трудностяхъ достать продукты первой необходимости, о недостаткъ муки и хлъба. Когда все было разъяснено, я отдалъ приказъ доставить рабочимъ завода два вагона муки по казенной цънъ; рабочіе зашумъли, какъ встревоженный улей; вышелъ впередъ ихъ выборный старшина и сказалъ, что рабочіе очень благодарятъ и просятъ чаще пріъзжать и говорить съ ними, разъяснять происходящее.

- «А мы ужъ сами и добровольцами въ армію пойдемъ, и мобилизацію слъдить будемъ, и большевиковъ не допустимъ; небось, не заведутся они у насъ.»
- «Сатки первыми противъ нихъ, иродовъ, въ 1918 году выступили,» загудѣла довольная толпа.

Вообще, настроеніе населенія всего армейскаго раіона и войсковыхъ частей было приподнятое, готовое идти на жертвы, на борьбу съ соціалистами-большевиками, упорно желающее побъдить и совершенно довърчивое, ибо наши пути и цъли были общіе. Сущность того, что руководило нами въ борьбъ, народный характеръ этой борьбы и ея напряженіе проникали глубоко и прочно въ массы и все тъснъе связывали армію съ населеніемъ. Массы видъли и върили, что мы боремся за всю Родину; что «наша партія есть Святая Русь, нашъ классъ весь Русскій народъ.»

Вотъ выписка изъ приказа населенію раіона Западной арміи, отданнаго на станціи Міассъ 5 іюля 1919 года и 3 октября того же года на станціи Лебяжья:

«... Еще разъ разъясняю, что наше Правительство, во главѣ съ Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, вожди армій, всѣ начальники и вся армія стоятъ только на пути спасенія Родины, вѣры и народа; не принадлежатъ ни къ какой политической партіи, не защищаютъ и не преслѣдуютъ ничьихъ интересовъ, личныхъ или отдѣльныхъ классовъ, а именно всего Русскаго народа въ его цѣломъ. Таковы арміи наши, Востока Россіи, арміи русскаго витязя-генерала Деникина, генераловъ Юденича, Миллера и тѣ массы возставшихъ на Руси, которые соединяются съ нами.

Путь одинъ у всёхъ, путь прямой и открытый. Освободить страну отъ засильниковъ, предателей и иновемныхъ комиссаровъ. Дать возможность каждому вздохнуть свободно, утереть слезы и не дрожать ежеминутно каждому за свою жизнь. Установить повсюду полную законность и обезпечить порядокъ и права каждаго, дать возможность всёмъ заниматься привычнымъ трудомъ. И тамъ, въ сердцё Россіи, въ древней Москвъ, созвать народное собраніе, дъйствительно лучшихъ людей народа, его избранниковъ, которымъ самъ народъ, наученный теперь горькимъ опытомъ отечественной разрухи, вручилъ бы право разобраться во всемъ и ръшить его судьбы. Это народное собраніе учредитъ и порядокъ управленія Россіей, опредълить право и порядокъ владънія землей, назначитъ основные законы для нашей страны.»

Направилось дѣло и организаціи армейскаго тыла. Вовремя и точно по назначенію подавалось все снабженіе, акуратно и по расписанію работала желѣзная дорога, а запасныя части и офицерскія школы были полны подготовленными людьми.

Новый главнокомандующій, генераль Дитерихсь, пріважавшій два раза въ мой штабь, въ Бердяушь, вполнів раздівляль всів взгляды, одобряль работу, быль доволень ея результатами и обіщаль не производить никакой ломки.

4

Второй разъ онъ прівхаль вмѣстѣ съ адмираломъ Колчакомъ 2-го юля, какъ разъ при началѣ частичнаго наступленія 2-го Уфимскаго корпуса, такъ называемомой Айлинской операціи.

3-й Уральскій корпусь не могь сдержать натиска красныхь, бившихь сильно въ нашь правый флангь. Послів упорныхь боевь на рівків Уфимків и на горныхь проходахь, уральцы отступили вглубь горь. Отступали и дрались все время въ неравныхь условіяхь, неравными силами. Обстановка была тяжелая. 1-го іюля я прівхаль въ село Мясогустово; на самой окраинів шель бой съ большевиками; въ дівло были втянуты не только всів части, но даже офицеры и солдаты штаба корпуса составили отрядь и пытались отбросить насівдавшихь красныхь. Но сдержать новаго натиска ихъ не удалось. И 3-й корпусь продолжаль отступленіе.

Надо было во что бы то ни стало помочь уральцамъ, иначе силы ихъ могли совершенно растаять. 2-й Уфимсній корпусъ получилъ приказъ перейти въ наступленіе, ударить во флангъ краснымъ и отбросить ихъ на сѣверъ, въ горы. Несмотря на неполную готовность уфимцевъ, условія были все же выгодны

для насъ, такъ какъ этотъ корпусъ занималъ сосредоточенное положеніе; части его отдохнули, пополнились и пріодѣлись. Второго іюля должно было начаться наше наступленіе.

Стояли лѣтніе жаркіе дни, когда чистый вовдухъ до того наполненъ ароматомъ велени, что густота голубого эфира дрожитъ, переливается и струится слоями. Богатыя поля колыхались стѣнами темно-веленыхъ колосьевъ, наливавшихся молодымъ верномъ. Дорога бѣжала красивыми долинами рѣкъ Юревани и Ай; все кругомъ было ярко велено, мѣстами бѣлѣли беревовые перелѣски.

Въ большихъ деревняхъ шла сумятица, шумъ и волненіе, — населеніе ихъ, обезпокоенное приближеніемъ большевиковъ, собирало на возы свой домашній скарбъ и готовилось уходить

волной бъженцевъ на востокъ.

Но не чувствовалось упадка духа, — моральная сила и надежда на успѣхъ были на нашей сторонѣ. Всюду встрѣчались улыбающеся лица и полная готовность помочь. Я съ небольшимъ конвоемъ Оренбургскихъ казаковъ шелъ бодрымъ галопомъ полями къ правому флангу уфимцевъ. Развѣвался и весело блисталъ на утреннемъ солнцѣ георгіевскій значекъ. Кони легко и плавно отбивали копытами равномѣрную дробь. Казаки изрѣдка обмѣнивались шутками или замѣчаніями о прекрасныхъ поляхъ, обѣщавшихъ обильный урожай. Въ небѣрѣяли жаворонки, наполняя воздухъ мелодичной трелью... Вдругъ грянулъ орудійный выстрѣлъ.

Красные повели въ это утро сильное наступлене свенми ревервами, наткнулись на одну ивъ дививій Уфимскаго корпуса и неожиданно атаковали ее первыми. Но ихъ ударъбылъ встръченъ контръ-ударомъ другихъ двухъ дививій. Столкнулись двъ силы. Будто ударились два шара, катившихся събъненой скоростью, столкнулись, на мгновеніе вадержались и остановились на мъстъ; отпрянули, стоятъ и крутятся быстро на мъстъ оба шара, точно оглушенные ударомъ; мгновеніе, а ватъмъ съ силой покатились оба дальше: одинъ навадъ, убъгая, а другой за нимъ, преслъдуя его, продолжая свое поступательное движеніе.

Наша четвертая дививія подоспѣла какъ равъ во-время. Одинъ ва другимъ шли полки въ атаку, перегоняя другъ друга, съ огромнымъ подъемомъ. Большевики сначала остановились, вадержались, пробовали оказать сопротивленіе, но ватѣмъ от-

прянули навадъ и побъжали.

Я подъвхалъ къ уфимцамъ передъ самой ихъ атакой. Никогда не забыть этихъ серьевныхъ, открытыхъ лицъ, полныхъ отваги и ръшимости, ихъ молчаливой и торжественной толпы и стройной силы. Я вызвалъ впередъ, передъ полками, героевъ, роздалъ георгіевскіе кресты солдатамъ и произвелъ отличившихся въ прежнихъ бояхъ офицеровъ. Затъмъ послъ короткихъ словъ о предстоящемъ дълъ полкъ двинулся впередъ. И ихъ громкіе, торжествующіе крики «ура-а-а» разносились по полямъ, когда новые георгіевскіе кавалеры во главъ съ офицерами пошли первыми въ атаку.

На взмыленной лошади прискакаль казакъ ординарецъ и привевъ мнѣ записку отъ моего начальника штаба; Верховный Правитель и генералъ Дитерихсъ прибыли въ Бердяушъ и просятъ меня пріѣхать къ нимъ возможно скорѣе на важное совѣщаніе. Такъ это было не во-время, — отрывало отъ боевой работы, да и не хотѣлось уѣзжать изъ боя, — изъ зеленыхъ долинъ Урала, отъ русскихъ полковъ, охваченныхъ порывомъ наступленія. Но вслѣдъ за первымъ ординарцемъ примчался на автомобилѣ второй съ телеграммой адмирала Колчака, что онъ долженъ сегодня же вечеромъ выѣхать обратно въ Омскъ

Черевъ три часа я быль у себя въ Бердяушъ. И вотъ, пока я ъхалъ, въ штабъ было получено донесеніе, что красные обошли незамътно одинъ полкъ 12-й Уральской дивизи, отръзали его и распространяются у насъ въ тылу. Надо было принимать экстренныя мъры, иначе это могло испортить все дъло.

Къ вечеру удалось ликвидировать опасность и прогнать красныхъ. Но наступленіе уфимцевъ, начатое съ полнымъ успѣхомъ, пріостановилось; большевики же за ночь оправились, подтянули резервы и снова начали сильно давить на Уральскій корпусъ.

Два дня шли упорнъйше встръчные бои; наши части переходили снова и снова въ контръ-атаки, но красные подавляли насъ своей численностью. Къ вечеру второго дня генералъ Войцеховскій, командиръ 2-го корпуса, отдалъ приказъ своимъ уфимцамъ отступать.

Было еще одно обстоятельство, проявившееся впервые именно въ этихъ бояхъ. Начиная съ ранней весны, большевики бросили огромное количество своихъ агентовъ на востокъ для пропаганды и организаціи бандъ у насъ въ тылу; комиссары снабжали ихъ очень большими суммами денегъ, польвовались всякими способами, оставляя при отступленіи красной арміи свои ячейки въ городахъ и деревняхъ, а при ея наступленіи — направляя ихъ подъ видомъ бѣженцевъ. Въ концѣ іюня прошелъ сѣвернѣе Уфы цѣлый небольшой отрядъ коммунистовъ, одѣтыхъ въ нашу военную форму, съ погонами, и пробрался горными тропами намъ въ тылъ. Изловить ихъ не удалось, кромѣ одного красноармейца, который показалъ, что цѣль этого коммунистическаго отряда была вворвать желѣзнодорожные мосты въ тылу нашей арміи и поднять возстаніе среди рабочихъ Златоустовскаго завода.

Дъйствительно, какъ разъ въ эти дни имъ удалось подорвать мостъ черезъ небольшую ръчку восточнъе Бердяуша и ватъмъ повернуть и выйти въ тылъ уральцамъ, отбивавшимъ атаки красныхъ войскъ. Создались очень тяжелыя условія, изъкоторыхъ мы вышли съ большимъ трудомъ.

Вся первая половина іюля прошла въ бояхъ за горные проходы Урала. Бои эти шли съ перемвннымъ успъхомъ; армія не отдавала ни одной своей позиціи безъ попытки отбросить красныхъ. Но для того, чтобы перевернуть ходъ кампаніи, надо было собрать резервы, сосредоточить большія сиды и перейти въ общее наступленіе; чтобы разбить красныхъ, надо было дать генеральное сраженіе.

Сибирская армія, или правильнѣе остатки ея, катилась безъ удержу на востокъ, отдавая краснымъ большія пространства сѣвернаго Урала; 16 іюля былъ брошенъ Екатеринбургъ. Генералъ Дитерихсъ оставилъ послѣ этого на фронтѣ только заслоны, а всѣ оставшіеся отъ арміи Гайды части перевозилъ по желѣзной дорогѣ въ глубокій тылъ, въ Ялуторовскъ, Тюмень и Тобольскъ. Сибирская армія временно какъ бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя тѣмъ въ совершенно невозможное, тяжелое положеніе Западную армію.

А духъ и силы послъдней были нетронуты, несмотря на отходъ и на непрерывные бои; всъ части Западной армии были на лицо, сохранили боеспособность и желане драться до побъды. Налаженный механизмъ штаба и тыловыхъ органовъ давали полную возможность поддерживать и увеличивать живую силу нашихъ корпусовъ. Усилія всъхъ направлялись согласованно къ одной цъли. И всъ ждали приказа о новомъ общемъ переходъ въ наступленіе.

Мъстомъ для этого былъ избранъ Челябинскъ. Среди другихъ была одна чрезвычайно важная причина этого ръшенія. Отсюда идетъ желъзная дорога на Троицкъ, бывшій базой Южной арміи. Это была послъдняя связь съ ней; если мы не выиграемъ дъла подъ Челябинскомъ, то Южная армія была бы предоставлена самой себъ, поставлена въ очень трудныя условія.

Планъ новой операціи былъ составленъ такъ: Западная армія, сдерживая красныхъ арріергардами, должна была быстро стянуть свои силы къ Челябинску и сосредоточить двѣ ударныя группы, генерала Войцеховскаго къ сѣверу, генерала Каппеля къ югу отъ города. Здѣсь войска должны были пополниться, отдохнуть и организовать базы для боя; а затѣмъ, когда красные втянутся въ долину изъ горъ, они будутъ атакованы съ сѣвера и юга, взяты въ клещи, съ цѣлью окружить ихъ, отнять артиллерію и пулеметы. Съ сѣвера всю операцію прикрывалъ и обезпечивалъ З-й Уральскій корпусъ.

Населеніе всего раіона отъ Волги до Челябинска переживало въ это время величайшую драму. Свѣтлыя надежды на живнь смѣнялись мрачнымъ, темнымъ холодомъ смерти; съ отходомъ бѣлыхъ армій выплывалъ вловѣщій призракъ кроваваго интернаціонала. Какъ на извѣстной картинѣ Штука, шелъ онъ, костлявый смѣющійся скелетъ, сидя верхомъ на чудовищномъ животномъ, оставляя за собой тысячи труповъ, дымящіяся пожарища, сѣя смерть, ужасъ и заливая все кровью. Бевконечной вереницей тянулись впереди нашей арміи на востокъ обовы съ бѣженцами; цѣлыми селами двигались на востокъ русскіе люди всѣхъ національностей, спасаясь отъ хищнаго интернаціонала, ибо для него существуетъ лишь одна признаваемая имъ, всесвѣтная нація, племя «избранное Ісговой», разсѣянные по лицу вемли іудеи.

Рабочіе Златоустовскаго и другихъ ваводовъ Урала присоединились къ потоку бъженцевъ. Крестьяне, башкиры, татары и оренбургскіе казаки отправляли свои семьи и скарбъна подводахъ въ тылъ, а сами приходили въ армію, составляли отряды, брались за оружіе, чтобы отбить вражью силу.

Ставка и генералъ Дитерихсъ, видъвше распылене Сибирской арми и крушене тамъ всего дъла, представляли себъ весь фронтъ въ такомъ же состояни. Я получалъ запросы: что осталось отъ Западной арми и какимъ обравомъ мы можемъ еще держаться? Они не видали и не понимали ни состоянія нашихъ войскъ, ни того общаго желанія отразить натискъ большевизма, которое охватило всъхъ, и войска, и населеніе.

5.

Челябинскъ центръ обширнаго края, равросшійся въ послѣдніе десять лѣтъ до размѣровъ большого губернскаго города; центръ хлѣбной торговли и золотопромышленнаго раіона. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія это была простая башкирская деревня Селяба¹), лежащая при выходѣ изъ горъ и лѣсовъ стараго, сѣдого Урала въ долину Западной Сибири.

Когда я прибыль со своимъ штабомъ въ Челябинскъ для проведенія плана новой операціи, нехватало времени, чтобы принимать и говорить со всѣми депутаціями, приходившими ко мнѣ каждый день съ ранняго утра и до вечера. Шли горожане, рабочіе, каваки, башкиры и крестьяне съ ваявленіемъ о своей готовности отдать всѣ силы, чтобы только не пустить сюда большевиковъ, отбить натискъ врага, къ которому руссній народъ чувствовалъ инстинктивную ненависть и смертельный страхъ.

¹⁾ Селяба — по башкирски значитъ яма.

При подготовкѣ операціи мнѣ пришлось исколесить на автомобилѣ весь этотъ раїонъ, на сотни верстъ къ сѣверу и югу отъ Челябинска; и всюду я видалъ одно, — русскихъ людей, готовыхъ на какія угодно жертвы и лишенія, предпочитавшихъ смерть въ борьбѣ, или уходъ въ неизвѣстную даль, подчиненію коммунистамъ-большевикамъ.

Вотъ казачья станица Травниковская, одно изъ тѣхъ поселеній, гдѣ живутъ потомки скромныхъ строителей Великой Россіи. Большя улицы, дворы обстроены хозяйственно и полны добра, площадь съ небольшой бѣлой церковью залита палящими лучами юльскаго солнца и гудитъ толпой. Все населене станицы собралось на площадь, пришли даже казачки съ грудными младенцами. Раздается мѣрный благовѣстъ, и мѣдные голоса колоколовъ далеко разносятся въ лѣтнемъ раскаленномъ воздухѣ. Изъ церкви выходитъ крестный ходъ; колыхаясь, плывутъ надъ толпой святыя хоругви, блеститъ золотомъ большой крестъ, такъ ненавистный всѣмъ слугамъ интернаціонала, сверкаютъ на солнцѣ свѣтлыми бликами иконы и ризы священниковъ.

«Спаси, Господи, люди Твоя . . .» разносится пъніе, подхваченное тысячной толпой и заглушавшее даже громкій благо-

въстъ.

Приходитъ священникъ и кропитъ святой водой двъ сотни казаковъ, собранныхъ станицей на фронтъ, благословляетъ ихъ

на ратный подвигъ.

Сосредоточены и ясны бородатыя лица казаковъ. Глубокая дума и безповоротное ръшение отразились на нихъ. Истово крестятся они правой рукой, держа въ лъвой поводья и острыя пики. А около дворовъ по длинной улицъ увязанные возы, запряженные уже и готовые вывезти семьи этого народнаго ополчения въ тылъ...

Встала Русская земля. За что готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партіи, не за дешевые лозунги соціалистовъ идуть они въ смертный бой съ интернаціоналомъ. Н'єть, не за это несуть они великія жертвы свои. Послушайте, что говорять эти казаки-крестьяне въ своихъ семьяхъ и на своихъ сходахъ:

— «Надо кончить съ этимъ дёломъ. Какъ разрушили нашу землю святую! А все оттого, что Царя имъ не надо стало. Вишь, сами власти захотёли... Всёхъ Царскихъ враговъ

истребить надобно...»

Послушать только, какъ истово, съ какой върою поютъ всъ они эту старую русскую молитву за Царя: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

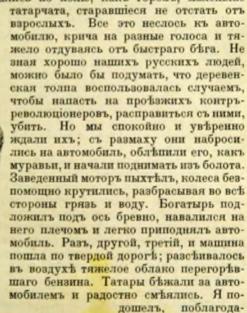
А вотъ другая картина тъхъ же дней. Мой автомобиль, переважая черезъ гать по болотистой долинъ верстахъ въ се-

мидесяти съвериъе Челябинска, завязъ своими колесами глубоко въ тинъ. Шофферъ и его помощникъ бились безрезультатно надъ нимъ, вылъзли и мы всъ, чтобы общими силами вытащить машину.

Вдалекъ сърая деревушка, вздымая изъ распластаной кучи избушекъ высокій минареть мечети съ магометанскимъ полумъсяцемъ. Вскоръ изъ деревни показалась большая толпа и приближалась къ намъ съ шумомъ и гамомъ. Впереди бъжалъ богатырь колоссальнаго роста съ широкой, какъ паровозъ, грудью, на ногахъ, какъ каменные столбы; онъ держалъ въ могучихъ рукахъ цълое бревно, размахивая имъ надъ головой и испуская воинственные крики въ тактъ своимъ быстрымъ прыжкамъ:

— «Г-гинъ, г-гунъ, г-гунъ!..»

За богатыремъ бъжала съ дрекольемъ куча татаръ-крестьянъ, за ними разсыпались по полю, какъ горохъ, маленькіе

риль ихъ и далъ богатырю въ награду денегь.

— «Не надо, бачка, не надо, моя не надо,» кричалъ онъ,

Marager of Bonumu - monarcer Transper on the Transper of Transper

отпихивая деньги, весело-добродушно скаля бѣлые аубы и что-то прибавляя по татарски. Я совалъ богатырю деньги, онъ отпихивалъ. Вмѣшался старшина, пожилой татаринъ въ тибитейкѣ:

— «Не давай, Ваше Благородье, наша не вовметъ. Дорога наша, плохая дорога, виноватъ наша, зачъмъ не чинитъ дорога. А ты военный человъкъ, Царскій начальникъ, отъ большевиковъ насъ защищаешь.»

Тогда я настоялъ, чтобы они взяли деньги для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей ихъ деревни. Вышелъ изъ толпы сѣдой древний старикъ-мулла и поклонился мнѣ въ поясъ въ внакъ благодарности:

 «Позволь лучше, Ваше Благородье, ему,» сказалъ онъ, показывая на богатыря, — «отрядъ собрать и къ тебѣ въ армію

идти. Надо большовиковъ не пускать»...

А когда мы возвращались поздно вечеромъ по той же дорогь, то около деревии автомобиль остановила толпа женщинъ и дътей, красавица — молодая татарка вышла впередъ и, потупивъ прекрасные больше глаза, благодарила еще разъ за деньги...

Объ ударныя группы собирались, ваканчивали сосредоточене въ разонъ Челябинска. Къ сожалъню была допущена одна оплошность: съверная группа генерала Войцеховскаго составляла слишкомъ большую силу, свыше двадцати тысячъ человъкъ, тогда какъ южная группа генерала Каппеля еле достигала до десяти тысячъ. Но я равсчитывалъ главный ударъ нанести именно съ съвера, чтобы отбросить красныхъ отъ ихъ

путей отступленія.

Арріергарды наши, сдерживая натискъ большевиковъ, отходили сначала медленно, шагъ за шагомъ, и удерживая цѣлый
рядъ позицій, но верстъ за пятьдесятъ отъ Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишкомъ быстро. Пришлось составить новую войсковую группу подъ начальствомъ генерала Космина изъ всѣхъ частей, какія удалось набрать, до
моего конвоя включительно; по первому призыву пошли драться
вмѣстѣ съ ними сербы, — сербскій батальонъ имени Благотича,
оказавшій большія услуги, ведшій себя, какъ истинные братья
русскихъ.

Къ слову надо скавать, что французскій батальонъ, бывшій въ Челябинскъ съ осени 1918 года, поспъшиль эвакупроваться въ тылъ, восточнъе Омска, при первомъ приближени опасности.

Такъ всегда поступали союзники-интервенты!

Для полнаго успѣха операціи и выигрыша необходимаго времени нужно было обезпечить нашу армію съ сѣвера. Для этой цѣли 3-й Уральскій корпусъ быль усиленъ всѣмъ, что можно было выдѣлить туда; но этого было недостаточно, под-

сказывалась необходимость содъйствія Сибирской арміи. Однако, несмотря на всѣ просьбы, не удалось получить не только этого содъйствія, по даже прикава о выдвиженіи частей ея для демонстраціи. Какъ будто дъйствовала не одна русская армія, не за одну общую святую цѣль!

Большевики, обманутые легкостью, съ какой они сбивали наши арріергарды, лѣзли, что называется, какъ черти, на Челябинскъ. Мною былъ отданъ прикавъ въ ночь съ 24 на 25 іюля отдать имъ городъ, а на разсвѣтѣ 25-го перейти въ наступлене обѣими ударными группами.

Наступила жуткая ночь. Выфхавъ вечеромъ, за нфсколько часовъ до оставления города, изъ Челябинска, я объфзжалъ войска сфверной группы генерала Войцеховскаго. Глубокое лфтнее небо, усыпанное вфчными звфздами, покрыло землю покоемъ, уютомъ и сномъ. Тихо кругомъ, нфтъ даже ночныхъ звуковъ, которыми такъ богаты весения ночи. Стоятъ темными силуэтами деревни, какъ зубчатыя стфны заколдованныхъ замковъ, чернфютъ лфса; и всюду биваки, — наши полки, батареи, эскадроны и сотни. Все спитъ. Не горятъ бивачные огни, чтобы не выдать противнику нашихъ силъ. Только часовые бдительно и остро пронизываютъ темноту, впиваются глазами въ черную глубину ночи, да въ избахъ съ закрытыми ставнями сидятъ войсковые начальники, отдавая послфдия распоряжения, провфряя все ли сдфлано, не забыли ли чего передъ завтрашнимъ рфшительнымъ днемъ.

Вотъ въ большой русской деревнѣ меня встрѣчаетъ рапортомъ генералъ З., начальникъ 11-й Сибирской стрѣлковой дивизи, только что пришедшей на фронтъ изъ Сибири, сформированной въ Новониколаевскѣ. Впервые съ тыла поданы войска, восьми тысячная сила. Внѣшній видъ и стройность не оставляютъ желать лучшаго.

- «Какъ Ваше чувство?» обращаюсь я къ генералу 3., — «увърены ли Вы въ Вашихъ частяхъ?»
- «Увъренъ, Ваше Превосходительство. Хотя и не обстръляны еще, но настроение хорошее. Даже рвутся въ бой.»
- «Ну, а то донесение о пропагандъ социалистовъ?» напомнилъ я ему случай, бывший четыре дня тому навадъ въ одномъ изъ полковъ.
- «Агитаторовъ выловили. Сами солдаты помогали. На сколько я знаю настроение офицеровъ и солдать, они прямо ненавидять комиссаровъ и коммунистовъ. А за всѣмъ тѣмъ, все въ рукѣ Божьей...»
- «Я его дивизію поставиль между своими лучшими частями; а впереди пустиль Камцевь, для перваго удара,» добавиль генераль Войцеховскій.

Въ эту же ночь произошелъ такой случай. На одну заставу Уральскаго корпуса выъхала группа конныхъ:

— «Кто идетъ? Стой!» окрикнулъ часовой.

— «Свои-и-и» . . . донеслось издали.

— «Кто свои? Что пропускъ?!»

— «Красные офицеры, сдаваться ѣдемъ, пропуска не внасмъ.»

Часовой выстрѣлилъ. На тревогу выбѣжала вся рота, бывшая въ заставѣ, и открыла огонь залпами. Это былъ командиръ бригады 35-й совѣтской дивизи полковникъ Котоминъ съ одинадцатью красноармейскими офицерами; они состояли въ анти-большевицкой организаціи и давно уже искали удобнаго случая перейти на нашу сторону. Было очень трудно, такъ какъ каждый шагъ ихъ слѣдился комиссаромъ и его помощниками, коммунистами, добровольными шпіонами. Въ эту ночь имъ удалось усыпить бдительность еврея-комиссара и ускользнуть изъ когтей. Но вотъ истинная трагедія русскаго положенія, они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, такъ какъ наши войска привыкли къ разнымъ уловкамъ и обманамъ большевиковъ.

Первымъ же залпомъ была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; всв они разсвялись и только черезъ день удалось собрать вмъсть этихъ героевъ. Полковникъ Котоминъ провелъ полтора жуткихъ часа, лежа за трупомъ лошади, пока его не освободилъ и не вывелъ нашъ офицеръ. Полковникъ Котоминъ былъ доставленъ въ ближайши штабъ какъ разъ въ то время, когда я объвзжалъ войска. Высокий, могучаго сложения человъкъ съ открытымъ энергичнымъ лицомъ, герой Германской войны, онъ весь дрожалъ отъ пережитаго, дрожалъ мелкой нервной дрожью, какъ маленький прозяб-

шій мальчикъ.

«Думалъ, что убьютъ. Но такъ было тяжело у больше-

виковъ, что лучше смерть...»

Онъ много разсказывалъ всѣмъ намъ о центральной Россіи, о ея состояніи и страданіяхъ, открылъ истинное положеніе совѣтской власти и красной арміи. Что можно будетъ сказать изъ этого, не нарушая интересовъ Русскихъ, находящихся и сейчасъ тамъ, во власти интернаціонала, скажу послѣ, при сравненіи условій нашего тыла и ихъ.

Забрезжило утро. Потянуло съ востока холоднымъ предъутреннимъ вътеркомъ, когда я пріъхалъ къ войскамъ генерала Космина, чтобы отсюда управлять ходомъ опереции. Какъ разъ въ этотъ моментъ изъ Челябинска отступали наши послъднія части. Въ городъ входили торжествующие красные полки.

Раннее утро послѣ безсонной ночи застало меня въ поселкѣ Александровскомъ. Всходило солнце, освѣщая землю своими первыми, робкими лучами. Поселокъ просыпался, и обычная дневная жизнь наполняла улицу. Я лежалъ на травъ около автомобиля и старался уловить ухомъ дальне звуки боя. Но ихъ не было слышно. И, не смотря на чрезмърную усталость послъднихъ дней и этой ночи, я не могъ заснуть, — одна большая мысль давила на мозгъ и не давала покоя:

— «А что если эта восьмитысячная масса, вновь пришедшая изъ Сибири дивизія, окажется распропагандированной соціалистами и, вмѣсто помощи, измѣнитъ Русскому дѣлу?! Повернетъ штыки противъ своихъ...»

Но вотъ грянулъ первый орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій. И заворчала далекая артиллерійская канонада,

какъ громъ отдаленной грозы.

Наши войска перешли въ наступление одновременно по всему фронту. Красные не ожидали этого, столкнулись съ нашими, произошелъ рядъ встръчныхъ боевъ съ жестокимъ напряжениемъ съ объихъ сторонъ. Къ концу дня намъ удалось овладъть рядомъ деревень, захватили одну батарею, много пулеметовъ и плънныхъ; мы потъснили большевиковъ.

26 и 27 іюля продолжались упорные бои. Комиссары стянули всѣ силы и заставляли свои полки переходить въ бѣшеныя контръ-атаки. Какъ они писали въ своихъ радіо-сводкахъ «подъ Челябинскомъ бѣлые проявили небывалое упорство, переходя въ штыковыя атаки подъ личной командой адмирала

Колчака»...

Этого не было. Но дъйствительно, всъ наши части проявили такое напряжение силъ, показали такой подъемъ, какъ въ самые блестящие периоды Мировой войны, въ Галици, Польшъ

и Восточной Пруссіи.

Наше наступление развивалось, хотя и медленно, но планомѣрно. 27-го былъ захваченъ и доставленъ въ штабъ арміи приказъ красныхъ, свидѣтельствовавшій о полной ихъ растерянности; паника охватывала ихъ тылъ, обозы начали уже отступать на Міассъ и Златоустъ. Еще одно усиліе, и окруженіе силъ большевиковъ въ Челябинскѣ должно было закончиться. Надо было для этого еще два дня.

Какъ уже сказано, правый флангъ всей операціи прикрывался 3-мъ Уральскимъ корпусомъ, очень ослабленнымъ всѣми предъидущими боями; 12-я Сибирская стрѣлковая дивизія, прибывшая въ это время изъ Томска и приданная Уральскому корпусу, не только не усилила, а ослабила его: нѣкоторыя части оказались распропагандированными въ этомъ городѣ, одномъ изъ самыхъ главныхъ эсъ-эровскихъ гнѣвдъ, и, придя на фронтъ, предательски передались на сторону красныхъ. Все же несмотря на это. уральцы сдерживали натиски красныхъ, но 27 юля начали сдавать и отходить на юго-западъ.

Большевики получали возможность направить часть силъ значительно восточнъе Челябинска и угрожали отръзать главную

дорогу въ тылу армін.

Надо было спѣшить съ операціей. Такъ какъ телеграфная связь съ моимъ лѣвымъ флангомъ въ это время прервалась, я поѣхаль на автомобилѣ въ южную группу, въ Волжскій корпусъ и въ пути разминулся съ генераломъ Каппелемъ, который ѣхалъ ко мнѣ въ штабъ. Уже подъѣзжая къ боевому расположеню, я былъ пораженъ, встрѣчая наши батареи и нѣкоторыя части, отходящія на востокъ. Казалось непонятнымъ такое движеніе, такъ какъ наканунѣ всѣ контръ-атаки красныхъ были отбиты, волжане перешли вечеромъ снова въ наступленіе, захватили у большевиковъ пулеметы, плѣнныхъ и цѣлый рядъ станицъ и поселковъ.

Произошло какое-то несчастное недоравумъне, и Волжскій корпусъ, вмъсто наступленія, началь отходить назадъ, распрямляя тъмъ дугу, которую Западная армія была уже готова сомкнуть вокругъ красныхъ подъ Челябинскомъ. Это дало возможность большевикамъ оправиться и перебросить еще часть силъ противъ нашей съверной группы, развивавшей

успъшно наступление въ тылъ Челябинску.

Волжскій корпусь въ эту же ночь собраль массу подводь и съ разсвътомь двинулся впередъ на телъгахъ, чтобы выпграть больше пространства и развить снова наступленіе. Но все же, вслъдствіе потери времени, операція затянулась; а между тъмъ угроза съ съвера нашей желъзной дорогъ и тылу арміи все росла. Дальнъйшій рискъ дълался очень опаснымъ, — и могъ быть допущенъ только при одномъ условіи, чтобы части Сибирской арміи быстрымъ выдвиженіемъ на западъ обезпечили нашъ

правый флангъ.

Не знаю, по какимъ соображеніямъ и по какимъ вліяшямъ на это не рѣшились! Я получилъ приказъ Верховнаго Правителя отвести войска отъ Челябинска на Курганъ, перевезя часть силъ въ этотъ городъ поѣздами по желѣзной дорогѣ. Наступила самая тяжелая часть этихъ боевъ. Надо было вывести наши части, занимавшія расположеніе по охватывающей кривой, имъющей форму латинской буквы S; при этомъ давленіе красной арміи на сѣверѣ и угроза нашему тылу все усиливались. Большевицкое командованіе, какъ только почувствовало ослабленіе нашего нажима и отходъ, направило всѣ усилія, чтобы окружить и отрѣзать отъ пути отступленія части нашей арміи.

Благодаря огромной работѣ всѣхъ начальниковъ и безвавѣтной выносливости нашихъ войскъ, удалось выйти изъ тяжелаго положенія, не потерявъ ни одной пушки, не отдавъ ни

плънныхъ, ни одной повозки съ патронами.

Съ тяжелымъ чувствомъ всв мы оставляли Челябинскія поля, гдв было положено столько силь и жертвъ; гдв наша побъда казалась такъ обезпеченной и такъ нужной. Однако настроение войскъ не падало, въра въ свою силу и въ успъхъ не только не исчезла, но поднялась посла этихъ боевъ. Объазжая ежедневно части армін, лично управляя нівкоторыми боями, я эналъ настроение войскъ и непосредственно получалъ увъренность въ ихъ полной боеспособности.

Какъ разъ въ день перелома боевъ, когда наши части начали уже отступление, къ штабу армии, на станцию Чумлякъ, прибыль новый транспорть съ ранеными. Французскій офицеръ, состоящій при Западной армін, маюръ Каруель просиль равръшения сопровождать меня при обходъ раненыхъ, чтобы раздать нъкоторымъ, особенно отличившимся, французские военные кресты.

Наши офицеры, солдаты и казаки, только что вышедшів изъ многодневныхъ тяжелыхъ боевъ, лежали и сидъли со свъжими ранами, весело разговаривая, блестя улыбками. Вотъ группа волжанъ.

- «Ничего, Ваше Превосходительство, не можетъ большевикъ выдержать; все равно мы его за Волгу прогонимъ», говорить здоровенный Самарскій крестьянинъ-стрълокъ, поддерживая лівой рукой правую, въ которой ружейная пуля

раздробила кость.

- «Куда ему выдержать! Какъ мы пошли въ атаку, а лямбурские казаки вмъстъ съ нами съ флангу, такъ они и побъжали, даже готовый объдъ бросили намъ въ котлахъ», торопливо разсказываеть пересохшими губами маленькій худой казанецъ, раненыи въ плечо. — «Первый разъ тутъ мы за десять дней пообъдали, какъ слъдуетъ, а потомъ догнали, чтобы пулеметами спасибо красно-армейцамъ сказать.»

Кругомъ раздается хохотъ.

Всв раненые съ уважениемъ показывали на койку въ углу, гдъ лежалъ молодой офицеръ. Подхожу и вижу одного изъ старыхъ знакомыхъ, офицера съ Русскаго Острова, штабсъ-капитана Р. Красивое загорълое лицо съ горящими глазами, возбужденно смотрящими изъ подъ бълой повязки, обнаженная молодая здоровая грудь тяжело дышеть и ходить выступившими ребрами. Р... былъ раненъ въ голову, въ грудь и сильно контужень; последствіемь этого явилась временная потеря речи.

- «Воть, не угодно ли посмотръть», докладываль юркін и очень подвижный докторъ Бъленькій: «штабсъ-капитанъ вынесь на себъ изъ боя пулеметь, два раскаленныхъ стръльбой ствола Кольта, вотъ следы ожоговъ...»

Съ объихъ сторонъ шея офицера была покрыта ровными, точно татуировка по линейкъ, коричневыми черточками, это ему прожгло кожу винтовой наръзкой ствола, когда онъ со своей ротой отходилъ послъднимъ отъ Челябинска.

6.

Не смотря на отходъ, значение Челябинской операции было весьма существенно. Бои и дъйствія нашихъ войскъ показали, что мы имъемъ всъ шансы разбить большевиковъ; въ войскахъ укръпилась увъренность въ своихъ силахъ. Кромъ того населеніе этого большого и абсолютно анти-большевицкаго разона увидъло на дълъ, убъдилось, что были приложены всъ усилія спасти ихъ отъ большевиковъ; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидътелями этого одного изъ самыхъ большихъ сраженій, знали, какъ много работы и жертвъ было принесено, чтобы разбить силы и стремленія красныхъ завладъть Челябинскимъ краемъ; знали и то, что наше отступленіе произошло не по винъ Западной арміи.

Эти тяжелые бои, — а они стоили намъ свыше 5000 потерь убитыми, ранеными и плѣнными, большевики, по ихъ же документамъ, потеряли больше 11000 человѣкъ, — эти бои скрѣпили армію въ сильный, хорошо слаженный и жизненный организмъ. Лично я, какъ командующій арміей, получилъ полную вѣру въ свои войска и не сомнѣвался въ томъ, что при правильной организаціи тыла наша окончательная побѣда надъ большевиками обевпечена. Также думали и чувствовали всѣ мои помощники.

Ближайшее же время подтвердило правильность этихъ выводовъ. Моей армии пришлось отходить отъ Челябинска при невозможно тяжелыхъ условіяхъ: все время висѣла угроза на нашемъ правомъ флангѣ, почти каждый день большевикамъ удавалось выходить въ тылъ уральцамъ, отрѣзывая ихъ отъ линіи сообщенія и отъ Волжскаго корпуса. Намъ приходилось проявлять огромное напряженіе, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти всѣ части дѣлали больше, часто форсированные переходы и сложные маневры. Велась самая интенсивная работа армейскаго тыла, чтобы справиться съ эвакуаціей и не оставить ничего краснымъ. Такъ проходила въ теченіи всего августа армія огромныя пространства, отступая на востокъ, входя въ Западную Сибирь.

Въ то же время, справляясь съ этой сложной работой, мы начали готовиться къ новому наступленю, стремясь обевпечить на этотъ разъ успъхъ его отъ всякихъ случайностей; прежде всего было необходимо имъть достаточный запасъ людей для пополнения убыли въ частяхъ, надо было наладить подачу на фронтъ осенняго теплаго обмундирования и собрать хотя бы небольше ревервы.

Послѣ Челябинска мы вступили въ богатыя плодородныя степи Западной Сибири. Равнина ея, которая тянется на тысячи верстъ, перерѣзывается съ запада на востокъ одной желѣзнодорожной магистралью, проходящей черезъ города Курганъ, Петропавловскъ, Омскъ, Новониколаевскъ. Всѣ эти города лежатъ на большихъ рѣкахъ, протекающихъ въ меридюнальномъ направлени, съ сѣвера на югъ. Тоболъ, Ишимъ, Иртышъ и Объ, — эти рѣки представляютъ собою единственныя преграды и препятствія, которыя могли быть использованы нашими арміями для временной задержки наступленія красныхъ; съ этихъ же рубежей мы могли предпринять новое наступленіе.

А наступленіе было необходимо, ибо безъ него дѣлалось безнадежно, а значить и безсмысленно самое продолженіе войны. Армія имѣла въ себѣ силы добиться успѣха, и произвести полный переломъ хода кампаніи армія могла. Но наступленіе можно было начать только тогда, когда вполнѣ будутъ обезпечены результаты его, чтобы новыя жертвы и огромное напряженіе фронта не пропали даромъ и были бы широко поддержаны тыломъ. Надо было сдѣлать точный расчетъ всѣхъ рессурсовъ, провести подготовку средствъ и силъ, составить планъ использованія ихъ.

Послѣ Челябинской операціи вся эта работа была взята на себя генераломъ Дитерихсомъ, ставшимъ во главѣ всего восточнаго фронта, въ который входили три неотдѣльныхъ арміи: 1-я Сибирская — генерала Пепеляева, 2-я — генерала Лохвицкаго и 3-я — моя. Южная армія генерала Бѣлова оторвалась съ конца іюля и вела самостоятельныя операціи противъ большевиковъ, имѣя ареной своихъ дѣйствій пустынную киргизскую степь безъ дорогъ и населенныхъ пунктовъ; она потеряла связь также и со ставкой и, предоставленная самой себѣ, переживала тяжелую драму, осложнившуюся нерѣшительностью, куда Южной арміи отходить и на что базироваться.

Въ эти дни ни ставка, ни фронтъ не имъли никакихъ свъдъній о Южной арміи, и только черезъ два мъсяца части ен начали выходить южнъе Петропавловска, переживъ много тяжелаго, совершивъ походъ, равный походу Ксенофонта.

1-я и 2-я арміи, какъ уже было сказано, сосредоточились въ раіонѣ между рѣками Тоболомъ и Ишимомъ, куда онѣ были стянуты генераломъ Дитерихсомъ еще въ концѣ іюля, послѣ авантюръ Гайды. Здѣсь эти арміи, образованныя изъ того, что осталось отъ прежней Сибирской арміи, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный видъ и подготовиться къ новому наступленію.

Западная армія была переименована въ 3-ю неотдѣльную армію; ей была поставлена вадача выдѣлить не менѣе пяти

дивизій въ резервъ, перебросить ихъ быстро по желѣзной дорогѣ въ тылъ, пополнить и подготовить къ наступленію. Сначала этимъ раіономъ былъ назначенъ городъ Курганъ и рѣка Тоболъ; но тяжелые бои и условія отступленія 3-й арміи послѣ Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было вывести въ резервъ хотя бы одну дивизію, такъ какъ всѣ части были въ постоянномъ движеніи, маневрахъ. Возьми мы съ фронта въ это время въ тылъ хоть одну часть, остальныя не справились бы съ боевыми задачами, и Западную армію

постигла бы участь Сибирской.

Только переправившись черезъ Тоболъ, мы получили передышку и вышли изъ подъ въчной угрозы быть отръзанными отъ жельзной дороги. Только перейдя черезъ Тоболъ, 3-я армія получила возможность выд'влить пять дивизій, быстро перевести ихъ эшелонами за 250 верстъ въ тылъ на рѣку Ишимъ. въ рајонъ города Петропавловска. Здесь начали проводить спѣшныя мѣры подготовки къ наступленію, срокъ котораго быль опредълень секретнымъ приказомъ на первые дни сентября. Наступило время, и армія дала все то, что общей дружной работой за весь летни періодъ накопила для успеха решительнаго наступленія. Надо сказать правду, что работа эта дала блестящіе результаты; менже чемь въ две недели армія смогла влить въ себя такія разнообразныя силы, и такъ организовать использование ихъ, что уже черезъ мъсяцъ послъ Челябинскихъ боевъ была готова къ новому генеральному сраженію. Но для этого потребовалось напряженіе всёхъ силъ, былъ израсходованъ весь запасъ безъ остатка.

Сущность реформъ, проведенныхъ главнокомандующимъ восточнымъ фронтомъ генераломъ Дитерихсомъ заключалась въ томъ, что ставка, какъ командный центръ арміями, упразднялась; отъ нея остался лишь небольшой, сравнительно, составъ для несенія службы связи Верховнаго Правителя съ арміями генераловъ Деникина, Юденича и Миллера. Съ другой стороны армін были преобразованы въ неотдъльныя, т. е. отъ нихъ были отобраны всъ права и обязанности по части мобилизаціонной, организаціонной и заготовительной. Изъ этихъ обрывковъ сверху, отъ ставки, и снизу, отъ армій, быль образовань новый центръ — штабъ главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ или, какъ онъ былъ названъ въ угоду модъ, - Главковостока. Всъ заботы, обязанности и всъ права отнынъ должны были сосредоточиваться въ этомъ штабъ. Онъ бралъ на себя добровольно тяжесть координаціи общихъ усилій и напряженій для обезпеченія усп'яха борьбы.

Арміи могли теперь обратить все свое вниманіе и работу на чисто боевое д'вло, не отвлекаясь на подготовку и обезпеченіе его въ тылу. Въ связи съ этимъ раїоны армій были сильно

уменьшены и изъ нихъ образованъ одинъ тыловой округъ съ подчинениемъ его также непосредственно Главковостоку. Точно также работа желъзныхъ дорогъ на театръ военныхъ дъйствий выходила теперь изъ въдънія арміи и сосредоточивалась цъликомъ въ штабъ Главнокомандующаго. Съ одной стороны было стремление къ централизаціи и объединенію, а съ другой — къ разгрузкъ боевыхъ армій отъ кропотливой и тяжелой работы въ тылу.

Понятно, теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практикъ получалось другое. Какъ уже было сказано, Западная армія, а ранъе и Сибирская, имъя у себя большой тыловой раіонъ, обладая правами и неся обязанности отдъльной арміи, могла заботиться о всемъ необходимомъ сама, обезпечивала себя во всъхъ отношеніяхъ и знала истинное состояніе всъхъ рессурсовъ. Большая работа, проведенная съ мая по сентябрь, дала къ осени результаты; мы могли теперь вливать въ корпуса и дивизіи совершенно готовое и одътое пополненіе, распредълять по полкамъ свой, собранный арміей и подготовленный за эти три мъсяца, запасъ офицеровъ, эшелонировать всъ виды снабженія и давать ихъ войскамъ безъ отказа. А главное мы могли строить всъ расчеты нашихъ операцій и боевъ на точныхъ данныхъ, мы были хозяевами вполнъ.

Произведенная ломка снимала съ командующаго арміей всв эти многосложныя обязанности и отвътственность; отнынъ заботы о снабженіи армій всвмъ необходимымъ брались на себя главнокомандующимъ. Это вполнъ нормально и кромъ облегченія не принесло бы ничего. Но на самомъ дълъ было не такъ, — условія того времени были такъ далеки отъ нормальныхъ, тылъ оказался настолько неорганизованнымъ, что фактически заботы, снятыя съ арміи, обязанности и права, отобранныя отъ нея, повисли на время въ воздухъ. И какъ показали ближайшія событія, реформы принесли вмъсто улучшенія и облегченія большой вредъ.

Надо было сначала подготовить тылъ, провести быстрыя и ръшительныя реформы тамъ, наладить безотказную работу, и лишь послъ того ввести управление армиями въ нормальную

линію централизаціи.

Такъ это представляется не только теперь, черезъ призму прошлаго времени, это было ясно и въ тѣ дни; я и мои ближайшие помощники дѣлали тогда рядъ представлений, пробовали доказать вредъ ломки, но не достигнувъ ничего, обратили всѣ силы на работу при новыхъ условіяхъ.

Съ упорными боями, сдерживая натиски красныхъ, армія отходила отъ Тобола на Петропавловскъ, усиленно готовясь къ новому своему удару, къ переходу въ наступлене.

Готовились къ наступленію также 1-я и 2-я арміи. Генералъ Ивановъ-Риновъ, атаманъ Сибирскаго казачьяго войска, прибылъ въ концѣ лѣта въ Омскъ, сумѣлъ вызвать необычайный подъемъ и развить огромную энергію среди казаковъ. Онъ работалъ не покладая рукъ надъ созданіемъ казачьяго корпуса, чтобы къ сентябрю выставить его на фронтъ и тѣмъ усилить наше наступленіе.

Дважды пріважаль за это время отхода отъ Челябинска на Петропавловскъ ко мив въ армію Верховный Правитель адмиралъ Колчакъ, чтобы лично провврить нашу работу и

видъть условія, въ какихъ она протекала.

Однажды, когда мы ѣхали автомобилемъ къ передовымъ частямъ, адмиралъ обратился ко мнѣ въ разговорѣ съ вопросомъ:

- «А почему Вы безъ револьвера?»

Я отвътилъ, что мой тяжелый Наганъ, казеннаго образца, вожу всегда съ собою, но носитъ его мой ординарецъ, унтеръ-

офицеръ.

— «Такъ нельвя,» вовравилъ А. В. Колчакъ: «надо имътъ постоянно при себъ. Вотъ смотрите, я ношу всегда самъ,» добавилъ онъ, ударивъ рукою по маленькому браунингу, висъвшему въ чехлъ у его пояса. — «Мало ли что можетъ случиться! Необходимо имътъ непоколебимое ръшеніе, быть всегда готовымъ выпустить шесть пуль, защищаясь, а послъдняя себъ. Живымъ въ руки намъ даваться нельзя...»

Примѣрно, черезъ мѣсяцъ ко мнѣ явился офицеръ-ординарецъ адмирала и передалъ отъ него свертокъ: карманный испанскій парабеллумъ № 21727 и письмо, которое приложено ниже

въ подлинникъ.

Привожу этотъ небольшой случай, но характерный, рельефно покавывающій три стороны: ввглядъ покойнаго А. В. Колчака на положеніе, въ котормъ приходилось тогда вести работу, — съ постоянной мыслью о послѣдней пулѣ для себя; его исключительно внимательное отношеніе къ намъ, офицерамъ; небольшая иллюстрація того, какъ стоялъ у насъ въ арміи вопросъ съ оружіемъ.

Въ послъдніе пріъзды передъ сентябремъ адмиралъ имълъ очень утомленный, даже усталый видъ. И каждый разъ, уъз-

жая, онъ говорилъ миъ:

— «Вы знаете, ядъсь на фронть отдыхаешь, — такъ все хорошо, просто, такая вдоровая атмосфера настоящаго дъла. Если бы они могли также работать въ тылу!«

7.

Ранняя осень. Золотые дни, румяные вакаты, только ночи удлинились и дышать он'в уже холодомъ приближающейся зимы. Необозримыя поля Западной Сибири уб'вгають къ блѣдно голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-волотыми колосьями соврѣвшихъ хлѣбовъ. Урожай въ 1919 году повсюду былъ на рѣдкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящимъ временемъ для широкихъ активныхъ дѣйствій.

29 августа мы получили приказъ Главковостока закончить быстро всю подготовку, сосредоточить силы и въ первыхъ числахъ сентября перейти въ наступлене, атаковать красныхъ.

Планъ дъйствій 3-й армій заключался въ слѣдующемъ: Волжскій корпусъ и арріергардъ Уфимскаго сдерживали напоръ красныхъ по объ стороны Сибирской жельзной дороги; въ то же время на обоихъ нашихъ флангахъ сосредоточивались ударныя группы, которыя должны были съ двухъ сторонъ обрушиться на большевиковъ. А Уральскій корпусъ (двѣ дивизи) перебрасывался скрытно вверхъ по Ишиму на нашъ крайній лѣвый флангъ, откуда предполагалось вывести его большимъ кружнымъ путемъ въ тылъ краснымъ и тѣмъ закончить ихъ окруженіе.

1-го сентября 3-я армія начала выполненіе этого плана. Генералъ Каппель, усиленный Ижевской дивизіей, сдерживая натискъ красныхъ, самъ перешелъ въ наступленіе, сильно потрепалъ къ югу отъ желѣзной дороги одну совътскую бригаду. Генералъ Косминъ съ двумя дивизіями уральцевъ совершалъ въ полной скрытности глубокій обходъ; у генерала Войцехов-

скаго съ Уфимскимъ корпусомъ вышла заминка.

Всѣ эти дни, окончивъ предварительныя распоряженія, я проводилъ среди своихъ боевыхъ частей, переносясь на автомобилѣ съ одного фланга на другой, чтобы лично все провѣрить, убѣдиться на мѣстѣ въ правильности расчетовъ, помочь

напряженію воли.

2-го сентября рано утромъ прівхаль въ разонь Уфимскаго корпуса. 4-я дивизія на разсвѣтѣ перешла въ наступленіе и взяла очень удачно направленіе въ тыль наступающимъ здѣсь краснымъ. Быль захвачень обозъ одного краснаго полка, плѣнные и даже полковой комиссаръ. Но вмѣсто того, чтобы использовать первый успѣхъ и ударить сзади по большевикамъ, командовавшій дивизіей полковникъ С. повернулъ и направился обратно къ своему исходному положенію. Дивизія сдѣлала впередъ и назадъ около 35 верстъ, измоталась почти безрезультатно. Пришлось дать людямъ отдыхъ передъ тѣмъ, какъ начать снова маневръ.

Вторая дививія Уфимцевъ, 8-я Камская, тоже перешла утромъ въ наступленіе у деревни Жидки, но атака не удалась, красные оказали сильное, упорное сопротивленіе; было приказано въ 4 часа дня атаковать вторично. Я повхалъ на мъсто боя, чтобы помочь лично руководству его. По дорогъ встръчаю крестьянина на лошаденкѣ безъ сѣдла; гонитъ онъ ее, болтаетъ въ воздухѣ локтями, ротъ открытъ, глаза выкачены отъ страха, шапка упала, и по вѣтру развѣваются длинныя пряди полусѣдыхъ волосъ. Увидалъ всадникъ нашъ автомобиль и еще издали началъ кричать благимъ матомъ:

— «Куда вы, куда вы!.. Вороча-а-айте назадъ!»

Остановили моторъ. Въ чемъ дъло?

 - «Да какъ же, всѣ наши отступаютъ; ужъ красна армія на Еропкино вышла. Такъ и гонитъ войска по всей лини...»

Й онъ поскакалъ, охваченный паникой, дальше.

Загадка. Часы показывали безъ двадцати минутъ четыре, приближалось время атаки Камской дивизи. Поъхали дальше. Вотъ изъ небольшого перелъска показались повозки, направлявшяся намъ на встръчу.

— «Какого полка?»

— «31-го Стерлитаманскаго.»

— «Гдв полкъ?»

«Да вотъ тута, въ лѣсу этомъ самомъ», на ходу получили отвѣтъ.

Дъйствительно на полянкъ, въ рощъ стоитъ полкъ; здъсь же штабъ дивизіи. А на опушкъ рощи идетъ, все усиливаясь, ружейная и пулеметная трескотня. Автомобиль подъъхалъ къ самому полку.

— «Что у Васъ происходить?» спросиль я начальника ди-

визін, генерала Пучкова.

— «Красные перещли въ наступление...»

— «А Вы получили приказание атаковать ихъ въ четыре часа?»

— «Такъ точно, но теперь невозможно.»

Этотъ отличный боевой офицеръ находился, къ сожалвню, въ полномъ упадкв силъ, потерялъ духъ. И не мудрено ввдь, — съ 1914 года онъ бытъ непрерывно на войнв, сначала три года на нвмецкомъ фронтв, а затвмъ на Волгв, на Бвлой и на Уральскихъ горахъ — противъ большевиковъ.

Генералъ Пучковъ старался доказать мить всю безнадежность попытки перехода въ наступление, что это не удастся,

что слишкомъ выдохлись, и успъхъ невозможенъ.

— «Вамъ лучше сейчасъ же уѣхать, Ваше Превосходительство,» докончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «а то не ровенъ часъ...»

«Какъ Вы не понимаете, что никто не имъетъ права

уважать сейчась!»

Я отвель его въ сторону и въ полъ голоса, чтобы не слышали другіе, принялся серьезно внушать ему всю гибельность для дивизіи и для всей армін подобныхъ взглядовъ. Затъмъ громко, въ полный голосъ, передалъ объ успъхахъ Волжцевъ и Уральцевъ, пристыдилъ и приказалъ двинуть резервы въ контръ-атаку. Обошелъ ряды полка, произвелъ отличившихся ранъе офицеровъ, наградилъ Георгіевскими крестами стрълковъ.

Кто быль въ бояхъ, тотъ легко представить себъ картину этого осенняго дня. Лъсъ набить пъхотой; солдаты лежать и сидять группами; многіе жують хлівбь, иные переодівають портянки и сапоги. Здъсь же, на полянкъ, батареи судорожно, спѣшно, но въ то же время привычно-увъренно готовятся къ работь. Дъловитая суета и въ ближайшемъ полковомъ тылу, - разворачивается перевязочный пункть, выкладываются патроны изъ двуколокъ, дымять и раздражающе вкусно пахнутъ ужиномъ походныя кухни. Всъ такъ ваняты работой и необходимымъ простымъ дъломъ, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящемъ бот и о возможности близкой смерти. Только лица всъ какъ-то потемнъди, глаза смотрятъ остро и внимательно, голоса стали глуше. Въ воздухъ, несмотря на громкіе звуки выстр'вловъ и свисть пуль, кажется влов'вще тихо, какъ передъ грозой. И всъ слъдять, чутко, напряженно, ва своими начальниками. Не потеряль онь присутствія духа, сохранилъ въру, до конца проявилъ свою волю, - побъда и успъхъ обезпечены. Но если слабость скуетъ его мозгъ, если поддастся онъ страху и проявить отчаяние, - горе и ужасъ тогда: дрогнуть ряды, паника охватить всехь, и стройныя части обращаются въ безтолковое стадо.

Черезъ нъсколько минутъ заработала наша артиллерія. Полкъ выдвинулся изъ резерва, вправо рота за ротой перебъжали скрыто рощей, развернулись и съ крикомъ «ура» кину-

лись въ атаку...

Къ вечеру деревня Жидки была ввята Камцами.

За этотъ день отбили всъ контръ-атаки красныхъ и Волжане, причемъ Ижевская дивизія вышла во флангъ против-

нику и разгромила одинъ совътскій полкъ.

Ижевцамъ пришлось вести бой на три фронта, ихъ батареи стръляли во всъ стороны. Красные здъсь усилились и старались разбить Волжскій корпусъ, преградившій имъ кратчайшій путь на Петропавловскъ.

Ночью мой автомобиль мчался на крайній лѣвый флангъ, гдѣ Уральскій корпусъ долженъ былъ совершить рѣшительный маршъ-маневръ и ударить по тыламъ большевиковъ, отрѣзать

ихъ отъ путей отступления.

Темная сентябрьская ночь, полная яркихъ мерцающихъ ввъздъ. Необозримыя пространства Сибирскихъ степей тонутъ въ ночныхъ черныхъ тъняхъ, сливаясь съ чернымъ небомъ; тишина нарушается только свистомъ холоднаго осенняго вътра, да равномърнымъ стукомъ автомобильнаго мотора. Мы ъдемъ,

я съ адъютантомъ и ординарцами, кутаясь отъ ночного сырого колода и нервности отъ всёхъ ощущеній дня. Вдемъ десятки верстъ черной молчаливой степью, безъ признаковъ жилья; пролетёли давно уже тѣ деревни, въ которыхъ вчера были уральцы.

— «Съ утра, батюшка, ушли, спозаранку поднялись и пошли войска-то,» объясняла намъ испуганная молодуха-сибирячка въ послъдней деревнъ и махнула рукой на съверозападъ. На нашъ стукъ въ окно она выскочила, сонная, въ одной сорочкъ, накинувъ полушубокъ. Яркій свътъ автомобильныхъ электрическихъ фонарей освъщалъ ея блъдное милое лицо и широкіе испуганные глаза, еще полные ночной нъги и сновидъны. И такъ ласково и грустно прозвучало сзади ея послъднее привътствіе:

— «Дай Богъ вамъ, родимые...»

И снова бевдонная пропасть ночи и безконечныя пространства степей. Вдругъ вдали замерцали такія же далекія, какъ авѣзды, свѣтящіяся точки костровъ. Все ближе и ярче, все больше ихъ, цѣлое море огней. Автомобиль наддалъ ходу. И скоро мы подъѣхали къ бивакамъ двухъ дивизій Уральскаго корпуса. Они уже вышли на указанную конечную линію. Завтра съ разсвѣтомъ Уральцы двинутся дальше и пересѣкутъ главный путь отступленія красныхъ. На этотъ разъ успѣхъ былъ несомнѣненъ, всѣ разсчеты оправдались.

На слъдующій день, 3-го сентября красные кинулись назадъ, чтобы не попасть въ окруженіе. Два дня шли тяжелые бои. Здъсь были лучшія коммунистическія дивизіи, 26-я и 27-я; надо отдать справедливость, что эти восемнадцать русскихъ красныхъ полковъ проявили въ сентябрьскіе дни 1919 года очень много напряженія, мужества и подвиговъ, которые въ Императорской арміи награждались Георгіевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, въ разныя стороны, проявляя высокій духъ и доблесть, и частью прорывались ночными боями почти изъ полнаго замкнутаго кольца. А подъ деревней Чебачьей они нанесли даже сильное пораженіе нашей 7-й Уральской дивизіи.

Въ то же время красное командование принимало срочныя мѣры, чтобы ликвидировать нашъ успѣхъ и перевернуть ходъ операціи снова въ ихъ пользу, вырвать у насъ иниціативу. Они начали сосредоточивать войска, повернувъ обратно на востокъ 5-ю и 35-ю совѣтскія дивизіи, направленныя было по желѣзной дорогѣ на южный фронтъ противъ генерала Деникина. Этотъ прямой первый результатъ успѣха, доставилъ намъ большую радость и удовлетвореніе, такъ какъ мы помогли своимъ, облегчили ихъ положеніе.

Сосредоточивъ въ рајонъ желъзной дороги сильную группу войскъ, большевики двинули ее на юго-востокъ, чтобы въ свою очередь обойти флангъ нашего Уральскаго корпуса и ударить въ тылъ моей арміи. Движеніе ихъ было очень быстрое; надвигалась для насъ опасность не только потерять всё результаты перваго успъха, но снова попасть въ прежнее положение обороны, прикрытія своего тыла и вѣчной опасности. Надо было принимать неотложныя и быстрыя меры. Я приказаль Уральскому корпусу сдалать полный повороть, на 180 градусовъ, усилилъ его Ижевской дивизіей. Было решено произвести теперь ударъ съ съвера на югь, въ лъвый флангь красныхъ,

двигавшихся намъ въ обходъ. Къ этому же времени подошелъ Сибирскій казачій корпусъ генерала Иванова-Ринова, совершивъ свои передвиженія въ полной тайн'в и скрытности, и сосредоточился къ югу отъ Петро-

павловскаго которымъ двигались главныя силы большевиковъ.

9 сентября произошли жестокіе бои paiont BL Прѣстаницы сновской, причемъ нами былъ произведенъ co-

гласованный ударъ, - съ съвера Уральцами, съ юга Сибирскими казаками. Большевики, ожидавшіе этого удара, дрогнули и побъжали, бросая пушки, пулеметы и обозы. Наша побъда была полная.

Наканунъ ко мив въ штабъ прівхалъ адмиралъ Колчакъ съ нъкоторыми его ми-

нистрами, генералъ Ноксъ и огромная свита. Адмиралъ отправился на автомобилъ къ Уральскому корпусу и прибылъ туда какъ равъ въ то время, когда наши части гнали красныхъ, захватывая тысячи плънныхъ. Всъхъ охватила неописуемая радость и подъемъ духа; казалось, что наступилъ ръшительный переломъ, что этотъ ударъ будетъ окончательнымъ. Такъ оно н было бы, но при одномъ непремънномъ услови, — всеобщаго напряжения всъхъ силъ на поддержку побъдоносной армии, для развития успъха.

Русское дѣло держало экзаменъ въ эти дни сентября 1919 года; теперь наступила провѣрка того, какъ справились съ организаціей тыла, насколько сумѣли взять его въ руки. Армія снова доказала свою способность, жизненность, силу и умѣнье. Но для побѣды общей, для закрѣпленія успѣховъ военныхъ нужно было еще многое.

Всѣ части 3-й арміи понесли значительныя потери въ этихъ первыхъ бояхъ; 9-го сентября я обратился по прямому проводу къ Главковостоку съ докладомъ о положении въ арміи и о необходимости присылки теперь же пополненій для сильно порѣдѣвшихъ частей нашей арміи.

Правъе насъ стояла 2-я армія генерала Лохвицкаго, которой не удавалось перейти въ наступленіе, сбить красныхъ; послъ нъсколькихъ дней встръчныхъ боевъ, большевики даже частично потъснили 2-ю армію. Они усилили здъсь свой ударъ, чтобы съ этой стороны парализовать успъхъ нашей арміи, которая въ это время замяла сильно выдвинутое положеніе, причемъ Уфимскій корпусъ наступалъ въ общемъ направленіи на югозападъ, имъя задачей разбить и отръзать 27-ю совътскую дивизю.

Заминка 2-й арміи гровила равстроить всё планы Главковостока; необходимо было помочь ей, чтобы спасти общее положеніе; нельзя было терять ни дня. Пришлось предпринять новую операцію, не окончивъ вполнѣ еще первой. Я повернулъ главную часть силъ Уфимскаго корпуса также почти на 180 градусовъ, направивъ ихъ ударъ теперь въ сѣверномъ направленіи. Ударъ пришелся какъ равъ во флангъ и частью въ тылъ краснымъ, тѣснившимъ 2-ю армію; уфимцы быстро выдвинулись впередъ, почти на половинное протяженіе всего фронта 2-й арміи, которая послѣ этого получила вовможность повести успѣшное наступленіе.

Но 27-я дивизія большевиковъ ускользнула отъ окончательнаго разгрома и смогла отступить на два перехода; тамъ она получила свѣжее подкрѣпленіе и снова перешла въ контрънаступленіе, чтобы прорвать сильно растянувшійся теперь фронтъ Уфимскаго корпуса.

Можно представить, какъ растянулся фронтъ и всей моей арми; вначалѣ первый ударъ былъ объединенный и сходившійся къ желѣвной дорогѣ. Но затѣмъ пришлось бить отъ
середины: Уральцами на югъ, Уфимцами на сѣверъ. Эти три
послѣдовательныхъ удара, слѣдовавшіе бевъ перерыва одинъ
ва другимъ, дали намъ переломъ, совдали военный успѣхъ,
обевпечили побѣду, но они же поставили 3-ю армію въ тяжелыя
условія, выйти ивъ которыхъ своими собственными силами она
могла съ большимъ трудомъ.

Начались самые упорные и жестокіе бои за весь этотъ періодъ нашего наступленія, за всю Тобольскую операцію. Главная тяжесть ихъ выпала на долю 12-й Уральской дивизіи и Морского батальона, которые доблестно отбивали всѣ атаки

и сломили въ концъ концовъ большевиковъ.

Пребываніе въ штабѣ арміи гостей ивъ Омска затянулось и сильно мѣшало работѣ, отвлекая и меня, и штабъ на нѣсколько часовъ ежедневно; поэтому я почувствовалъ облегченіе, когда черевъ шесть дней было объявлено объ ихъ отъѣядѣ. Верховный Правитель за это время объѣхалъ почти всѣ войска, раздавалъ награды, причемъ онъ настоялъ на присужденіи тремъ командирамъ корпусовъ, генераламъ Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мнѣ ордена Св. Георгія 3-й степени. При объѣздахъ передовыхъ линій адмиралъ Колчакъ лично видѣлъ малочисленность нашихъ частей, такъ какъ бои шли не прекращаясь ни на одинъ день, потери увеличивались и росли непомѣрно, а пополненій мы не получали съ тылу ни одного солдата; адмиралъ зналъ фактическія цифры нашихъ потерь; при своемъ объѣздѣ онъ обѣщалъ мнѣ употребить всѣ усилія, чтобы прислать подкрѣпленія и свѣжія части резерва.

15-го сентября я вновь сдѣлалъ настойчивое представление Главковостоку, какъ о значительныхъ потеряхъ нашихъ, такъ и о самой настоятельной необходимости присылки свѣжихъ частей и пополнений; генералъ Дитерихсъ обѣщалъ сдѣлать все возможное и указалъ, что черезъ недѣлю начнетъ подавать въ

3-ю армію эшелоны¹).

На объдъ, который адмиралъ Колчакъ далъ у себя въ поъздъ въ день отъъзда, произошелъ одинъ случай, который, несмотря на его невначительность, нельвя обойти молчаніемъ. Равговоръ свелся на большевиковъ, на развалъ ими Великой России и на то, что руководящая роль принадлежитъ іудеямъ, которые фактически захватили всю власть въ свои руки.

Сидъвшій рядомъ со мною представитель французской миссім маюръ Каруель, чистый французъ, храбрый офицеръ и въ высшей степени порядочный человъкъ, высказалъ такую мысль:

¹⁾ Моя телеграмма главнокомандующему отъ 9/IX № 04003 и егоотвътъ № 0716 оп.

— «Да это племя, іудеи, всюду ищуть власти не для добра другого народа и страны, а для своихъ какихъ то особенныхъ цълей. Вотъ, и наша офиціальная Франція, — она теперь нисколько не выражаетъ нашей страны, духа французскаго народа. И пока не выгонять евреевъ, не вырвуть у нихъ власть.

прекрасная Франція не будетъ сама собой.»

Многіе заинтересовались. Генералъ Ноксъ просилъ повторить, такъ какъ онъ плохо слышалъ. Всъ соглашались, что наступившіе годы и чреда событій доказываютъ несомивнно стремленіе евреевъ захватить не только міровое вліяніе, но и власть надъ міромъ. Казалось, что не было теперь сомиввающихся, стыдящихся смотръть истинъ прямо въ глаза, подобно многимъ изъ такъ называемыхъ «русскихъ интелигентовъ» эпохи 1900—1918 годовъ.

Черезъ нъсколько дней маюръ Каруель пришелъ въ полной формъ ко мнъ прощаться, такъ какъ онъ получилъ повышение по службъ и новое назначение въ Омскъ, въ штабъ генерала Жанэна. Обоимъ намъ было грустно разставаться, такъ какъ, по выражению маюра Каруеля, мы пережили вмъстъ столько des jours penibles et des jours heureux въ 3-й армии, сжились за это время и подружились. Но приказъ для солдата прежде всего. Весь штабъ сердечно проводилъ общаго любимца, маюра Каруель.

Но вотъ, примърно дней черезъ восемь-десять, получили изъ Омска свъдъне, что маюръ арестованъ и подъ конвоемъ отправленъ во Францію; что будто ему ставится въ вину какое то тяжкое обвинене, — у его возлюбленной нашли секретный французскій шифръ и ключъ къ нему. А надо сказать, что эта дама сердца была немудрящая, простая женщина, интересовавшаяся только одними сердечными вопросами; контръразвъдка арміи имъла за ней наблюденіе и выяснила ее вполнъ; никогда ни до какихъ вопросовъ политики, а тъмъ болъе до военныхъ секретовъ и тайнъ она не касалась, да и по французски то почти не говорила. Непосвященные поражались. Для внающихъ же предыдущія событія невольно они связывались, и вспоминалась горячая реплика маюра Каруель, что для счастья Франціи надо выгнать оттуда іудеевъ.

Долженъ сказать нъсколько словъ о контръ-развъдкъ 3-й арміи. Болъе образцовой службы мнъ не случалось встръчать. На это тяжелое дъло шли къ намъ, именно сюда, лучшіе люди, честные, неутомимые и храбрые; среди нихъ большинство были съ высшимъ университетскимъ образованіемъ. Поэтому здъсь не было мъста тъмъ ненормальностямъ и влоупотребленіямъ, какими иной разъ гръшили другія контръ-развъдки; въ 3-й арміи все было чисто и справедливо. Но зато не было ни малъйшей поблажки и спуску разрушителямъ русской государствен-

ности. Не покладая рукъ, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контръ-развъдки открывали каждую противоправительственную партію, заговоръ, вылавливали большевидкихъ агитаторовъ и всъхъ сродственныхъ имъ, уничтожая соціалистическую заразу въ корнъ. Оттого то и не заводилось эсъ-эровское предательство въ разонъ моей армін.

8.

Наше наступленіе развивалось. Я напрягалъ послѣднія силы, требовалъ и добивался того же отъ всѣхъ чиновъ арміи. Всѣ наши боевыя задачи были выполнены; было сдѣлано больше, — мы нанесли три сильныхъ удара большевикамъ, — въ центрѣ, на сѣверѣ и на югѣ, выполнивъ часть задачи 2-й арміи, раз-

бивъ красныхъ вездъ.

Какъ недавнему участнику всъхъ этихъ боевъ, этого новаго подвига русской арми, — мнъ трудно описать его достаточно полно и ярко. Найти подходящія краски, освътить событія, ихъ причинность и значеніе — дъло будущаго историка. Я долженъ только указать на общій ходъ событій и на самую сущность происходившаго. Въдь армія, которая отступала четыре мъсяца, прошла съ этими тяжелыми отступательными боями свыше двухъ тысячъ верстъ, не только не развалилась, но не потеряла своей боеспособности и духа; болъе того, — армія нашла въ себъ самой силы, — ибо резервовъ съ тылу подано не было, — нашла силы перейти въ ръшительное наступленіе и нанести полное пораженіе врагу. Случай не бывалый.

— «Это только одни русскіе могуть д'влать такія чудеса: посл'в двухъ тысячь версть отступленія перейти въ такую удачную контръ-атаку, в говориль совершенно искренно англійскій генераль Ноксъ въ его посл'ядній прівадь ко мн'в въ армію.

Въдь ясно для каждаго, что такое напряжение и такой успъхъ могли быть результатомъ только полной въры въ свое дъло со стороны всъхъ массъ нашихъ, нашей чисто народной арміи. Эта въра двигала на чудеса, а чудеса создавали дальнъйшій подъемъ и удесятеряли силы. Вмъстъ съ тъмъ росла увъренность въ окончательной побъдъ національной идеи надъ черными враждебными силами кроваваго интернаціонала. Никогда не были мы такъ близки къ побъдъ, какъ въ эти дни. Но главная трудность заключалась теперь въ томъ, что наши ряды все болъе и болъе ръдъли, красные же наоборотъ, съ каждымъ днемъ усиливались; они вливали, подавая непрерывно съ тылу, подкръпленія изъ своихъ запасныхъ частей, они повернули на востокъ еще одну дивизію 1) и конныя части, направленныя было на Деникинскій фронтъ.

^{1) 21-}ю сов'ятскую.

19-го сентября я вновь пригласилъ къ прямому проводу главнокомандующаго, доложилъ ему обстановку и затрудненія, настойчиво просилъ о присылкѣ пополненій; иначе было немыслимо ставить новыя боевыя задачи, тратить свои силы, добиваться успѣха, чтобы потомъ все потерять. На этотъ разъя получилъ опредѣленныя объщанія, что мнѣ будетъ прислано въ теченіи первой недѣли десять тысячъ пополненій, на вторую недѣлю еще десять тысячъ и кромѣ того партизанская бригада полковника Красильникова.

Этого было достаточно и вполнѣ удовлетворило бы армію. Имѣя это обѣщаніе, мы напрягли новыя усилія и продолжали сбивать красныхъ съ каждой позиціи, гнать ихъ къ Тоболу.

Операція свелась теперь къ труднъйшему и мало результатному фронтальному наступленію, которое не могло уничтожить армію противника, оставляя его тыль и пути отступленія безъ разрушенія. Это произошло вслъдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, 3-й арми пришлось бить своимъ правымъ флангомъ на съверъ вмъсто юго-запада, чтобы помочь 2-й армии; а во-вторыхъ, и это главное, — масса конницы, сосредоточенная на нашемъ лѣвомъ флангъ, послѣ успѣха въ бою подъ станицей Пръсновской, послъ разгрома 5-й и 35-й совътскихъ дивизій, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, витьсто того, чтобы стремительно вынестись къ Кургану и разгромить тылы красныхъ, отръзать ихъ силы отъ переправъ на Тоболъ. Ну, на это были свои оправдания: иррегулярность молодого Сибирскаго казачьяго корпуса, плохой конскій составъ его, запутанныя и противоръчивыя задачи, поставленныя ему Главковостокомъ. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую побъду въ разгромъ красныхъ.

Поэтому-то намъ и приходилось въ течени болъе двухъ недъль, шагъ за шагомъ, бить большевиковъ въ цъломъ рядъ непрерывныхъ боевъ, производя постоянные маневры одними и тъми же силами. Приэтомъ надо сказать, что эти силы наши были численно меньше действовавшихъ противъ насъ красныхъ. Почти на каждомъ участкъ многоверстнаго фронта армін нашимъ частямъ приходилось атаковать сильнъйшаго противника. Это было возможно только при постоянныхъ перегруппировкахъ и переброскахъ полковъ и дивизій съ одного фланга на другой, чтобы создавать въ нужныхъ мъстахъ перевъсъ въ силахъ. Можно представить, какъ эти форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои, упорные и жестокіе, такъ какъ большевики не только оказывали намъ стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить въ контръ-атаки, — бои съ каждымъ днемъ уменьшали наши силы. Тылъ же по прежнему оставался безучаснымъ и не подавалъ подкрѣпленій.

Многочисленныя просьбы и доклады о тяжеломъ положении вызывали успокоительные отвъты и объщания. И это было еще хуже, такъ какъ въ ожидании этихъ объщанныхъ свъжихъ ревервовъ, разсчитывая на нихъ, мы расходовали свои послъдния силы. Чтобы докончить начатую операцію и опрокинуть красныхъ за Тоболъ было введено въ боевую линію все, опять включительно до моего личнаго конвоя; я отправилъ двъ роты егерей штаба 3-й арміи генералу Каппелю, на три дивизіи котораго въ концъ операціи выпали самыя трудныя задачи, такъ какъ въ полосъ желъзной дороги большевики сосредотачивали всего больше своихъ войскъ, прибывающихъ въ эшелонахъ изъ центральной Россіи.

Сърый сентябрьскій день, дождикъ, мелкій и назойливый, съялъ уже вторыя сутки и развелъ ужасную грязь. Изъ частой сътки его проглядывали полуоголенные желтые перелъски, унылыя снятыя поля, маленькая жельзнодорожная станція со вворванной красными при отступленіи водонапорной башней. Здъсь стояли двъ роты егерей, готовыхъ идти на фронтъ. Обходя ряды ихъ, я видълъ въ глазахъ всъхъ офидеровъ и солдатъ одно желаніе идти и побъдить, увъренность въ успъхъ. Въдь весь сентябрь мы всюду били большевиковъ,

гнали ихъ по всему фронту.

Съ бодрой пъсней и съ молодымъ блескомъ возбужденныхъ близкимъ боемъ глазъ шли егеря на поддержку волжанъ. Тонула въ туманной дали дождливаго дня ихъ колонна, сливалась въ мутное движущееся пятно, таяли и терялись въ воздухъ могуче аккорды русской военной пъсни...

«Смѣло мы въ бой пойдемъ. За Русь Святую! И какъ одинъ прольемъ. Кровь молодую...»

Черезъ нѣсколько часовъ егеря вошли въ боевую линію, новый порывъ, и послѣдняя станція передъ Тоболомъ была взята. Даже такой незначительный приливъ свѣжихъ силъ

могь дать решительные результаты!

На другой день привезли раненыхъ. Двъ моихъ егерскихъ роты потеряли изъ трехсотъ человъкъ болъе ста убитыми и ранеными, но вато помогли сломить послъднее сопротивление большевиковъ, взяли много пулеметовъ и захватили въ плънъ цълый совътский батальонъ. Я обходилъ раненыхъ. Въ углу лежалъ молодой егерь съ обвязанной головой, — пуля пробила ему черепъ. Бълая повязка съ проступившей кровью закрывала лобъ и падала на опущенные ввалившеся глаза. Лежавший рядомъ егерский офицеръ съ простръленной грудью доложилъ мнъ, что раненый въ голову егерь кинулся первымъ

на пулеметы и упалъ раненымъ уже послъ того, какъ прикла-

домъ свалилъ большевика-комиссара.

Я взялъ у адъютанта Георгіевскій крестъ и осторожно, чтобы не разбудить раненаго, прикололъ его на грудь егерю. Но онъ открылъ глаза, большіе, блестівшіе радостнымъ блескомъ, и началъ быстро говорить, двигая съ трудомъ своими запекшимися губами:

— «Благодарствую, Ваше Превосходительство ... охъ ... покорно благодарю,» и онъ нѣжно, торопливо гладилъ и новенькій крестъ на черно-желтой лентѣ, и мою руку. «Какъ эт-то мы побѣжали въ атаку ... пулеметы ихъ трещатъ, наши стали падать ранеными ... ну, залегли мы въ канавѣ... Вижу я ... охъ ... вижу красные солдаты руки поднимаютъ кверху, сдаваться хотятъ... Мы было къ нимъ, а тутъ какъ разъ изъ лѣса выбѣжали комиссары и давай красноармейцамъ грозить револьвертами ... охъ ...»

— «Помолчи лучше, голубчикъ, тебъ нельзя говорить,»

остановилъ егеря докторъ.

Тотъ перевелъ на него глаза, посмотрълъ строгимъ, мимо-

летнымъ взглядомъ и зашепталъ еще быстръе.

— «Смотрю я, красноармейцы заругались съ комиссарами; одинъ комиссаръ взялъ, да какъ стръльнетъ въ голову одному своему пулеметчику, а онъ все руки кверху поднималъ . . . идите, значитъ, — мы то, — берите насъ. . . Упалъ тотъ замертво. Ну, не стерпълъ я, прыгнулъ и побъжалъ въ атаку. . . Бъгу и все наровлю комиссара большевика достать. А онъ въ меня все стрълитъ. Ну какъ добъжалъ, да какъ хвачу его прикладомъ, такъ онъ и повалился.»

Усталый егерь откинулся на подушку и снова закрылъ

глава.

Черевъ нѣсколько коекъ дальше встаетъ при моемъ приближеніи другой егерь, молодой безусый парень и стоитъ, неестественно какъ-то согнувшись въ поясницѣ. Тихая ласковая улибка трогаетъ его безкровныя губы.

— «Мы, Ваше Превосходительство, вместь съ имъ въ атаку

бѣжали...»

— «Куда раненъ?»

- «Вотъ сюды, въ животъ,» показываетъ онъ пальцемъ.
- «Какъ, въ животъ? Чего же ты стоишь, когда лежать долженъ.»
- «Никакъ нътъ, Ваше Превожсодительство, я могу стоять, когда начальство...»
 - «Докторъ, почему онъ не въ постели и не перевязанъ?»
- «Да, онъ, очевидно, не въ животъ раненъ, съ такими ранами не стоятъ на ногахъ. Куда ты раненъ, голубчикъ?» обратился докторъ.

— «Да, вотъ сюды,» ткнулъ себѣ пальцемъ на животъ егерь.
— «Не можетъ быть, Ваше Превосходительство, онъ что-то путаетъ.»

- «Ну, осмотрите его сейчасъ же.»

Положили егеря, раздёли. Оказалось, раненъ пулей въ животъ навылетъ и еле перевязанъ полевымъ санитарнымъ пакетомъ.

Большинство нашихъ раненыхъ въ этотъ періодъ не хотѣли эвакупроваться въ тылъ и послѣ нѣсколькихъ дней госпитальнаго леченія просились обратно на фронтъ. Такъ всѣ понимали необходимость поддержать тѣхъ героевъ, которые изнемогали въ непосильныхъ боевыхъ трудахъ, добывая для Россіи побѣду, свободу и жизнь. Не понималъ только этого тылъ.

Верховный Правитель, вернувшись въ Омскъ отъ меня, прислалъ также свой конвой, который вступилъ въ бой подъ начальствомъ своего командира полковника Удинцова и окавалъ много помощи. Но все это были капли въ морѣ; тылъ

пополненій для нашихъ частей не давалъ.

Я не могу описать и сотой доли техъ блестящихъ боевыхъ дълъ, которыя совершили войска 3-й арміи. Каждый день былъ наполненъ подвигами. Всв части работали одна передъ другой. Участникъ трехъ войнъ, перевидавшій въ теченіе моей двадцатильтней офицерской службы много боевь, сраженій, нескончаемую вереницу картинъ напряженія воли и геройства человвческихъ массъ, я свидътельствую, что никогда не было выносливости, самопожертвованія, подъема и храбрости, подобныхъ тъмъ, которые Русская народная армія проявила въ эту осень 1919 года. Люди шли и дрались сутками и недълями почти безъ отдыха, зачастую не получая пищи, полуодътые и плохо снабженные. Но они шли впередъ. И умирали, и побъждали. Ибо они видъли передъ своими духовными очами образъ Великой Родины съ окровавленнымъ тъломъ, въ рубищъ, съ печальными, какъ само горе, глазами, въ которыхъ стояли слезы позора и отчаянія. И призывъ...

Благодаря беззавътному самопожертвованію команднаго состава, напихъ офицеровъ, и въръ въ успъхъ, — была достигнута полная согласованность въ дъйствіяхъ, постоянная

поддержка и помощь другь другу.

Только все это и давало возможность довести дѣло до конца. 31-го сентября, поелѣ мѣсяца непрерывныхъ боевъ, красные были отброшены за Тоболъ.

Наши войска могли свободно вздохнуть нѣсколько дней.

9.

Насколько поръдъли за время этой операци ряды 3-й арми, какъ мало осталось бойцовъ, можно судить изъ такихъ фактовъ; при наступлени наши дъйствія основывались глав-

нымъ образомъ на широкомъ примѣненіи маневра; почти всюду намъ удавалось комбинированными дѣйствіями и обходами бить превосхеднаго въ числѣ противника. Почти въ каждомъ дѣлѣ брали въ плѣнъ красноармейцевъ, иной равъ по нѣскольку сотъ человѣкъ. И вотъ въ концѣ сентября этихъ плѣнныхъ красноармейцевъ держали недѣлю, другую въ ближайшемъ

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ ВЕРХОВИМА **ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕЙ** Nachmene Confragas Murautoher Nocenor Hour abrom Incerio recount, refresh dan y June by if any me between pecagony Afopul other unagehor el uns aproago Newsgood augreen ent less how in yensmen Macken officer, regard when

тылу, сводили въ запасныя роты, учили и тренировали, отбирали все вредное-зараженное, коммунистовъ и другихъ партійныхъ работниковъ, — и затѣмъ вливали эти запасныя роты въ наши боевые полки. Это были послѣдніе наши рессурсы; красноармейцы пополняли бѣлыя войска. И они шли охотно, наряду съ нашими старыми офицерами и солдатами; съ ихъ главъ спадала грязно-красная повязка, они убъждались, что бълая армія идетъ въ смертный бой за Русское народное дѣло, чтобы спасти его изъ хищныхъ крючковатыхъ рукъ интернаціонала, этого всемірнаго Шейлока.

Армія не получала пополненій съ тыла, ни одно объщаніе Главковостока выполнено не было; армія въ это время уже не имъла своихъ запасныхъ частей, да и не могла ихъ имъть

со времени своего преобразованія въ неотдъльную.

Плохо было и со снабженіемъ. Наступилъ октябрь, конецъ сибирской осени, съ длинными холодными ночами, съ заморовками; а всѣ наши части были одѣты по лѣтнему, большинство не имѣло даже шинелей. Усилились заболѣванія, всѣ поголовно были простужены; только сильная природа и выносливость русскаго человѣка позволяли геройскимъ полкамъ нести боевую службу въ открытомъ полѣ круглыя сутки.

Въ концъ сентября начали прибывать части партизанской бригады полковника Красильникова. Я вздохнулъ облегченно, — получалась возможность закончить операцію и дать время нашимъ дивизіямъ по очереди отдохнуть и набраться силъ. Былъ составленъ планъ, что генералъ Каппель получитъ партизанскую бригаду и ею усилитъ свой послъдній ударъ, чтобы на плечахъ красныхъ переправиться черезъ Тоболъ и занять городъ Курганъ.

Но какъ разъ, когда бригада сосредоточилась и была готова къ выполнению этого плана, мною былъ получено категорическое приказание главнокомандующаго генерала Дитерихса: спъшно погрузить части Красильникова въ эшелоны и направить ихъ черезъ Омскъ на Тюменьское направление въ 1-ю армію Пепеляева, гдъ большевики все это время тъснили нашихъ.

Этимъ распоряжениемъ срывался весь планъ дъйствій. Настроение нашихъ частей, обрадованныхъ полученной поддержкой, должно было неминуемо упасть; 3-я армія лишалась возможности закончить операцію и захватить западный берегь Тобола съ Курганомъ. Да и сама партизанская бригада, настроенная бодро и горъвшая желаніемъ войти въ побъдоносныя войска наши, выводилась изъ нихъ и получала новую, неясную для нея задачу. Кром'в того при этомъ судоржномъ и хаотическомъ действи непростительно терялось драгоценное время, - партизаны рисковали провздить по желваной дорогв и совствить не принять ръшительнаго участия въ бояхъ. Буквально всв доводы были противъ этого приказа. Но приказъ быль боевой и требоваль поэтому немедленнаго исполнения. Я донесъ Главковостоку по телеграфу всв соображения и получилъ въ отвътъ подтверждение о немедленной отправкъ бригады Красильникова.

Своими силами мы могли только отбросить большевиковъ ва Тоболъ. И то было достигнуто многое. Мы получили теперь возможность оставить въ передовой линіи половину дивизій, выведи остальныя въ армейскій резервъ. Здісь началась усиленная работа по приведенію нашихъ усталыхъ частей снова въ боеспособное состояние; полки отдыхали, мылись въ баняхъ, пополнялись. Надо отмътить, что население этого раіона, испытавшее власть большевиковъ только въ теченіи одного мъсяца, такъ ихъ возненавидъло, что почти поголовно шло добровольцами; кромъ того, возвращались въ свои части всъ легко раненые и больные. Ежедневно шли съ тыла большія ихъ партіи; настроеніе въ арміи было въ высшей степени бодрое, увъренное, приподнятое. Всъ стремились къ новому наступленію посл'в небольшого отдыха. Й если бы мы тогда получили съ тыла объщанные двадцать тысячъ людей, то красныя полчища были бы разстяны за Тоболомъ, наши сентябрьскіе успѣхи развились бы въ полную побѣду. Россія, можеть быть, была бы освобождена отъ большевиковъ!

Но пополненія не прибывали. Всѣ телеграммы, настойчивыя просьбы и требованія оставались безъ отвѣта. Тогда, организовавъ оборону на Тоболѣ и наладивъ работу въ армейскомъ резервѣ, я отправился лично въ Омскъ, чтобы добиться присылки необходимыхъ подкрѣпленій для арміи, резервовъ и

снабженія ее теплой одеждой.

Историческая столица Омскаго правительства показалась болотомъ послѣ свѣжей и дѣловой обстановки арміи. Большой городъ кишѣлъ толпой здоровыхъ, молодыхъ чиновниковъ, барахтался въ кучахъ бумажнаго перепроизводства и совершенно не понималъ того опаснаго и критическаго положенія, къ которому мы подошли, израсходовавъ свои лучшія силы въ Тобольской операціи, когда мы гнали красныхъ двѣсти верстъ.

Я провель три дня въ Омскъ. И то, что я увидъль тамъ, тогда же наполнило сознание мыслью, что положения почти

безнадежно.

Пульмановскій вагонъ Главковостока. Внутри большой письменный столъ, заваленный бумагами, въ углу стоитъ нѣсколько хоругвей и знаменъ, виситъ значекъ братства Св. Креста. За столомъ сидитъ съ утра и до поздней ночи, зачастую до 3—4 часовъ, генералъ Дитерихсъ. Сильно постарѣвшее за послѣдній годъ лицо; молодые умные глаза тщательно прочитываютъ груды бумагъ; бѣгаетъ карандашъ въ худой небольшой рукѣ и набрасываетъ короткія резолюціи. Склонившись за большимъ столомъ, сидитъ М. К. Дитерихсъ и пишетъ, читаетъ, снова пишетъ, не только весь день, но и часть ночи. Отъ полудня и часовъ до шести вечера къ нему пріѣвжаютъ съ дѣловыми разговорами представители иностранныхъ миссій, офицеры,

прибывающіе изъ армій, чины министерствъ. Долгіе разговоры, и опять большой столъ, заваленный бумагами... Таковъ пульмановскій вагонъ, гдѣ сосредоточены всѣ нити антибольшевицкаго фронта, гдѣ должна быть централизована вся воля борьбы за возрождене Россіи.

Выслушалъ генералъ Дитерихсъ отъ меня подробный докладъ о положени армии, о ея нуждахъ и о томъ, что напряжение, жертвы и достигнутый успъхъ требуютъ немедленнаго продолжения операции, что неподача немедленной помощи изътыла была бы при этнхъ условияхъ преступной и гибельной. Нъсколько разъ нашъ разговоръ прерывалъ дежурный офицеръ, приносивший свъжия бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американскихъ офицера краснаго креста съ предложе-

ніемъ органиваціи санитарной помощи арміи и тылу.

Генералъ Дитерихсъ, усталый сверхъ мѣры, кавалось, былъ внѣ досяганія жизни и настойчивыхъ ея требованій; онъ виталъ какъ бы въ своихъ далекихъ гревахъ, вѣря въ высшую небесную миссію и въ чудесное ивбавленіе отъ большевиковъ. Всѣ мои усилія равбивались объ это ужасное непроницаемое препятствіе. Точно на пути выростали и опускались сотни занавѣсей ивъ блестящей стальной сѣти; висѣли, колыхались, упруго поддавались ударамъ, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обезсилить и снова упасть прежней, непреоборимой преградой.

Все же въ концъ концовъ миъ было объщано направить ревервы въ армию и прислать теплой одежды. Но затъмъ такая

фрава:

— «Все это не такъ важно; мнѣ нужно только во чтобы то ни стало продержаться до конца октября, когда Деникинъ возьметъ Москву. Намъ необходимо до этого времени сохра-

нить Верховнаго Правителя и министровъ.»

Вмѣстѣ съ генераломъ Дитерихсомъ я отправился къ адмиралу Колчаку, въ его особнякъ на Иртышѣ; снова сдѣлалъ докладъ о положении на фронтѣ. Выводъ былъ таковъ; необходимо немедленно продолжать наступленіе, гнать разваливающихся красныхъ, чтобы до наступленія морозовъ занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условія, — немедленная присылка пополненій, теплой одежды и координація дѣйствій всѣхъ армій.

Адмиралъ Колчакъ выслушивалъ, какъ всегда, внимательно весь докладъ. Онъ сидълъ теперь оживленный и смотрълъ прямо своими свътлыми черными, какъ ночь, главами, качая часто головой въ внакъ согласія. А въ концъ я услышалъ пов-

тореніе почти дословно той же фразы:

— «Я внаю, какъ арми трудно, но ничего, — подержитесь до конца октября, когда Деникинъ вовьметъ Москву»...

Вечеромъ въ тотъ же день за объдомъ и послъ него я имълъ длинный и совершенно близкій разговоръ съ адмираломъ. Онъ, еще болъе оживленный и полный надеждъ, и какъ будто даже помолодъвшій вслъдствіе послъднихъ успъховъ арміи, много и горячо говорилъ, высказывалъ свои задушевныя мысли.

— «Вы не повърите, Константинъ Вячеславичъ, какъ тяжела эта власть. Никто не понимаетъ; думаютъ, что я цъпляюсь за нее. А я бы сейчасъ отдалъ тому, кто былъ бы достойнъе и

способнъе меня...»

Въ то время уже начали ходить слухи, направляемые какой то скрытой, центральной интригой, о томъ, что генералъ Деникинъ стремится стать самъ во главъ всего Русскаго дъла, а съ другой стороны, что генералъ Дитерихсъ подготавливаетъ переворотъ и намъренъ захватить власть въ свои руки.

— «Все равно в'то, в продолжалъ адмиралъ, — «не можетъ Русскій народъ остановиться ни на комъ, не удовлетворится никъмъ. Будь то человъкъ — солнце, нашли бы пятна и раздули ихъ. И это естественно. Нельзя вычеркнуть истори великаго народа, нельзя насиловать его характера, свойствъ

и всего уклада»...

«Какъ Вы представляете себъ, Ваше Высокопревосхо-

дительство, будущее?»

— «Такъ же, какъ и каждый честный русскій. Вы же внаете не хуже меня настроенія арміи и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней Россіи, тоска и стыдъ за то, что съ ней сдълали...»

— «Въ Россіи возможна жизнь государства, порядокъ и законность только на такихъ основаніяхъ, которыхъ желаетъ весь народъ, его массы. А всѣ слои русскаго народа, начиная съ крестьянъ, думаютъ только о возстановленіи монархіи, о призваніи на престолъ своего народнаго Вождя, законнаго Царя. Только это движеніе и можетъ имътъ успъхъ.»

— «Такъ почему же не объявить теперь же о томъ, что Омское правительство понимаетъ народныя желанія и пойдетъ

этимъ путемъ?» ·

Адмиралъ саркастически разсмъялся.

— «А что скажутъ наши иностранцы, союзники? . . Что

скажуть мои министры?»

Верховный Правитель развиль мить свою мысль, что необходимо идти путемъ компромиссовъ, и онъ, мъстами противоръча самъ себъ, защищалъ точку зрънія, что временное соглашене съ эсъ-эрами найти нужно, такъ какъ ихъ поддерживаютъ всъ «союзные» представители. Видно было, что адмиралъ усталъ въ борьбъ и уже уступалъ.

Два дня, проведенные въ Омскъ, прошли, какъ долгій нудный сеансъ тяжелой кинематографической ленты. Толпа.

наша русская, простая, близкая, върующая въ успъхъ дъла, въ то, что ее ведутъ върно и неуклонно къ концу страданій. Многовтажныя Омскія министерства и канцеляріи, наполненныя той же милой русской толпой съ сильно вкрапленными гнъздами вредныхъ бевдарныхъ политикановъ и партійныхъ работниковъ. Разнохарактерный дивертисментъ иностранныхъ военныхъ и гражданскихъ представителей, поющихъ интернаціоналъ на мотивъ русскихъ народныхъ пъсенъ. А въ темныхъ углахъ, въ тылу арміи, куется упорно и искусно измѣна, готовятся сѣти, чтобы опутать ими возставшій и свободный Русскій народъ, повалить его снова, и снова предать его во власть хищному и бевпощадному врагу.

На третій день я вернулся къ себѣ въ армію, вернулся какъ въ тихій свѣтлый домъ, къ здоровому трезвому дѣлу. Вернулся наполненный всевозможными обѣщаніями помощи

армін, но еще болѣе неувѣренный въ ихъ исполненіи.

10.

А до чего необходима была помощь въ то время! Вотъ одна изъ многихъ картинъ. 30-й Сибирскій стрѣлковый полкъ выведенъ въ резервъ на три дня, чтобы дать людямъ время отдохнуть, поспать, помыться въ банѣ, смѣнить бѣлье. Пополнили ряды полка, чѣмъ могли, что набрали сами изъ выздоровѣвшихъ, изъ добровольцевъ, да изъ армейскихъ офицерскихъ школъ. И черезъ три дня полкъ получилъ приказъ снова идти на позицію, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полкъ выстроенъ въ карре около станціи Лебяжья; посрединѣ стоитъ аналой и священникъ въ потертой золотой ризѣ служитъ панихиду по воинамъ, павшимъ въ сентябрьскихъ бояхъ. Идетъ перечисленіе длиннаго списка именъ...

— «Учини ихъ въ мѣстѣ злачне, мѣстѣ покойне ... иже жизни свои за вѣру и Святую Русь положища, и сотвори имъ...»

И мощные рыдающіе аккорды несутся по степи.

— «Вѣ-ѣ-чная па-а-а-мять, вѣ-ѣ-ѣ-чная па-а-мять...»

Послѣ панихиды служится напутственный молебенъ о дарованіи успѣха и побѣды. Затѣмъ я обхожу ряды полка, разговариваю съ офицерами и стрѣлками. Большинство изъ нихъ одѣты въ лѣтнее. Рѣдко, рѣдко сѣрѣютъ пятнами суконныя шинели.

— «Да и тѣ достали отъ комиссаровъ, когда гнали больше-

виковъ къ Тоболу, в докладываетъ командиръ полка.

А вотъ стоитъ стрѣлокъ въ лѣтней рубахѣ, съ полнымъ походнымъ снаряженемъ, но на мѣсто штановъ спускается внивъ простой грубый мѣшокъ, одѣтый какъ юбка. Старые брюки его износились, новыхъ не досталъ, а прикрыть наготу

нужно было. Вотъ онъ взялъ и одълъ мъшокъ, одинъ изъ тъхъ, въ которыхъ возятъ хлѣбъ и муку. И еще нъсколько такихъ же фигуръ виднълось въ рядахъ славнаго, геройскаго полка.

Больно было смотръть, — эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, въ передовую линю, гдъ приходилось круглыя сутки, подъ дождемъ и на вътру, при утреннихъ заморозкахъ быть на посту. Омскъ и весь тылъ не хотъли върить критическому положеню; тамъ всъ имъли одежду, тамъ имълись даже запасы ея, какъ то выяснилось позднъе.

Наши части, выведенныя въ армейскій резервъ, пополнялись очень медленно, своими средствами, при тъхъ скудныхъ источникахъ, которые остались въ арміи послѣ преобразованія ее въ неотдѣльную. А надо было спѣшить, чтобы нанести краснымъ войскамъ, пока они не оправились, еще одно пораженіе и прогнать ихъ за Уральскія горы.

Это было необходимо и дало бы тогда полную побъду. Плънные красноармейцы и перебъжчики отъ нихъ показывали

въ одинъ голосъ:

 «Вся красная армія р'єшила, что, коли б'єлые будутъ гнать, дойдемъ до Челябинска съ боями, а тамъ вс'є разсы-

пимся, разбъжимся и комиссаровъ перебъемъ.

Нашими разв'вдчиками быль захвачень и доставлень въ штабъ арміи приказь начальника 27-й сов'ьтской дивизіи Эйхе оть 5-го октября. Тамъ было два характерныхъ м'ьста. Товарищь Эйхе объявляль выговорь «товарищу командиру полка» за то, что тоть подошель съ рапортомъ, держа одну руку у козырька фуражки, а другую въ карман'ь.

- «Пріемъ недопустимый съ точки зрѣнія революціонной

дисциплины, ваканчиваль начальникъ красной дивизии.

Затъмъ онъ описывалъ, какъ во время его смотра 238 совътскаго полка вдругъ неожиданно показалась паъ лъса кучка конныхъ и раздались крики: «казаки, казаки!» Весь большевиций полкъ разбъжался по полю въ одно мгновенье, какъ стадо испуганныхъ овецъ.

— «Къ стыду красноармейца,» заканчивалъ большевикъгенералъ Эйхе, — «это оказались не казаки, а наши же товарищи — конные развъдчики, производивше учебную конную

атаку»...

Необходимо было воспользоваться этимъ временемъ и такимъ настроеніемъ красной арміи; надо было спѣшить съ нашимъ переходомъ въ наступленіе. Для этого вся наша армія работала днемъ и ночью, приводила въ порядокъ и усиливада дивизіи, выводимыя въ резервъ. Были составлены планы и расчеты новой операціи.

Сѣвернѣе насъ, 2-я армія такъ и не смогла выйти на Тоболь и отбросить красныхъ за рѣку. 8-го октября Главковостокъ

прислалъ мнѣ приказъ — ударить моими резервами на сѣверъ, повторить маневръ первой половины сентября, чтобы помочь 2-й арміи выполнить ея задачу. Этотъ приказъ вновь разрушилъ весь планъ нашего дальнѣйшаго наступленія за Тоболъ; кромѣ того, не получивъ съ тылу до сихъ поръ почти ни одной роты пополненія, мнѣ приходилось тратить послѣднія силы на выполненіе второстепенной задачи.

Но въ военномъ дѣлѣ приказъ выше всего; для солдата любого ранга — это святая святыхъ. Донеся о серьезномъ положени въ армии, о неполучении до сего времени пополнений и о разрушении плана операции, я быстро передвинулъ резервы къ сѣверу и ударилъ красныхъ во флангъ. Большевики отступили, 2-я армия получила возможность выйти на Тоболъ.

Зато наше собственное положение сдѣлалось очень непрочнымъ. З-я армія занимала фронтъ по рѣкѣ Тоболу около двухсотъ верстъ. Изъ одиннадцати дивизій въ армейскій резервъ было выведено шесть, а остальныя пять дивизій могли, понятно, охранять рѣку на этомъ пространствѣ только тонкой цѣпью аванпостовъ. Успѣхъ нашего дѣла былъ возможенъ при одномъ условіи: усиленіе арміи и немедленный переходъ снова въ наступленіе по всему фронту.

Больше мѣсяца я добивался этого безрезультатно. 13-го октября мною была послана послѣдняя телеграмма Главковостоку і); въ ней я доносилъ, что красные вливаютъ интенсивно пополненія въ свои ряды, готовясь къ активнымъ дѣйствіямъ, и что положеніе создается крайнѣ серьезное, критическое.

Къ несчастью, черезъ день начались подтверждения этого, начались жестокие уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли въ наступление, начали форсировать переправы черезъ рѣку Тоболъ. Три дня мы опрокидывали всѣ ихъ попытки, причемъ цѣлый рядъ офиціальныхъ донесеній и разсказовъ нашихъ раненыхъ подтверждали картину, что красные полки идутъ въ атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетьми комиссаровъ.

Надо сказать, что къ этому времени организація красной арміи вылилась въ такую форму: каждая армія состояла изъ нѣсколькихъ дивизій, дивизія дѣлилась на три бригады, каждая силой въ три полка. Эта система тройныхъ подраздѣленій, взятая, очевидно, изъ германской арміи, была проведена до низу. При каждой бригадѣ была еще четвертая часть, «интернаціональный» отрядъ, состоявшій изъ латышей, мадьяръ, евреевъ, китайцевъ и небольшого числа русскихъ, партійныхъ фанатиковъ-коммунистовъ. Эти «отряды особаго назначенія»,

⁴⁾ Моя телеграмма Главковостоку отъ 13 октября 1919 г. № 05299.

снабженныя обильно пулеметами, располагались всегда въ тылу, за войсками первой линіи, и служили для спеціальной цъли усмиренія всякаго неповиновенія или вовстанія, да чтобы подгонять свои войска впередъ, въ атаку. Они расправлялись безпощадно, съя безъ разбора и суда — смерть.

Къ этому времени до того выявилось преступное отношение бывшихъ союзниковъ Россіи къ нашему національному дѣлу и къ бѣлой арміи, что всюду, — и въ арміи, и въ лучшихъ общественныхъ организаціяхъ, и среди отдѣльныхъ дѣятелей, начала выбиваться наружу мысль: разъ союзники въ Версалѣ вершатъ свой миръ, то не лишнее было бы и намъ, національной Россіи, не признающей Брестъ-Литовска, войти въ переговоры съ Германіей. На нашихъ недавнихъ и навязанныхъ намъ противниковъ начинали смотрѣть не только съ чувствомъ миролюбивымъ, но съ зарождающимся просвѣтлѣніемъ объ общности судьбы, а слѣдовательно и интересовъ. Среди же народныхъ массъ никогда не было враждебнаго чувства, а тѣмъ болѣе ненависти къ германцамъ. Этому свидѣтели тѣ десятки тысячъ военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, которые и тогда еще оставались въ Сибири.

Мною быль отправлень въ Омскъ къ Верховному Правителю мой помощникъ генераль-лейтенантъ Ивановъ-Риновъ съ докладомъ обо всемъ этомъ; также я доводилъ до его свѣдѣнія мнѣніе арміи, что было бы очень полезно войти съ германскими кругами въ непосредственные переговоры, что этимъ путемъ мы, быть можетъ, пріобрѣтемъ настоящее содѣйствіе и помощи въ нашей священной борьбѣ. Адмиралъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ раздѣляетъ этотъ взглядъ, но запроситъ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, генерала Деникина. Такъ вопросъ этотъ и затянулся...

На четвертый день большевикамъ удалось переправиться черезъ Тоболъ юживе города Кургана, прорвавъ растянутое положение Уральскаго корпуса. Несмотря на героическое сопротивление наппихъ частей, которыя несли огромныя потери убитыми и ранеными, нечвмъ было парализовать этого прорыва; большевики устремились въ него, стараясь снова выйти къ желввной дорогв, въ тылъ нашей армии.

Цѣлую недѣлю продолжалось жестокое сраженіе по всему фронту армін. Многочисленныя атаки большевиковъ отбивались нами всюду, гдѣ только были наши части. Но красные лѣвли въ промежутки, шли степями, безъ дорогъ, выходили вътылъ. Ижевская дивизія съ 14 по 19 октября была отрѣвана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла краснымъ нѣсколько частныхъ пораженій и привела съ собою свыше двухсотъ плѣнныхъ.

17 октября я поѣхалъ къ Уральскому корпусу и тамъ въ деревнѣ Патраково попалъ вмѣстѣ со штабомъ корпуса въ окруженіе большевиками; пришлось для контръ-атаки деревни направить всѣ силы до личныхъ конвоевъ моего и командира корпуса включительно.

Въ это же время большевики вышли другимъ направленіемъ и гровили отръвать штабъ корпуса отъ остальныхъ частей арміи

и отъ желъзной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецовъ, только что совершавшихъ побъдоносное движение къ Тоболу, теперь были принуждены отступать изъ-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться въ безсмысленной и безнадежной обстановкъ, не имъя возможности перейти въ наступление самимъ, что только и могло дать намъ новый успъхъ и окончательную побъду.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики влили въ ихъ ряды пополнения, усилились свѣжими частями и были числомъ сильнъе насъ во много разъ. 3-я же армія такъ и не получила объщанныхъ пополненій, а отъ боевъ, отъ непрерывныхъ операцій сила ея таяла, таяла съ каждымъ днемъ.

Вотъ документальныя цифры изъ свѣдѣній, представленныхъ штабомъ 3-й арміи Главковостоку, о потеряхъ убитыми и ранеными за время съ 1 сентября по 15 октября 1919 года:

	офі	ицеровъ	солдать и	казаковъ
Уфимскій корпусъ		480	835	8
Волжскій корпусъ		224	396	60
Уральскій корпусь			481	_
Степная группа .	٠.	57	63	18
Итог	0	988	1777	0

Изъ нашихъ полковъ выбывали лучше, гибли храбръйцие русские офицеры и солдаты, цвътъ нашей армии. Но главное — всего хуже было то, что падала надежда на успъхъ и въравъ дъло.

Въ 1915 году при натискъ Макензена, послъ знаменитаго Горлицкаго прорыва Русская Императорская армія отступала, какъ затравленный левъ, отбиваясь чуть не голыми руками. Преданная безпечнымъ тыломъ, армія не роптала, несла неисчислимыя жертвы и проявила силу величайшаго подвига, большаго, чъмъ подвигъ побъды, — бевъ надежды на успъхъ, на скорое избавлене отъ мукъ, безъ призрака славы — армія дралась день и ночь всю весну, лъто и осень 1915 года на поляхъ Галиціи, Польши и Прибалтійскихъ провинцій. И не было тъни мысли о томъ, чтобы бросить тяжкій боевой постъ, уйти изъ борьбы. Русская Императорская армія выполнила

свой долгъ передъ страной и союзниками, чтобы дать время имъ подготовиться и ударить по германо-австрійскимъ силамъ съ запада.

Аналогичный, но еще большей красоты, подвигь быль совершень Русской арміей въ 1919 году на поляжь холодной Сибири. Полуодътая, на половину растаявшая, еще болъе преданная безпечнымъ и преступнымъ тыломъ, наша армія была снова подобна затравленному льву. Такъ же отходила она, огрываясь на каждомъ шагу и не помышляя ни о чемъ, кромъ выполненія своего долга.

И также съ надеждой смотръла на западъ, гдъ теперь арміи генерала Деникина были на пути къ Москвъ. Рвались къ ней. И ждали дня, когда святыни Кремля будутъ очищены отъ нечисти интернаціонала.

ГЛАВА IV.

Предательство тыла.

1.

Со свътлымъ ликомъ и ясными очами шелъ своимъ земнымъ путемъ нашъ Господь; красота подвига слилась съ силой духа; мру была явлена совершенная гармонія, соединеніе начала Божественнаго съ человъческимъ. Въ то время ученье правды, любви и высшей справедливости достигло своего апогея. Но именно тогда то, когда побъда добра надъ зломъ казалась неминуемой и скорой, — въ это время совершилась самая низкая за всю исторію челов'вчества подлость, — Іуда Искаріотскій продаль и предаль Светлаго Учителя.... Крадучись и пряча въ складкахъ одежды темное лицо свое, пробиралась закоулнами и задворками согнутая фигура нъ врагамъ Богочеловъка. Торопливый воровской шепотъ, быстрый обмънъ косыми колючими взглядами, подлый звонъ отсчитываемаго серебра, цъны крови. И затъмъ эта ужасная сцена въ Гефсиманскомъ саду. Съ одной стороны стоитъ на колѣняхъ и молится Отцу Христосъ, плачущій кровавыми слезами, но готовый на всв жертвы для искупленія міра, съ другой приближается предатель Іуда, идущій впереди вооруженной толпы, готовой по его знаку взять Іисуса. «Кого поцълую, того и берите. Это — Онъ, в исходить отъ него шепоть, какъ свисть яповитой змѣи.

И совершилась величайшая подлость на землъ.

Подстроили ее и провели въ жизнь кучка людей, сборище книжниковъ и мудрецовъ древняго Сіона; они сумъли найти среди ближайшихъ учениковъ Христа низкаго предателя, завистника... А массы народныя, такъ жадно внимавшія словамъ Святого Учителя на горъ, такъ бурно-восторженно кричавшие Ему: «Радуйся Царь Гудейскій», ходившя за Нимъ огромными толпами, — эти массы, со свойственной толпъ

легкостью перемѣнъ въ настроеніи, кричали теперь: «Распни, распни Его!»

И даже ближайше ученики, допущенные къ общеню съ Божественнымъ, просмотръли опасность, растерялись, проспали ее.

Все это было давно, на зарѣ культуры человъческаго духа. Все это такъ же старо, какъ старъ нашъ христіанскій міръ.

Но вотъ въ наши дни, въ дни современности, проходитъ передъ міромъ подобная же картина. Преданъ на распятіе цълый народъ, великая христіанская страна. Гибель ея претрувшена была кучкой интернаціоналистовъ, іуды нашлись среди ея же сыновъ; а толпа, человъчество, безмолствовала или невольно помогала преступникамъ.

Гефсиманскій садъ Россіи былъ 1917 годъ. Голгофа ея

длится и до сей поры.

Но придеть и воскресение. Такъ же неожиданно, таинственно и сіяюще. И встанеть Россія изъ гроба.

Въра въ это живетъ не только среди насъ, русскихъ, но

среди всей лучшей части человъчества....

Въ то время, когда бълыя русскія арміи, эти полчища новыхъ крестоносцевъ, напрягали всъ усилія, несли въ жертву кровь и жизнь, чтобъ побъдить интернаціоналъ, вырвать изъ хищныхъ когтей его Родину и христіанскую культуру, — въ это же время происходило новое Іудино дъло, творилось новое

предательство.

И замътъте, — Іудой Искаріотскимъ руководила только зависть и выросшая изъ нея темная подлая ненависть, — такъ и соціалистами, всъми, начиная отъ ихъ мессіи Карла Маркса, двигаетъ только это чувство. Зависть къ чужому успъху, къ сытой живни другихъ, къ чужимъ способностямъ и талантамъ; ихъ безграничная зависть переходитъ также въ дьявольскую ненависть. Завистью и ненавистью пропитано все ученье соціаливма, — а дъла ихъ покавали себя на моряхъ крови и страданіяхъ распятой ими Россіи.

Въ двухъ первыхъ главахъ мы коснулись слегка, обрисовали общими чертами тотъ комплотъ, который былъ вадуманъ эсъ-эрами. Когда они, эти младшіе братья соціалистовъ-большевиковъ, увидали русскій народъ идущимъ по пути національнаго воврожденія вокругъ своихъ народныхъ вождей, то они поняли, что власти «интернаціонала» гровитъ гибель и безвозвратный конецъ. Тогда они, стоявше подъ народными знаменами, боровшеся противъ большевиковъ, ръшили соединиться съ ними на защиту общихъ имъ идеаловъ соціализма противъ національнаго движенія народныхъ массъ.

Но всв эти соціалисты различных толковъ и оттънковъ не могли и не смъли выступить открыто, врагами. Они из-

брали путь скрытый, путь изміны. Они повторили дізло Іуды

и дали Россіи поцѣлуй предателя.

Притворяясь друвьями народа и вождей его, крича громко на весь міръ о борьб'в противъ большевиковъ, они въ то же время сговаривались съ ними, какъ лучше и върнъе погубить дъло возставшей Россіи. Правительство адмирала Колчака настолько довърчиво относилось къ нимъ, что допустило даже въ составъ кабинета министровъ партійныхъ работниковъ соціализма; оно оказывало сод'вйствіе кооперативамъ, захваченнымъ къ тому времени эсъ-эрами. Подъ покровительствомъ иностранной интервенціи, пользуясь незлобливой русской слабостью, соціаль-революціонеры покрыли все пространство отъ раіона военныхъ дѣйствій до океана сѣтью своихъ агентовъ, вивдряя ихъ для тлетворной работы не только въ городахъ, но въ селахъ и въ деревняхъ. Всюду они вели скрытую, тайную пропаганду противъ правительства, используя для этого каждый его промахъ, каждую ошибку. Имъя связь съ Москвою, они получали оттуда деньги, агитаторовъ и . . . инструкціи.

Не только открытый предатель В. Черновъ, но даже такіе «идеологи-народники,» какъ Авксентьевъ, оказывались въ связи съ большевицкой Москвой, дъйствующими по строгой указкъ интернаціональнаго центра, этого современнаго синедріона.

Скоро начали проявляться первые результаты этой предательской работы. Въ нъсколькихъ мъстахъ, въ глубокомъ тылу, вспыхнули возстанія противъ власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшетъ и Маріинскъ, разоны Красноярско-Минусинскій, Нерченско-Срътенскій и въ Приморской области — Сучанскія копи.

Крестьянская масса, ненавидящая интернаціональ всей силой, на какую способень простой, неиспорченный народь, была, къ несчастью, заброшена Омскимъ министерствомъ внутреннихъ дълъ; она получала въ то время всъ свъдъня о событяхъ только отъ соціалистовъ (черезъ съть кооперативовъ) и начинялась самыми извращенными, лживыми извъстіями. Надо припомнить къ тому же, что въ это время и министрами предсъдателемъ и внутреннихъ дълъ были партійные соціалисты. Изъ недъли въ недълю шла пропаганда и агитаця, развращая темныя массы и направляя ихъ противъ собственной арміи и противъ народныхъ вождей.

Не пренебрегали никакими способами, чтобы зажечь пожаръ возстаній. Наибол'ве яркій прим'връ въ этомъ отношеніи представляетъ ихъ организація въ Красноярско-Мину-

синскомъ раіонъ.

Полноводная, богатая рыбой и золотомъ, ръка Енисей течетъ между скалистыхъ горъ, часто сдавленная ими съ объихъ сторонъ. Въ такихъ ущельяхъ вода кипитъ и бъется о камни. Даже въ самую холодную пору, въ Крещенскіе моровы, не замерваеть здѣсь стремнина рѣки. Но вотъ горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходятъ къ Красноярску и кончаются. Дальше на много сотенъ верстъ тянется великая Сибирская равнина, покрытая мѣстами лѣсомъ. По этой равнинѣ, отъ Красноярска и выше, Енисей несетъ воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромныя пространства. Здѣсь богатѣйшія пастбища, сѣнокосы, это одинъ изъ самыхъ хлѣбородныхъ въ Россіи уѣздовъ — Минусинскій. Населеніе его сплошь — важиточные крестьяне — староселы, живущіе патріархальнымъ укладомъ, очень религіозные и въ высшей степени преданные идеѣ Царской власти, а съ нею и властямъ законнымъ.

И вотъ здѣсь разгорается возстание противъ адмирала Колчака; начинается дѣло съ небольшихъ шаекъ, состоявшихъ, главнымъ образомъ изъ пришлаго элемента, но къ осени 1919 года дѣло принимаетъ огромные и организованные размѣры. Сформированъ цѣлый корпусъ изъ одиннадцати полковъ, введена правильная организація, созданъ штабъ во главѣ съ бывшимъ штабсъ-капитаномъ Щетинкинымъ. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлѣбъ, мясо, одежду. Былъ даже открытъ ваводъ для снаряженія ружейныхъ патроновъ и для приготовленія пикъ, сабель и сѣкиръ. Правительственные отряды и Енисейскіе казаки не могли подавить возстанія и занимали оборонительныя линіи, чтобы прикрыть съ юга Красноярскъ и желѣзную дорогу, единственную коммуникацію арміи.

Въ чемъ было дъло? Какая тайная причина создала и поддерживала успъхъ интернаціоналистовъ-большевиковъ среди этого монархическаго, патріархальнаго, крестьянскаго насе-

ленія?

Загадка равъяснилась просто. Контръ-раввъдка арміи доставила въ мой штабъ рядъ подлинныхъ прикавовъ и возвваній штабсъ-капитана Щетинкина. Въ нихъ онъ писалъ:

... «Пора кончить съ раврушителями Россіи, съ Колчакомъ и Деникинымъ, продолжающими дѣло предателя Керенскаго.

Надо всемъ встать на ващиту поруганной Святой Руси и

Русскаго народа.

Во Владивостокъ прівхалъ уже Великій Княвь Николай Николаевичь, который и ввялъ на себя всю власть надъ Русскимъ народомъ. Я получилъ отъ него прикавъ, присланный съ генераломъ, чтобы поднять народъ противъ Колчака.

... Ленинъ и Тропкій въ Москвъ подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами...

...Привываю всѣхъ православныхъ людей къ оружію. ЗА ЦАРЯ И СОВЪТСКУЮ ВЛАСТЫ...»

Всѣ воястанія направлялись и шли однимъ путемъ, примѣнялась одна и та же общая программа. Пріѣвжали изъ совѣтскаго центра, изъ Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денегъ. Скрываясь въ эсъ-эровскихъ организаціяхъ, они находили у нихъ поддержку и начинали вести тайно пропаганду. Въ то же времы они съорганизовывали изъ преступниковъ и отбросовъ населенія небольшія банды съ цѣлью нападенія и разрушенія желѣзной дороги. Сжигали небольшіе деревянные мосты, портили путь, устраивали крушенія. Цѣлыми десятками спускали подъ откосъ поѣзда, причемъ главная охота ихъ была за поѣздами, везшими изъ Владивостока ору-

жіе, боевые припасы и снаряженіе для арміи.

Для поимки этихъ разбойниковъ направлялись отряды наши или изъ чехо-словаковъ. Но трудно поймать ихъ въ бевпредъльныхъ и густыхъ, почти непроходимыхъ дебряхъ Сибирской Тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанію, на что никто изъ иностранцевъ (а дорогу охраняли они) не имълъ охоты. Черезъ нъсколько дней шайка выходила въ другомъ мъсть, снова портила путь и устраивала крушеніе. Тогда, въ попыткахъ положить этому конецъ, неумълые руководители борьбы съ этими бандами, примъняли самый легкій и несправедливый способъ: возлагали отвъственность за порчу желъзной дороги на мъстное населеніе. Производились экзекуціи деревень и цѣлыхъ волостей. Уже послѣ конца борьбы на фронтѣ, когда остатки нашей арміи шли на востокъ, приходилось видъть нъсколько большихъ селъ, сожженныхъ этими отрядами почти до тла въ наказание за непоимку разбойниковъ-большевиковъ, производившихъ крушенія на перегонъ станціи Тайшетъ-Клюквен-Огромныя, растянувшиеся на нъсколько версть села представляли сплошныя развалины съ торчащими кое-гдъ обуглившимися, полусгор влыми домами. Крестьянское населеніе такихъ сель разбредалось и было обречено на нищету, голодъ и смерть.

Понятно, такія м'єры только озлобляли населеніе и давали опору и раввитіє большевицкой и эсъ-эровской д'єятельности,

усиливая ихъ преступную пропаганду:

— «Видите», писали они, — «видите, русскіе крестьяне, что такое Колчакъ и какъ онъ относится къ народу. Онъ съ шайкой капиталистовъ всего міра наняли чеховъ, чтобы жечь русскія села и избивать русскихъ крестьянъ. Всѣ за оружіе, всѣ въ ряды красной армии противъ міровой буржуавіи...»

И какъ у всъхъ адептовъ соціализма, это новое воззваніе

ваканчивалось крылатымъ лозунгомъ Карла Маркса:

«Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!»

А въ то же самое время, тѣ же люди, правильнѣе, — отбросы человѣчества — вели разрушительную работу среди чеховъ, этихъ quasi-славянскихъ войскъ, сформированныхъ изъ военно-плѣнныхъ, взятыхъ русской арміей въ Галиціи и Польшѣ; ихъ развращали всячески, доводя до состоянія людей, больныхъ большевицкимъ умопомѣшательствомъ. Эту часть работы взяли

на себя цъликомъ соціалъ-революціонеры.

Бъдное русское крестьянство было окончательно сбито съ толку. Не знало, кому върить, за къмъ идти. Ненавидящи соціалистовъ-большевиковъ, пошедшіе такъ охотно подъ знамена бълой гварди противъ краснаго интернаціонала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумълыми дъйствіями между молотомъ и наковальней. И замътьте: чехи, отряды которыхъ, главнымъ образомъ-то сжигали русския деревни, были всецъло подъ вліяніемъ и въ услугахъ у эсъ-эровъ, кричавшихъ всегда о «демократіи» и «демократичности». Почти всв репрессии и экзекуции производились по скрытой указкв этихъ соціалистовъ, чтобы разжечь пожаръ возстаній въ тылу бълой русской арміи. Это только и нужно было соціалистамъ, это была ихъ главная цёль, — въ средствахъ же стеняться они не привыкли. Въ лагеръ устроителей новаго рая на землъ это проводилось последовательно въ жизнь десятками лётъ. Насколько этотъ способъ разжиганія взаимной ненависти быль ими излюблень, можно видьть изъ того, что одинь изъ самыхъ крупныхъ дъятелей русской соціалистической мысли, Михайловскій, пропов'єдываль еще въ 1880 году «не протестовать противъ кнута и розогъ во имя лучшаго соціалистическаго

Получалась ужасная картина. Русскія народныя массы, крестьяне и рабочіе со своими офицерами и вождями вели безпощадную борьбу на фронтѣ. А въ тылу тѣ же крестьяне и рабочіе, подъ вліяніемъ большевицкой агитаціи, эсъ-эровскаго предательства и неумѣлыхъ дѣйствій мѣстныхъ властей возставали и становились противъ той же арміи и противъ

правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Возстанія рѣдко гдѣ были подавлены цѣликомъ. Наоборотъ, появлялись новые раіоны, банды съорганизовывались въ полки, дивизіи и корпуса. Вооруженная борьба съ ними требовала все большаго числа войскъ, въ которыхъ такъ нуждался боевой фронтъ, напрягавшій героическія усилія для окончательной побѣды русской народной и національной идеи надъ кровавымъ враждебнымъ интернаціоналомъ.

Въ этихъ условіяхъ борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко въ самой си-

стемѣ организаців антибольшевицкаго движенія. Моря крови были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вслѣдствіе основной ошибки: не хотѣли признать соціалистовъреволюціонеровъ врагами народа, такими же, какъ большевики-

коммунисты.

Не хватало прямоты дъйствій, не было напряженія воли. Сила національная недостаточно концентрировалась и кристализовалась. Огромный бълый тыль въ Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства — съ одной стороны, — и бевсилія въ дълъ — съ другой. Не только не могли добиться полнаго напряженія, — все для фронта, для войны, для побъды, не имъли и тъни диктатуры, а, допустивъ въ свой станъ враговъ, успокоились на бумажномъ перепроизводствъ, погрязнувъ въ тихомъ и медленномъ отбываніи номера.

Къ сожалънію, у нашихъ противниковъ, у большевиковъ было не такъ. Воля изъ Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая опредъленнымъ желаніемъ еврейскаго центра, ваставила работать всёхь въ советской Россіи, вызвала настоящее напряжение и сумъла держать это напряжение все время на должной высоть. Тамъ работали не спустя рукава, не для отбыванія номера, — и внали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчась же; разговоры тамъ короткие — смерть безъ суда. Полковникъ Котоминъ, перебъжавший къ намъ изъ красной арми съ одинадцатью офицерами подъ Челябинскомъ, подробно обрисовалъ положение въ совътскомъ тылу. — «У нихъ работа идетъ не такъ, какъ у васъ, » — говорилъ онъ, — «тамъ не считаютъ часовъ, кипить дело и, если нужно, то все заняты по восемналиать часовъ въ сутки. Жиды-коммунисты следять не только за совъстью и политическими убъжденіями, но и за выполненіемъ каждымъ его обязанностей. Чуть заметна въ комъ лень или халатность, — сейчасъ на сцену выступаетъ обвинение въ политическомъ саботажъ и . . . разстрълъ. И знаютъ всъ, отъ генерала до машиниста, что шутить не будуть.»

Съ цълью разбудить нашу тыловую публику, полковникъ Котоминъ прочелъ лекцію въ Омскъ въ городскомъ театръ (по порученію Верховнаго Правителя); на лекціи произошелъ карактерный инцидентъ. Котоминъ рисовалъ правдивую картину совътскаго тыла, — онъ будилъ чувства бълыхъ и привывалъ ихъ къ такой же работъ, какую несутъ слуги Ленина и Бронштейна, къ такой же отчетливости, добросовъстности и

энерги... Вдругь раздаются голоса изъ партера:

— «Какъ Вамъ не стыдно хвалить ихъ! A еще офицеръ....»

— «Довольно...»

— »Поважайте тогда обратно къ большевикамъ....» И съ галерки одинокій крикъ:

К. В. Сахаровъ. Бълая Сибирь.

— «Правильно, товарищъ, продолжайте.»

Такъ поняли представители тыловыхъ наслоеній искренній и честный призывъ Котомина, этого одного изъ лучшихъ русскихъ офицеровъ. На того это такъ подъйствовало вмъстъ со всъмъ пережитымъ за послъдніе годы, что онъ слегъ больной и не могъ уже оправиться. Болъзнь унесла его въ могилу. Моя армія лишилась въ немъ хорошаго начальника дививіи, — на что Котоминъ былъ мною предназначенъ.

2.

Можно спорить и сомивнаться во многомь, но одно несомнвнно и ясно, что успокоеніе страны будеть достигнуто лишь при наличіи трехъ факторовъ: твердой власти, жизненной организаціонной работы правительства и самаго живого участія въ ней народныхъ массъ. Послвдній факторъ является наиболве существеннымъ и важнымъ, ибо это и только это обезпечитъ закрвпленіе порядка, принятіе цвлесообразныхъ

реформъ, возрождение разрушенной жизни.

Это сознавалось многими уже въ то время, въ самый разгаръ гражданской войны. И надо отмътить, что народныя массы въ теченіе всего періода не только сочувствовали новой власти, борьбъ ея и стремленіямъ возродить страну, но самъ народъ добровольно несъ всевозможныя жертвы, давалъ сотни тысячъ своихъ сыновей въ армію, платилъ подати и налоги. И такъ естественно было бы использовать этотъ подъемъ народный, такъ просто и легко было бы наладить порядокъ, чтобы не было такихъ уродливыхъ явленій, какъ возстанія въ тылу, нападенія на желѣзную дорогу, существованіе разбойничьихъ шаекъ...

Необходимо было съорганизовать народныя массы и привлечь ихъ лучше слои къ работъ на мъстахъ, образовавъ сельскую полицію, сельскіе продовольственные органы, потребительскія общества, органы по распредъленію и сбору налоговъ и податей, представителей власти по проведенію мобилизаціи, мъстныя освъдомительныя бюро, сельскіе суды и т. д. Необходимо было сплотить сельское населеніе около лучшей его части. И безъ сомнънія, вдъсь не только не мъсто боязни, не должно быть и сомнъній, такъ какъ вся борьба велась въдь ва жизнь народа и страны, велась самимъ народомъ и для народа. Слъдовательно, народныя массы не могли не оказать правительству могучую поддержку, которая обезпечила бы въ полной мъръ успъхъ арміи.

Къ сожалѣнію ничего этого сдѣлано не было. Почему? Были двѣ главныя причины. Съ одной стороны бюрократичесніе и нежизненные центральные аппараты министерствъ не знали, что и какъ надо сдѣлать въ этой области, нѣкоторые къ

тому же боялись, — изъ за того же невнания, — народной массы и не умъли подойти къ ней. Задавшись обширными и громоздкими программами во всероссійскомъ великодержавномъ масштабъ, совдавали на бумагъ проекты ихъ будущаго выполнения и на ряду съ тъмъ не дълали маленькаго невамътнаго повседневнаго дъла, необходимаго для рядового обывателя, для семьи, для массы населенія. Долго ждало оно, спокойное и безропотное, движенія живой воды и не дождалось.

Съ другой стороны — сощалисты всёхъ толковъ, а главнымъ образомъ эсъ-эры, всёми способами препятствовали какому-либо проявлению такой работы. Они не допускали или всячески тормозили проведение въ жизнь какихъ-либо мёръ по организации населения селъ и городовъ. Имъ невыгодно было это, — какъ и самое дёло возставшаго народа подъ Русскимъ національнымъ знаменемъ. Ибо они энали, что народныя массы не пойдутъ ва ними, не будутъ вторично ломать своей жизни въ угоду ихъ книжнымъ, искусственнымъ теоріямъ.

Одинъ крестьянинъ тоболякъ, испытавший всю прелесть большевизма сначала въ 1918 году и мъсяцъ теперь, пока мы не ваняли ихъ мъстности снова, такъ выразилъ своимъ простымъ языкомъ мысль о соціалистахъ. — выводъ, сдъланный

его здоровымъ умомъ:

«Былъ у насъ Царь, было начальство, и жили мы, — Бога благодарили, — все имъли, а если чего и не хватало, то надежду всяний питалъ: коли есть голова да руки, то и для себя и для дътей заработаешь. Былъ порядокъ, былъ и законъ и справедливость. Теперь у насъ комиссары-большевики, начальства есть много, ну, а остального ничего нътъ, — ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живетъ теперь народъ, а только глядитъ какъ бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли живъ отъ комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при нихъ никакой, прямо охота работать пропадаеть.»

— «Ну а при Керенскомъ какъ было? Что скажешь объ

эсъ-эрахъ?»

Крестьянинъ вадумался, затъмъ лицо его освътилось доб-

родушкой улыбкой, блеснули умные, сърые глаза.

— «А такъ я скажу тебѣ, баринъ: бываетъ лѣто съ плодами Господними, бываетъ зима съ моровомъ, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчемная. Такъ намъ и сощалистъ, такая слякоть и Керенскій былъ. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга». . .

Нежеланіе и неумѣніе организовать жизнь страны, главнымъ образомъ сельскаго населенія, проходило всюду, по всѣмъ отраслямъ многоэтажныхъ Омскихъ министерствъ. И, если принять во вниманіе, что въ составъ кабинета министровъ входили соціалисты, а во глав'в его стояль до самаго посл'вдняго времени «vieux drapeau», старый соціалисть Вологодскій, то не трудно понять, какія пом'вхи встр'вчали вс'в попытки и начинанія въ проведеніи организаціи сельскаго и городского населенія.

Одинъ изъ наиболте яркихъ, цельныхъ и большихъ русскихъ людей изъ всвхъ, которыхъ мнв пришлось встрвчать за мою разнообразную жизнь, — это святитель русской церкви, архіепископъ А . . . Онъ происходить отъ стариннаго благароднаго корня стараго русскаго дворянства; онъ ушелъ въ монастырь, посвятиль себя чистому служению Богу и всего себя отдаль на службу и работу человъчеству. Этоть пастырь являль всегда примъръ высокой личной жизни и горълъ любовью къ своимъ ближнимъ; взглядъ архіепископа А... на церковь глубоко проникнуть истинно христіанскимъ отношеніемъ. Его отправная точка, что религія должна быть руководящимъ стимуломъ моральной жизни, но не только схоластически, — она должна направлять жизнь личную, семейную и общественную соотв'ятственно ученю Христа, этой высшей нравственности. А поэтому церковь есть не только убъжище для души или хранилище религи, ея таинствъ и обрядовъ, но она есть и должна быть главнымъ средствомъ, чтобы помочь людямъ устроить ихъ жизнь лучше.

Архіепискомъ А ... еще до Міровой войны проводилъ этотъ свой взглядъ въ жизнь и выполнялъ большую работу по организаціи церковныхъ приходовъ въ своей епархіи. Съ большими трудностями, зачастую неправильно понимаемый, не имъя достаточнаго числа хорошихъ помощниковъ, онъ шелъ къ своей цъли. И достигъ многаго. Онъ сумълъ сплотить около церкви людей разныхъ положеній, взглядовъ и даже политическихъ убъжденій своей проповъдью истинной любви, своей неуклонной борьбой противъ ненависти. Онъ вызвалъ къ жизни и дъятельности лучшія силы въ массахъ своей паствы. Отчасти потому-то такъ могуче и полно мъстные крестьяне откликнулись на борьбу ва возрождение Россіи, оттого-то такъ разумны и сдержаны были рабочіе всѣхъ заводовъ этого раіона и самаго города. Вліяніе святителя А... распространилось даже на мусульманъ, на татарское и башкирское население; муллы шли къ нему за совътомъ и проводили въ своихъ селахъ его орга-

нивацію — приходъ около мечети.

Теперь, когда революція сломала и разрушила нашу жизнь, исковеркала ея прежніе условія, когда велась борьба за возстановленіе ея, — архіепископъ А... весь обратился въ порывъ и еще больше отдался своей высокой миссіи.

Его идея была простая и великая. Его доводы были неотразимы и взяты изъ самой жизни. Онъ говорилъ: — «Чѣмъ

сильны большевики, чвмъ они держатся? Во-первыхъ, твердая, ни передъ чвмъ не останавливающаяся власть. Во-вторыхъ, и это главное, они сумъли организовать всюду, въ городахъ и селахъ, худше, самые преступные элементы народа. Масса же, всегда инертная и неорганизованная, невольно подпадаетъ въ подчиненіе, идетъ въ поводу этихъ разныхъ совътовъ и комитетовъ бъдноты. Равъ мы собираемся строить разрушенную жизнь, намъ необходимо идти тъмъ же путемъ, но надо организовать народъ у другого полюса, вокругъ лучшихъ людей каждаго села и города, вокругъ самыхъ честныхъ, нравственныхъ и трудолюбивыхъ. И ходить далеко не надо; такихъ русскихъ людей много, всюду они есть, въ каждомъ церковномъ приходъ. Дайте только возможность.»

Архіепископъ А... много разъ и настойчиво обращался въ Омскъ, и въ министерства, и въ высшее церковное управление и къ самому адмиралу Колчаку, со своимъпланомъ организаціи на всемъ пространствѣ восточной Россіи приходовъ, но встрѣчалъ отказъ, а подчасъ даже преслѣдованія. И это не ввирая на то, что самъ Верховный Правитель относился къ нему съ

глубокимъ почтеніемъ.

Такъ почти до самаго конца и не удалось этому крупному русскому дъятелю и патріоту найти примъненія своихъ силъ.

Вотъ выдержки изъ писемъ ко мнѣ архіепископа А..., пи-

санныхъ въ ноябръ 1919 года:

— «Ваше войског. Неклютинъ (министръ снабженія) оставилъ безъ снабженія, и войско побѣдоносно настроенное принуждено было поэтому подвергнуться бѣдствіямъ отступленія. Но у насъ во всѣхъ областяхъ имѣются свои Неклютины, для дѣда рѣшительно вредные, или своею бездѣятельностью, или своею бездарною партійностью.

Въ церковной области таковъ господинъ П... ничего не сдълавшій для Церкви. Между тъмъ у него въ рукахъ былъ весь аппаратъ для организаціи народной жизни на церковныхъ

началахъ.»

Въ другомъ письмѣ архіепископъ пишетъ:

... «Теперь съорганизованы только элые, разрушительные элементы Руси, — нужно же кому-нибудь заняться организаціей элементовъ патріотическихъ.»

Вотъ выдержка изъ третьяго письма:

... «Я началъ вторично объъздъ частей ввъренной Вамъ арміи. Ваше Превосходительство! Я съ радостью могу скавать, что ни Вы, ни я —не ошиблись: солдатамъ нравится мысль объ устроеніи православнаго прихода и объ устроеніи около приходскаго самоуправленія всей русской національной жизни.»

Такъ и канули въ въчность всъ попытки дать русскому народу возможность сплотиться, съорганизовать свою націо-

нальную силу и устроить свою страну. Канули потому, что центральная власть не только не поддержала, но ставила препятствія. Бездарная партійность однихъ, да злонам вренная работа соціалистовъ погубили и на этотъ разъ эти начинанія.

А въ то же время соціалисты получали всевовможную поддержку въ своихъ темныхъ дѣлахъ. Они-то поняли хорошо, что вся сила и успѣхъ задуманнаго ими плана лежитъ въ организованности; но они не могли бы никогда провести эту организованность сами, въ чистомъ видѣ, такъ какъ ихъ идеологія совершенно безжизненна и чужда Русскому народу; она можетъ только разрушать, никогда ничего не созидая. Поэтому эсъэры въ Сибири присосались къ чужому тѣлу и на немъ повели свою работу.

Такъ на здоровый и сильный стволъ могучей столѣтней липы пристаетъ грибокъ паразита. Сначала въ одномъ мѣстѣ появится опухоль, вздуется кора и выростетъ большой рыхлый наростъ, имѣющій видъ, по внѣшности, части самой липы. Затѣмъ вредные споры паразита перекидываются по всѣмъвѣтвямъ, по стволу и даже по корнямъ дерева. И всюду вырастаютъ уродливые опухоли-наросты. Липа останавливается въ ростѣ, чахнетъ и, если не найдетъ достаточно силъ въ сокахъ своихъ, чтобы перебороть разрушительную работу паразитовъ, то гибнетъ сама.

Эсъ-ары присосались крвпко къ такому естественно-народному, нужному и выгодному дълу, какъ кооперація. Объ этомъ было вскользь сказано въ предыдущихъ главахъ. Чтобы дополнить картину, надо посмотръть на условія внутренней торговли, какъ они стояли къ тому времени. Еще война сильно повредила нормальные аппараты частной торговли; двъ революціи, февральская и октябрьская, разрушили ихъ совершенно. Населеніе испытывало страшную нужду и терпъло лишенія. На этой почвъ талантливымъ, но вредоноснымъ еврейскимъ народцемъ было валожено начало спекуляціи, и распустилась она пышнымъ махровымъ цвъткомъ. Тогда для борьбы съ нуждой и дороговизной начали образовываться, какъ естественный выходъ, общества потребителей, старая русская форма, или, какъ ихъ называли по новому, — кооперативы. Цъль ихъ была: во-первыхъ, дать по дешевой цвив всв необходимые товары широкимъ массамъ населенія; во-вторыхъ, устроить вовможность сбыта продуктовъ производства того-же населенія по наивыгоднъйшимъ цънамъ; въ третьихъ, имълась ввиду борьба со спекуляціей, которая съ каждымъ днемъ углубленія революціи принимала все бол ве уродливыя формы. Естественно, что население стало съорганизовываться, потребительскія общества-кооперативы расли.

Насколько эта организація была жизненна, показываетъ то, что вначалѣ русскіе люди, образовавшіе ее, не хотъли втягиваться въ политику, поставили себя и свое дѣло внѣ ея.

И вотъ, въ то же время попали сюда, на здоровый стволъ этого могучаго дерева, вредные поры паразита. На зарѣ русской «безкровной» революціи слово-говорильные эсъ-эры проникли всюду и затопили своими рѣчами страну. Ихъ словамъ тогда многіе простые люди, по наивности, вѣрили, ибо не внали дѣлъ ихъ. Среди соціалистовъ, какъ извѣстно всѣмъ, свыше трехъ четвертей іудеевъ или ихъ приспѣшниковъ, отличающихся типичными свойствами всякого вловреднаго паразита: полная неспособность къ животворной работѣ, наглое, быстрое распространеніе, приспособляемость ко всякой обстановкѣ и безмѣрная живучесть, — разъ эта гадость вошла въ организмъ, не легко ее выгнать. Въ числѣ другихъ сторонъ народной жизни,

соціалисты захватили и кооперативы.

Сначала они стали на общій путь съ массой потребителей. ваявивъ, что кооперація внѣ политики. Но въ своей средѣ и въ своихъ центрахъ они работали только для политики, для политики разрушенія и ненависти, составляя и разрабатывая планъ, какъ лучше использовать для этого и кооперацію. А когда дъло потребительныхъ обществъ развилось и упрочилось, соціалисты же укрѣпили въ нихъ свои позиціи, и какъ и всюду за эти лихіе годы, на верху почти всёхъ кооперативовъ оказались юркіе жидки, — тогда была выдвинута въ открытую на первое мъсто политическая дъятельность. Такъ было лътомъ и осенью 1917 года; опредъленно сказалось это уже къ Московскому Государственному Совъщанію. Когда разрушительная работа была паразитами выполнена, то большевики выгнали эсъ-эровъ отовсюду; закрыли они и кооперативно-политическую кухню ихъ. Анти-большевицкие вожди и организации, къ несчастью, этого сдълать не удосужились. Причины, - почему, обрисованы достаточно въ предыдущихъ главахъ. Вслъдстви этого, весь аппаратъ коопераціи въ Сибири, ея центры — стволъ, и всв филіальныя отделенія — вътви, все дерево было захвачено соціалистами. Шла двойная работа: населеніе стремилось развить діятельность потребительских обществь, чтобъ возродить торговлю, чтобы помочь возрожденію страны; эсъ-эры направили усилія къ параличу этого, — они всюду насаждали своихъ политическихъ агентовъ, сводили всв нити кооперации въ своихъ центрахъ, во Владивостокъ и за-границей; они широко и последовательно вели пропаганду противъ правительства адмирала Колчака и противъ армии и, какъ всегда и вездъ, эта пропаганда ихъ была отравлена ядомъ клеветы, лжи, преувеличеній и искаженій. Работа ихъ и здісь была тайная и скрытая. Какъ работа двенадцатаго Господняго

апостола Іуды, когда онъ подготавливалъ предательство и Голгофу.

Въ то же время эсъ-эры, благодаря своимъ людямъ, стоявшимъ у центральной власти, могли не только пустить пыль въ глава простодушному, усталому обывателю, но и закупить вниманіе массъ, затемнить свои измѣнническія махинаціи, — они получали огромныя средства, имъ отпускались изъ казны многомилліонныя суммы, имъ давались не въ очередь больше наряды на перевозки по желъзной дорогъ, льготный провозъ; благодаря этому и въ заграничныхъ кругахъ выростало и увеличивалось впечатлъніе о ихъ значении и фактической силъ.

Кто станетъ спорить, что кооперація въ чистомъ видѣ необходима въ жизни государства, особенно въ Россіи, гдѣ частная иниціатива всегда отставала отъ требованій живни. Потребительские кооперативы всегда поощрялись въ Россіи и всегда существовали раньше, въ періодъ расцвіта Россіи при Царяхъ. Кооперативы же промышленные только нарождались, причемъ исключительно по иниціатив'в прежняго правительства сділана была громадная работа въ устройствъ и развитии цълой съти элеваторовъ пля ссыпки хлѣба: этимъ вопросъ самой главной хлібной торговли выводился изъ области частной спекуляціи и недобросовъстности, всъ хлъбопащцы отъ крупныхъ и до самыхъ мелкихъ, при осуществлении правительственнаго проекта, получили бы возможность продажи предметовъ производства безъ посредниковъ. И не будь великаго бъдствія войны и страшнаго несчастія «великой, безкровной» революціи, русская хлебная торговля была бы свободна отъ цепкихъ лапъ влейшаго паука эксплоататора, отъ еврейскаго посредника-спекулянта.

Въ будущемъ, несомнънно, кооперации и кооперативамъ принадлежитъ выдающаяся роль въ русской живни. Но надо помнить, во что обратили этотъ полезный инструментъ въ Сибири политиканствующе шуллера, партія соціалистовъ-революціонеровъ. Надо помнить и на будущее время уберечь рус-

скую жизнь отъ этихъ могильныхъ червей.

Подводя итогъ сказанному, видимъ: уйдя въ подполье соціалисты-революціонеры вели неустанно работу: захваты аппаратовъ власти и проникновеніе въ армію, постановка всякихъ препятствій здоровой организаціи жизни страны, обращеніе въ средство для своихъ цѣлей коопераціи, пропаганда противъ арміи и правительства, пожаръ частныхъ востаній и подготовка общаго предательскаго удара всему бѣлому движенію. И въ то же время они притворялись друзьями народа, арміи, правительства и даже самого адмирала Колчака.

Чтобы докончить этотъ краткій очеркъ дѣятельности этихъ іудъ Россіи, ниже приводятся выдержки изъ ихъ главнаго современнаго печатнаго органа «Воля Россіи», издающагося въ Прагѣ (Чехо-Славія). Вотъ что пишетъ въ номерѣ 75 отъ 10 декабря 1920 года Василій Сухомлинъ, «представитель центральнаго комитета партіи эсъ-эровъ за границей» въ его открытомъ письмѣ Бурцеву, говоря о тактикѣ всей этой партия:

«Нътъ никакихъ оснований предполагать, чтобы повиція партіи измънилась посль паденія барона Врангеля, противъ котораго партія боролась также, какъ и противъ Колчака и Деникина.

Прага 9 декабря.»

А въ номерѣ 79 той же газеты отъ 15 декабря 1920 года приведенъ еще болѣе офиціальный документъ, въ которомъ вся партія соціалистовъ-революціонеровъ признается въ своемъ іудиномъ дѣлѣ, открыто заявляетъ о предательствѣ народныхъ армій и дѣла. Это — письмо и резолюція, принятыя на конференціи, происходившей 1—8 октября 1920 года въ Москвѣ.

- «13. Только вамъна диктатуры партіи коммунистовъ народовластіємъ, (т. е. властью эсъ-эровъ. К. С.), сможетъ вовлечь трудовыя массы въ работу по созданію новаго соціальнаго порядка и послужить исходной точкой для возстановленія производительныхъ силъ страны.»
- 14... «Демократія (опять читай эсъ-эры. К.С.), какъ господство большинства, не только не можетъ быть препятствіемъ для осуществленія соціаливма, но является единственной политической формой, гарантирующей успѣхъ соціалистическаго переустройства.»
- 16... «Нынъ, учитывая, что быстрая ликвидація Деникина и Колчака, не столько сраженныхъ красной арміей, сколько обевсиленныхъ народными вовстаніями въ тылу... конференція признаетъ наиболье цълесообразной формой борьбы съ контръреволюціей методъ вовстанія изнутри, съ успъхомъ примънявшійся сибирскими организаціями партіи всъвровъ въ дълъ ликвидаціи Колчаковскаго режима.»

Коментаріи излишни...

3.

Прежде чъмъ перейти къ дальнъйшему хронологическому описанію событій осени 1919 года, необходимо остановить вниманіе и посмотръть, въ какихъ условіяхъ была въ то время жельзная дорога, этотъ одинъ изъ важнъйшихъ факторовъжизни страны и арміи.

Въ Омскъ было Министерство Путей Сообщения съ очень внергичнымъ, способнымъ и живненно-практичнымъ человъкомъ во главъ, инженеромъ Уструговымъ. Отсюда шло управление дорогами, регулировка ихъ службы и наилучшаго испольвования. И надо отдать полную справедливость, что

это министерство стремилось выйти изъ рутины и бюрократическихъ нагромажденій, старалось дать максимумъ работы и пользы.

Однако обстановка и препятствія были настолько велики, что министръ Уструговъ и его подчиненные буквально изнемогали отъ безплодныхъ подчасъ усилій. Съ самаго начала создалось нъсколько факторовъ, которые разбивали всъ ихъ

старанія, вводили импровизацію, нарушали стройность.

Во-первыхъ, — и это было вполнъ естественно, — желъзныя дороги на театръ военныхъ дъйствій подчинялись командующимъ арміями, которымъ здісь принадлежало главное рѣшающее слово. Съ этимъ министерство мирилось, такъ какъ видъло, въ большинствъ, работу армейскихъ желъзныхъ дорогъ направленной къ лучшей пользъ. Кромъ того, прифронтовая полоса не могла вліять сильно на жизнь страны. Гораздо важнъе была магистраль отъ Владивостока до Омска. И вотъ вдёсь-то создалась главная помёха; почти съ самаго начала быль образовань изъ представителей всъхъ «союзныхъ» державъ жельзнодорожный комитеть, который взяль на себя, явочнымъ порядкомъ, регулировку вопросовъ эксплоатаціи дороги и движенія на всемъ участкъ отъ Омска до Владивостока. Главная роль въ немъ принадлежала американскимъ и англійскимъ инженерамъ, и, хотя зачастую русскіе интересы, даже интересы фронта приносились въ жертву различнымъ интернаціональнымъ цізлямъ, которыми была пропитана вся интервенція, — русскому министру путей сообщенія приходилось подчиняться.

Дъло въ томъ, что Сибирь не располагала ни однимъ заводомъ для постройки паровозовъ, вагоновъ и запасныхъ частей. Все это, заказанное и оплоченное въ большинствъ еще Императорскимъ Правительствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадъ, теперь было объщано доставить и передать правительству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но

при какихъ каждый разъ обстоятельствахъ?!

Припомнимъ, какъ выдавалось военное снабженіе, доставленное широкимъ англійскимъ жестомъ на армію въ 200 000 человѣкъ. Какъ всегда и систематически окавывалось при этомъ давленіе на Верховнаго Правителя, на его политику, какъ проглядывало желаніе давить даже на стратегическіе планы армій, какъ искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодѣтелями» поддержка эсъ-эрамъ. Въ области желѣзно-дорожной помощи все это приняло еще больше и уродливые размѣры. Во Владивостокъ прибыло большое количество запасныхъ частей, осей и колесъ, нѣсколько парововъ; весь этотъ цѣнный грувъ союзныя страны давали России, давали за ея жертвы кровью сыновъ ея и . . . за русское

волото. Давали союзныя страны, а ихъ офиціальные представители требовали взамѣнъ почти полнаго себѣ подчиненія, становились выше не только министра путей сообщенія, но даже выше номинальнаго диктатора. Понятно, это мѣшало работѣ, сильно ватрудняло ее, а «союзникамъ» давало возможность проводить мѣры для своихъ, не всегда чистыхъ, цѣлей.

На этой же почвѣ, наши бывше военно-плѣнные, составивше теперь, въ 1919 году, «союзные» полки чехо-словацке, польске, румынсне и итальянске, захватили въ свои руки огромное количество подвижного состава; такъ за тремя чешскими дивизіями числилось свыше 20000 вагоновъ. Польская дивизія, сформированная французской миссіей генерала Жанэна, также изъ бывшихъ нашихъ военно-плѣнныхъ, захватила свыше 5000 вагоновъ; были собственные поѣзда у румынъ и итальянцевъ.

Никакія силы не могли заставить этихъ «интервентовъ» вернуть вагоны и паровозы. Желъзнодорожной администраціи приходилось принимать фактъ этого ограбленія и изворачиваться ограниченнымъ запасомъ подвижного состава, который остался въ фактическомъ распоряженіи русскаго министра путей сообщенія.

Затъмъ всѣ интервенты-союзники, пріъзжая въ Сибирь, чтобъ спасать бъдную разоренную Россію, быстро входили во вкусъ; у всѣхъ ихъ руководителей были собственные поъзда, составленные изъ лучшихъ вагоновъ, съ кухнями, ванными, электричествомъ. Поъзда Жанэна, Нокса, Павлу, разныхъ «высокихъ комиссаровъ» (которые, увы, сыграли на руку невысокимъ совътскимъ коммиссарамъ) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже въ ихъ богатыхъ странахъ. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распредъление всъми салонъ-вагонами взялъ на себя штабъ французскаго генерала Жанэна, выдававшій ихъ почти исключительно иностранцамъ. Опять таки, справедливость требуетъ сказать, что японцы вели себя и здѣсь всѣхъ скромнъе, достойнъе, — и только они, представители страны Восходящаго Солнца, не имъли въ бъдной Россіи роскошныхъ поъздовъ.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верстъ, проходитъ глухою тайгой или безпредъльными степями. Большевики эсъ-эры, объединивъ свои силы, направили все вниманіе на эту важнъйшую артерію, питавшую армію и страну, обезпечивавшую вывозъ сырья изъ богатыхъ губерній Сибири. И вотъ тъ шайки, которыя были собраны соціалистами, организовали планомърную кампанію нападеній на желъзную дорогу.

Нападенія производились на наиболѣе трудные участки ея, съ сильными закругленіями пути или съ предѣльными подъемами и спусками. Въ такихъ мѣстахъ банды разбойниковъ разбирали путь, портили рельсы и стрѣлки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли изъ Владивостока поѣзда съ военнымъ снабженіемъ или направлялись цѣнные грузы. Глухой ночью совершалось покушеніе, поѣздъ спускался подъ откосъ, разбивались вагоны; банда производила грабежъ.

Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская повада только днемъ. Можно себъ представить, какое затруднение въ транспортв создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русския войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и безъ того боевой фронтъ нашъ задыхался въ неустанной борьбъ изъ-за недостатка подкръплений съ тылу.

Поэтому пришлось прибъгнуть къ милости интервентовъ, которые въ своемъ междусоюзническомъ комитетъ (или совдепъ, какъ его называли даже нъкоторые англійскіе офицеры) ръшили раздълить жельзную дорогу на участки и поручить охранъ иностранныхъ войскъ. Отъ Владивостока до Читы — японцы, около Байкальскаго озера, — небольшой участокъ, — американцы, далье немного — румыны, центръ Иркутскъ-Омскъ-Томскъ — чехи, Алтайская жельзная дорога — 5-я польская дивизія.

Казалось бы, — самая естественная вещь. Разъ пришли помогать, если называются союзниками, да вдобавокъ еще ъдять русскій сибирскій хлѣбъ, то какіе туть могуть быть разговоры. Становись на работу и выполняй ее честно и исправно по наряду русской власти.

Такъ должно было бы быть при нормальномъ порядкъ. Такъ было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо изъ союзниковъ въ ихъ странъ. Такъ и бывало не одинъ разъ, когда русскими боками спасали «союзниковъ». Но здъсь, въ Сибири, опять таки проявились съ одной стороны наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверхъ, чуть не съ подобострастной улыбкой, а съ другой ихъ обычная самоувъренность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать болъе ръзкаго слова.

Почти всв иностранцы, взявше на себя охрану Сибирской желваной дороги смотрвли на это, какъ на величайшее одолжене, какъ на благодвяне, которое они двлаютъ бвднымъ русскимъ; они исполняли только приказы своего «междусоюзническаго комитета», не считались совершенно съ русской властью и желванодорожной администрацей. При этомъ, въ оправданіе, приводилась все та же фарисейская увертка — «невмъшательство въ русскія внутреннія двла».

Самая служба охраны желѣзной дороги неслась такъ. Начинаютъ учащаться случаи нападенія бандъ на желѣзную дорогу, происходятъ покушенія на отдѣльныхъ интервентовъ, охраняющихъ данный участокъ. Тогда они рѣшаютъ дѣйствовать; усиливаются караулы, ловятъ нѣсколькихъ разбойниковъ, вѣшаютъ ихъ, отгоняютъ банды въ тайгу и на этомъ успокаиваются. Когда имъ предлагалось довести дѣло до конца, преслѣдовать банду и уничтожить ее съ корнемъ, получался отвѣтъ:

— «Это не наше дѣло!»

Случалось, что такой способъ не давалъ результатовъ, нападенія на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты, — особенно чехо-словаки и польская дивизія, — устраивали карательную экспедицію. На опасномъ участкъ сжигались два-три богатыхъ сибирскихъ села, ва ихъ

будто бы отказъ выдать преступниковъ-бандитовъ.

Это вызывало страшное озлобление мирнаго, ни въ чемъ неповиннаго населения, сыновья котораго сражались за Русское національное дѣло въ рядахъ бѣлой арміи. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетомъ на центральномъ правительствѣ адмирала Колчака, на русскихъ властяхъ. Таково было положение на желѣзной дорогѣ въ то время, когда роль ея выдвигалась на первое мѣсто, вслѣдстви того, что новая неудача на фронтѣ начала превращаться въ

катастрофу.

Въ самый нужный моментъ, когда необходимо было дать сверхсильное напряжене, чтобы въ западномъ направлени подать арміямъ помощь снабженемъ и силами, а въ обратномъ направленіи — на востокъ — вести планомърную и безостановочную работу эвакуаціи, — оказалось, что русская власть безсильна использовать свою желъзную дорогу. А вдобавокъ къ этому — тыловые органы, загроможденные бюрократическимъ бумажнымъ строемъ и зараженные эсъ-эровской тлей, упорно и беззастънчиво, приводя самыя ребяческія отговорки и отписки, тянули время и занимались тъмъ, что копили военное снаряженіе въ глубокихъ тыловыхъ складахъ.

И армія, проявившая чудеса героизма и предѣлъ напряженія силъ, добившаяся блестящей побѣды, была предана, — она не получила ни пополненій, ни одежды, ни теплыхъ вещей. А между тѣмъ наступала уже суровая сибирская зима.

Вотъ одинъ изъ документовъ, телеграмма командующаго Оренбургской арміей.

«1 Ноября 1919 г. Кокчетавъ.

Могу ли расчитывать и когда на присылку теплой одежды, винтовокъ. Нужно на первое время 10000 комплектовъ полушубковъ, валенокъ, шапокъ, теплаго бѣлья, рукавицъ, брюкъ, особенно послѣднихъ. Армія голая. Степной край не имѣетъ дровъ, даже крыши не даютъ тепла. Тифъ усиливается. Винтовокъ нужно на первое время 5000. Началась мобилизація уѣвдовъ, для нихъ нужно 7 тысячъ теплаго и винтовокъ. Прошу Вашего отвѣта. № 542.

Генералъ-Лейтенантъ Дутовъ.»

И такихъ телеграммъ получались десятки. Эти донесенія поступали изо дня въ день, начиная съ середины августа. Но на русское горе они оставались безъ отвъта, безъ результата. И добро, если бы не было въ тылу запасовъ, а то въдь въ Красно-

ярскъ, Томскъ, Иркутскъ были полные склады.

Совершалось еще болѣе вопющее. Когда тылъ, его бюрократические органы увидали, что дѣло нешуточное, что на фронтѣ положение принимаетъ дѣйствительно катастрофические размѣры, грозящие и ихъ существованию, то тамъ всколыхнулись и стали спѣшно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелонъ за эшелономъ въ дѣйствую-

щую армію.

Все это принимало видъ нервшительныхъ, спвшныхъ и судорожныхъ мфръ. Наши части были въ непрерывномъ движеніи. Отступленіе протекало планом врно, съ постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новыя стремленія краснаго командованія переръзать въ тылу жельзную дорогу. Въ то же время шла напряженная работа по эвакуаціи раненныхъ и больныхъ, военныхъ грузовъ и желъзнодорожнаго имущества. Шелъ непрерывный потокъ съ запада въ восточномъ направлении; повада съ пополнениемъ и снабжениемъ, врѣзываясь внѣ всякой системы на встрѣчу этому потоку, простаивали недълями на станціяхъ, не могли добраться до фронта, или запаздывали и только мѣшали. Иное было бы двѣ недъли назадъ, когда всъ желъзныя дороги были свободны, армія стояла на Тоболъ, система транспорта и этапныя линіи были хорошо налажены. Естественно, что настроение въ войскахъ падало все больше и больше. Вотъ другой жизненный документъ, крикъ арміи — донесеніе командующаго конной группой:

«За послѣднее время все укавываетъ на сильный упадокъ духа солдатъ вслѣдствіе все уменьшающагося численнаго состава частей и отсутствія пополненій. Волнуются и недоумѣваютъ, почему до сихъ поръ ни одинъ полкъ не пополненъ, когда въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось около десяти человѣкъ. Такое положеніе совдаетъ благодарную почву для всякой пропаганды и агитаціи, чѣмъ несомнѣнно воспользуется нашъ противникъ, хорошо освѣдомленный о томъ, что дѣлается въ нашихъ войскахъ. Красные уже разбрасываютъ прокламаціи, призывающія нашихъ солдатъ окончить войну, перебивъ своихъ

офицеровъ и выдавъ краснымъ адмирала Колчака, въ свою очередь объщая перебить своихъ комиссаровъ и выдать нашимъ солдатамъ Ленина и Троцкаго. Подобныя прокламаціи, попадая въ руки солдатъ, не могутъ не оказать вліянія на менѣе сознательный элементъ... Далѣе, всвяви съ наступившей колодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать въ лѣсу подъ открытымъ небомъ, развивается недовольство солдатъ отсутствіемъ теплой одежды; солдатами указывается, что въ тылу всѣ одѣты п во все теплое.... Мы рискуемъ потерять и оставшійся кадръ, ранѣе доблестно сражавшихся частей. 25 Октября 1919 года. Генералъ Волковъ. № 2642.

Ропотъ среди армін все усиливался. Тяжелое отступленіе полуразд'ятых в частей продолжалось безъ надежды остановить его, чтобы дать краснымъ сильный отпоръ и снова перейти въ наступленіе. Вм'яст'я съ т'ямъ развилась до небывалыхъ пред'явловъ и пропаганда въ тылу. Въ результат'я всего падала самая в'яра въ усп'яхъ д'яла, исчезала надежда на скорую конеч-

ную побъду, терялся смыслъ дальнъйшихъ жертвъ.

Въ такой обстановкѣ тылъ началъ теперь спѣшно подавать на фронтъ пополненія. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, съ нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ требованій порядка: такъ зачастую поѣзда съ пополненіемъ простаивали сутками на станціяхъ или разъѣздахъ, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, вѣрили самымъ вздорнымъ слухамъ, легко поддавались обману и агитаціи. Наконецъ эти голодныя и распрапогандированныя маршевыя роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначал'в пробовали ихъ вливать въ полки, которые таяли съ каждымъ днемъ, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовыя предательства. Только что прибывшее пополненіе, получивъ приказъ идти въ наступленіе, выб'вгало поднявъ вверхъ винтовки, обращенныя прикладами въ небо, передавалось на сторону красныхъ и открывало огонь по своимъ.

Почти всв офицеры въ такихъ полкахъ гибли....

Палъ Петропавловскъ. Арміи неудержимо катились на востокъ. Омскъ, гдѣ оставался до сихъ поръ и Верховный Правитель и всѣ министерства, былъ уже подъ угрозой съ фронта и съ сѣвера, отъ Тобольска. И не только подъ угрозой, — Омскъ былъ уже обреченнымъ, такъ какъ спасти его могло только чудо; человѣческія усилія были не въ состояніи этого сдѣлать въ той обстановкѣ, которая создалась къ этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всёхъ насъ на фронте, всю армію. Сделанный ею подвигъ, одержанная на Тоболе победа, сознаніе близкаго и окончательнаго разгрома красныхъ, — все пошло прахомъ.... И не было надежды на

новое улучшение, на перемъну...

4 Ноября меня вызваль въ Омскъ телеграммой адмиралъ Колчакъ. Когда на слъдующій день утромъ я подъвзжаль къ его особняку, меня обогналъ автомобиль Главковостока генерала Дитерихса. Адъютантъ Верховнаго Правителя просилъ подождать въ пріемной.

Большая комната съ длиннымъ столомъ, покрытымъ малиновымъ сукномъ, съ высокими стульями, разставленными кругомъ, по казенному; столъ, за которымъ обыкновенно происходили засъданія совъта министровъ. Два большихъ венеціанскихъ окна выходили на Иртышъ. Могучая, величавая ръка катила свои мутныя воды, а за ней растилалась безконечная Сибирская равнина. Весной она зеленъла и блестъла молодыми всходами, объщая свътлое будущее, какъ бы укръпляя надежду на наше возрождение къ осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли мъсяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти къ полной побъдъ, — все начало рушиться. Какая то темная сила сводила на нътъ великія жертвы, труды и усилія.

Мрачно становилось на душѣ. Преступнымъ представлялось то, что сдѣлали съ арміей, съ этими сотнями тысячъ лучшихъ русскихъ людей, беззавѣтно шедшихъ на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась къ тѣмъ минутамъ, когда въ этомъ же залѣ адмиралъ напутствовалъ меня въ армію послѣдними словами: «Идите на боевое дѣло, о тылѣ не безпокойтесь, я самъ справлюсь съ нимъ....»

У стѣны, свади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками съ адресами, подношеніями разныхъ городовъ, заводовъ и общественныхъ организацій изъ мѣстностей, освобожденныхъ отъ большевиковъ. Такъ знаменательны и полны вѣры были надписи на нихъ; какими жалкими и безпомощными, оставленными, выглядѣли онѣ теперь....

Разговоръ въ кабинетъ Верховнаго Правителя становился, видимо, все горячъе; временами доносился его голосъ, доходящій до крика. Прошло минутъ сорокъ. Раздался звонокъ, пробъжалъ черевъ залу адъютантъ и вернулся съ докладомъ,

что адмиралъ проситъ меня войти.

4.

Верховный Правитель и генераль Дитерихсь сидъли за столомъ, одинъ противъ другого съ лицами, выражавшими большія переживанія, причемъ впервыя за все время я видъль въ глазахъ адмирала такую сильную усталость, доходившую почти до отчаянія. Повдоровавшись, онъ попросиль меня сѣсть и сдѣлать подробный докладъ о состояніи арміи, о причинахъ

неудачъ, о возможныхъ видахъ на будущее.

Мой докладъ былъ краткій, основанный на фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, отчетъ того, что сдѣлала армія, что она готова была сдѣлать для Родины и что сдѣлала съ арміей преступная бездѣятельность тыла. Армія дала высшее напряженіе и побѣду; полуодѣтая, плохо снабженная наша армія гнала красныхъ на сотни верстъ и, если бы ее поддержали хоть немного, она разсѣяла бы дивизіи большевиковъ, отбросила бы ихъ за Уральскія горы. И тогда путь на Москву былъ бы чистъ, тогда весь народъ пришелъ бы къ намъ и открыто сталъ подъ знамя адмирала. Большевики и прочая соціалистическая нечисть были бы уничтожены свѣтлымъ гнѣвомъ народныхъ массъ — съ корнемъ.

Но, какъ будто нарочно, тылъ не присылалъ ни одного вагона теплой одежды, ни пополненій, ни офицеровъ, даже хлѣбъ и фуражъ доставлялись въ армію не регулярно, несмотря на большіе вапасы и обильный урожай, бывшій въ Сибири въ томъ году.

Полки и батареи таютъ. Большинство лучшихъ офицеровъ и солдатъ выбито. Армія отступаетъ, какъ левъ, отбиваясь на каждомъ шагу; ни одна пушка, ни одинъ пулеметъ не брошены врагу. Но за что люди гибнутъ? Что въ будущемъ?

Въра въ успъхъ, при настоящихъ условіяхъ исчезаетъ. Предательство, выразившееся въ томъ, что правительство мирволило соціалистамъ-революціонерамъ, которые развалили тылъ, погубило все дъло и свело на нътъ все, сдъланное арміей, великій подвигъ ея.

«— Къ сожалънію въ арміи, начиная отъ стрълка и кончая ея командующимъ, нътъ теперь въры, что настоящее правительство способно исправить положение. Армія не въритъ ему...»

Меня перебилъ генералъ Дитерихсъ вопросомъ:

- «— Говоря о правительствъ, Вы подразумъваете Верховнаго Правителя и совътъ министровъ, или раздъляете ихъ?»
- «— Армія по прежнему предана Верховному Правителю, никто не сомнѣвается, что не онъ виновать въ томъ, что сдѣлалъ тылъ. Я говорилъ только о совѣтѣ министровъ, который и до сихъ поръ имѣетъ въ своемъ составѣ соціалистовъ.»
- «— Значитъ Вы считаете, что Верховный Правитель долженъ остаться во главѣ?»
- «— Болѣе того, я считаю, что всякая перемѣна въ командномъ составѣ, а тѣмъ болѣе въ верховномъ командованіи, была бы гибельна для дѣла...»

Адмиралъ глубоко вадохнулъ, тяжело повернулся въ креслѣ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ, повышеннымъ и дрожашимъ голосомъ:

«— А Его Превосходительство генералъ Дитерихсъ откавывается быть главнокомандующихъ и просилъ меня уволить

его въ отпускъ.»

Я всего ожидаль, но не этого. Въ такую минуту, когда требовалось напряжение всёхъ и каждаго, этотъ примеръ даль бы самые плачевные результаты.

— «Что Вы думаете? —» спросилъ меня адмиралъ Колчакъ.

— «Разръшите говорить откровенно: когда стрълокъ покидаетъ свой постъ въ цъпи, — его предаютъ военно-полевому суду и разстръливаютъ; то же самое, если офицеръ оставитъ свою роту, батарею или полкъ. Я считаю, что и главнокомандующій одинаково отвътствененъ и не имъетъ права въ трудную минуту покинуть свой высокій постъ.»

Адмиралъ волновался видимо все больше и началъ объяснять причины, почему онъ считалъ себя обязаннымъ согласиться на просьбу главнокомандующаго. Оказалось, что генералъ Дитерихсъ отдалъ приказъ о выводъ въ тылъ всей первой армии генерала Пепеляева, причемъ перевозка ея по желъзной дорогъ уже началась; этимъ обнажался весь правый флангъ боевого

фронта.

«— Въ то время, когда я хочу всѣ усилія бросить на защиту Омска, я считаю выводъ арміи Пепеляева безумнымъ дѣломъ. Вопросъ объ уходѣ генерала Дитерихса мною уже рѣшенъ, вакончилъ адмиралъ Колчакъ разговоръ, отпустивъ насъ обоихъ.

Черезъ часъ я былъ позванъ снова. Адмиралъ вадалъ мнѣ вопросъ, кого я посовѣтовалъ бы ему назначить главнокомандующимъ. Трудно было отвѣтить на это; я доложилъ мое мнѣніе, что одинъ изъ наиболѣе дѣльныхъ помощниковъ его былъ начальникъ штаба генералъ Лебедевъ, котораго и слѣдовало бы вернуть на мѣсто. Верховный Правитель соглашался съ этимъ, но заявилъ, что не считаетъ это возможнымъ, что, благодаря интригамъ, имя генерала Лебедева очень непопулярно въ общественности.

— «Да, генералъ Лебедевъ былъ всегда открытымъ противникомъ соціалистовъ всёхъ партій, почему имъ и надо было убрать его. Но это не причина...»

Адмиралъ Колчакъ обратился ко мнъ:

— «А Вы согласились бы занять постъ главнокомандующаго?»

Я ръшительно отказался, ссылаясь на то, что я связанъ съ 3-й арміей, что миъ дороги и эта связь и самое дъло, съ которымъ я справляюсь.

Адмиралъ настаивалъ. Вечеромъ онъ выввалъ меня третій разъ и заявилъ, что не можетъ придти къ другому рѣшенію и приказываетъ мнѣ принять постъ главнокомандующаго Восточнымъ фронтомъ. Это онъ повторилъ и передъ малымъ совѣтомъ министровъ, собраннымъ въ тотъ же вечеръ въ его домѣ для обсужденія тогдашняго чрезвычайно труднаго и сложнаго положенія.

Мнъ приходилось подчиниться прикаву. Нерадостныя,

черныя были перспективы.

Армія неудержимо катилась на востокъ. Эвакуація была ватруднена до невозможности, такъ какъ до самаго послѣдняго времени не было предпринято никакихъ шаговъ для вывоза огромнѣйшихъ военныхъ складовъ въ Омскѣ, — наоборотъ до конца октября все прибывали новые транспорты съ различными снабженіями. Надо было собирать и эвакуировать огромныя министерства, спасать раненыхъ, больныхъ и семьи военныхъ.

Вдобавокъ ко всъмъ трудностямъ прибавилась еще одна: въ 1919—1920 году вима была исключительно теплая, сравнительно съ обычной сибирской; въ первой половинъ ноября моровы все время колебались между двумя-тремя градусами тепла и пятью морова. По Иртышу шла шуга (мелкій ледъ); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромныя переправы. Наши арміи надвигались къ Иртышу и становились передъ неравръшимой вадачей, какъ совершить переправу черевъ вту огромную ръку. Какой-либо маневръ подъ Омскомъ былъ совершенно невозможенъ.

И въ то же время армія все болѣе и болѣе таяла, оставшись одѣтой по лѣтнему. А въ тылу были накоплены колоссальные вапасы, такіе что ихъ не могла бы испольвовать вдвое большая,

чвиъ наша, армія!

На засъдании совъта министровъ я повторилъ мой докладъ, обратилъ внимание на всъ эти трудно исправимые минусы, вызвавите полнъйший крахъ осенней операции, и предупредилъ, что на защиту Омска расчитывать нельзя, что можетъ быть удасться собрать резервъ къ востоку отъ Иртыша и тамъ дать

краснымъ генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно не удержаниемъ Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; всв силы надо было направить къ двумъ главнъйшимъ цълямъ: спасти кадры армии и удержать ими фронтъ въ дефиле примърно на линии Маринска; въ то же время сильными, дъйствительными мърами, не считаясь ни съ чъмъ, надо было очистить тылъ и привести его въ порядокъ. Изгнать преступную бюрократическую бездъятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнъй-

шаго предательства соціалистами; объявить партію эсъ-эровъ противугосударственной, врагами народа; наладить жизнь населенія въ самыхъ проствинихъ и необходимъйшихъ ея формахъ и обратить усилія всъхъ и всего для боевого фронта. Работать виму не покладая рукъ, и тогда къ веснъ можно было расчитывать на новое успъшное наступленіе, особенно, когда населеніе Западной и Средней Сибири узнало бы на своихъ спинахъ всю прелесть большевизма.

Вотъ была общая программа, которая стояла передо мной, и которая была набросана передъ совътомъ министровъ; это былъ единственный шансъ на успъхъ. При этомъ выдвигалось необходимымъ установление фактически военнаго управления вплоть до Тихаго Океана, выявление новаго лозунга — движение для возрождения России по ея историческому пути съ принятиемъ праваго курса политики внутри страны, а вмъстъ съ тъмъ и направление внъшней политики только въ интересахъ дъла возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретныхъ договоровъ съ странами дъйствительно дружески дъйствующими по отношению къ нашему Отечеству.

Съ другой стороны — настоятельно необходимо было отказаться разъ на всегда отъ угодничества передъ тъми иностранцами, которые вели въ Сибири политику «бельэтажа интернаціонала», оказывали поддержку эсъ-эрамъ, заставляли наше правительство плясать подъ ихъ дудку, вредили національ-

ному воскресенію Россіи.

Тяжелый былъ моментъ, но выходъ видълся, хотя и загроможденный гигантскими препятствіями, осложненный сверхчеловъческими трудностями, но все же выходъ прямой, вытекающій изъ силъ и средствъ, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознание долга идти и вести къ этому выходу — заставили меня принять обязанность главно-командующаго и взвалить себѣ на плечи огромную, сверхсильную ношу. Въ тотъ же день, когда я прівхаль въ Омекъ, а генералъ Дитерихсъ уважалъ отдѣльнымъ повадомъ во Владивостокъ, мнѣ ясно представилось, какъ въ случав не только неудачи, а временныхъ неуспѣховъ будутъ со всѣхъ сторонъ выдвигаться все повыя и новыя препятствія и врагами будутъ пущены въ ходъ всѣ средства. Особенно ввиду того, что проведеніе основного плана въ его цѣломъ возможно было лишь при твердомъ, систематическомъ курсѣ, при суровыхъ, а подъ часъ и жестокихъ мѣрахъ. Какъ же иначе было бороться и желать побѣдить еврейскую безпощадную диктатуру надърусскимъ народомъ, правящую подъ фирмой «большевиковъкоммунистовъ».

Адмиралъ Колчакъ просилъ сдѣлать все возможное, чтобы попытаться спасти Омскъ и сейчасъ же отдалъ приказъ о возвращени 1-й Сибирской арміи на фронтъ. Когда на другой день по прибыти въ эту сибирскую столицу я прівхалъ вечеромъ въ особнякъ Верховнаго Правителя для обсужденія плана двйствій, въ кабинств адмирала я васталъ командующаго 1-й арміей, генерала Пепеляева. Въ первый разъ я видвлъ этого печальнаго героя контръ-революціи. Широкій въ плечахъ, выше средняго роста, съ круглымъ, простымъ лицомъ, упрямыми, сврыми глазами, смотрвшими бевъ особо яркой мысли изъ-подъ низкаго лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкій, сдавленный голосъ и умышленно неряшливая одежда, — вотъ обликъ этого офицера, который былъ природой преднавначенъ командовать батальономъ, въ лучшемъ случав полкомъ, но котораго капризъ судьбы и опека соціалистовъ выдвинули на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Адмиралъ встрътилъ меня словами:

— «Вотъ, генералъ Пепеляевъ убъждаетъ не останавливать его армію, дать ей возможность сосредоточиться по желъз-

ной дорогь въ тылу.»

Я отвъчалъ, что это невозможно, такъ какъ желъзная дорога нужна для эвакуаціи, а армія генерала Пепеляева необходима для операцій на фронтъ. Генералъ получитъ прикавъ и инструкціи сегодня же вечеромъ въ моемъ штабъ.

Пепеляевъ поднялся во весь ростъ, посмотрѣлъ въ упоръ изъ подъ нависшаго сморщеннаго складками лба на адмирала:

— «Вы мнѣ вѣрите, Ваше Высокопревосходительство?» спросиль онъ какимъ то надломленнымъ голосомъ.

- «Вѣрю, но въ чемъ же дѣло?»

Пепеляевъ тогда перекрестился на стоявший въ углу образъ, ръвко и отрывисто, ударяя себя въ грудь и плечи.

— «Такъ вотъ Вамъ крестное знаменіе, что это невозможно, — если мои войска остановить теперь, то они вабунтуются.»

Около двухъ часовъ шелъ споръ. Пепеляевъ пускалъ всѣ способы не доводовъ и убѣжденія, а прямо устрашенія. Въ концѣ концовъ адмиралъ махнулъ рукой и согласился не останавливать арміи Пепеляева, а направить ее въ раіоны, указанные еще генераломъ Дитерихсомъ, т. е. въ города Томскъ, Новониколаевскъ и на востокъ до Иркутска.

Этимъ рѣшеніемъ выводилось изъ строя на менѣе четверти бойцовъ, правый флангъ обнажался и на двѣ остальныя арміи возлагалась задача непосильная.

Я доложилъ Верховному Правителю, что не могу при такомъ отношении къ приказу оставаться главнокомандующимъ и снова настаивалъ на возвращение меня въ 3-ю армію. Адмиралъ, усталый и подавленный тъмъ страшнымъ бременемъ, которое онъ несъ уже цълый годъ, началъ уговаривать меня

и просилъ остаться, чтобы вм'вст'в выполнить общими усиліями главный планъ зимней работы.

Цълый рядъ сумбурныхъ дней, полныхъ неизвъстности, полныхъ работы среди какихъ то дикихъ невозможностей. Армія каждый день приближалась верстъ на 15—20. Опасность росла, а эвакуація ватруднялась все сильнѣе. А тутъ надо было отправлять всѣ иностранныя, союзническія миссіи, котя бы главнѣйшіе аппараты министерствъ. Иртышъ не становился, продолжался ледоходъ. Предстояло, видимо, повернуть армію, не доходя до Иртыша, на югъ, съ цѣлью отвести ее затѣмъ въ Алтайскій раіонъ. Я сдѣлалъ приготовленія, чтобы ѣхать въ армію и быть при ней. Адмиралъ колебался, то рѣшая ѣхать со мной, то склоняясь на поѣздку въ Иркутскъ, куда переѣзжалъ совѣтъ министровъ и главнѣйшіе аппараты управленія. Кромѣ того все время стоялъ трудный вопросъ съ золотымъ запасомъ, котораго было 28 вагоновъ, полной нагрузки, т. е. двадцать восемь тысячъ пудовъ.

Наконецъ 10 ноября хватилъ моровъ. Иртышъ сталъ. Ледъ крѣпнулъ. Переправа для войскъ была обевпечена. Было рѣшено вакончить спѣшно ввакуацію, уничтожить всѣ военные вапасы въ Омскѣ и отводить арміи на востокъ; собрать резервы на линіи города Татарска или, если не успѣемъ, то на линіи Томскъ-Новониколаевскъ, чтобы тамъ дать сраженіе всѣми силами, включая и армію генерала Пепеляева.

Войска наши не разлагались, нѣтъ, они только безумно устали, извѣрились и ослабли. Поэтому отходъ ихъ на востокъ дѣлался все быстрѣе, почти безостановочнымъ.

Пять литерныхъ повадовъ, составлявшихъ личный штабъ Верховнаго Правителя (одинъ изъ нихъ былъ съ золотымъ запасомъ) вывхали изъ Омска 13 ноября; я дождался прівада командующихъ арміями генераловъ Каппеля и Войцеховскаго и 14-го Ноября, послів совівщанія съ ними, вывхалъ изъ Омска съ моимъ штабомъ.

А 15-го ноября утромъ красные съ сѣвера обощли бывшую столицу Сибирскаго Правительства, и наши войска принуждены были оставить линію рѣки Иртыша. Омскъ палъ....

На десятки версть слышались оглушительные вврывы, которыми уничтожали многотысячные Омсніе запасы снарядовъ, патроновъ и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченныя ихъ радіо торжествовали полную побёду.

5.

Но это было не такъ. Передъ нами лежалъ рядъ задачъ, которыя нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба ва Россію была бы доведена до конца, до нашей побъды.

Фактически армія теперь сошла на задачу прикрытія звакуаціи — сплошной ленты по вздовъ, вывозящихъ на востокъ раненыхъ и больныхъ, семьи офицеровъ и солдатъ, а также тъ запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армія свелась въ сущности къ цѣлому ряду небольшихъ отрядовъ, которые все еще были въ порядкѣ и въ управленіи, такъ какъ состояли они изъ отборнаго, лучшаго въ мірѣ элемента. Сохранилась организація. Но духъ сильно упалъ. До того, что проявлялись даже случаи невыполненія боевого приказа. На этой почвѣ командующій 2-й арміей генералъ Войцеховскій принужденъ былъ лично застрѣлить изъ револьвера командира корпуса генерала Гривина, который наотрѣзъ отказался подчиниться боевому приказу задержать корпусъ и дать краснымъ отпоръ, а заявилъ, что онъ поведетъ свои полки прямо въ Иркутскъ, къ мѣсту ихъ первоначальнаго формированія; на предложеніе Войцеховскаго сдать командованіе корпусомъ Гривинъ отвѣтилъ также отказомъ.

По пути, отъ Омска до Татарска, была сдѣлана соціалистами попытка крушенія поѣзда съ волотомъ, но охрана оказалась надежной и не дала злоумышленникамъ расхитить государственную казну. Министръ путей сообщенія Уструговъ руководиль звакуаціей, находясь все время на самыхъ тяжелыхъ участкахъ. Главная трудность заключалась въ томъ, что не хватало на всѣ эшелоны паровозовъ. Поѣзда простаивали по нѣсколько сутокъ на небольшихъ станціяхъ и разъѣздахъ, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снѣгомъ. Безъ воды, безъ пищи и безъ топлива, зачастую замерзая.

Съ каждымъ днемъ положение ухудшалось, такъ какъ число эвакуируемыхъ эшелоновъ постепенно все возростало; вскоръ желъзно-дорожный вопросъ принялъ размъры катастрофы. Дъло въ томъ, что чехо-словаковъ, это главное воинство интервенци въ Сибири, охватила паника, и они произвели въ тылу страшное дъло.

Расквартированы чехи были такъ: первая дивизія на участкъ Иркутскъ-Красноярскъ, вторая дивизія — въ Томскъ, а третья занимала Красноярскъ и города западнъе его, до Новониколаевска. 5-я польская дивизія имъла главную квартиру въ Новониколаевскъ и располагалась на югъ до Барнаула и Бійска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизіи полковнику Румшъ (бывшему русскому офицеру), ръшили драться противъ большевиковъ совмъстно съ нашей арміей и просили вывезти по желъзной дорогъ только ихъ

госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсъмъ иначе повели себя внаменитые чехо-словације легіоны.

Какъ испуганное стадо, при первыхъ извъстіяхъ о неудачахъ на фронтъ, бросились они на востокъ, чтобы удрать туда подъ прикрытіемъ Русской арміи. Разнузданные солдаты ихъ, доведенные чешскимъ комитетомъ и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы у всъхъ нечешскихъ эшелоновъ; не останавливались ни передъ чъмъ.

Въ силу этого наиболъе труднымъ участкомъ желъзной дороги сдълался узелъ станціи Тайга, такъ какъ здъсь выходила на магистраль Томская вътка, по которой теперь двигалась самая худшая изъ трехъ чешскихъ дивизій — вторая. Ни одинъ поъздъ не могъ пройти восточнъе ст. Тайга; на востокъ же отъ нея двигались безконечной лентой чешскіе эшелоны, увозящіе не только откормленныхъ на русскихъ хлъбахъ нашихъ же военноплънныхъ, но и награбленное ими, подъ покровительствомъ Антанты, русское добро. Число чешскихъ эшелоновъ было непомърно велико, — въдь на пятьдесятъ тысячъ чеховъ, какъ уже упоминалось выше, было захвачено ими болъе двадцати тысячъ русскихъ вагоновъ.

Западнъе станціи Тайга образовалась жельзнодорожная пробка, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась. Въ то же время красная армія, подбодренная успъхами, продолжала наступленіе, а наши войска, сильно поръдъвшія и утомленныя, не могли остановить большевиковъ. Отходъ бълой арміи про-

должался въ среднемъ по десять верстъ въ сутки.

Изъ эшелоновъ, стоявшихъ западнѣе Новониколаевска, раздавались мольбы, а затѣмъ понеслись вопли о помощи, о присылкѣ паровозовъ. Помимо риска попасть въ лапы красныхъ, вставала и угроза смерти отъ мороза и голода. Завывала свирѣпая сибирская пурга, усиливая и безъ того крѣпкій морозъ. На маленькихъ разъѣздахъ и на перегонахъ между станціями стояли десятки эшелоновъ съ ранеными и больными, съ женщинами, дѣтьми и стариками. И не могли двинуть ихъ впередъ, не было даже возможности подать имъ хотя бы продовольствіе и топливо. Положеніе становилось поистинѣ трагическимъ: тысячи страдальцевъ русскихъ, обреченныхъ на смерть, — а съ другой стороны десятки тысячъ здоровыхъ откормленныхъ чеховъ, стремящихся цѣною жизни русскихъ спасти свою шкуру.

Командиръ чешскаго корпуса Янъ Сыровой увхалъ въ Красноярскъ, ихъ главнокомандующій, глава французской миссіи, генералъ-лейтенантъ Жананъ сидвлъ уже въ Иркутскъ; на всъ телеграммы съ требованіемъ прекратить преступныя бевобравія чешскаго воинства оба они отвъчали, что безсильны

остановить «стихійное» движеніе. Вскор'в Янъ Сыровой приняль вдобавокъ недопустимо наглый тонъ въ его отв'тахъ, ваваливая всю вину на русское правительство и командованіе, обвиняя

ихъ въ «реакціонности и недемократичности».

Невольно возникаетъ мысль о томъ, что многое здъсь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамфреннымъ преступлениемъ. Какъ уже указывалось въ главъ І-й, руководители чехо-словановъ снюхались съ самаго начала съ эсъ-эрами; они поддержали учредиловцевъ, бевславный Комучъ, спасли отъ офицерскаго суда «селянскаго министра» Виктора Чернова и принесли много другого вреда Россіи. Политическій же чешскій комитеть провель большую работу также и въ подпольной подготовкъ эсъ-эрами варыва русскаго дъла въ Сибири. Есть полное основание предполагать, что всъ эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и др. являлись даже одними изъ заправилъ эсъ-эровскаго комплота въ нашемъ тылу. Поэтому та разруха и ломка транспорта, которую внесли стада чешскихъ легіонеровъ, были, надо думать, однимъ изъ дъйствій, проведенныхъ по программ'в эсъ-эровъ, этихъ върныхъ союзниковъ-товарищей большевиковъ. По крайней мъръ факты говорять за то.

Въ эти дни ноября 1919 года наступило самое тяжелое время для русскихъ людей и арміи; всѣ ея усилія и подвиги за весну, лѣто и осень 1919 года были сведены преступленіями тыла на нѣтъ. Заколебались уже и самыя основанія зданія, именовавшагося Омскимъ Правительствомъ. Выступила наружу тайная, темная сила, начали выходить изъ подполья дѣятели соціалистическаго заговора. Сняли маски и тѣ изъ нихъ, которые до сей поры прикидывались друзьями Россіи.

Среди послъднихъ оказались, кромъ руководителей чехословацкаго воинства, также въ большинствъ и представители нашихъ «союзниковъ». Къ концу ноября все это объединилось къ востоку отъ Красноярска, образовало свой центръ въ Иркутскъ и начало переходить къ открытымъ враждебнымъ дъйствіямъ, ожидая лишь удобнаго момента, чтобы ударить сзади и раздавить бълое освободительное движеніе, — совмъстно съ большевиками, съ ихъ красной арміей, наступавшей съ запада.

Мы были поставлены между двумя вгажескими силами: съ фронта большевики, съ тыла родственные имъ эсъ-эры со всей своей организаціей, съ чехо-словаками, съ могучей поддержкой Антанты. И эта вторая опасность была значительно больше первой, она сильнъе угрожала жизни Россіи. Необходимо было всъ усилія обратить на ликвидацію эсъ-эровъ, съ корнемъ уничтожить заговоръ, образовавшійся въ тылу.

Въ это время Верховный Правитель и штабъ находились въ Новониколаевскъ. Былъ намъченъ слъдующий планъ дъй-

ствій: армія будетъ медленно и планомѣрно, прикрывая эвакуацію, отходить въ треугольникъ Томскъ-Тайга-Новониколаевскъ, гдѣ къ серединѣ декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армія перейдетъ въ наступленіе, чтобы сильнымъ ударомъ отбросить силы большевиковъ на югъ, отрѣвая ихъ отъ желѣзной дороги. Въ то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами былъ намѣченъ одновременный арестъ и преданіе военно-полевому суду всѣхъ руководителей заговора въ тылу, всѣхъ парійныхъ эсъ-эровъ въ Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ.

Были приняты рѣзкія мѣры къ привлеченію всѣхъ здоровыхъ офицеровъ и солдатъ въ строй, для усиленія фронта, а также для созданія въ тылу надежныхъ воинскихъ частей.

Чехамъ и ихъ главарю Сыровому было заявлено, что, если они не перестанутъ мѣшаться въ русскія дѣла и своевольничать, то русское командование готово идти на все, включительно до примъненія вооруженной силы. Одновременно командующему Забайкальскимъ военнымъ округомъ генералу атаману Семенову быль послань шифрованной телеграммой прикавь ванять всв тонели на Кругобайкальской желваной дорогв; а въ случав, если чехи не измвнять своего безпардоннаго отношенія, не прекратять безобразій, будуть также нагло рваться на востокъ и поддерживать эсъ-эровъ, — то приказывалось одинъ изъ этихъ тонелей взорвать. На такую крайнюю мъру Верховный Главнокомандующій пошель потому, что чаша терпънія переполнилась: чехословацкіе полки, пуская въ ходъ оружіе, продолжали отнимать всв паровозы, задерживали всв повада; въ своемъ стремлении удрать къ Тихому Океану они оставляли на страшныя муки и смерть тысячи русскихъ раненыхъ, больныхъ, женщинъ и детей. А Жанэнъ и Янъ Сыровой занимались легкимъ уговариваніемъ этого безславнаго воинства развращенныхъ, откормленныхъ чешскихъ легіонеровъ, и на всь требованія русскихъ властей отвічали уклончивыми канцелярскими отписками.

Слъдующимъ важнымъ мъропріятіемъ было вовложеніе охраны на мъстахъ и мобиливаціонныхъ функцій на само населеніе, главнымъ образомъ на крестьянство, подъ руководствомъ и наблюденіемъ военныхъ властей. Выяснилось совершенно опредъленно, что крестьяне Сибири, въ большинствъ своемъ, искренно желаютъ оказать Верховному Правителю всякую поддержку, что они стоятъ непримиримо противъ большевиковъ и другихъ соціалистовъ, стремятся только къ одному: не пустить къ себъ красныхъ, уничтожить всъ шайки внутри областей, а затъмъ вернуться къ прежней русской спокойной жизни. Цълый рядъ депутацій изъ самыхъ разно-

обравных угловъ Западной и Средней Сибири, отъ горожанъ, крестьянъ и инородцевъ, множество телеграммъ — выражали горячую рѣшимость поддержать Верховнаго Правителя и армію. Крестьянская масса вдѣсь была настроена не только въ тонъ бѣлому движенію, но еще опредѣленнѣе, правѣе его офиціальнаго курса: крестьяне ждали и вѣрили, что будетъ открыто поднятъ настоящій національный стягъ, громко будетъ прововглашенъ исконный русскій ловунгъ: «За Вѣру, Царя и Отечество».

Но теперь, когда силою непреодолимой логики событи подошли къ правильному и единственному ръшению, обнаружилось, что слишкомъ много было потеряно времени, — еще равъ и такъ полно подтвердилась истина, что «потеря времени

смерти невозвратной подобна есть».

Будь всѣ эти мѣры проведены тремя-четырымя мѣсяцами раньше, когда мы были сильны на фронтѣ, а вся вражеская нечисть не усиѣла еще опериться и не сплотилась, — намъ удалось бы сравнительно легко ликвидировать ее, русское національное дѣло было бы спасено. Къ концу же ноября мы имѣли противъ себя уже окрѣпшую вражескую организацію, упорство и увѣренность руководителей (семитовъ по преимуществу) эсъ-эровско-союзническаго комплота. Они сумѣли всюду втереться сами, или впустить своихъ агентовъ, которыхъ въ то неустановившееся время они вербовали всюду.

Въ Новониколаевскъ население, богатос, старо-вавътное, чисто русское, образовало свой общественный комитеть для руководства и усиленія добровольческаго движенія; мнв пришлось лично видъть ихъ и говорить съ ними, -- все это были честные, скромные, искренніе люди, любящіе Россію больше всего и дъйствительно желавше принести ей пользу. Но именно скромные, а потому невольно отчасти и инертные. И вотъ къ нимъ ватесались, примававшись къ дълу, а ватъмъ и вахватывая его, нъсколько темныхъ личностей, работавшихъ на тотъ же ваговоръ. Они носили къ тому же личину націонализма и скорби о Россіи. Полу-жидъ, полу-полякъ Л. горбунъ, газетный кореспонденть, на германскомъ фронтв еще состоявшій подъ подоврвніемъ въ шпіонажв, выгнанный генераломъ Деникинымъ изъ Добровольческой армін; рядомъ съ нимъ Ж., священникъ бевъ прихода, но за то проникнутый демокративмомъ и писавшій въ газетахъ либеральныя статьи, присяжный повъренный В., оказавшийся на повърку тайнымъ партинымъ эсъ-эромъ. И напускали же они туману! Такъ было почти во всемъ, по всему тылу.

Но несмотря на это, бѣлой Русской національной арміи было бы вполнѣ по силамъ справиться со стоявшей передъ нею задачей, если бы эсъ-эровская измѣна не свила гнѣзда и внутри нея. Какъ было указано во II-й и III-й главахъ, дѣло началось съ Гайды; соціалисты-революціонеры сумѣли обойти его, окруживъ тонкой интригой и обработавъ грубой лестью; они проникли въ штабъ Сибирской арміи а оттуда въ ея корпуса и дивизіи. Къ несчастью генералъ Дитерихсъ, ставшій во главѣ Сибирской арміи, когда Гайда былъ выгнанъ, видимо, не понялъ всей опасности, не принялъ мѣръ къ искорененію заразы. А зараза эта по мѣрѣ отступленія развивалась все больше и охватывала не столько войсковыя массы 1-й арміи, сколько верхи ея командованія, причемъ и самъ командующій этой арміей, генералъ А. Пепеляевъ попался въ сѣти и тайно состоялъ въ партіи. Всѣ назначенія на командныя должности были проведены имъ такъ, что отвѣтственные, руководящіе посты получали только свои люди.

Паутина плелась очень хитро, осторожно и почти неуловимо для посторонняго глаза; пускались въ ходъ самый беззастънчивый обманъ и ложныя увъренія. Такъ, А. Пепеляевъ, говоря съ глазу на глазъ со своими начальниками, увърялъ ихъ дрожащимъ голосомъ, что самъ онъ, по своимъ убъжденіямъ,

монархистъ.

Вторично главнокомандующій генералъ Дитерихсъ не поняль всей опасности, или не дооцѣниль ее, когда онъ отдаль приказъ о вывозѣ 1-й Сибирской арміи въ тылъ. Этимъ передавалась въ руки эсъ-эровъ русская вооруженная сила, въ тылу нашей героической арміи укрѣплялась вражеская циталель.

Характеренъ изъ того времени и нравовъ такой эпизодъ. Въ Новониколаевскъ, при выводѣ 1-й Сибирской армии въ тылъ, была назначена гарнизономъ средне-сибирская дивизія, во главѣ которой Пепеляевъ только-что передъ тѣмъ поставилъ молодого, очень храбраго, но совершенно сбитаго съ толку и втянутаго въ политику, двадцатишестилѣтняго полковника Ивакина. Когда я потребовалъ его къ себѣ для доклада о состояніи дивизіи, оказалось, что полковника въ городѣ нѣтъ, еще не пріѣхалъ. Черевъ два дня, — тоже нѣтъ; наконецъ, послѣ третьяго приказа является, дѣлаетъ докладъ, а затѣмъ проситъ разрѣшенія говорить откровенно.

- «Въ чемъ дѣло?»

- «Я оттого запоздаль, Ваше Превосходительство, что въ пути ко мнѣ пріѣхали земскіе дѣятели, привезли штатское платье и убѣждали спасаться, будто Вы меня арестовать собираетесь...»
 - -- «За что?»

^{— «}Да они толкомъ не объяснили, а много говорили, что Вы недовольны 1-й Спбирской арміей за то, что она всъ-арамъ сочувствуєть».

- •А развъ правда, что въ Вашей арміи есть сочувствіе

эсъ-эрамъ?»

— «Такъ точно, иначе быть не можетъ: наша армія Сибирская, а вся Сибирь — эсъ-эры,» бойко, не задумываясь, отрапортоваль этотъ полу-мальчикъ, начальникъ дивизіи.

У меня въ вагонъ сидъли мой помощникъ генералъ Ивановъ-Риновъ и начальникъ штаба, которые не могли удержаться отъ смъха, — до того наивно и ребячески безсмысленно было заявленіе Ивакина. Разсмъялся и самъ авторъ этого политическаго

афоризма.

Послѣ разъясненія полковнику Ивакину всей преступности этой игры, того, для какой цѣли пускають соціалисты такія провокаціонныя выдумки, что они хотять сдѣлать и ихъ, офицеровъ, своими соучастниками въ работѣ по разрушенію и гибели Россіи, — онъ уѣхалъ, давъ слово, что больше никакихъ штатскихъ въ дививію не пуститъ и всѣ разговоры о политикѣ прекратитъ.

Этотъ молодцеватый и храбрый русскій офицеръ произвель впечатльніе полной искренности; казалось, что онъ ясно поняль теперь ту бездну, куда влекли его политиканы-враги Россіи, — понялъ, раскаялся и даже видимо возмутился ихъ низкими

интригами.

На другой день Верховный Правитель посл'в оперативнаго доклада сказалъ мив недовольнымъ голосомъ, что черезъ приближенныхъ людей до него дошли слухи, будто полковникъ Ивакипъ собирается въ одну изъ ближайшихъ ночей арестовать его и меня. Контръ-разв'вдка штаба пров'врила настроеніе частей средне-сибирской дивизіи, которое оказалось нормальнымъ, здоровымъ отъ какой-либо эсъ-эровщины; я доложилъ это адмиралу, какъ и мой разговоръ съ Ивакинымъ. Видимо была пущена въ ходъ обычная для соціалистовъ двойная игра: старались об'є стороны уб'єдить въ опасности ареста — для каждой, чтобы вызвать его со стороны старшаго начальника и имъть предлогъ для выступленя войсковыхъ частей. Не надо забывать, что въ то время настроеніе всюду было сильно повышенное, — результатъ вс'єхъ пережитыхъ потрясеній и неудачъ.

Адмиралъ потребовалъ къ себѣ полковника Ивакина, около часу говорилъ съ нимъ и личпо выяснилъ вздорность всей этой исторіи.

Но, какъ показало дальнъйшее, слухи все же имъли основание, — работа и подготовка въ этомъ направлени велись.

Очень жаль, что приходится останавливаться на ничтожных сравнительно обстоятельствах, происходивших на фонтогдашняго титаническаго потрясенія Восточной Россіи. Но освъщеніе этихъ фактовъ необходимо, ибо они устанавливаютъ

связь всего дальнъйшаго съ тъми основными положеніями, которыя были высказаны объ эсъ-эровско-чешскомъ заговоръ противъ бълой арміи. Эти эпизоды и личности, проявлявшіяся осенью 1919 года, доказывали правильность діагноза бользни тыла, подтверждали выводы и укръпляли еще больше ръшимость въ проведеніи мъръ по ликвидаціи гнъздъ заговорщиковъ. Русское національное дъло, русская армія и будущность нашего народа требовали быстрыхъ и ръшительныхъ мъръ. Безконечно грустно, что слишкомъ поздно взялись за ихъ проведеніе.

На фронтъ усталые, измученные, одътые въ рубищахъ полки новыхъ крестоносцевъ, сражавшеся второй годъ ва Русь и Крестъ Господень противъ интернаціонала и его пентаграммы, красной звъзды. Тысячи верстъ боевого похода закалили части и сдълали ихъ стальными; бевконечные сраженія, бои и стычки выработали въ офицерахъ и солдатахъ величай-

шую выносливость, выковали храбрость.

Армія отступала, но она уже накопила опять въ себѣ силы для новаго перехода въ наступлене, для новаго расчитаннаго прыжка тигра. Весьма возможно, что на этотъ разъ уже окончательнаго, побѣднаго. А по всему огромному дикому пространству Сибири, по вѣковой тайгѣ ея, по дикимъ горнымъ хребтамъ, по безпредѣльнымъ степямъ и лѣсамъ, вплоть до самаго Тихаго океана, шелъ въ то же время сполохъ, скрытый еще, но не тайный уже; вышедшія изъ подполья темныя силы, слуги той же пентаграммы, готовили свади предательскій ударъ.

Этотъ ударъ мы замътили, разгадали вражескія козни, и было еще время отравить его, а затъмъ уничтожить съ корнемъ

гадину измѣны и предательства.

Рядъ мъръ, о которыхъ скавано выше, проводился срочно, въ внергичной, напряженной работъ. Дъло начинало налаживаться, а вмъстъ росла и увъренность, что мы переборемъ трудности, выполнимъ планъ, спасемъ Русское дъло. Несмотря на то, что положене было крайне критическое, и такъ угрожающе выглядъли признаки этого сполоха, — выходы имълись. А главное было много истинныхъ сыновъ Россіи, объединенныхъ общимъ страстнымъ желаніемъ спасти Родину; и на ихъ сторонъ были и симпатии, и силы массъ народныхъ. Была армія, сильная духомъ и не малая числомъ, имълось оружіе и боевые припасы, да къ тому же въ русскихъ рукахъ были остатки накопленнаго въками государственнаго достоянія, значительный золотой запасъ.

Впередъ можно было смотръть бодро.

— «Выгребемъ!» говорили часто мои помощники, когда совмъстно вырабатывали и проводили мъры по ликвидации измъны въ тылу.

Теперь вимою, въ концѣ ноября, настало время, когда на фонѣ Сибирской живни ярко выступили тѣ пятна, вашевелились тѣ влыя гнѣвда эсъ-эровщины, которыя подготовлялись весною и лѣтомъ и были скрыты почти ото всѣхъ главъ. Какъ волшебныя тѣни, появились они, вдругъ, сраву. Сначала Владивостокъ, Иркутскъ, затѣмъ Красноярскъ и Томскъ. И то, что многимъ представлялось весною далекой влой опасностью, почти какъ несуществующій кошмаръ, стало выявляться на яву, вставать кровавымъ привракомъ новой гражданской войны въ тылу.

Откуда былъ данъ сигналъ къ вовстаніямъ, пока покрыто неизвъстностью. Но видимо изъ Иркутска, гдъ къ этому времени сосредоточилось все тыловое: совътъ министровъ, всъ иностранныя мисси Антанты, политиканы чехо-словацкаго національнаго комитета и ихъ высшее командованіе, а также масса дъльцовъ разныхъ политическихъ толковъ, отъ кадетъ и

лѣвѣе.

Первое возстаніе разразилось во Владивостокѣ. Гайда, герой былыхъ побѣдъ и новыхъ интригъ, жившій въ отдѣльномъ вагонѣ, сформировалъ штабъ, собралъ банды чеховъ и русскихъ портовыхъ рабочихъ и 17 ноября поднялъ бунтъ, открытое вооруженное выступленіе. Самъ Гайда появился въ генеральской шинели, безъ погонъ, призывая всѣхъ къ оружію за новый лозунгъ: «Довольно гражданской войны. Хотимъ мира!»

Старое испытанное средство соціалистовъ, примѣненное ими еще въ 1917 году, передъ поворнымъ Брестъ-Литовскимъ

миромъ.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй планъ, какъ лишь нужную имъ на время куклу; были выкинуты ловунги: «Вся власть совътамъ. Да вдравствуетъ Россійская соціалистическая, федеративная, совътская республика!»

На третій день бунть быль усмирень учебной инструкторской ротой, прибывшей съ Русскаго Острова; банды разсѣяны, а Гайда съ его штабомъ арестованъ. Да и не представлялось труднымъ подавить это возстаніе, такъ какъ оно не встрѣтило ни у кого поддержки, кромѣ чешскаго штаба, да Владивостокской американской миссіи; народныя массы Владивостока были поголовно противъ бунтовщиковъ.

Адмиралъ Колчакъ послалъ телеграмму-прикавъ: судить всѣхъ измѣнниковъ военно-полевымъ судомъ, причемъ, въ случаѣ присужденія кого-либо изъ нихъ къ каторжнымъ работамъ, Верховный Правитель въ этой же телеграммѣ повышалъ наказаніе всѣмъ — до разстрѣла.

Къ сожалънію, командовавшій тогда Приморскимъ округомъ генералъ Розановъ проявилъ излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнилъ и донесъ, что еще до полученія телеграммы онъ долженъ былъ передать Гайду и другихъ съ нимъ арестованныхъ — чехамъ, — вслъдствіе требованія союзныхъ миссій.

Одновременно съ Владивостокомъ зашевелился Иркутскъ. Тамъ образовалась новая городская дума, въ составъ которой вошло на три четверти «избраннаго племени», — все махровые партійные работники. На первомъ же засѣданіи, этотъ вновь испеченный синедріонъ, вмѣсто того, чтобы заниматься городскими дѣлами, потребовалъ смѣны министровъ, назначенія отвѣтственнаго кабинета, и заговорили о томъ же, что и Влади-

востокъ, — о прекращении гражданской войны.

Но послѣ подавленія Владивостокскаго возстанія, Иркутскіе дѣльцы стихли, снова спрятались въ подполье. Командовавшему войсками, генералу Артемьеву, былъ посланъ приказъ арестовать и предать военно-полевому суду всѣхъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, членовъ этой «городской думы». Неизвѣстно, по какой-то причинѣ и этотъ приказъ не былъ выполненъ; впослѣдствій генералъ Артемьевъ доносилъ, что преступники попрятались, а производить массовые обыски и аресты помѣшали опять-таки «союзныя» миссіи и чехи.

Совътъ министровъ проявилъ не только полную растерянность и бездъятельность, но во главъ съ соціалистомъ Вологодскимъ, этимъ «vieux drapeau», готовъ былъ чуть ли не подчиниться Иркутской городской думъ.

Верховный Правитель тогда рѣшилъ смѣнить Вологодскаго и назначилъ премьеръ-министромъ Пепеляева (Виктора), брата генерала, командовавшаго 1-й Сибирской армей.

Въ связи съ этими событіями и другими признаками созрѣвшей въ тылу измѣны — было собрано въ Новониколаевскѣ, въ вагонѣ адмирала, нѣсколько совѣщаній. Искали лучшаго плана, наиболѣе выполнимаго и обезпеченнаго рѣшенія. Вы-

хода намъчалось два.

Первый — выполнение намъченной военной операци въ разонъ Томскъ-Новониколаевскъ, предоставление чехо-словакамъ убраться изъ Сибири при условии фактическаго невмъщательства въ русския дъла и сдачи русскаго казеннаго имущества, полное использование для этого Забайкалья и силъ атамана Семенова при поддержкъ японцевъ; намъченная отправка волотого запаса въ Читу подъ надежную охрану; затъмъ планомърное, систематическое уничтожение эсъ-эровской измъны и подготовка въ глубинъ Сибири силъ для новой борьбы весной.

Второй — предоставить всю Сибирь самой себъ, — пусть испытаетъ большевизмъ, переболъетъ имъ; пусть всъ «союзни-

ки» съ ихъ войсками, нашими бывшими военноилѣнными, тоже попробуютъ прелестей большевизма и уберутся изъ Сибири. Верховный Правитель съ арміей уходитъ изъ Новониколаевска на югъ, на Барнаулъ-Бійскъ, въ богатый Алтайскій край, гдѣ соединяется съ отрядами атамановъ Дутова и Анненкова и, базируясь на Китай и Монголію, выжидаетъ слѣдующей весны — для продолженія борьбы, для ея побѣднаго конца.

Адмиралъ Колчакъ отвергъ второй планъ совершенно и остановился на первомъ; но онъ категорически отказался отправить волото въ Читу. Сказалась отрыжка прошлой ссоры,

проявилось недовъріе.

Было принято въ концъ ръшеніе, что адмиралъ, а съ нимъ и волотой вапасъ, останутся непосредственно при арміи, не отдъляясь отъ нея далеко. Къ несчастью, и это ръшеніе не было выдержано до конца, что и привело, какъ будетъ видно

ниже, къ самой трагической развязкъ.

Для болъе правильнаго и успъшнаго проведения принятаго плана, ввиду полной неживненности бюрократической машины такъ называемыхъ, министерствъ, былъ обнародованъ Верховнымъ Правителемъ указъ, которымъ выше совъта министровъ ставилось Верховное Совъщаніе, составленное подъ предсъдательствомъ Верховнаго Правителя изъ главнокомандующаго, его помощниковъ и трехъ министровъ, — премьера, внутреннихъ дълъ и финансовъ. Этимъ актомъ министерства должны были свестись на простыя исполнительныя канцеляріи, причемъ предполагалось сильно сократить ихъ штаты.

Все это время я со своимъ штабомъ былъ занятъ разработкой и подготовкой новой операціи, причемъ сосредоточение и вы-

полнение ея было намъчено на середину декабря.

Чтобы легче параливовать политическія интриги генерала Пепеляева и его ближайшихъ помощниковъ, былъ заготовленъ приказъ о превращеніи 1-й Сибирской армін въ неотдѣльный корпусъ со включеніемъ его во 2-ю армію генерала Войцеховскаго.

Придя къ этимъ рѣщеніямъ и начавъ ихъ осуществление, Верховный Правитель отдалъ приказаніе перемѣстить его эшелоны и мой штабъ въ Красноярскъ.

7.

8 декабря вечеромъ повадъ моего штаба послв долгихъ задержекъ пришелъ на станцію Тайга, гдв съ утра уже находились всв пять литерныхъ эшелона Верховнаго Правителя. У семафора стоялъ броневой повадъ 1-й Сибирской арміи, къ самой станціи была стянута егерская бригада этой же арміи, личный конвой генерала Пепеляева, и одна батарея. Въ вагонв адмирала находились цвлый день оба брата Пепеляевы, — генералъ прітавшій изъ Томска, и премьеръ-министръ —

ивъ Иркутска.

Когда я пришелъ къ Верховному Правителю съ докладомъ всѣхъ подготовленныхъ распоряженій по выполненію принятаго плана, то нашелъ его крайне подавленнымъ. Пепеляевы сидѣли за столомъ по сторонамъ адмирала. Это были два крѣпко спитыхъ, но плохо скроенныхъ, плотныхъ сибиряка; лица у обоихъ выражали смущеніе, глава опущены внивъ, — сразу почувствовалось, что передъ моимъ приходомъ велись какіето непріятные разговоры. Поздоровавшись, я попросилъ адмирала разрѣшеніе сдѣлать докладъ безъ постороннихъ; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный Правитель внимательно, какъ всегда, выслушалъ докладъ о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ и началъ подписывать заготовленные приказы и телеграммы; послѣднимъ былъ приказъ реорганиваціи 1-й Сибирской арміи въ неотдѣльный корпусъ.

Адмиралъ поморщился и началъ уговаривать меня отложить вту мѣру, такъ какъ она можетъ-де вызвать большое неудовольствіе, даже волненія, а то и открытое выступленіе.

- «Вотъ,» добавилъ онъ, «и то мнѣ Пепеляевы ужъ говорили, что Сибирская армія въ сильнѣйшей ажитаціи и они не могутъ гарантировать, что меня и Васъ не арестуютъ.»
- «Какая же это армія и какой же это командующій генераль, если онь могь дойти до мысли говорить даже такъ и допустиль до такого состоянія свою армію. Тымь болые необходимо сократить его. И лучшій путь превратить вы неотдыльный корпусь и подчинить Войцеховскому.»

Верховный Правитель не соглашался. Тогда я поставилъ вопросъ иначе и спросилъ, находить ли онъ возможнымъ такъ ограничивать права главнокомандующаго, не лишаетъ ли онъ этимъ меня возможности осуществить тотъ планъ, который мною составленъ, а адмираломъ одобренъ.

— «А я не могу допустить генерала, который, хотя и въ скрытой формъ, но грозитъ арестомъ Верховному Правителю и главнокомандующему, который развратилъ ввъренныя ему войска,» докладывалъ я: «иначе я не могу оставаться главнокомандующимъ.» Все это сильно меня переволновало, что очевидно было очень замътно, такъ какъ адмиралъ Колчакъ сталъ очень мягко уговаривать пойти на компромиссъ; здъсь онъ, между прочимъ, сказалъ, что оба Пепеляева и такъ уже выставляли ему требование смънить меня, а назначить главнокомандующимъ опять генерала Дитерихса.

Я считалъ совершенно ненормальнымъ и вреднымъ подобное положение и доложилъ окончательно, что компромисса быть не

можетъ.

— «Хорошо,» согласился адмиралъ, — «только я предварительно утверждения этого прикава хочу обсудить его съ Пепеляевыми. Это мое условие.»

Черевъ нѣсколько минутъ оба брата были повваны адъютантомъ, и двѣ массивныя фигуры вошли, тяжело ступая, въ

салонъ-вагонъ.

Прикавъ о переформировании 1-й Сибирской армін въ неотдъльный корпусъ произвелъ ошеломляющее впечатлъне. Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затъмъ генералъ оправился и заговорилъ повышеннымъ, срывающимся въ тонкій крикъ, голосомъ:

— «Это невозможно, моя армія втого не допустить...»

- «Позвольте,» перебилъ я, «какая же это, съ повволепія сказать, армія, если она способна подумать о неисполненіи приказа. То Вы докладывали, что Ваша армія вэбунтуется, если ее заставять драться подъ Омскомъ, теперь — новое дѣло.»
- «Думайте, что говорите, генералъ Пепеляевъ,» обратился къ нему рѣзкимъ тономъ, перебивъ меня, адмиралъ. «Я призвалъ Васъ, чтобы объявить этотъ приказъ и заранѣе устранить все недоговоренное, главнокомандующій считаетъ, что эта перемѣна вывывается жизненными требованіями, необходима для успѣха плана и безъ этого не можетъ нести отвѣтственности. Я нахожу, что онъ правъ.»

Министръ Пепеляевъ сидѣлъ, навалившись своей тучной фигурой на столъ, насупившись, тяжело дышалъ, съ легкимъ даже сопѣньемъ, и нервно перебиралъ короткими пальцами пухлыхъ рукъ. Сквовь стекла очковъ просвѣчивали его мутные маленькіе глава, бевъ яркаго блеска, бевъ выраженія ясной мысли; ва втой мутью чувствовалось, что глубоко въ мовгу сидитъ какая-то задняя мысль, — васѣла такъ, что ее не вышибить ничѣмъ, — ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. Послѣ нѣкотораго молчанія, министръ Пепеляевъ началъ говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая явыкомъ. Сущность его запутанной рѣчи сводилась къ тому, что онъ считаетъ совершенно недопустимымъ такое отношеніе къ 1-й Сибирской арміи, что и такъ слишкомъ много забралъ власти главнокомандующій, что общественность вся недовольна за ея гоненіе. . . .

- «Такъ точно,» пробасилъ А. Пепеляевъ, генералъ, «и моя армія считаетъ, что главникомандующій идетъ противъ общественности и преслъдуетъ ее....»
- «Что Вы подразумѣваете подъ общественностью?» спросилъ я его.
- «Ну вотъ, хотя бы вемство, кооперетивы, Закупсбытъ, Центросоювъ, да и другіе.»

— «То есть Вы хототе сказать — эсъ-эровскія организаціи.

Да, я считаю ихъ вредными, врагами русскаго дъла.»

— «Позвольте, это подлежить въдъню министра внутреннихъ дълъ,» обратился ко мнъ, глядя поверхъ очковъ, министръ.
— «Разръшите, Ваше Высокопревосходительство, снова выравить мнъ,» заговорилъ онъ, грузно повернувшись на стулъ къ Верховному Правителю: «то, что уже докладывалъ: вся общественность требуетъ ухода съ поста генерала Сахарова и замъны его снова генераломъ Дитерихсомъ, а я, какъ Ванъминистръ-предсъдатель, поддерживаю это...

- «Что Вы скажете на это?» тихо спросилъ меня адми-

ралъ.

Я отвътилъ, что не могу повволить, чтобы кто-либо, даже премьеръ-министръ, вмъшивался въ дъла армии, что не допустима сама мысль о какихъ-либо давленіяхъ со стороны такъ навываемой общественности; вопросъ же навначенія главнокомандующаго — дъло исключительно Верховнаго Правителя, его выбора и довърія.

— «Тогда, Ваше Высокопревосходительство, освободите меня отъ обязанности министра предсъдателя. Я не могу оставаться при этихъ условіяхъ, тяжело, съ разстановкой, но

ръзко проговорилъ старшій Пепеляевъ.

Верховный Правитель вспыхнуль. Готова была произойти одна изъ тъхъ гнъвныхъ сценъ, когда голосъ его гремълъ, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; въ такія минуты министры его не знали, куда дъваться, и дълались маленькими, маленькими, какъ провинившеся школьники. Но черезъ мгновение адмиралъ переборолъ себя. Лицо потемнъло, потухли глава, и онъ устало опустился на спинку дивана.

Прошло нъсколько минутъ тягостнаго молчания, послъ

котораго Верховный Правитель отпустиль насъ всъхъ.

— «Идите, господа,» сказалъ онъ утомленнымъ и тихимъ голосомъ, — «я подумаю и приму решене. Ваше Превосходительство,» обратился онъ, некоторой даже лаской смягчивъ голосъ, — «этотъ прикавъ подождите отдавать, о переформировани 1-й Сибирской арми, а остальные можно выпустить.»

Черезъ нѣсколько часовъ было получено извѣстіе о вооруженномъ выступленіи частей Сибирской арміи въ Новониколаевскѣ. Тамъ собралось губернское земское собраніе фабрикаціи періода керенщины, состоявшее поэтому тоже изъ эсъровъ; вызвали они полковника Ивакина и совмѣстно съ нимъ выпустили воззваніе о переходѣ полноты всей государственной власти къ земству и о необходимости кончить гражданскую войну.

Ивакинъ, не объяснивъ дѣла полкамъ, вывелъ ихъ на улицу и отправился на вокзалъ арестовывать командующаго

2-й арміей генерала Войцеховскаго. Оцѣпили его поѣздъ и готовились произвести самый арестъ, но въ это время къ станціи подощелъ, узнавши о безпорядкахъ, полкъ 5-й польской дивизіи подъ командой ея начальника полковника Румши и предъявилъ требованіе прекратить эту авантюру, подъ угрозой открытія огня. Тогда Ивакинъ положилъ оружіе, сдался. Офицеры и солдаты его полковъ, какъ оказалось, дѣйствительно не знали, на какое дѣло ихъ ведетъ Ивакинъ; большинство изъ нихъ думало, что онъ дѣйствуетъ по прикаву Верховнаго Правителя. Полковникъ Ивакинъ былъ арестованъ и преданъ военнополевому суду.

На станціи Тайга шли почти всю ночь переговоры изъ за этого инцидента. Генераломъ Пепеляевымъ была выдвинута снова угроза бунта его арміи, если Ивакинъ не будетъ освобожденъ, причемъ весь этотъ Новониколаевскій случай выставлялся имъ, какъ самочинное дъйствіе войскъ. Черезъ день полковникъ Ивакинъ пытался бъжать изъ подъ караула и былъ убитъ часовымъ. — Ни одна часть 1-й Сибирской арміи и не подумала

выступать.

Адмиралъ Колчакъ обратился по прямому проводу къ генералу Дитерихсу съ предложениемъ снова принять постъ главнокомандующаго. Ночью же Верховный Правитель передалъ мив, что Дитерихсъ поставилъ какія-то невозможныя условія, почему онъ не находитъ допустимымъ даливійшіе разговоры съ нимъ.

Затъмъ той же ночью эшелоны Верховнаго Правителя были переведены на слъдующую станцію, чтобы не загромождать, какъ было сказано, путей станціи Тайга. На утро былъ

назначенъ отходъ и моего повяда.

9-го декабря (по старому стилю 26 ноября), какъ разъ въ правдникъ ордена св. Великомученика Георгія, который Императорская Россія привыкла такъ чтить и отмѣчать въ этотъ день славу своей арміи, я былъ арестованъ Пепеляевыми на станціи Тайга. Дѣло произошло такъ. Утромъ я прикавалъ двигать поѣздъ на слѣдующую станцію, чтобъ тамъ выяснить окончательно всѣ вопросы, потому что оставлять дальше армію въ такомъ неопредѣленномъ состояніи было бы преступно. Мнѣ доложили, что разчищаютъ пути, отчего и произошла задержка, но что въ 9 часовъ поѣздъ отправится. Вмѣсто этого около 9 часовъ утра ко мнѣ въ вагонъ вошелъ мой адьютантъ поручикъ Юхновскій и доложилъ, что генералъ Пепелявъ проситъ разрѣшенія придти ко мнѣ. Я передалъ, что буду ожидать 15 минутъ.

А черевъ десять минутъ были приведены егеря 1-й Сибирской арміи, и мой поъздъ оказался окруженнымъ густой цъпью Пепеляевскихъ солдатъ съ пулеметами, полкъ стоялъ въ ревервѣ у станціи, тамъ же выкатили на позицію батарею. Егеря моего конвоя и казаки, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ въ поѣздѣ было около полутораста человѣкъ, приготовились встрѣтить Пепеляевцевъ ручными гранатами и огнемъ, но комендантъ поѣзда лично предупредилъ новое кровопролитіе, которое было бы очень тяжело по своимъ послѣдствіямъ для арміи и съиграло бы только на руку врагамъ Россіи.

Въ вагонъ, гдв я находился, вошли три ближайшихъ къ Пепеляеву офицера, всклокоченныя фигуры, такъ похожія на героевъ февральской революціи, съ вытащенными револьверами, и одинъ изъ нихъ, насколько помню, полковникъ Ждановъ, заявилъ, что по прикаванію премьеръ-министра Пепеляева я

арестованъ.

— «Прежде всего потрудитесь спрятать револьверы, такъ какъ ни бѣжать, ни вести съ Вами боя я не собираюсь.»

Пепеляевскіе офицеры выполнили приказаніе, молча и

нъсколько удивленно переглядываясь между собою.

— «А теперь я самъ пойду разговаривать съ премьеръминистромъ въ сопровождении моего помощника генерала Иванова-Ринова и адъютанта. Вы можете также идти, если хотите, сзади.»

Когда я вышелъ изъ вагона, чтобы объясниться съ министромъ, и проходилъ мимо оригинальной воинской охраны, арестовывавшей своего главнокомандующаго, то всѣ солдаты и офицеры вытягивались и брали подъ козырекъ. Отмѣчаю этотъ фактъ, какъ доказывающій, что воинскія части вдѣсь были просто игрушкой въ рукахъ политиканствующихъ генерала и его брата-министра, а послѣдніе выполняли волю скрытаго центра. Для меня было ясно уже и тогда, что я арестованъ по приказу эсъ-эровъ.

Оба брата Пепеляевы сидъли мрачно въ грязномъ салонъвагонъ командующаго 1-й Сибирской арміей, на столъ, безъ скатертя, валялись окурки, былъ розлитъ чай, разсыпаны обгрызки хлѣба и ветчины; генералъ сидълъ, развалясь, безъ пояса, въ рубахъ съ разстегнутымъ воротомъ, и также съ взлохмаченной шевелюрой. И грязъ и небрежность въ одеждъ и позъ, —

все было декораціей для большей демократичности.

Объяснение носило полукомический характеръ. Министръ ваявилъ мнв, что для блага двла онъ рвшилъ меня арестовать, чтобы отдвлить отъ Верховнаго Правителя, — «за то, что Вы имвете на него большое вліяніе», — докончилъ онъ; братъ его, командующій арміей, откровенно привнался, что я виновать въ оскорбленіи 1-й Сибирской арміи, которую считалъ хуже другихъ.

 «А кром'в того, Ваше Превосходительство, Вы хорошій и храбрый генералъ, это вс'в привнаютъ, но Вы стоите за старый режимъ и ... очень строгій. Намъ такого не надо, » добавилъ этотъ парень-генералъ.

— «Кому это намъ?»

— «Да вотъ офицерамъ.... А впрочемъ больше толковать нечего,» грубо басилъ онъ дальше, — «арестъ уже сдъланъ.»

— «Да. Сила на Вашей сторонъ, но Вы поймите, что Вы совершаете преступлене, арестовывая главнокомандующаго, оставляя армію безъ управленія.»

-- «Вы уже не главнокомандующій. Адмиралъ согласился просить еще разъ генерала Дитерихса, а временно прівдеть и

вступить въ должность генералъ Каппель.»

Сначала Пепеляевы хотѣли везти меня въ Томскъ, въ свою штабъ-квартиру, но потомъ оставили на ст. Тайга, подъ самымъ строгимъ наблюденемъ, которое продолжалось до самаго прівзда генерала Каппеля, до вечера слѣдующаго дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель началь сейчась же персговоры съ Пепеляевыми, затъмъ по прямому проводу съ Верховнымъ Правителемъ, прилагая всъ усилія, чтобы разъяснить запутавшееся положеніе. Первая просьба генерала Каппеля къ адмиралу Колчаку была — оставить все безъ ломки, по прежнему: меня главнокомандующимъ, а ему вернуться на свой постъ въ 3-ю армію. Я просилъ настойчиво и опредъленно вернуть меня на чисто строевую должность къ моимъ войскамъ, также въ 3-ю армію. Адмиралъ въ это время былъ уже въ Красноярскъ, откуда, за разстоянемъ, всъ переговоры сильно затруднялись и заняли нъсколько дней. А въ это время — армія оставалась безъ управленія, у заговорщиковъ оказались развязанными руки, и эсъ-эровскій планъ взрыва въ тылу, сорванный было нами во-время, сталъ снова проводиться ими въ жизнь.

Какъ скоро стало извъстно, Верховный Правителъ пошелъ на уступки братьямъ Пепеляевымъ и обратился къ генералу Дитерихсу съ предложениемъ вступить снова въ главнокомандование Восточнымъ фронтомъ; и получилъ отвътъ по прямому проводу, — что Дитерихсъ согласенъ на одномъ только услови, чтобы адмиралъ Колчакъ выъхалъ немедленно изъ предъловъ Сибири ва-границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные такимъ афронтомъ, болъе не

настаивали.

Но начатая ими по скрытой указкѣ соціалистовъ-революціонеровъ гнусная интрига стала разворачиваться съ быстротою и силой, остановить которыя было уже невозможно.

Въ Красноярскъ стоялъ 1-й Сибирскій Корпусъ подъ командой генерала Зиневича, который все время дъйствовалъ по директивамъ и приказамъ своего командующаго, генерала А. Пепеляева. Зиневичъ, выждавъ время, когда пять литерныхъ

повыдовъ адмирала провхали на востокъ, за Красноярскъ, оторвались отъ дъйствующей арміи, произвель предательское выступление. Онъ послалъ, какъ это повелось у социалистовъ съ первыхъ дней несчастия русскаго народа — революци, -«встыть, встыть, встыть...» телеграмму съ явнымъ вызовомъ; тамъ Зиневичь писалъ, что онъ, самъ сынъ «рабочаго и крестьянина» (тогда это осталось не выясненнымъ, какъ этоть почтенный дъятель могъ быть одновременно сыномъ двухъ папашъ), «понялъ, что адмиралъ Колчакъ и его правительство идутъ путемъ контръ-революціи и черной реакціи». Поэтому Зиневичъ обращается къ «гражданской совъсти» адмирала Колчака, «убъждаеть его отказаться отъ власти и передать ее народнымъ избранникамъ — членамъ учредительнаго собранія и самоуправленій городскихъ и вемскихъ» (новаго послѣреволюціоннаго выбора, т. е. тъмъ же эсъ-эрамъ). Въ подкръпление своего убъждения генералъ Зиневичъ заявилъ, въ той же прокламации, что онъ отнынъ порываетъ присягу и болъе не подчиняется Верховному Правителю. Этой измѣной командира корпуса, генерала Зиневича, Верховный Правитель совершенно отрывался отъ арміи, былъ лишенъ возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитнымъ среди всъхъ враждебныхъ силъ. Съ другой стороны и дъйствующая армія ставилась Красноярскимъ мятежемъ въ невозможно тяжелое положенія, теряя связь съ базой и всеми органами снабженія.

Что это было, — безконечная ли глупость съ повывомъ къ бонапартизму или предательство, продажное дъйство. Видимо и то, и другое понемногу, — у Пепеляева бонапартизмъ, у Зиневича глупость, смъшанная съ предательствомъ. Вскоръ обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка соціали-

стовъ-революціонеровъ съ Колосовымъ во главъ.

8.

Предательство, подготовленное эсъ-эрами, этимъ отребьемъ человъческаго рода, созръло, гудино дъло было совершено.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря наша героическая армія готовилась дать генеральное сраженіе силамъ красныхъ чтобы остановить ихъ наступленіе, прикрыть Центральную и Восточную Сибирь и получить вовможность тамъ ва виму провести всѣ кардинальныя перемѣны и подготовку для новой борьбы.

Въ условіяхъ суровой вимы двигались наши войска дѣлая перегруппировки, чтобы образовать ударныя группы и совершить маршъ-маневры съ обходомъ обоихъ фланговъ насѣдав-

шихъ большевиковъ.

Сѣверная группа должна была произвести ударъ, примѣрно, изъ раіона Томскъ-Маріинскъ, главная масса для нее преднавначалась 1-я Сибирская армія генерала Пепеляева, части которой должны были сосредоточиться изъ Красноярска и Томска. Но вмѣсто этого самъ Пепеляевъ и его ближайшіе помощники теперь уже всецѣло отдались въ руки соціалистовъреволюціонеровъ. Въ Красноярскѣ, благодаря выступленію генерала Зиневича, началось броженіе. А отсюда разложеніе перекинулось въ Томскъ, главную квартиру 1-й Сибирской арміи.

Гнѣзда въ тылу, гдѣ зараза тлѣла мѣсяцами, скрываясь подъ личиной покорности и даже содружества на общей почвѣ ненависти къ большевикамъ, зашевелились во всю; вылѣзли изъ подполья эсъ-эры и меньшевики, всюду устраивали открытыя собранія, объявляли о переходѣ власти снова «въ руки народа». Очевидно подразумѣвалось — «избраннаго» народа, такъ какъ и теперь среди соціалистовъ подавляющій процентъ были іудеи, а остальные послушные прислужники ихъ.

Чехи, эти полки разъвшихся вооруженныхъ до зубовъ тунеядцевъ, подавляли въ тылу своей численностью, и они отдали свои штыки въ распоряжение и на поддержку соціалистовъ; боевая армія находилась далеко, да и была занята своимъ дѣломъ, держала боевой фронтъ и все время вела оборонительные бои, чтобы дать возможность вытянуть на востокъ всѣ эшелоны. Въ тылу же не было силъ, чтобы справиться съ чехами, такъ какъ главная часть находившихся тамъ русскихъ войскъ, выведенныя въ глубоній резервъ части арміи генерала Пепеляева, были вовлечены, противъ ихъ желанія, въ гнусное дѣло политическаго и военнаго предательства.

Чтобы поколебать ихъ ряды, кромѣ выступлени въ Новониколаевскѣ и на станци Тайга, былъ брошенъ испытанный уже въ 1917 году Ленинымъ и Бронштейномъ кличъ: «Довольно войны!» Этотъ кличъ, какъ по командѣ, раздался изъ соціалистическаго лагеря одновременно во Владивостокѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и Томскѣ. Вотъ гдѣ былъ истинно поцѣлуй Іуды: соціалисты, важегшіе пожаръ гражданской войны, кричали теперь объ ужасахъ ея, о моряхъ братской крови, о необходимости немедленнаго прекращенія; кричали для того, чтобы предать бѣлую армію, а съ нею и всю Россію на новое, долгое и

безконечное мученіе, на новое крестное распятіе.

Тылъ вабурлилъ. Наполненный до насыщения разнузданными и развращенными чехо-словацкими «легіонерами», сбитый съ толку преступной пропагандой соціалистовъ, неполучающій, — вслѣдствіи разрухи министерскихъ аппаратовъ, правильнаго освѣщения событій, — тылъ считалъ, что все дѣло борьбы противъ красныхъ потеряно, пропало; это впечатлѣніе усиливалось еще и тѣмъ, какъ поспѣшно неслись на востокъ въ своихъ отличныхъ поѣвдахъ «иностранцы-союзники». И англійскій генералъ Ноксъ со своимъ большимъ штатомъ офицеровъ, и преда-

тель Жанэнъ, глава францувской миссіи, главнокомандующій русскими военноплѣнными, американцы, и разныхъ странъ, націй и нарѣчій высокіе комиссары при Россійскомъ правительствѣ, желѣзнодорожныя и другія комиссіи, — все рвалось на востокъ, къ Тихому океану.

Ихъ повада проскакивали черезъ массу чехо-словацкаго воинства, которое полало туда же, на востокъ, руководимое однимъ животнымъ желаніемъ: спасти отъ опасности свои разжирвышія отъ сытаго бездвлья твла и вывезти награбленное

въ Россіи добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполненія проводимаго соціалистами плана; руководителямъ интернаціонала нужно было покончить съ бълой арміей и ея

вождемъ, Верховнымъ Правителемъ.

Когда пять литерныхъ эшелоновъ, одинъ изъ которыхъ былъ полонъ золотомъ, подошли къ Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился къ бою. Но Верховный Правитель запретилъ предпринимать что-либо до окончанія переговоровъ. Онъ котълъ лично говорить съ французскимъ генераломъ Жанэномъ.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франци къ прямому проводу весь вечеръ и всю ночь; ему было некогда, онъ стремился ивъ Иркутска дальше на востокъ. Но, безъ сомнѣнія, причина этого наглаго отказа была другая: всѣ эти радѣтели русскаго счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшіе все время соціалистовъ, теперь вошли съ ними въ самое тѣсное содружество и помогали имъ уже въ открытую, чтобы разыграть послѣдній актъ драмы — предательство армии и ея вождя.

Представитель Великобританіи, генераль Ноксь со своими помощниками быль уже вь это время во Владивостокв. Жанань спешиль за нимь и, разсыпаясь вь учтивостяхь, послаль рядь телеграммь, что онь умоляеть адмирала Колчака, — для его же благополучія, — подчиниться неизбежности и отдаться подъ охрану чеховь; иначе онь, Жанань, ни за что не отвечаеть. Какь последній аргументь, вь телеграмме Жанана была приведена тонкая и лживая мысль-обещаніе: адмираль Колчакь будеть охраняться чехами подъ гарантіей пяти великихь державь. Въ знакъ чего на окна вагона, — единственнаго, куда быль переведень адмираль съ его ближайшей свитой, — Жанань приказаль навесить флаги, великобританскій, японскій, американскій, чешскій (?!) и французскій.

Конвой Верховнаго Правителя быль распущень. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана

вождя, а унивительный караулъ плѣнника.

Боевая армія находилась теперь еще дальше, корпуса ея только были направлены къ занятому мятежниками Красноярску, никакихъ опредъленныхъ извъстій о томъ, въ какомъ состояніи армія, какихъ она силъ, что дълаетъ — не было; кажется, руководители тылового интернаціонала, представители Антанты и заправилы-соціалисты, считали, что арміи уже не существуетъ.

Въ тылу, въ Иркутскъ и Владивостокъ, эсъ-эры, вновь выполяще теперь изъ подполья, какъ крысы изъ норъ, захва-

тили власть въ свои руки.

Только въ Забайкаль выла сохранена русская національная сила. Но когда атаманъ Семеновъ двинулъ свои части на вападъ, чтобы занять Иркутскъ и выгнать оттуда захватчиковъ власти — эсъ-эровъ (среди которыхъ опять три четверти были изъ племени обръзанныхъ), то въ тылъ русскимъ войскамъ выступили чехо-словаки, поддержанные 30-мъ американскимъ полкомъ, и разоружили Семеновскіе отряды. Вслъдствіи этого, части Иркутскаго гарнизона, оставшіеся върными до конца, не могли одни справиться съ чехами и большевиками; подъкомандой генерала Сычева они отступили въ Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь придти не можетъ.

Поъздъ съ вагономъ адмирала Колчака и волотой эшелонъ медленно подвигались на востокъ. На станціи Черемхово, гдъ большія каменно-угольныя копи, была сдълана первая попытка овладъть объими этими цънностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидентъ, пойдя на компромиссъ и допустивъ къ участію въ охранъ красную армію изъ рабочихъ.

Когда подъважали къ Иркутску, тотъ же чешскій комендантъ предупредилъ нвкоторыхъ офицеровъ изъ свиты адмирала, чтобъ они уходили, такъ какъ двло безнадежно. По словамъ сопровождавшихъ адмирала лицъ, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, какъ гнусное преступление. Верховный Правитель, увидавъ на путяхъ японский эшелонъ, послалъ туда съ запиской своего адъютанта старшаго лейтенанта Трубчанинова, но чехи задержали его и вернули въ вагонъ.

Японцы не предпринимали ничего, такъ какъ върили, — это я слышалъ спустя полгода въ Японіи, — заявленію французскаго генерала Жанэна, что охрана чеховъ надежная, и адмиралъ Колчакъ будетъ въ безопасности вывезенъ на востокъ.

Повадъ съ адмираломъ былъ поставленъ въ Иркутскв на вадній тупикъ, и въ вагонъ къ Верховному Правителю вошелъ

чехъ-комендантъ:

— «Приготовьтесь. Сейчасъ Вы, г-нъ Адмиралъ, будете переданы мъстнымъ русскимъ властямъ,» отрапортовалъ онъ.

— «Почему?»

— «Мѣстныя русскія власти ставять выдачу Вась условіємь пропуска всѣхъ чешскихъ эшелоновь за Иркутскъ. Я получиль прикавъ отъ нашего главнокомандующаго генерала Сырового.»

— «Но какъ-же, мнъ генералъ Жанэнъ гарантировалъ безопасность. А эти флаги?!» показалъ адмиралъ Колчакъ на молча и убого висъвшіе флаги — великобританскій, японсній, американскій, чешсній и французскій.

Чехъ-комендантъ потупилъ глаза и молча въ отвътъ развелъ руками.

- «Значить, союзники меня предали!» вырвалось у адми-

рала.

Черевъ минуту въ вагонъ вошли представители соціалистической думы Иркутска, въ сопровожденіи конвоя изъ своихъ революціонныхъ войскъ.

Верховный Правитель быль имъ переданъ чехами; въ сопровождении нъсколькихъ адъютантовъ, адмирала Колчака повели пъшкомъ черезъ Ангару въ городскую тюрьму. Съ нимъ же вели туда и премьеръ-министра В. Пепеляева, который такъ все время ратовалъ за эту общественность и своими руками рубилъ дерево, на которомъ сидълъ.

Увнавъ объ арестъ Верховнаго Правителя, правильнъе, — о предательствъ, японское командованіе, располагавшее въ Иркутскъ всего лишь нъсколькими ротами, обратилось съ протестомъ и предъявило требованіе объ освобожденіи адмирала Колчака. Но ихъ голосъ остался одинокимъ, — ни Великобританія, ни Соединенные Штаты, ни Италія ихъ не поддержали; силы японцевъ здъсь были слишкомъ малы, и они, не получивъ удовлетворенія, ушли изъ Иркутска.

Соціалистическая дума города Иркутска, торжественно объявила, что она береть на себя всю, полноту государственной Россійской власти и назначаєть чрезвычайную слъдственную комиссію для разслъдованія преступленій Верховнаго Правителя адмирала Колчака и его премьеръ-министра В. Пепеляева, виновныхъ «въ преслъдованіи демократіи и въ потокахъ пролитой крови».

Въ то же время, опасаясь русской армии, эта кучка инородцевъ — интернаціоналистовъ, начала спѣшно фабриковать свою революціонную армію. Во главѣ былъ поставленъ штабсъкапитанъ Калашниковъ, партійный эсъ-эръ, бывшій долго въ штабѣ Сибирской арміи Гайды. Товарищъ Калашниковъ поспѣшилъ отдать рядъ громкихъ приказовъ объ отмѣнѣ погонъ, титулованія, о введеніи обращенія «гражданинъ полковникъ, гражданинъ капитанъ . . .» и началъ собирать силы, чтобы ударить съ востока по нашей боевой арміи. Отъ вадуманнаго плана дать большевицкой арміи генеральное сраженіе на линіи Томскъ-Тайга пришлось откаваться, такъ какъ 1-я Сибирская армія Пепеляева почти цѣликомъ снималась со счета. Части ея находившіяся въ Томскѣ, теперь съ приближеніемъ красныхъ выступили противъ бѣлыхъ въ открытую по прикаву своихъ новыхъ вождей съ лозунгомъ: «Долой междоусобную войну!» Новыми вождями явились тѣ же подпольные комитеты эсъ-эровъ съ присоединившимися къ нимъ старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Ивакина. Строевое офицерство и солдаты въ большинствѣ были обмануты и шли за новымъ лозунгомъ, потому что не видѣли другого выхода. Но тѣ части 1-й Сибирской арміи, которыя присоединились къ боевому фронту, вошли въ него въ раіонѣ Барнаулъ-Новониколаевскъ, остались до конца вѣрными долгу.

Когда фронтъ нашей арміи прибливился къ Томску, то тамъ произошло вооруженное выступленіе частей 1-й Сибирской арміи съ арестомъ и убійствомъ лучшихъ офицеровъ, съ передачей на сторону красныхъ. Самъ командармъ (какъ его называли) Пепеляевъ принужденъ былъ одиночнымъ порядкомъ въ троечныхъ саняхъ скрытно пробираться изъ Томска на востокъ.

Въ то же время въ Красноярскъ его достойный помощникъ, командиръ 1-го Сибирскаго корпуса генералъ Зиневичъ все атаковалъ по прямому проводу штабъ главнокомандующаго, добиваясь опредъленнаго отвъта, какого курса будстъ держаться армія и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться къ нимъ для прекращенія войны. Подъ конецъ Зиневичъ въ компаніи со своимъ политическимъ руководителемъ эсъ-эромъ Колоссовымъ ввяли угрожающій тонъ, заявляя, что, если бълая армія не присоединится къ нимъ, то весь Красноярскій гарнизонъ выступитъ противъ нее съ оружіемъ въ рукахъ и не пропуститъ на востокъ.

Прямого отвъта Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. Въ то же время спъшно стягивали къ Красноярску части 2-й и 3-й армій, имъя цълью съ боемъ занять городъ и разсъять бунтовщиковъ. Части наши двигались ускоренными маршами черезъ первую густую тайгу Сибири, по непролазнымъ, глубокимъ спъгамъ, совершая труднъйше въ военной исторіи марши, теряя много конскаго состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллеріи. Отъ какой-либо обороны и вадержки большевицкой красной арміи, наступавшей съ вапада по пятамъ за нами, пришлось отказаться совершенно. Необходимо было спъшть во-всю къ Красноярску: тамъ силы бунтовщиковъ

увеличивались съ каждымъ днемъ; были получены свъдънія, что и Щетинкинъ съ одиннадцатью полками спускается внивъ

по Енисею изъ Минусинска, на поддержку Зиневичу.

Въ это время генералъ Зиневичъ началъ уже переговоры съ большевицкой красной арміей, черевъ голову боевого фронта, использовавъ одинъ неиспорченный желѣзнодорожный проводъ. Зиневичъ велъ переговоръ съ командиромъ бригады 35-й совѣтской дивизіи Грязновымъ, предлагая послѣднему свою помощь противъ бѣлой арміи. Большевикъ, какъ и всегда, оказался цѣльнѣе всъ-зра; всякое сотрудничество онъ отвергъ и потребовалъ сдачи оружія при подходѣ совѣтской арміи къ Красноярску. Тогда генералъ Зиневичъ сталъ выговаривать «почетныя» условія сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й арміи, которая имѣла районъ къ югу отъ желѣзнодорожной магистрали съ крайне скудными дорогами, по мѣстности гористой и сплошь заросшей дѣвственной тайгой. По той же причинѣ была потеряна связь

со штабомъ 3-й арміи.

Штабъ главнокомандующаго выжидалъ приближенія корпусовъ въ своемъ эшелонѣ, медленно продвигалсь на востокъ, простаивая по нѣсколько сутокъ на каждой большой станціи. Въ Ачинскѣ на второй день нашего пребыванія, около полудня, какъ разъ, когда къ вокзалу подошелъ поѣздъ одной изъ частей 1-й Сибирской арміи, раздался около штабного эшелона оглушительный взрывъ.

Былъ ясный моровный день. Солнце бросало съ нѣжноголубого холоднаго неба свой волотой свѣтъ, какъ гордую улыбку — безъ тепла. Моровъ доходилъ до остервенѣнія. По обѣ стороны яркаго солнца стояли два радужныхъ столба, поднимаясь высоко въ небо и растворяясь тамъ въ вѣчномъ эфирѣ.

Я вернулся изъ городка Ачинска, куда ѣздилъ купить кошеву для предстоящаго похода-присоединения къ 3-й армии. Только вошелъ въ свой вагонъ, не успълъ еще снять полушубокъ, какъ равдался страшный по силъ звука ударъ. Задрожалъ и закачался вагонъ, изъ оконъ посыпались разбитыя стекла.

Схвативъ винтовку, которая всегда висѣла надъ моей койкой, я выбѣжалъ изъ вагона. На платформѣ у воквала было смятеніе. Ничкомъ лежало нѣсколько убитыхъ, и ихъ теплыя тѣла еще содрогались послѣдними конвульсіями. Бѣжали женщины съ окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненаго, въ которомъ я узналъ моего кучера, толькочто вернувшагося со мной. Въ серединѣ штабного вшелона горѣли вагоны, бросая вверхъ огромные, жадные явыки яркокраснаго пламени.

Кровь и огонь... Вотъ провелъ офицеръ маленькаго прелестнаго ребенка съ залитымъ кровью личикомъ и огром-

ными главами съ вастывшимъ въ нихъ выраженіемъ ужаса; мальчикъ послушно шелъ и только повторялъ:

— «Мама, ма-ама... Хочу къ мамъ...»

Выйдя изъ вагона, я встрѣтился съ генералами Каппелемъ и Ивановымъ-Риновымъ; вмѣстѣ направились къ горящимъ вагонамъ. Надо было распоряжаться, чтобы спасти всѣхъ, кого можно, и не дать распространиться огню.

Число жертвъ было очень велико. Убитые, покалъченные, жестоко израненные; у одной дъвушки, сестры офицера, выжгло взрывомъ оба глаза и изуродовало лицо, нъсколько солдатъ также лишились врънія; многимъ поотрывало руки и поломало

ноги.

Кому это было нужно? Ползъ слухъ, что сейчасъ же вслѣдъ ва варывомъ послѣдуетъ атака красныхъ, что варывъ, какъ подготовка къ ней, произведенъ сощалистами... Были высланы патрули и дозоры, вызвана изъ города воинская часть. Закипѣла работа по пріостановкѣ и очисткѣ пожарища.

Кто сдѣлалъ, на комъ вина, что-за причина? Всѣ вти вопросы не удалось выяснить точно. Упорно держался слухъ, что влодѣяне, — погибло и пострадало нѣсколько сотъ человѣкъ, — что взрывъ былъ произведенъ эсъ-эровской боевой

ячейкой.

Возможно, — не даромъ эти приверженцы новой религи ненависти, соціализма, своимъ внаменемъ взяли ярко-красный цвътъ, цвътъ страданія, разрушенія и смуты. Кровь и огонь...

Черезъ два дня, взявъ всѣхъ раненыхъ, нашъ эшелонъ двинулся дальше и вечеромъ 3 января 1920 года подошелъ на станцію Минино, послѣдняя остановка передъ Красноярскомъ. Здѣсь мы узнали, что въ городѣ произошло «углубленіе» новой революціи, что фактическими господами сдѣлались большевики, что печальный герой генералъ Зиневичъ, «сынъ рабочаго и крестьянина,» арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Чъмъ-то не угодилъ!

Было рѣшено брать Красноярскъ съ боемъ, на слѣдующій день съ утра. Дѣйствіями долженъ былъ руководить командующій 2-й арміей генералъ Войцеховскій. Сначала все шло успѣшно. Наши части повели наступленіе на желѣзнодорожную станцію, ворвались въ нее, но вдругъ неожиданно появился броневой поѣздъ съ краснымъ флагомъ. Наши передовыя роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красныхъ, которые перешли въ контръ атаку. Наступленіе не удалось и было отложено.

На слъдующій день подтягивались новыя части 2-й арміи; удалось войти въ связь и съ 3-й арміей, выходъ которой къ Красноярску ожидался черезъ сутки. Штабъ главнокомандующаго ръшилъ выйти изъ поъзда, перейти изъ вагоновъ на сани. Жалко, что это было сдѣлано такъ повдно. Во-первыхъ, такой переходъ никогда не удается гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить всѣ недочеты, во-вторыхъ, служба связи и штабная ведется изъ походной колонны совершенно иначе, къ чему надо также приспособиться, въ-третьихъ, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей.

Размъстившись на саняхъ, неумъло, еще не по-походному, съ массой лишнихъ вещей, подъ охраной Екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова, — двинулся штабъ главнокомандующаго походнымъ порядкомъ. Къ вечеру пришли и остановились на ночлегъ въ дер. Минино, съверозападнъе города Красноярска.

Ночью въ эту же деревню прівхаль генераль Войцеховскій; составился военный совъть. Въ результать митне командующаго 2-й армін восторжествовало, и генераль Каппель отдаль приказъ арміямъ двигаться дальше на востокъ въ обходъ Красноярска; города ръшили не брать, такъ какъ гарнизонъ его усилился, подошелъ со своими полками съ юга Щетинкинъ; видълась такая угроза: если новая попытка взять Красноярскъ не увънчается успъхомъ, бълыя войска попадутъ въ положение безвыходное, между насъдавшими съ запада красными и бандами Красноярска. Ръшено было обходить городъ съ съвера.

6 января на разсвътъ наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведетъ изъ Минина на село Есаульское, переправу черезъ Енисей. Дъло въ томъ, что, котя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на съверъ отъ Красноярска по обоимъ берегамъ ръки тянутся высокія горы, нъсколькими грядами идутъ онъ, представляя серьезныя преграды; часто попадаются между ними глубокіе овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, въ большинствъ недоступные конницъ и обозамъ.

Въ морозномъ туманъ зимняго утра медленно подвигались длинныя вереницы саней. Долгія, почти безконечныя остановки, — въ одну колонну вливались новые подходящіе обозы. Теперь вмъстъ съ штабомъ шли части 2-го Уфимскаго корпуса, 4-я и 8-я стрълковыя дививіи и 2-я кавалерійская.

Дорога чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалась все труднѣе. Лошадямъ тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемѣшанному съ землей, сухому снѣгу. Частыя, неопредѣленныя по времени остановки утомляли еще больше. Сознаніе у людей какъ-то притуплялось и отъ мороза, и отъ этихъ остановокъ, отъ полной неопредѣленности впереди . . . и отъ неуклюжихъ сибирскихъ зимнихъ одеждъ, въ которыхъ человѣкъ представляетъ собой безпомощный обрубокъ. Туманное предразсвътное утро перешло незамътно въ сърый зимній день. Около десяти часовъ снова остановка. По колоннъ передается приказаніе обову остановиться на привалъ,

а школъ Ярцова и 4-й дивизіи идти впередъ.

Окавалось, что всё дороги къ сѣверу отъ Красноярска были ваняты сильными отрядами красныхъ. Завявались бои. Выбили наши красныхъ изъ одной деревни, въ это время начинается пулеметный обстрёлъ со следующей гряды горъ. Надвигались въ то же время и отряды противника съ запада. Большевицкая артиллерія, выдвинутая отъ Красноярска, начала обстрёливать наши колонны съ юга. Врагъ оказался всюду, каждая дорога была преграждена въ нёсколькихъ мёстахъ. Шелъ не бой, не правильное сраженіе, какъ это бывало на фронте, а какая-то сумбурная сумятица, — противникъ былъ всюду, появлялся въ самыхъ неожиданныхъ мёстахъ.

Армія, представлявшая огромные санные обозы, — такъ какъ пъхота вся къ этому времени вхала въ саняхъ, — заметалась. Тучи саней неслись съ горъ обратно на западъ, попадали вдъсь подъ обстрълъ большевиковъ и поворачивали снова, кто на съверъ, кто на востокъ, кто на югъ, къ Красноярску.

Большевики и мятежныя войска изъ Красноярска высылали къ нашимъ колоннамъ делегатовъ съ предложеніемъ класть оружіе, такъ какъ «гражданская война-де кончена». Нашлись среди бълыхъ легкомысленныя части, которыя пов'врили этому, не сообравили, почему же сами красные не кладутъ оружія, ... и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстр'вчу нашимъ новымъ колоннамъ этихъ сдавшихся б'влыхъ солдатъ; толпами выходили они съ крикомъ:

— «Война кончена, нътъ больше нашей арми! Кладите оружіе!» Многіе клали. Два Оренбургскихъ казачьихъ полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; послѣ этого вышелъ комиссаръ къ безоружнымъ полкамъ съ такими словами:

- «Ну, а теперь можете убираться за Байкалъ, къ Семе-

нову, — намъ не нужно такихъ нагаечниковъ...»

Зачесали казаки въ затылкахъ; ихъ манила другая перспектива — вернуться въ свои станицы, къ своимъ семьямъ, хозяйству, двинуться изъ Красноярска на западъ. Пришлось же снова поворачивать на востокъ. И, опять обманутые соціалистами, шли казаки дальше тысячи версть на своихъ маштач-

кахъ, безоружные.

Но далеко не всѣ попадались на удочку. Многія части дрались. Цѣлый день продолжались безсистемныя безпорядочныя стычки вокругъ Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрѣльбы трещала во всѣхъ направленіяхъ. На пространствѣ десятковъ верстъ творилось нѣчто невообразимое, небывалое въ военной исторіи.

Остатки великой русской военной силы, Императорской армін, оставившей, — для спасенія Францін и Англін, — на боевыхъ поляхъ одними убитыми три милліона людей, остатки этой силы, бълая армія, продълали тысячи версть пути, прошли черезъ долины и горы необъятныхъ пространствъ Руси: чтобы спасти ея честь и независимость, они дрались, какъ львы: адоровье, кровь и жизнь, вст свои силы отдавали они, отдавали и большее, - свои семьи. И они върили въ правоту своего дела и въ святость своего долга. Верили также русские люди въ безкорыстную и честную помощь своихъ союзниковъ; въдь весь міръ всталъ на ихъ сторону, на поддержку бълыхъ. Великобританія, Соединенные Штаты и Франція безъ конца суетились, волновались и старались, чтобы усилилась и окрыпла былая русская армія. Японія даже посылала свои части биться бокъ о бокъ съ нашими: кровь японскаго самурая была пролита на поляхъ Сибири вмъстъ съ русской кровью и за русское національное д'вло. Италія и Сербія также старались не отстать...

Но когда бѣлая сила окрѣпла, и русскій національный стягъ началъ все выше и выше подниматься, какъ залогъ скораго оздоровленія и возвышенія Великой Единой Россіи, тогда началась какая то темная, вначалѣ осторожная игра. Тѣ же европейскіе и американскіе дипломаты вели ее; и куда же было намъ, сермяжной Руси, сразу понять и стряхнуть съ себя гадовъ этого новаго, скрытаго интернаціонала, еще болѣе смертельнаго и ужаснаго, чѣмъ кровавый, Московскій. Тонко велась союзными представителями интрига въ полномъ согласіи и взаимодѣйствіи со всѣми нашими домашними соціалистами. Предательство разыгрывалось, какъ по нотамъ, — тихо, систематично и упорно. И послѣднимъ актомъ его былъ — Красноярскъ. Послѣ ареста Верховнаго Правителя, они расчитывали тамъ ликвидировать совершенно и бѣлую армію.

Два прежнихъ святыхъ слова, дорогихъ раньше для каждаго человъка, — «товарищъ» и «союзникъ» были ва четыре года обращены въ самыя низкія, презрънныя слова. Дъятели типа Керенскаго-Бронштейна-Ленина обратили вначеніе перваго слова «товарищъ» — въ синонимъ громилы-убійцы, вора и растлителя — ва періодъ 1917—1918 годовъ; а ва время 1919—1920 годовъ дъятели типа Вудро Вильсона-Клемансо-Ллойдъ Джоржа дали слову «союзникъ» вначеніе предателя, поджигателя и скупщика краденаго.

Да не вабудеть этого русскій народъ...

Предпослъднимъ актомъ этой міровой драмы предательства національной Россіи былъ Красноярскій бой, разыгравпійся 6 января 1920 года, какъ разъ въ русскій сочельникъ, наканунъ праздника рожденія Бога-Искупителя. Но вмъсто ра-

достнаго гимна славословія раздавались теперь ругательства, хула, крики убиваемыхъ и стоны раненыхъ. До поздней ночи. Бълая армія потеряла всъ свои обозы, артиллерію и болье шестидесяти тысячъ убитыми, раненными и плънными. Казалось, что цъль объединеннаго интернаціонала достигнута, русская національная армія перестала существовать. Такъ казалось къ вечеру этого дня и тъмъ немногимъ изъ насъ, которые пробились изъ окруженія, когда разрозненныя небольшія колонны стягивались къ замерзшему дикому Енисею и становились на ночлегъ.

Но силенъ духъ Русскаго народа. И не судилъ Богъ погибнуть его Державъ. Теплится огонь жизни, сохраняется, чтобы въ назначенный день вспыхнуть и загоръться снова огромнымъ величественнымъ пламенемъ. Бълая армія не погибла. Она вышла изъ этого самаго величайшаго испытанія и пронесла къ берегамъ Тихаго Океана Русскій Стягъ и Русскую Государственность.

Прежде чёмъ говорить объ этомъ, надо разъяснить невольное недоумёние: что же мёшало русскимъ вождямъ выгнать непрошенныхъ гостей-предателей изъ Сибири? Какъ не вамѣчали они двойной игры ихъ? Не разбирались въ этой обстановкѣ, когда всѣ пріѣхавшіе помощники, союзническія миссіи, начали сотрудничать съ новыми іудами Россіи — соціалистами — и плести интригу заговора? Не видали жаднаго блеска въ чужеземныхъ очахъ и оскала широко открытой ихъ пасти на русское природное, Богомъ данное, богатство?

Разбирались, замѣчали, видѣли и понимали. Но не могли освободиться. Слишкомъ тонко провели «союзники» въ Сибири свою игру, на-вѣрняка. Они расчитали — съ одной стороны — на русскую обычную мягкотѣлость, благородство и добродуше; съ другой же — они стали съ первыхъ шаговъ систематически укрѣплять и усиливать свою позицію, обезпечивать крѣпко и сильно свои дальнѣйше шаги. Одной изъ мѣръ — была интервенція, ввозъ своихъ войскъ; но ихъ было не много, да и не всѣ пошли бы на это темное дѣло. Тогда прибѣгли къ другому; и нужную силу нашли въ бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ, взятыхъ Императорской арміей въ многочисленныхъ бояхъ, когда во славу и спасеніе Франціи и Великобританіи потоками лилась русская кровь и безъ счета ломались русскія кости.

Ядромъ этой силы, враждебной національной России, —

быль чехо-словацкій корпусъ.

ГЛАВА V.

Чехо-словацкій корпусъ.

1.

Настоящая глава не можетъ имъть своей задачей дать полный очеркъ чехо-словацкой эпопеи въ Сибири; это заняло бы очень много мъста и времени, слишкомъ отклонило бы насъ въ сторону отъ главной темы. Несомнънно въ недалекомъ будущемъ появится не одно исчерпывающее изслъдованіе «чехословацкихъ подвиговъ» въ Россіи. Наша цъль — освътить лишь общія причины, давшія интернаціоналу побъду надъ бълымъ національнымъ движеніемъ, дать отвътъ на то, какими силами располагалъ международный соціалистическій комплотъ; мы не можемъ пройти поэтому не коснувшись многихъ сторонъ дъятельности чехо-словацкаго корпуса, который игралъ большую и печальную роль въ направленіи и исходъ борьбы бълыхъ за національное возрожденіе Россіи.

Война, которую съ 1914 года велъ великій Русскій народъ во главъ съ Царемъ-Мученикомъ Николаемъ II, имъла, — въ числъ многихъ другихъ благотворительныхъ цълей, — и вадачу — освободить отъ австрійскаго владычества Богемію, вовстановить самостоятельность древней державы св. Вячеслава.

Ченіскіе патріоты возлагали всѣ свои надежды на Россійскую Имперію; въ теченіе 1914, 1915 и 1916 г. г. центръ всей ихъ работы былъ въ Петроградѣ. Въ 1916 году создана на русскія средства и русскими властями первая чехо-словацкая дивизія, состоявшая изъ добровольцевъ-чеховъ, жившихъ въ Россіи, или бѣжавшихъ туда для активнаго участія въ борьбѣ. Въ 1917 году начали формировать вторую дивизію, на этотъ разъ уже изъ военно-плѣнныхъ чеховъ и словаковъ, захваченныхъ русской арміей въ бояхъ, приэтомъ брали въ полки изъ концентраціонныхъ лагерей только лучшихъ, испытанныхъ людей.

Когда изъ тучъ, вызванныхъ затянувшейся войной, грянулъ громъ, когда величайшее несчастье стряслось надъ нашимъ отечествомъ; когда бунтъ распущенныхъ солдатъ Петроградскаго гарнизона, съ помощью союзныхъ и доморощенныхъ «общественных» двятелей, обратился въ дикую уродливую революцію; когда тъ же дъятели, въ перегонки, начали развращать боевые полки русской армін и топтать въ грязь старыя славныя внамена. - вашатался русскій боевой фронть; опьяненные полной разнузданностью солдаты жадно впитывали въ свою массу «демокративацію», начатую Гучковымъ, Поливановымъ, и Нахамкесомъ, охотно поддавались и слъдовали новымъ ловунгамъ, бросаемымъ демагогами всвят оттвиковъ, отъ толстаго Роданнки до Ленина. Люди точно посходили съ ума. Началась травля офицерства. Отказъ отъ наступленія. Пошли братанія съ врагомъ. Затъмъ девертирство, распродажа нъмцамъ орудій, пулеметовъ. И гнусное массовое избіеніе лучшихъ генераловъ и офицеровъ.

Только самыя крвпкія части, гдв имвлось больше старыхъ настоящихъ офицеровъ и солдатъ, сохраняли еще видъ воинской силы. И среди нихъ была первая чехо-словацкая дивизія. За этотъ періодъ она проявила много доблести и оказала не мало подвиговъ; эта дивизія пыталась сдержать натискъ германской пвхоты на Стоходв, она старалась сдержать около себя и худшее, а именно — разложеніе русской арміи, сохраняя въ себв и дисциплину, и боеспособность, и даже внешній воинскій видъ; въ грустные дни Тарнопольскихъ боевъ въ іюль 1917 года 1-я чешская дивизіи совмыстно съ немногими крыпкими русскими частями прилагала всв силы, чтобы остановить быгство «революціонныхъ войскъ 18 іюня» и преградить

вражеское вторжение вглубь страны.

Но Каиново дѣло — русская революція шла гигантскими шагами и докатилась до своего логическаго конца, до «похабнаго» Брестъ-Литовскаго мира. Тогда, чехо-словацкія части, сведенныя къ этому времени въ отдѣльный корпусъ, рѣшили, что имъ въ Россіи больше дѣлать нечего, надо выбираться на Западный фронтъ, во Францію. Да и не безопасно имъ было дальше пребываніе въ свободной совѣтской республикѣ, такъ какъ въ случаѣ выдачи ихъ австро-германцамъ (а тогда большевики исполняли еще всѣ приказы главной германской квартиры), что ожидало бы чеховъ, какъ измѣнниковъ присяги и вѣрности своему отечеству? Чехо-словацкій корпусъ въ полномъ составѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, погрузился въ вшелоны, чтобы выбраться изъ Россіи. Не было надежды пробиться въ Архангельскъ, рѣшили ѣхать на Владивостокъ, черезъ Сибирь.

Большевики какъ будто были согласны выпустить чехословаковъ, но требовали сдачи оружія; Бронштейнъ (Троцкій) отдалъ прикавъ объ этомъ и предписалъ принять рѣшительныя мѣры. Многіе подчинились прикаву и сдали пушки, пулеметы и винтовки. Но часть чеховъ, лучшіе, понимали, что безоружные они будутъ игрушкой въ рукахъ коммунистовъ, и рѣшили пробиваться силой.

Произошелъ почти одновременно рядъ выступленій, отъ Пензы до Байкала, такъ какъ чешскіе вшелоны успъли уже растянуться чуть не по всей длинъ Великаго Сибирскаго

пути.

Всюду чехамъ оказали помощь тайныя организации русскихъ офицеровъ и казаки. Общими ихъ усиліями была очищена отъ красныхъ бандъ вся огромная восточная часть России. Какъ разъ около этого времени прозвучали, какъ міровой набатъ, призывы союзныхъ народовъ — Великобританіи, Америки, Японіи, Италіи и Франціи — всѣмъ сплотиться вокругъ русскаго національнаго знамени и образовать снова восточный фронтъ для борьбы противъ Германіи и большевиковъ. Отпала, поэтому, необходимость чешскимъ дивизіямъ выбираться изъ Россіи на французскій фронтъ. Надо было усиливать и развивать дъйствія здѣсь; всѣ вворы были устремлены на Сибирь и Уралъ; на Волгъ образованъ былъ фронтъ. Загорълась борьба.

Это быль періодь героевь. Русскіе и чехи дрались вивств, какъ братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя передъ собой общую священную цвль освобождение Россіи отъ большевиковъ, этихъ «апостоловъ соціаливма и насадителей на вемлв

новаго рая».

Справедливость требуетъ сказать, что безъ помощи офицерскихъ организаци возстание чехо-словаковъ не имъло бы успъха, — на каждой станцій, по уход'в чеховъ, снова появлялись бы большевицкія банды, борьба приняла бы затяжной характеръ въ чужой для чеховъ странв, на желваной дорогв длиной въ пять тысячъ верстъ со всеми преимуществами на сторонв красныхъ; чехи были бы разбиты по частямъ и уничтожены. Доблестное многострадальное русское офицерство встало съ оружіемъ въ рукахъ на всемъ пространствъ отъ Волги до Тихаго Океана и оказало братскимъ славянскимъ полкамъ могучую поддержку. Да и самыя боевыя действія чехо-словацкихъ полковъ, имъвшія такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (какъ полковникъ Ушаковъ, павшій въ бою у Байкала, Войцеховскій, Степановъ и много другихъ). Цълый рядъ городовъ, — Омскъ, Иркутскъ, Челябинскъ, Орскъ, Оренбургъ и Троицкъ, — былъ очищенъ отъ большевиковъ бевъ всякаго участія чеховъ, одними бълогвардейскими органиваціями и казаками. Въ освобожденіи Сибири отъ бандъ кровавокрасной арміи літомъ 1918 года первая и большая васлуга была за русскими бълогвардейскими организаціями. Но эти

настоящіе герои, русскій офицеръ и доброволецъ, цѣнили помощь братьевъ-чеховъ, рады были ей безконечно и уступали въ благодарность имъ первое мѣсто. Населеніе же встрѣчало чехо-словаковъ повсюду, какъ избавителей, васыпало цвѣтами и подарками.

Временное Сибирское Правительство, образовавшееся 30 юня послъ свержения большевиковъ, ивдало въ первый же день своей власти благодарственную грамоту, гдъ отмъчало крупныя васлуги чеховъ и словаковъ въ истории освобождения и спасения Сибири, и даже передъ всъмъ славянствомъ.

Послѣ быстрыхъ успѣховъ перваго выступленія, чехи были повернуты, по приказу изъ Парижа, на западъ, къ Волгѣ, — союзникамъ необходимо было образовать восточный фронтъ противъ нѣмцевъ, — тогда судьба міровой войны еще далеко не была ясна.

Такъ развивались событія. Безъ особыхъ трудовъ и потерь были взяты города Уфа, Самара и Симбирскъ. 7-го августа 1918 года заняли Казань, послѣ чего и былъ созданъ Волжскій фронтъ, командованіе которымъ было вручено чешскому поручику Чечеку, произведенному въ генералы. Операціи на этомъ фронтѣ велись, главнымъ образомъ, также русскими добровольцами-бѣлогвардейцами, отряды которыхъ шли безропотно въ подчиненіе чешскимъ безграмотнымъ офицерамъ и генераламъ; изъ послѣднихъ только одинъ Чечекъ былъ лейтенантомъ военнаго времени австрійской службы, Янъ Сыровой служилъ раньше комивояжеромъ, Гайда — фельдшеромъ....

Порывъ въ то время, лътомъ 1918 года, былъ грандюзенъ. Наша, тогда еще не выбитая и не забитая, интеллигенція посылала тысячами свою учащуюся молодежь въ ряды бълой гвардіи; офицерство поголовно бралось за винтовки, даже старые генералы становились простыми номерами къ орудіямъ. Выдвинулся блестящій военный таланть молодого полковника генеральнаго штаба В. О. Каппеля, который делаль чисто суворовские чудо-маневры, поспъвалъ вездъ и билъ красныхъ, какъ хотълъ. Чешские полки, увлеченные этимъ порывомъ и успъхомъ, шли вмъстъ съ нашими; ихъ охватила та же могучаа волна и увлекли легкія побъды. И опять таки вся слава и блягодарность радостными волжанами, освобожденными отъ гнета большевиковъ, отдавалась чехо-словакамъ. Ихъ только-только не носили на рукахъ. И дарили имъ все, дарили широко, по русски, отъ сердца. Забитые и полуголые бъдняки чехи стали богатъть отъ русской щедрости, аппетиты у нихъ разожглись, и очень скоро у чеховъ вошло въ обычай — тотчасъ по ваняти города, — нашими ли бълогвардейцами или ими, — приступать уже просто къ реквизици русскихъ казенныхъ складовъ, налагая руку иногда и на частное имущество. И на это вначалъ

махали рукой наши: «Все бери, наплевать, — только помоги съ большевиками покончить».

Бронштейнъ и Ленинъ, напуганные успъшными дъйствіями бълыхъ на Волгъ, начали собирать всъ возможныя силы и направлять ихъ на Казань; сюда шли лучшія и наиболье надежныя красноармейскія части во главъ съ латышскими полками. Вначаль чехи, подъ командой отличнаго офицера, полковника Швеца, сдерживали здъсь натискъ красныхъ и отбивали ихъ атаки. Но съ каждымъ днемъ боеспособность чеховъ понижалась, — они привыкли за первый періодъ къ легкимъ побъдамъ, къ веселой службъ быстрыхъ налетовъ, тріумфальныхъ занятій пустыхъ городовъ; теперь приходилось имъть дъло съ многочисленнымъ и упорнымъ противникомъ, нужно было вести серьезные и трудные оборонительные бои съ безсонными ночами, съ тяжелыми потерями.

Въ то же время падали, выбывали изъ строя лучшія силы, тв чехи-герои, имена и память которыхъ для Россіи будутъ всегда священны. А на ихъ мѣсто шли худшіе элементы: брались пополненія изъ числа военноплѣнныхъ, изъ концентраціонныхъ лагерей Сибири. Этими людьми начали заполнять небольшіе кадры уже безъ всякой мѣры, довели составъ чехо-словацкаго корпуса свыше пятидесяти тысячъ человѣкъ. Большинство изъ этихъ новыхъ людей мѣняло убогую жизнь военноплѣннаго концентраціоннаго лагеря на почетное званіе стрѣлка для того, чтобы получить новую нарядную одежду и сытую привольную жизнь; драться же, а тѣмъ болѣе подвергать риску въ бояхъ свою жизнь они не желали. Только желѣзная дисциплина и хорошіе начальники могли бы сдѣлать эту массу боеспособной, сумѣли бы добиться хорошихъ результатовъ.

А на мѣсто этого пришло вотъ что. Чехо-войскомъ руководилъ теперь чешскій національный комитеть, члены котораго состояли къ концу лѣта 1918 года почти сплошь изъ соціалистовъ, вродѣ Богдана Павлу, Гирса, Патейдль, Краль, Модекъ, Клофачъ, Благошъ (предавшій въ декабрѣ 1919 года адмирала Колчака) и др. Всѣ они были нашими военноплѣными и отсиживались въ лагеряхъ, ожидая конца міровой войны. Теперь, когда Америка, Франція и Англія ввяли чеховъ подъ покровительство, эти милостивые государи выполали на свѣтъ и, чтобы попасть къ власти, пользоваться большимъ вліяніемъ на солдатскую массу, пустили въ ходъ самую беззастѣнчивую демагогію.

Повторилась печальная исторія літа 1917 года, развала русской армін Керенскимъ и его партійными соратниками. Со всіль угловъ Россіи політали русскіе соціалисты, главнымъ образомъ, эсъ-эры, и устремились на Волгу къ своимъ «товарищамъ-чехамъ»; приплылъ въ Самару на пароходів «Дідъ»

одинъ изъ главныхъ раврушителей и предателей Россіи В. Черновъ, цѣлый рядъ «отвѣтственныхъ» партійныхъ работниковъ и много рядовой мелкоты. Всѣ они были приняты чешскимъ національнымъ совѣтомъ, какъ свои люди, съ распростертыми объятіями. Закипѣла общая работа, зачадила политическая кухня. Совмѣстными усиліями и ловкими вольтами было образовано Самарское правительство — комитетъ членовъ учредиловки (по сокращенному Комучъ).

Опираясь на чешскіе штыки, центральный комитеть партіи соціалистовъ-революціонеровъ захватилъ власть въ Волжскомъ районъ, чтобы продолжать свой преступный и кро-

вавый опыть насаждения въ России социализма.

Понятно, чешскіе дѣльцы, политиканы-соціалисты изъ національнаго комитета, получили за это свою плату; уже съ самой Самары они повели сначала осторожныя комерческія дѣла, затѣмъ открытую и безвастѣнчивую спекуляцію и на-

конецъ чистый грабежъ.

Этотъ примъръ вдохновителей и политическихъ вожаковъчешскаго воинства подъйствовалъ варазительно на ихъ массы. Ихъ руководящими стимулами скоро стали: обогащение и борьба противъ русской реакци». На этой почвъ шелъ быстро раввалъ чешскихъ полковъ. Политиканы чешско-русскаго социалистическаго блока поспъшили удалить съ чешской службы, съ отвътственныхъ постовъ всъхъ русскихъ офицеровъ, замъняя ихъ своими людьми.

Удержание Казани, для насъ, русскихъ, было важно; поэтому сюда были направлены изъ подъ Симбир на отряды полковника Каппеля, его чудо-богатыри. Во отряды полковника Каппеля, его чудо-богатыри, во отряды полковника Каппель обрушился на большевиков от отряды и готовъ былъ нанести имъ сокрушительный ударт по вы са мую ръшительную минуту чехи не поддержали его ответо выполнить боевой прикавъ, очистили свой участог ствіе этого наши части понесли большя потери и, при пись нъсколько дней на оборонительныхъ позиціяхъ, были отступить. 9-го сентября Казань пала и подверглась еще большимъ ужасамъ краснаго террора.

Черевь два дня большевики заняли Симбирскъ, затъмъ Сыврань и Самару. Чехи перестали сражаться. Они уходили при первомъ натискъ красныхъ, увозя на подводахъ и въ поъздахъ все, что могли забрать изъ богатыхъ войсковыхъ складовъ русское казенное добро. Надо имъть ввиду, что на Волгъ оставались тогда еще колоссальныя заготовки времени 1916 и

1917 годовъ для нуждъ Міровой войны.

За чехами тянулись толпы бѣженцевъ съ Волги, стариковъ, женщинъ, дѣтей; то населеніе, которое нѣсколько недѣль тому навадъ забрасывало чехо-словацкіе полки цвѣтами и востор-

женно привътстовало ихъ, какъ братьевъ-освободителей, шло теперь пъшкомъ, ръдкіе ъхали на подводахъ, потревоженные съ насиженныхъ мъстъ, на востокъ, въ неизвъстное будущее; оставаться имъ по домамъ было нельзя, ибо не только за помощь чехамъ, но даже за простое сочувствие имъ большевики истребляли цълыя семьи.

Можно себъ представить, какія чувства были у этой обез-

доленной и преданной толпы.

Царилъ неописуемый ужасъ, и невольно среди многихъ тысячъ бъженцевъ и населения, брошеннаго на произволъ чрезвычаекъ, возникалъ вопросъ: Зачъмъ было все это? Лучше и не было бы чеховъ совсъмъ, чтобы они и не выступали...

Дъйствительно это было бы лучше, такъ какъ ихъ выступление было преждевременно, оно сорвало тайную работу бълогвардейскихъ организацій, творящуюся подпольно тогда на всемъ пространствъ Россіи, сорвало въ тотъ моментъ, когда

дъло не было еще налажено и объединено.

На ваборахъ и стѣнахъ всѣхъ городовъ и желѣзнодорожныхъ станцій еще пестрѣли разноцвѣтныя обращенія и прокламаціи чеховъ къ русскому населенію — съ призывомъ общей борьбы противъ большевиковъ, съ громкими обѣщаніями драться до побѣднаго конца.

А вм'ясто этого — сдача вс'яхъ позицій, отказъ отъ выполненія боевыхъ приказовъ, предательство по отношенію къ русскимъ

добровольцамъ.

Не всв чехи и словаки были виновны въ этомъ. Въ рядахъ ихъ полковъ не мало состояло еще настоящихъ солдатъ, истинныхъ гороевъ. Эти искренно возмущались недостойнымъ поведешемъ своей массы, негодовали, но безсильны были чтолибо измѣнить. Да и не понимали они ясно, гдѣ причина этого, кто истинные виновники повора и неудачъ.

Озлобленная всёми этими неудачами чешская солдатская масса готова была проклинать всёхъ и вся, не видя, что главные преступники свалившагося несчастья и напрасныхъ жертвъ сидёли въ чешскомъ національномъ комитете и въ Комуче — въ лице узкихъ, партійныхъ дёльцовъ — соціалистовъ.

На ихъ отвътственности и на ихъ совъсти лежала вся

кровь, пролитая за эти мъсяцы, и моря слевъ.

2.

Совершенно ошибочное мнѣне, что чехо-словацкій корпусъ выступилъ въ борьбу съ большевиками идейно, для освобожденія Россіи, для возрожденія великой славянской страны, потрясенной до основанія безсмысленной, ужасной революціей. Первыя ихъ дѣйствія, какъ уже было сказано, диктовались интересами личнаго спасенія отъ возмездія за ихъ измѣну тогдашнему отечеству, Австро-Венгерской Имперіи. Нельзя требовать отъ людей и ожидать больше того, что они могутъ дать, но недопустимо, съ другой стороны, считать героями тѣхъ, которые представляли массу, состоявшую изъ средняго и худшаго элемента. Это было сборище вооруженныхъ людей, бывшихъ нашихъ военноплѣнныхъ, правда сдавшихся частью добровольно, — но опять таки не изъ за идейныхъ причинъ, какъ то привыкли считать, а изъ за того же мелкаго и низкаго желанія спасти свою драгоцѣнную жизнь, которое доминировало у нихъ и въ описываемый періодъ.

Помню, какое чувство омератнія вызывали подобные случаи на фронтъ великой войны. Среди многихъ эпизодовъ галиційскаго наступленія 1916 года быль въ нашей дивизіи (3-й Финляндской стрълковой) 27 іюля упорный бой за дер. Лязарувку, у Золотой Липы. Посл'в горячихъ атакъ съ жестокимъ напряжениемъ съ объихъ сторонъ мы заняли эту деревню, вахватили свыше двухъ тысячъ пленныхъ; германский егерский батальонъ съ австро-венгерскими частями были выдвинуты изъ резерва противника и перешли въ контръ-атаку. Мы удачно справились тогда и съ этимъ; ликвидація контръ-атаки происходила у меня на главахъ, — нашъ 9-й полкъ удачно охватилъ флангъ и вышелъ въ тылъ непріятельской позиціи. Благодаря умълому маневру, мы захватили снова много плънныхъ, хотя всв они дрались и упорно, и хорошо. И вотъ, когда участь боя была уже решена, дальнейшее сопротивление становилось совершенно безцъльнымъ, наши стрълки принимали и вели сдавшихся въ плънъ, - всъ непріятельскіе офицеры и солдаты были мрачны, усталы, подавлены. Вдругь два фендрика, чехи, вырвались изъ толпы пленныхъ, кинулись ко мне, одинъ охватилъ за шею, другой пытался поцеловать. Они кричали что-то о своей дружбъ, о своей горячей любви къ Россіи, о нежеланіи воевать; въ ихъ глазахъ было опьяненіе опасностью боя и страхомъ. Какъ будто холодная, непріятная большая лягушка прикоснулась, — такое ощущение было отъ этихъ объятій и поцѣлуевъ.

Неправдою было мивніе, будто чешскіе части, служившія въ австрійской арміи, сдавались добровольно и безъ боя. Вотъ другой случай. Противъ нашей дивизіи на р. Стрыпѣ у д. Гайворонки стоялъ чешскій полкъ, держался крѣпко всю зиму 1915—16 г. г., дрался съ отличнымъ упорствомъ, а когда послѣ трехдневныхъ боевъ наши стрѣлки переправились черезъ Стрыпу и начали подрывать удлиненными зарядами тридцать рядовъ колючей проволоки, — всѣ чехи этого полка¹) успѣли убѣжать; мы взяли ихъ плѣнными лишь нѣсколько десятковъ.

¹⁾ Насколько помию, 88-го пфхотнаго.

Въ тѣ же дни у дер. Висневчика на Стрыпѣ наши стрѣлки захватили почти цѣликомъ 10-й гонведный венгерскій полкъ, выйдя неожиданно ему въ тылъ. Тогда же мы всѣ высказывали мысль, что равсказы о добровольной сдачѣ цѣлыхъ чешскихъ полковъ — басня. Это была своего рода игра съ двойнымъ обезпеченіемъ: драться хорошо до побѣды своихъ, а въ случаѣ пораженія, или въ трудную минуту — прикрыться славянскимъ

братствомъ, чтобы и въ плену было не плохо.

Ясно, что изъ массы военноплѣнныхъ-шкурниковъ не могли образоваться крѣпкія воинскія части. Когда имъ грозила опасность быть выданными большевиками графу Мирбаху, германскому посланнику въ Москвѣ, — они рванули, ведомые своими лучшими и храбрыми; въ первыхъ же стычкахъ многихъ изъ нихъ, героевъ, потеряли, и, какъ только встрѣтили опасность, столкнулись съ крѣпкими красными частями, то повернули назадъ. Отступленіе чеховъ съ ихъ «военной добычей» легло теперь всей тяжестью на русское многострадальное офицерство и добровольцевъ; плохо снабженные, полуголодные, недостаточно даже вооруженные, эти истинные герои прикрывали чешскіе эшелоны, наполненные вдоровыми сильными людьми, съ изобиліемъ всякихъ запасовъ.

Естественно, что чувства русскихъ начали мѣняться и, вмѣсто прежнихъ иллюзій восхищенія освободителями и братьями, стало нарождаться чувство возмущенія и презрѣнія къ жаднымъ и трусливымъ чужакамъ, нашимъ же военноплѣннымъ.

Собственно говоря, отступленіемъ отъ Волги и кончилась боевая дѣятельность чехо-словацкаго корпуса. Нѣкоторое время они стояли еще на фронтѣ, правильнѣе сказать обозначали свое тамъ мѣсто, каждый разъ только до перваго появленія красныхъ силъ, затѣмъ сматывались и уходили на востокъ. Всѣ бои и вся арьергардная служба легли своей тяжестью исключительно на русскіе добровольческіе отряды Волжанъ и Уфимцевъ.

Всякое отступление вносить въ ряды войскъ нѣкоторую деморализацию, это лежить въ самой природѣ событія. Такое же отступление, какъ то было осенью 1918 года съ чехо-словацкими полками, бевпорядочное, бевнакаванное, быстро дополнило ихъ разложение; этотъ процессъ еще болѣе усиливался отъ той демагогіи, которую расплодили и усиливали съ каждымъ днемъ тогдашние ихъ руководители, соціалисты изъ національнаго комитета.

Они прокричали на всѣ концы, что «ихъ цѣль — борьба за демократію», что «вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи они не желають». И въ то же время они самымъ беззастѣнчивымъ образомъ поддерживали партію эсъ-эровъ, добывали для нея власть надъ русскими массами. Такъ было, когда они оказали,

въ лицѣ доктора Павлу, давление на образование социалистической директории, въ Томскѣ чехи открыто выступили на поддержку Сибирской областной думы, состоявшей почти поголовно изъ эсъ-эровъ, шедшей противъ временнаго Сибирскаго правительства и командовавшаго Сибирской армией генерала Гришина-Алмазова. Въ низахъ чехо-словацкихъ полковъ велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда: дѣльцы-социалисты, обдѣлывая свои темныя махинации, увѣряли солдатскую массу, что они соблюдаютъ интересы ихъ и русскаго народа, стоятъ на стражѣ революции и «борятся противъ реакци». Между прочимъ, какъ ясный признакъ ея, выдвигалось то, что русские офицеры и солдаты одѣли погоны,

свою старую, историческую форму.

Чехо-словацкій національный комитеть скоро повель козни даже противъ созданной при его же помощи соціалистической Уфимской директоріи и сталъ всецівло на сторону ліввыхъ эсъ-эровъ, группировавшихся около В. Чернова. Несмотря на это съ чехами продолжали носиться. Директорія и входящій въ нее членомъ верховный главнокомандующій генералъ Болдыревъ — оставили командование всъмъ Уральскимъ фронтомъ въ рукахъ чешскаго генерала Яна Сырового, не смотря на то, что фактически боевая служба неслась одними русскими добровольческими отрядами, и чехи лишь мъстами еще занимали второстепенные участки, да кое-гдъ стояли въ резервахъ. Въ отвътъ на такой реверансъ — Сыровой отказался исполнять приказы генерала Болдырева. После долгихъ сценъ и уговариваній, онъ заявиль, что будеть подчиняться Болдыреву лишь временно, до привада французскаго генерала Жанэна; на самомъ дълъ не выполнилось и это, чехи дъйствовали совершенно самостоятельно.

Не было у нихъ уже и внутренней, своей дисциплины; скоро полки ихъ пріобрѣли такой же видъ, какъ наши «товарищи» конца семнадцатаго года. Безъ погонъ, въ умышленнонебрежной и неформенной одеждѣ съ копной длинныхъ кудлатыхъ волосъ, съ насупленнымъ злобнымъ взглядомъ, вѣчно руки въ карманахъ, — чтобы по ошибкѣ и по старой привычкѣ не отдать честь офицеру; толпы ихъ были на всѣхъ станціяхъ, молчаливыя, державшеся кучками по десять — пятнадцать человѣкъ, ничего не дѣлавше, кромѣ регулярнаго наполненя своихъ желудковъ и безконечныхъ, безтолковыхъ словопреній. Было у нихъ еще одно занятіе: они сторожили свои огромные запасы, охраняли ихъ усиленными караулами, съ винтовками въ рукахъ.

Вотъ краткій перечень вывезеннаго чехами въ первый періодъ, послѣ отступленія отъ Волги («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 12. 1920 года.)

«Отойдя въ тылъ, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своимъ количествомъ, но и разнообразіемъ. Чего, чего только не было у чеховъ. Склады ихъ ломились отъ огромнаго количества русскаго обмундированія, вооруженія, сукна, продовольственныхъ вапасовъ и обуви. Не довольствуясь реквивиціей казенныхъ складовъ и казеннаго имущества, чехи стали забирать все, что попадало имъ подъ-руку, совершенно не считаясь съ тъмъ, кому имущество принадлежало. Металлы, разнаго рода сырье, цънныя машины, породистыя лошади — объявлялись чехами военной добычей. Однихъ медикаментовъ ими было забрано на сумму свыше трехъ миллюновъ золотыхъ рублей, резины на 40 миллюновъ рублей, изъ Тюменьского округа вывезено огромное количество меди и т. д. Чехи не постеснялись объявить своимъ привомъ даже библютеку и лабораторію Пермскаго университета. Точное количество награбленнаго чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету эта своеобразная контрибуція обошлась русскому народу во многія сотни милліоновъ золотыхъ рублей и значительно превышала контрибуцію наложенную пруссаками на Францію въ 1871 г. Часть этой добычи стала предметомъ открытой куплипродажи и выпускалась на рынокъ по вавинченнымъ цѣнамъ, часть была погружена въ вагоны и предназначена къ отправкъ въ Чехію. Словомъ, прославленный коммерческій геній чеховъ расцвълъ въ Сибири пышнымъ цвътомъ. Правда, такого рода коммерція скоръй приближалась къ понятію открытаго грабежа, но чехи, какъ народъ практическій, не были расположены считаться съ предразсудками.»

Къ втому добавимъ, что чехами было вахвачено и объявлено ихъ собственностью огромное количество паровововъ и свыше двадцати тысячъ вагоновъ. Одинъ вагонъ приходился примърно на двухъ чеховъ; понятно, что такое количество имъ было необходимо для провова и храненія взятой съ бъдной Россіи контрибуціи, а никакъ не для нуждъ прокормленія

корпуса и боевой службы.

Пропаганда и демогогія соціалистовъ, руководителей изъ національнаго комитета, попустительство русскихъ властей и представителей Антанты, безнаказанный грабежъ, сытая и бездъятельная жизнь — вотъ тъ факторы, которые окончательно

разложили чехо-словацкій корпусъ.

Уже въ октябрѣ 1918 года чехи окончательно откавались драться и потребовали вывода ихъ въ тылъ, мотивируя это тъмъ, что они хотятъ быть отправленными въ Европу, на французскій фронтъ. Русское командованіе противъ этого не протестовало, такъ какъ имъть на фронтъ подобную разнузданную, доведенную соціалистами до степени большевизма массу — было

только во вредъ. Русское командование настаивало на одномъ и обращалось съ этой просьбой — подождать нъсколько недъль и дать возможность закончить начатое формирование: нашихъ частей; чешское командование, кромъ генерала Гайды, не соглашалось и на это. И къ началу ноября 1918 года весь чехо-словацкий корпусъ былъ убранъ въ тылъ, на фронтъ остались только русские молодые полки.

Около этого времени доблестный чешскій полковникъ Швецъ, одинъ изъ ветерановъ первой чешской дививіи, не стерпълъ развала своей части, не могъ перенести повора и застрълился.

Возмущение среди армии и населения Сибири противъ чеховъ росло съ каждымъ днемъ. Когда чехо-словацкие полки уходили въ тылъ, они забрали съ собою все вооружение, причемъ нъкоторыя ихъ батареи имъли двойной комплектъ пушекъ; увевли они больше склады обмундированія и обуви. И это въ то время, когда на фронтъ имъ на смъну становились русскіе полки плохо и недостаточно вооруженные, полураздатые и полуобутые, съ огромнымъ недостаткомъ орудій, пулеметовъ и винтовокъ. Терпъли мы и переносили все это потому, что не было силы расправиться съ этими пятидесятитысячными бандами, не было возможности обеворужить ихъ и загнать снова въ концентраціонные лагери, - единственно чего они васлуживали. Въ свою очередъ среди чеховъ росло недружелюбное чувство ко всъмъ русскимъ, къ самой Россіи. Докторъ Павлу и другіе политическіе руководители разжигали это чувство еще тъмъ, что умышленно натравливали свою массу на русское офицерство, на русскую армію.

Въ началѣ ноября военный и морской министръ директоріи адмиралъ А. В. Колчакъ прибылъ особымъ поѣздомъ въ Екатеринбургъ, чтобы лично ознакомиться съ нуждами фронта. Равнузданные чешскіе солдаты начали задѣвать самой площадной бранью всѣхъ чиновъ конвоя русскаго военнаго министра, чешскіе офицеры, стоявшіе тутъ же, не только не останавливали ихъ, но даже подзадоривали. Одинъ изъ офицеровъ направился къ вагонамъ адмирала, проходъ куда былъ запрещенъ. Русскій часовой пытался остановить чеха-офицера; со стороны послѣдняго въ отвѣтъ послѣдовала отборная ругань, а ватѣмъ попытка ударить часового. Тогда русскій стрѣлокъ пустилъ въ ходъ оружіе, — что онъ былъ обязанъ сдѣлать по

вакону, - и смертельно ранилъ чеха.

Всѣ иностранцы проявили возмущение этимъ случаемъ и стал на сторону безобравниковъ, нарушителей порядка-чеховъ. Создали помпеозныя похороны, анти-русскую демонстрацію; политиканы изъ національнаго комитета говорили надъ могилой этого печальнаго героя рѣчи, полиыя ненависти къ России и Русскимъ.

Характерно то, что союзническія военныя части и высокіє комиссары в'ядь вид'яли и знали все это, имъ была открыта истинная картина и до мелочей было знакомо положеніе д'яла: и предательство на фронт'я, и безконечный грабежъ союзника-Россіи, и вм'яшательство въ государственныя д'яла, и угрозы самой возможности дальн'яйшей борьбы отъ присутствія вътылу этой многотысячной разнузданной, вооруженной массы.

Konnin passagine - Mux. nanta.

Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и бездвиствовали; втайнъ же, за спиной они всячески ублажали

и поощряли чеховъ.

Въ ноябръ прівхаль въ Сибирь французскій генераль-Жанэнъ, глава миссіи, и вступиль въ главнокомандованіе чехо-словацкимъ корпусомъ, какъ равно и другими «союзными» войсками. Къ этому времени война съ Центральными Державами была окончена побъдой Антанты. Чехо-Словакіюпровозгласили самостоятельнымъ государствомъ. Съ Жанзномъ прівхаль новый чешскій военный министръ генераль-Стефанекъ. Онъ имъль вадачу ликвидировать національный комитеть, привести въ порядокъ части, наладить дисциплину и добиться ихъ фактическаго подчинения Жанэну; кромъ того Стефанекъ надъялся, — какъ онъ говорилъ въ первые дни прітада въ Сибирь, — заставить чешскіе полки драться противъ большевиковъ. Высокой честности, доблестный солдатъ, человъть незатемнънный политической партійной мутью, генералъ Стефанекъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ увидълъ въ своемъ воинствъ въ Сибири.

Но чешскому военному министру ничего сдълать не удалось. Онъ встрътилъ сильное противодъйствіе и среди своего команднаго состава, и у политическихъ руководителей, и въ солдатской массъ; послъдняя отвътила даже тъмъ, что открыто потребовала учрежденія полковыхъ и дивизіонныхъ комитетовъ солдатскихъ депутатовъ, на подобіе тъхъ, что были созданы Гучковымъ и Керенскимъ для развала русской арміи въ 1917 году.

Ничего не добившись, генералъ Стефанекъ увхалъ обратно въ Прагу, сконфуженно прощаясь съ русскими друзьями и открыто выражая имъ свои искреннія и глубонія сожалвнія.

Все больше росло недовольство среди чеховъ, все чаще и громче раздавались ихъ требованія объ эвакуаціи изъ Сибири и о возвращеніи на родину, — война съ Центральными Державами была кончена. Верховный Правитель, замѣнившій собою кастрата-директорію, а равно наше высшее командованіе поддерживали передъ союзниками эту просьбу чеховъ: намъ было необходимо убрать какъ можно скорѣе изъ Сибири этотъ вредный баластъ, 50000 разнузданныхъ, вооруженныхъ и враждебныхъ Россіи солдатъ.

Какое это было зло и какая угроза въ тылу! И какой гибельный примъръ нашимъ солдатамъ. Приходится еще больше и ниже преклониться передъ отличными свойствами русскаго человъка, — въдь на ряду съ этими полу-большевиками, потерявшими человъческій образъ, не желавшими отдавать честь не только своимъ и русскимъ офицерамъ, но даже французамъ и американцамъ, предъ которыми чехи все время благоговъли, зная, что отъ нихъ зависитъ отесылка ихъ на родину, — на ряду съ этими массами въ нашихъ русскихъ полкахъ дисциплина укръплялась съ каждымъ днемъ, отдане чести было не только исправное, но даже отчетливое, щеголеватое, служба неслась и на фронтъ и въ тылу на совъсть, по уставу.

Союзники не нашли возможнымъ удовлетворить просьбу чеховъ, объяснили имъ, что сейчасъ-де нѣтъ достаточного количества транспортовъ для перевозки всего корпуса, но объщали, что при первой возможности ихъ вывезутъ. Этимъ объщаниемъ чеховъ заставили подчиниться приказу Жанэна — стать вдоль желъзной дороги и охранять ее. Какъ неслась эта охрана и служба, описано въ предыдущей главъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: что же за отношеніе у Союзныхъ Державъ было къ Россіи и русскому народу? Представители ихъ въ Сибири знали всю вопющую правду о тѣхъ неслыханныхъ, безобразныхъ преступленіяхъ, которыя произвелъ въ Россіи чехо-словацкій корпусъ, знали въ какомъ состояніи находилось это войско, не могли не видѣть постоянной угрозы русскому національному дѣлу со стороны этой взрывчатой массы. А кромѣ того къ нимъ были обращены и неоднократныя просьбы Русскаго правительства убрать чеховъ изъ Россіи. Но не нашли возможнымъ сдѣлать это.

Можетъ быть, дъйствительно не было транспортовъ и достаточнаго количества тоннажа? Допустимъ, что такъ, но у нихъ, этихъ руководителей союзнической, а къ тому времени и міровой политики, было ва то достаточно въ Сибири силъ, — три доблестныхъ японскихъ дививіи, одна канадская, по батальону сербовъ, румынъ, итальянцевъ, и французовъ, два батальона англичанъ, — чтобы обувдать чешскую массу, обезоружить, привести въ порядокъ. Это сдълать можно было, это сдълать должны были наши бывпие союзники, на это имъ не разъ указывали. Но они этого не сдълали. А, можетъ быть, и не хотъли сдълать?

3.

Чехо-словацкія части двигались все болье въ глубокій тыль, чтобы тамъ выжидать возможности эвакуаціи; среди ихъ массъ продолжался все тотъ же процессъ разложения, и параллельно шло укръпление эсъ-эровскаго вліянія. Полное бездъльничание и разгильдяйство среди чеховъ стало нормальнымъ явлениемъ; единственно, чъмъ они продолжали усиленно ваниматься, — развили торговлю и спекуляцю не только награбленнымъ имуществомъ, но и новыми товарами, привозимыми съ Дальняго Востока. Для этой цели чешское командованіе и политическіе руководители начали безваст'єнчиво использовать русскую желъзную дорогу, которая при всемъ напряжении не могла даже удовлетворить потребностей боевыхъ армій и населенія Сибири. Довольствіе чехо-войска брало треть всего наличнаго транспорта, обращавшагося тогда на Сибирской жельзной дорогь, что давало на каждаго чешскаго солдата по нъсколько десятковъ пудовъ ежемъсячно. дъйствительныя потребности войсковыхъ частей изъ этого количества шла меньшая часть, — львиную долю транспорта составляли различные ходкие товары, поступавшие потомъ отъ чеховъ на сибирскій рынокъ. Не довольствуясь этимъ, чешскіе руководители начали вскор в передавать частнымъ лицамъ, ловкимъ спекулянтамъ, свое право на цълые вагоны.

Возникало нѣсколько громкихъ дѣлъ. Однако Омское Правителство, имѣвшее среди своихъ членовъ партійныхъ соціалистовъ, закрывало на это глава, проповѣдуя, нежеланіе обострять отношенія; съ другой стороны, такъ это все надоѣло и такъ все еще дорожили помощью союзниковъ, что предпочитали терпѣть и ждать, когда эти «доблестные» воины-сцекулянты

уберутся изъ Сибири.

Но адмиралъ Колчакъ твердо рѣшилъ положить въ будущемъ конецъ этому вопющему безобразію; онъ ждалъ также, когда можно будетъ выбросить чеховъ изъ Сибири во Владивостокъ, чтобы тамъ, передъ ихъ посадкой на суда, произвести ревизію всѣхъ ихъ грузовъ. Отъ участія въ этой ревизіи не могли бы уклониться и союзники. И несомнѣнно, тогда преступленіе встало бы во весь ростъ и во всей своей неприглядной

наготъ; грабителей уличили бы съ поличнымъ.

И яено, — чѣмъ крѣпче былъ бы порядокъ въ тылу, чѣмъ сильнѣе упрочилась бы тамъ государственная организація, тѣмъ вѣрнѣе поплатились бы всѣ преступные элементы. Данныя же были на лицо, что усиленіе государственности и порядка, несмотря на всѣ препятствія, идутъ вѣрными шагами впередъ; и виднѣлся день, когда русская національная мощь окрѣпнетъ въ тылу также, какъ она была крѣпка на боевомъ фронтѣ. Вотъ тогда то и состоялось тайное соглашеніе между партіей эсъ-эровъ и главарями чешскаго національнаго комитета: чехи будутъ содѣйствовать сверженію правительства адмирала Колчака и переходу власти въ руки эсъ-эровъ, за что получатъ право вывоза своихъ многомилліонныхъ грузовъ. Такова основа соглашенія, реальная цѣль — рука руку моетъ.

Понятно вполнъ, что не представляется возможнымъ установить точно время, когда состоялось это соглашение, каковы были детальныя условія, способы осуществленія, — все это дълалось въ глубокой тайнъ. Въ сущности, полное согласіе не только между эсъ-эрами и чехами, но и съ третьей стороной, съ союзническими миссіями, установились еще съ лъта 1918 года, съ той же поры велась и общая работа, направленная ко вреду національной Россіи, но раньше все это носило случайный и временный характеръ; теперь былъ заключенъ союзъ, народился сплоченный комплотъ, сильный заговоръ, организованное проведеніе плана въ жизнь.

Вся вима 1918—1919 г. прошла въ передвижени чехословацкаго корпуса по желъвной дорогъ, въ долгихъ уговариванияхъ солдатъ стать въ тотъ или другой городъ, или на станцю, въ упрашиванияхъ со стороны союзныхъ миссій согласиться на службу по охранъ желъвной дороги.

Всю зиму эти пятьдесять тысячь военноплинныхь, разжирьвшихь на сибирскихь хлибахь, ничего ровно не дилали,

Всюду были толпы этихъ парней; наглое одутловатое лицо, чубъ выпущенъ изъ подъ фуражки по большевицкой модъ, бъгающій взглядъ глазъ, останавливающійся на каждомъ русскомъ съ враждебнымъ и виноватымъ выраженемъ. Всъ чехи были одъты щеголями, какъ наши писаря Главнаго Штаба былыхъ временъ, — новенькая форма, сшитая изъ русскихъ суконъ, форсистые сапоги бутылками и перчатки. Нельзя не повторить, что многострадальная боевая русская армія въ то же время была въ рубищахъ и терпъла недостатокъ во всемъ.

Къ веснъ, наконецъ, размъстили чеховъ по квартирамъ, но они заявили, что поъздовъ не отдадутъ, выставили къ нимъ караулы и оставили вагоны нагруженными накраденнымъ добромъ, чтобы въ любую минуту быть готовыми къ отъъзду. Во всъхъ городахъ междусоюзническая комиссія отвела для чехо-словацкихъ частей лучшія помъщенія, въ большинствъ русскія школы.

Союзные представители продолжали всячески ублажать чеховъ; какъ будто русскихъ интересовъ совершенно не существовало для этихъ миссій, прівхавшихъ въ Сибирь намъ же помогать.

Въ добавокъ ко всѣмъ качествамъ чехо-войска среди солдатъ ихъ появился огромный процентъ больныхъ скверными, секретными болѣзнями. Для нихъ очистили госпитали и наводнили ими всѣ города включительно до Владивостока. Нашихъ раненыхъ выбрасывали или отказывали въ мѣстѣ, такъ какъ больнымъ чехамъ необходимы были лучшій уходъ и заботы.

Ранней весной, провадомъ въ Омскъ, я и генералъ Ноксъ остановились на нѣсколько дней въ Иркутскѣ. Командующій войсками этого округа генералъ-лейтенантъ Артемьевъ развернулъ передъ нами ужасную картину безобразнаго поведенія солдатъ-чеховъ; старый боевой русскій генералъ трясся отъ гнѣва и отъ сдерживаемаго желанія поставить на мѣсто равнузданную массу чеховъ, которыхъ въ свое время и корпусъ генерала Артемьева взялъ не мало въ плѣнъ въ Галиціи въ Польштѣ. Представитель Великобританіи Ноксъ, который былъ отлично въ курсѣ всего, который самъ возмущался въ интимномъ кругу этими порядками, теперь пожималъ только плечами и говорилъ, что надо терпѣть, такъ какъ въ будущемъ чехо-словацкія войска принесутъ-де пользу.

Ненависть и преврѣніе къ дармоѣдамъ, обокравшимъ русскій народъ, возростали въ массахъ населенія сибирскихъ городовъ, въ деревняхъ и въ арміи. Когда мы проѣвжали по улицамъ Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, то видѣли на заборахъ почти всѣхъ улицъ надписи мѣломъ и углемъ: «Бей жидовъ и чеховъ. Спасай Россію».

Ноксъ опять пожималъ плечами и бормоталъ что-то о несдержанности Русскаго народа.

На остановкъ въ Красноярскъ въ апрълъ 1919 года я долго говорилъ съ начальникомъ 3-й чехо-словацкой дивизіи, маюромъ Пржхаломъ, бравымъ офицеромъ типа полковника Швеца. Онъ высказывалъ также полное возмущение своей массой и допущеннымъ разваломъ; офицерская совъсть маюра Пржхалъ не мирилась съ сидъньемъ ва спиной русской арміи. Но, по его мижню, джло можно было исправить, можно было даже получить для борьбы съ большевиками хорошую и достаточную силу, - для этого требовалось провести лишь три мъры: управднение всякихъ политическихъ руководителей, отдълить около половины негоднаго элемента, обезоружить его, заключивъ въ концентраціонные лагери, и вернуть строевымъ начальникамъ всю дисциплинарную власть, съ учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ. Понятно, на это не шли ни политические руководители чеховъ, ни союзные представители, ни «главнокомандующій русскими военно-плѣнными» Жанэнъ. Имъ нужно было не то....

Лѣто и начало осени 1919 года чехи провели на юхранѣ желѣзныхъ дорогъ. Весьма характерно то, что съ ихъ появленіемъ въ этой роли, нападенія и порча желѣзной дороги участились и наконецъ сдѣлались мъстами повседневнымъ, регулярнымъ явленіемъ.

Постепенно усиливался комплотъ въ тылу, крѣпъ заговоръ, росли вражескія силы; какіе были у нихъ планы и расчеты, тогда нельвя было въ точности выяснить. Но документально установлено, что возстаніе противъ власти адмирала Колчака во Владивостокѣ и въ Иркутскѣ было поднято и проведено при близкомъ участіи и даже при помощи чеховъ. Гайда, жившій съ іюля во Владивостокѣ и готовившій при широкой поддержкѣ тамошняго чешскаго штаба возстаніе, получилъ послѣ паденія Омска телеграмму отъ оффиціальнаго чешскаго представителя при Омскомъ правительствѣ доктора Гирсы такого содержанія: «Начинайте, все готово».

Вслъдъ за этимъ тотъ же докторъ Гирса и Павлу издали въ концъ ноября меморандумъ, обращенный ко всъмъ союзнымъ представителямъ. Они драпировались въ тогу гуманности и законности, они требовали или вывоза ихъ войскъ на родину, или «предоставленія имъ свободы воспрепятствованія безправію и преступленію, съ какой об стороны они не исходили»...

Въ начал меморандума эти обогатившеся русскимъ добромъ политические шуллера обращаются «къ союзнымъ державамъ съ просьбой о совътъ, какимъ образомъ чехо-словацкая армия могла бы обезпечить собственную безопас-

ность и свободное возвращение на родину, вопросъ о чемъ разръшенъ съ согласія всъхъ союзныхъ державъ»....

Далъе говорится о произволь русскихъ военныхъ органовъ, объ «обычномъ явлении разстръловъ безъ суда представителей демократии по простому подозрънию въ политической неблагонадежности», «объ отвътственности за все это передъ судомъ народовъ всего міра, почему мы, имъя военную силу, не воспротивились этому беззаконію».

Это точныя цитаты изъ документа. И все здъсь отъ начала до конца ложь, — даже и касательно разстръла такъ называемыхъ представителей демократіи, т. е. русскихъ соціалистовъ.

Къ несчастью, это было не такъ, ибо если бы дъйствительно это широко примънялось, то былъ бы живъ до сихъ поръ адмиралъ Колчакъ, существовала бы его армія и, надо върить, она освободила бы Святую многострадальную Русь отъ кровавыхъ тисковъ интернаціонала.

Во всемъ меморандумѣ правда лишь въ его началѣ, — а именно въ просьбѣ совѣта, какимъ образомъ чехо-словацкимъ эшелонамъ выбраться изъ Сибири на родину и вывезти всѣ захваченныя богатства. Цѣль же меморандума была одна — оправдать заранѣе участіе чехо-войска въ мятежныхъ и измѣнническихъ возстаніяхъ.

Но руководители заговора видимо не все расчитали. Послѣ паденія Омска, когда отступленіе бѣлой арміи пошло быстрымъ и ежедневнымъ ходомъ, чехо-словацкіе полки, живше постоянной мыслью выѣвда изъ Сибири, охватила паника. Какъ стадо, напуганное призракомъ смерти, рванулись легіонеры назадъ, на востокъ, ничего не видя, кромѣ страха опасенія за свои жизни. Подъ вліяніемъ паники, пользуясь силой и покровительствомъ высокихъ русскихъ гостей-союзныхъ представителей, эти банды стали совершать подлинно Каиново дѣло. Остановить взбунтовавшеся, бѣшенныя массы можно было только силой японскихъ и англійскихъ штыковъ, да рѣзкими крайними мѣрами; возможность этого была въ рукахъ генераловъ Нокса и Жанэна, но они не захотѣли помочь намъ это сдѣлать.

Вотъ короткое описаніе происходившей трагедін («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.):

«Длинною лентой между Омском» и Новониколаевском» вытянулись эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, направлявшеся на востокъ. Однако лишь нѣсколько головныхъ эшелоновъ успѣли пробиться до Забайкалья, всѣ остальные безнадежно застряли въ пути.

Много беззащитныхъ стариковъ, женщинъ и дътей были перебиты озвъръвшими красными, еще больше замеряло въ нетопленныхъ вагонахъ и умерло отъ истощенія или стали

жертвой сыпного тифа. Немногимъ удалось спастись изъ этого ада. Съ одной стороны надвигались большевики, съ другой лежала безконечная, холодная Сибирская тайга, въ которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно вамирала живнь въ этихъ эшелонахъ смерти. Затихали стоны умирающихъ, обрывался дътскій плачъ, и

умолкало рыданіе матерей.

Безмолвно стояли на рельсахъ красные вагоны — саркофаги со своимъ страшнымъ грузомъ, тихо перешептывались могучими вътвями въковыя сибирскія ели, единственные свидътели этой драмы, а вьюги и бураны напъвали надъ безвременно погибшими свои надгробныя пъсни и заметали ихъ бълымъ, снъжнымъ саваномъ.

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемаго словами ужаса были чехи.

Вмѣсто того, чтобы спокойно оставаться на своемъ посту и пропустить эшелоны съ бѣженцами и санитарные поѣзда, чехи силою стали отбирать у нихъ паровозы, согнали всѣ цѣлые паровозы на свои участки и задерживали всѣ, слѣдовавшіе на западъ. Благодаря такому самоуправству чеховъ, весь западный участокъ желѣзной дороги сразу же былъ поставленъ въ безвыходное положеніе».

И дальше: «Болъ пятидесяти процентовъ имъющагося въ рукахъ чеховъ подвижного состава было занято подъ запасы п товары, правдами и неправдами пріобрътенными ими на Волгъ, Уралъ и въ Сибири. Тысячи русскихъ гражданъ, женщинъ и дътей были обречены на гибель ради этого проклятаго движимаго имущества чеховъ».

Докторъ Гирса и Богданъ Павлу ввывали въ своемъ меморандумъ къ суду народовъ всего міра, — какъ разъ наканунъ этого дъла, подобнаго которому не было въ исторіи всъхъ въковъ...

На этомъ гнусное предательство не кончилось; было ясно, что выполнители скрытой указки интернаціонала, соціалисты, пойдутъ теперь до конца, будутъ стремиться къ полному уничтоженю вождей національнаго дѣла. Къ несчастью, Верховный Правитель предолжалъ относиться довѣрчиво къ союзнымъ представителямъ, все также переоцѣнивалъ значеніе и вліяніе на жизнь своихъ министровъ. Оттого-то, вѣроятно, и ускользнула изъ его вниманія неизбѣжная послѣдовательность событій въ тылу, оттого-то, очевидно, слѣдуя призыву своихъ министровъ, онъ рѣшилъ и самъ ѣхать въ Иркутскъ, отдѣлился отъ боевой арміи.

А это и нужно было заговорщикамъ. Тутъ-то они и выявили, уже не стъсняясь ничъмъ, свое открытое лицо. Цъпь злодъяній, совершенныхъ иностранной интервенціей въ Сибири, дополнилась еще и предательствомъ чехо-словадкими вожаками самого адмирала Колчака — въ руки ихъ политическихъ единомышленниковъ и соучастниковъ, въ руки

эсъ-эровъ.

Впослъдствии чешскіе политики выпустили обращеніе къ Сибири; въ немъ они заявляли, что, взявъ адмирала Колчака подъ свою охрану, чехи предали его «народному суду не только, какъ реакціонера, но и какъ врага чеховъ, такъ какъ адмиралъ приказалъ атаману Семенову не останавливаться передъ взрывомъ тоннелей для того, чтобы задержать чешское отступление на востокъ».

Каждая черточка всѣхъ этихъ дѣйствій, ихъ попытокъ обѣлиться и оправдаться путемъ нотъ и обращеній — перлы самой, беззастѣнчивой подлости смѣшанной съ наивностью, граничащей съ глупостью. Это А. В. Колчакъ-то реакціонеръ! Да если онъ отчего и погибъ, отчего рухнуло и возглавляемое имъ дѣло, — такъ это главнымъ образомъ, оттого, что онъ дѣлалъ слишкомъ много уступокъ, терпѣлъ соціалистовъ въ своемъ кабинетѣ министровъ, отказывался признать и объявить партію эсъ-эровъ противоправительственной, вредной и врагами народа, неоднократно упоминалъ въ своихъ деклараціяхъ о созывѣ по приходѣ въ Москву «учредительнаго собранія», наконецъ обѣщалъ и издалъ даже указъ о созывѣ въ Сибири «земскаго собора».

Кромѣ всего, — чехи постоянно заявляли, и въ послѣдній разъ въ пресловутомъ ноябрьскомъ меморандумѣ Гирса и Павлу, что они не хотятъ и не считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія русснія дѣла. Слѣдовательно, какое имъ могло быть дѣло до реакціонности того или другого изъ русскихъ дѣятелей!

Тотчасъ послѣ ареста Верховнаго Правителя чехами на станци Нижнеудинскъ, совѣтъ министровъ какъ-то самъ собой распался, и большинство ихъ уѣхало на востокъ; а въ Иркутскѣ тотчасъ же образовался политическій центръ, состоящій изъ трехъ авантюристовъ, харьковскаго спекулянта Фельдмана, Косьминскаго и подпоручика — дезертира; этотъ «политическій центръ» объявилъ себя носителемъ Россійской верховной власти. Первое распоряженіе министра финансовъ этого новаго правительства, жидка-фактора и партійнаго эсъ-эра, Патушинскаго было телеграфное приказаніе управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Безпрепятственно и безъ всякаго досмотра пропускать къ погрузкѣ на пароходъ все, что пожелаютъ вывезти чехи, въ виду ихъ заслугъ передъ Россіей».

Россійское государственное достояніе, двъсти восемьдесять тысячъ пудовъ волотого запаса, чехи довезли до Иркутска, причемъ было установлено, что по дорогѣ одинъ вагонъ, т. е. тысяча пудовъ, былъ ими разграбленъ («Чехи и С-Ры» статья въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 10. 1920 г.). Въ Иркутскѣ золото было сдано своимъ людямъ, тому же политическому центру; на сдаточной вѣдомости были подписи спекулянта Фельдмана и еще какого-то рядового эсъ-эра, бывшаго владѣльца ресторана въ Иркутскѣ.

Эсъ-оры и ихъ политическій центръ продержались въ Иркутскѣ только восемь дней, послѣ чего власть была захвачена большевицкимъ совденомъ во главѣ съ агентомъ Московской совѣтской власти. Чехи сумѣли сговориться и съ ними.

Гдѣ нашли Патушинскіе и компанія заслуги передъ Россієй: теперь ли, въ предательствѣ чеховъ, или въ ихъ выступленіи лѣтомъ 1918 года, когда они, добиваясь личной безопасности, потревожили русскій муравейникъ. Отвѣтъ ясенъ — помощь Московскому интернаціоналу, погубленіе русскаго дѣла — вотъ заслуга передъ Россіей, по мнѣнію Патушинскихъ.

И въдь представить себъ только, что все это продълывалось на глазахъ всъхъ союзныхъ странъ, — ибо эти глаза существовали тогда еще въ Сибири въ лицъ высокихъ комиссаровъ и военныхъ миссій; всъ они внимательно и пытливо слъдили за разворачивавшимися событіями, ежедневно ставя о нихъ въ извъстность Парижъ, Лондонъ и Нью-Іоркъ. Знаменитая въ исторіи фигура, достойная быть поставленной на ряду съ Искаріотскимъ Іудой, французской службы генералъ Жанэнъ телеграфировалъ въ Парижъ, что «доблестные» чехо-словаки по его приказанію передали золотой запасъ политическому центру.

Мъсто не позволяетъ еще подробнъе развернуть и вырисовать всъ детали этой картины, какъ военно-плънные России подъ командой французскаго генерала топтали въ грязи и крови все, что было въ России національнаго, честнаго, готоваго до конца остаться върнымъ долгу: очевидно, за то, что простецкая наша страна слишкомъ усердно спасала Парижъ; видно, это была расплата за то, что Святая Русь положила за дъло союзниковъ въ Міровой войнъ свыше трехъ милліоновъ своихъ

лучшихъ сыновъ убитыми въ бояхъ.

Цѣль настоящаго очерка — лишь обрисовать въ общихъ чертахъ тѣ трудныя условія, въ какія было поставлено дѣло бѣлыхъ со стороны пресловутыхъ интервентовъ, какъ были собраны и подготовлены ими силы враждебныя національному возрожденію Россіи, какъ было совершено предательство.

Передавъ въ руки эсъ-эровъ Верховнаго Правителя, сдавъ политическому центру русскій золотой запасъ, чехо-словацкіе

эшелоны продолжали свое движене на востокъ. По пути они захватили наличную кассу Иркутскаго казначейства и клише экспедици заготовления государственныхъ бумагъ для печатаня денежныхъ знаковъ; купюры ихъ они начали усиленно печатать, преимущественно билеты тысячерублеваго достоинства. (»Чехи и С-Ры» статья въ газетъ «Дъло Россіи» № 10. 1920 г.).

На ихъ пути встрътился еще одинъ кръпкій русскій раіонъ
— Забайкалье съ Читой, гдъ сохранилась русская національная сила подъ начальствомъ атамана Семенова. Чехи знали,

что имъ не пройти мимо этой заставы безнаказанно.

Но и здѣсь они находять помощь интервентовъ-союзниковъ. Ннъ Сыровой сосредотачиваетъ нѣсколько эшеленовъ къ станціи Мысовой и къ городу Верхнеудинску, высаживаетъ свои части и, при содѣйствіи и вооруженной поддержкѣ 30-го американскаго пѣхотнаго полка, нападаетъ внезапно на русскія части; послѣ короткаго боя чехи и американцы обезоружили эти отряды атамана Семенова. Разоруженіе въ Верхнеудинскѣ сопровождалось похищеніемъ восьми милліоновъ казенныхъ денегъ. («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.).

То же самое собирались чехи продълать и въ Читъ, главной квартиръ атамана Семенова, но тамъ былъ уже раюнъ охраны желъзной дороги японцами; со стороны ихъ командованія чехи встрътили серьезный отпоръ, вступать съ ними въ бой не посмъли, а обратились къ заступничеству своего соучастника и руководителя Жанэна. Союзнымъ концертомъ было оказано на японцевъ давленіе, послъ чего атаманъ Семеновъ былъ принужденъ разръшить чехо-словакамъ проъзжать черезъ Читу на востокъ, но съ условіемъ, чтобы ни одинъ чехъ-солдатъ не смълъ выходить изъ поъзда на станцію и въ городъ.

Первые чешскіе эшелоны вышли въ полосу отчужденія Восточной-Китайской желѣзной дороги и добрались до Харбина. Вотъ какъ описываетъ это очевидецъ («Чехо-Словаки» статья Славянофила въ газетѣ «Дѣло Россіи» № 14. 1920 г.):

«Интересную картину представляль Харбинъ въ дни прохода чешскихъ эшелоновъ. Прежде всего прибыте чеховъ отмѣчалось рѣзкимъ паденемъ курса рубля. Китайске мѣнялы сразу учитывали, что на рынокъ будетъ выброшенно много рублей и играли на этомъ. Мѣняльныя лавки были полны чехами, мѣнявшими русское золото и фунты кредитокъ на вены и доллары. На барахолкѣ шла бойкая распродажа движимаго имущества, начиная отъ граммофоновъ и швейныхъ машинъ и кончая золотыми брошками и браслетами.

На станци же желъзной дороги распродавались рысистыя

лошади и всякаго рода экипажи.

Цълые мъшки сибирскихъ кредитныхъ билетовъ, частью похищенныхъ, частью напечатанныхъ самовольно, были выпущены чехами на Харбинскій денежный рынокъ. Во Владивостокъ они представили для обмъна 100 милліоновъ свъжихъ

купюръ тысячнаго достоинства.

То были первые эшелоны. Задніе же въ это время еще находились западнъе Иркутска. Казалось бы, что для пропуска ихъ на востокъ, чехамъ необходимо было выгнать боемъ большевиковъ, засъвшихъ въ Иркутскъ, выхватившихъ тамъ власть изъ рукъ эсъ-эровскаго политическаго центра. Чехи отлично внали, что бълая русская армія окажеть имъ въ этомъ самую дъйствительную помощь. Но руководители чехо-словацкаго воинства во главъ съ Яномъ Сыровымъ остались върны себъ до конца. Они предпочли пойти съ комиссарами на мировую и заключили форменное условіе, гдѣ было предусмотрѣно, какое разстояние должно быть между последнымъ, заднимъ чешскимъ эшеленомъ и авангардомъ совътской красной арміи, кого еще чехи должны выдать большевикамъ, въ какихъ условіяхъ они должны обезоруживать отряды нашей, бълой армін; негласно чехи снабжали мъстныя красноармейскія банды оружіемъ и боевыми припасами.

Больше того — они возили въ своихъ поъздахъ большевицкихъ агитаторовъ; доставили во Владивостокъ представителя Московскаго совътскаго правительства жида Виленскаго; предоставили въ распоряжение большевиковъ пользование чехословацкой войсковой почтой. Словомъ дошли до предъла.

Безконечно тяжелое положение было многихъ русскихъ офицеровъ, добровольцевъ, бъженцевъ и женщинъ, такъ какъ многие отбились отъ нашей армии, шли и ъхали одиночнымъ порядкомъ. Такъ какъ русскихъ поъздовъ не было и вся желъзная дорога была набита исключительно чешскими эшелонами, то естественно, что всъ они обращались за помощью къ чешскимъ офицерамъ, расчитывая на ихъ самое примитивное благородство, а главное изъ-за безвыходности положения: приходилось спасать жизнь отъ большевиковъ и эсъ-эровъ.

Чаще всего чехи отказывали русскимъ въ ихъ просьбѣ помѣститься въ вагонахъ, гдѣ просторно ѣхали ихъ нижніе чины, наши военно-плѣнные, и везли грузы. Иногда они принимали, но затѣмъ на одной изъ слѣдующихъ станцій выдавали боль-

шевикамъ.

За разръшение проъхать въ нетопленномъ конекомъ вагонъ чехи брали отъ пяти до пятнадцати тысячъ рублей, или золотыя вещи; но и плата не всегда гарантировала жизнь и доставление до Забайкалья, гдъ была уже безопасная отъ большевиковъ зона.

Около станціи Оловянная изъ проходящаго чешскаго эшелона было выброшено три мъшка въ ръку Ононъ. Въ мъш-

кахъ нашли трупы русскихъ женщинъ. Нѣтъ возможности установить хотя бы приблизительно синодикъ погубленныхъ

и преданныхъ за этотъ періодъ.

Благодаря случайно спасшемуся полковнику барону Делинсгаувену выяснилась вся грязь предательства чехами славнаго Сибирскаго казака, генералъ-маюра Волкова и его неболь-

шого отряда.

Генералъ Волковъ отбился отъ армии и не могъ догнать ее. Между тъмъ насъдали красные съ запада и появились банды съ востока, отъ Иркутска; тогда около станции Ангара Волковъ обратился за помощью и спасеніемъ къ начальнику стоявшаго тамъ чешскаго эшелона.

— «Впереди никакихъ красныхъ нѣтъ,» отвѣтилъ тотъ,
— «Вы смѣло можете двигаться вдоль полотна, но только

торопитесь. »

Въ 1½ верстахъ отъ станціи отрядъ былъ встрѣченъ залпами; первыми выстрѣлами былъ убитъ генералъ Волковъ и смертельно ранена его жена. Изъ всего отряда спаслись только шесть человѣкъ съ барономъ Делинсгаувеномъ. По возвращеніи на станцію они были встрѣчены словами:

«Какъ!.. Вы не пробились? Въдь красныхъ было такъ мало...»

Черезъ короткое время большевики подошли къ станци, и всѣ шесть спасшихся были выданы имъ по приказанію того же начальника эшелона. Всѣ выданные были разстрѣлены; только барону Делинсгаузену удалось спастись буквально чудомъ. Подробный разскавъ его приведенъ былъ тогда же, по прибыти его въ Харбинъ, во всѣхъ Дальне-Восточныхъ газетахъ.

Для полноты впечатлънія о степени предательства, надо сказать нъсколько словъ и о томъ, въ какое положеніе была поставлена этимъ стаднымъ стремленіемъ на Востокъ чеховъ 5-я польская дивизія, которая формировалась также въ Сибири и находилась подъ покровительствомъ Франціи и подъ главно-командованіемъ того же Жанэна.

Чтобы не дать возможности полякамъ продвинуть ихъ санитарные поъзда и семьи раньше чешскихъ эшелоновъ, — что было опять таки только справедливо, — чехи поставили на главныхъ путяхъ западнъе станціи Клюквенной три пустыхъ замороженныхъ эшелона.

На предложение поляковъ отдать чехамъ двадцать паровозовъ со всѣмъ имуществемъ за пропускъ на востокъ двухъ польскихъ санитарныхъ поѣздовъ и трехъ эшелоновъ съ семьями, былъ полученъ по телеграфу отвѣтъ отъ Жанэна и Сырового, что «планъ эвакуаціи остается неизмѣннымъ». Наврѣвало кровавое столкновеніе польскихъ частей съ идущимъ въ квостѣ бѣгущаго стада, 12-мъ чехо-словацкимъ полкомъ; для предупрежденія его, командиръ послѣдняго завѣрилъ честнымъ словомъ польское командованіе, что онъ уберетъ замороженные составы и откроетъ путь. Такъ тянулось дѣло три дня.

Путь не быль очищень. Съ запада надвинулись части красной арміи, которыми и была плівнена 5-я польская дивизія; капитуляція состоялась на условіяхь, дававшимь полякамь

возвращение на родину.

Но, ясно, что послъ сдачи оружія большевики всъ эти условія нарушили. Свыще двухъ тысячъ офицеровъ и солдатъ были посажены за проволоку, изъ остальныхъ составили рабочіе команды и отправили въ Сибирскіе рудники, а семьи — женщинъ и дътей выбросили изъ вагоновъ на тридцатиградусный морозъ.

5.

Дойдя до Владивостока чехи стали постепенно, по мѣрѣ предоставления имъ «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Никто не могъ защитить интересы нашего народа и страны, такъ какъ все русское національное было истреблено почти на чисто, остатки бѣлой арміи совершали тяжелый походъ черезъ Сибирь, временно на верху, у власти оказалась снова соціалистическая муть; во Владивостокѣ распоряжалось эсъ-эровское правительство Медвѣдева и К², которое помогало чехамъ дополнить ихъ запасы, не забывая и себя¹). Многое осталось неизвѣстнымъ, но тогда же было кое-что обнаружено; такъ, напримѣръ, было опубликовано, что эсъ-эры продали чехамъ сотни тысячъ пудовъ мѣди по 8 іенъ за пудъ, вмѣсто минимальной рыночной цѣны въ 20 іенъ пудъ.

Иностранцы смотрѣли на все это холодно, равнодушно и только иной разъ, — кто почестнѣе, — съ презрѣніемъ; лишь одинъ разъ англійскій консулъ остановилъ погрузку резины на общую сумму около пяти милліоновъ іенъ, взятой чехами изъ Владивостокскихъ пакгаузовъ, — остановилъ только потому, что тамъ пострадали бы интересы и англійскихъ подданныхъ.

Члены правительства Медвѣдева спѣшатъ за-границу. Бѣжитъ жена министра финансовъ Никифорова, кооператоръ Ландсбергъ съ 12 чемоданами платины, Огаревъ и др. Властъ приказываетъ не осматривать ихъвещей.

(«Чехи и С-ры» газета «Дѣло Росси» 1920 г. № 10).

^{1) «}Они расхищаютъ частное имущество, частные грузы, частью отдаютъ чехамъ по баснословно дешевой цвнв, частью грузятъ при содвиствии чеховъ на иностранные пароходы, будто въ Совътскую Россію, а частью сами распродаютъ исподтишка японцамъ и другимъ иностранцамъ.

Отдъльные русскіе люди и несоціалистическая пресса пробовали протестовать, опубликовывать вопіющіе факты открытаго, безнаказаннаго ограбленія Россіи. Чехи или оставляли безъ отвъта, — или отвъчали отписками, иногда только подтверждавшими всъ эти факты. Прочія страны Согласія хранили упорное мелчаніе.

Вотъ одинъ изъ документальныхъ примъровъ. Въ номеръ отъ 1 мая 1920 г. газеты «Japan Advertiser» была помъщена телеграфная корреспонденція, изъ Владивостока, слъдующаго

содержанія:

«Вчерашній отъъздъ транспорта «Президентъ Грантъ» — оставилъ еще 16000 чеховъ для звакуаціи; транспортъ для нихъ еще не предусмотрънъ и не ожидается раньше конца юня. Есть предположение зафрахтовать японские пароходы, такъ какъ ничъмъ не занятые чехи суть причина постоянныхъ волненій и недоразумъній. «Президентъ Грантъ» увезъ 5500 чехословаковъ, а также сотни тоннъ золота, серебра, мъди, машинъ, сахара и всякихъ другихъ продуктовъ, какъ и другое награбленное добро, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири».

Чехо-словацкій посланникъ въ Токіо г-нъ Перглеръ нашелъ нужнымъ и возможнымъ представить такой отв'ятъ, пом'ященный всл'ядъ за т'ямъ, въ той же газетъ и въ русской

Дальне-Восточной прессъ:

«Газеты содержатъ сообщение изъ Владивостока отъ 28-го апръля касательно возвращения на родину чехо-словацкой армии изъ Сибири, а также относительно отъъвда американскаго транспорта «Президентъ Грантъ», увозящаго 5500 чехословаковъ. Сообщение газеты: «Президентъ Грантъ» увозилъ 5500 чехословаковъ, сотни тоннъ золота, серебра, мъди, машинъ, сахара, снаряжений и другого награбленнаго добра, которое чехи увозятъ съ собою изъ Сибири. — Газеты озаглавливаютъ это сообщение слъдующими словами; «Чехи увозятъ награбленное изъ Сибири» и «чехи грабятъ Сибирь». — Словарь опредъляетъ слово награбленное, какъ обозначающее грабежъ въ связи съ войной и всеобщимъ разстройствомъ порядка; чехословацкие солдаты такимъ бразомъ обвиняются въ весьма серьезномъ преступлении.

Обязанности дипломата, насколько я 1) ихъ понимаю, заключають въ себъ также защиту добраго имени своей страны и своихъ согражданъ. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопросъ о добромъ имени армии, которою восторгамся 1) весь свътъ, какъ въ данномъ случать чехо-словацкой армией въ Сибири. Тотъ фактъ, что чехо-словаки увозятъ изъ

Т. е. господимъ Перглеръ. Весь документъ, письмо Перглера въ редакціи газетъ, приведенъ точно безъ измѣненія.
 Курсивъ вездѣ мой. К. С.

Сибири, въ этомъ случат на американскомъ транспортъ, свое собранное имущество, прюбрътенное на свои собственныя Чехо-словаки находились въ Сибири очень долго. Эти солдаты всв воспитанные люди, многіе изъ нихъ окончили университеты, интеллигентные рабочіе и ремесленники. Какъ солдаты они получали извъстное количество денегъ. Вмъсто того, чтобы расходовать свое жалованье, они сложили свои финансы и основали большое торговое общество, а также значительные банки, банкъ чехо-словацкихъ легіонеровъ. Эти доходы увеличивались при русских условіях потому, что жалование было уплачиваемо во франкахъ и выплачивалось по курсу дня русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасовъ, и именно эти запасы теперь увозять въ республику. Для нихъ было особенно важно купить хлопокъ, необходимый въ текстильной промышленности и въ этихъ покупкахъ они дошли до такихъ размфровъ, что въ октябрф русскій экономисть рекомендоваль сокращеніе покупокь хлопка чехами, это, очевидно, доказываетъ, что эти сдълки были законныя, основанныя на обычныхъ методахъ покупки и продажи.

Что чешскіе солдаты дѣлають со своимь жалованіемь, какь бы незначительно оно ни было, видно изъ того, что въ 1918 году они подписали пять милліоновь франковь на заемь чехословацкаго національнаго совѣта для поддержки этой же армін.»

Поставимъ и мы точку. Этотъ документъ говоритъ самъ аа себя и въ немъ есть подтверждение всего, что изложено въ настоящей V-й главъ, — подтверждение частью словами, частью формой умолчания.

Къ этому остается прибавить немного словъ, четыре короткихъ вывода. Во-первыхъ, объ общемъ славянскомъ дѣлѣ. — Какъ блестяще и полно доказали дѣйствія вожаковъ чехословацкаго корпуса правильность и справедливость вѣчныхъ безпокойствъ и хлопотъ старухи матери Россіи о мелкихъ, несчастныхъ, забитыхъ славянскихъ племенахъ! Доказали также и вѣрность нашего всегдашняго представленія о той большой любви, которую славянскіе народцы питали и питаютъ къ Святой Руси.

Обще-славянское дѣло было чуть ли не главной проблемой въ Императорской Россіи; и Міровая война, вѣдь, имѣла поводомъ къ ея началу ту же заботу о младшихъ братьяхъ-славя-

нахъ, стремление защитить ихъ самостоятельность.

Сердце всей Россіи и сердца русскихъ были отзывчивы и бились для другихъ; Россія больла за нихъ и готова была жертвовать кровью и жизнями своихъ сыновъ за это общеславянское дъло и за свободу и счастье мелкихъ славянскихъ народцевъ.

Эпопея чехо-словацкой армии въ Сибири, которой по словамъ чешскаго посла въ Японіи, восторгался весь міръ, — дала Россіи хорошую благодарность и еще лучшій урокъ. Никто на свътъ, включая и честные элементы Чехо-Славіи, не будетъ спорить, что славянской задачъ и славянскому единству чехо-словацкое воинство въ Сибири нанесло такой ударъ,

какого не придумалъ бы и самый элейший врагъ.

Второе. Горе Россіи безгранично. Истерванная, окровавленная и распятая, она уже перестаетъ биться въ рукахъ ея палачей, подавляющее число которыхъ — интернаціональное еврейство. Наша великая страна покрыта пожарищами, ужасными застѣнками, безконечными кладбищами, залита кровью и слезами. И въ мученичествѣ Россіи — то, что совершено чехо-словаками въ 1918—1919 годахъ, есть страшная доля; русскому народу въ концѣ концовъ не такъ жалко тѣхъ многомилліонныхъ цѣнностей, которыя украли и увезли за море, и даже кровь и страданія, причиненныя по милости чехо-словацкаго корпуса, отходятъ и тонутъ въ прошломъ, — вѣдь били-то Россію, уже избитую интернаціоналомъ до безчувствія, и крали у Россіи ея богатства въ тѣ дни, когда у нея разворовали почти все, украли даже ея честь и право на жизнь. Поможетъ Господь, и Россія переживетъ и залечитъ все это.

Но предательство, смертельный ударъ брата изъ-за угла въ спину, ударъ въ то время, когда русскій народъ напрягъ всѣ усилія, чтобы сбросить со своей шеи цѣпкія лапы интернаціонала и вырвать ножъ, всаженный имъ въ сердце, — вотъ что страшнѣе всего и вотъ чего Россія простить не можетъ

никогда. И не имъетъ права.

Третье. Никто не собирается и не хочеть винить народы чеховъ и словаковъ за дъйствія кучки грязныхъ политическихъ дъльцовъ чешскаго національнаго комитета и за стадное движене разнузданной ими массы военноплънныхъ. Нътъ сомнънія, что въ Чехіи не мало есть честныхъ и доблестныхъ Швецовъ; нътъ сомнънія также, что народы Чехо-Славіи не знаютъ всего ужаса, содъяннаго ихъ людьми въ Сибири, не имъютъ представленія даже и о тысячной доли той низости, что была проявлена ими.

И пожалуй, что этимъ-то народамъ, чехамъ и словакамъ, ихъ собственной странв всв эти двльцы принесли вредъ и сдвлали эло, не меньшее, чвмъ нашей Россіи. Пройдутъ даже не ввка, а десятки лвтъ, человвчество въ поискахъ справедливаго равноввсія, не разъ еще столкнется въ борьбв, не разъ, возможно, измвнитъ и карту Европы; кости всвхъ этихъ Благошей и Павлу истлвютъ въ землв; русскія цвнности, привезенныя ими изъ Сибири, тоже ввдь исчезнутъ, — на мвсто ихъ человвчество добудетъ и сдвлаетъ новыя, другія. Но предательство,

Іудино дъло съ одной стороны, и чистыя крестныя страданія Россіи — съ другой — не прейдуть, не забудутся и будуть долго, въками передаваться изъ потомства въ потомство.

А Благоши и К² прочно укрѣпили на этомъ ярлыкъ: Вотъ что сдѣлалъ чехо-словацкій корпусъ въ Сибири!

И Россія должна спросить чешскій и словацкій народы, какъ они отнеслись къ іудамъ-предателямъ и что они намърены сделать для исправленія причиненныхъ Россіи влоденній.

Наконецъ, въ четвертыхъ, — приходится повториться, но нельзя не подчеркнуть, что все эло, описанное эдівсь, это величайшее предательство, было продълано при свидътеляхъ, при молчаливомъ согласіи, а иногда и при поощреніи «союзныхъ» представителей. Не разъ брало раздумье русскихъ людей, стоявшихъ у власти въ тъ кровавые годы: не былъ ли и камертонъ у нихъ въ рукахъ?

Во всякомъ случав, если не камертонъ, то какія то скрытыя нити тянулись. Не даромъ Ллойдъ-Джорджъ сейчасъ же за окончаниемъ этого акта міровой трагедіи быстро перем'внилъ гримъ и открылъ новую игру не только примирения съ боль-

шевиками, но даже заключения съ ними договоровъ.

Предыдущій актъ быль имъ доигранъ — русское націо-

нальное дело было почти погублено.

Главное, самое крупное, что произошло въ Восточной Рос-сіи за 1918 и 1919 годы описано въ предыдущихъ главахъ. Но расчеты враговъ Россіи не оправдались, армія подъ Красноярскомъ была разбита, но не уничтожена. Цъль слъдующей главы — прослъдить ея путь и дальнъйшую судьбу.

ГЛАВА XI.

Ледяной Сибирскій походъ.

1.

Послѣ кошмарно-тревожной ночи, закончившей Красноярскую трагедію, наступило славное зимнее утро, одно изъ тѣхъ, что бывають только въ Россіи на святкахъ. Чистый прозрачный свѣжій воздухъ. Бѣлый снѣгъ блеститъ серебромъ и алмазами; нога утопаетъ слегка въ его упругой массѣ и при каждомъ шагѣ хруститъ мелодичнымъ волнующимъ звукомъ. Съ голубого неба лились потоки яркихъ, ослѣпляющихъ солнечныхъ лучей, ихъ тепло смягчало и безъ того некрѣпкій морозъ, который только слегка щипалъ за щеки и бодряще прохватывалъ все тѣло. Офицеры и солдаты спозаранокъ, еще до свѣту, выбѣгали изъ жарко-натопленныхъ избъ на улицу, чтобы подбросить лошадямъ сѣна или зайти къ сосѣдямъ узнать чтолибо новое.

Было 7 января 1920 года — 25 декабря стараго русскаго стиля, торжественные правдники Христова Рождества. Колокола высокой каменной церкви, бѣлой съ веленымъ куполомъ, пѣли торжественнымъ перезвономъ на все село Есаульское, расходясь звучными волнами далеко, за Енисей, свывая православныхъ на общую молитву. И тянулись вереницы крестьянъ съ серьезными бородатыми лицами, шли группы улыбающихся молодицъ, разрумяненныхъ моровомъ, блестящихъ улыбками и ласковыми глазами, проносились ватаги мальчишекъ, тащившихъ салазки, и съ громкимъ смѣхомъ и крикомъ перебрасывавшихся снѣжками. На всѣхъ лицахъ лежала обычная печать того спокойствія и умиротворенія, какое столѣтіями испытывали русскіе люди въ этотъ великій правдникъ Славы въ вышнихъ Богу и мира на землѣ....

И только небольшія кучки офицеровъ и солдать, толпившіеся около избъ, на церковной площади и по берегу Енисея, не участвовали въ общей тихой радости. Они стояли, такіе свои, бливкіе и въ то же время отчужденные, ушедшіе далеко отъ обычной живни, оторванные отъ нее. У воѣхъ на лицахъ выраженіе невемной усталости, которая проглядываетъ во всемъ: изъ голоса, изъ улыбки, изъ каждаго движенія; работаетъ все время и пробъгаетъ тънями по лицамъ напряженная мысль, къ ней примъшались недоумъніе и постоянное ожиданіе опасности. Въ то утро въ селъ Есаульскомъ было двъ Россіи: одна — старая, кондовая, спокойная, величавая Русь, другая — усталая, измученная, воюющая Россія, пытавшаяся быть новой, а теперь всъми силами жаждавшая стараго счастья, спокойствія и мирнаго труда. Шесть лътъ воевали они, эти люди, и конца не видно было впереди...

То тамъ, то тутъ слышатся равговоры; сообщаются новости, съ вновь подходящими дълятся свъдъніями за вчерашій тя-

желый день.

— «Вс'в наши, кто вышли изъ боя, повернули теперь на съверъ, прямо вдоль Енисея»...

— «Куда же они идутъ?»

— «Да куда? Прямо на съверъ, чтобы хоть въ тундрахъ укрыться и перевимовать, до весны»...

- «A много вышло-то вчера изъ боя?»

— «Почти половина полегла»...слышится унылый отвѣтъ. Какъ игла впивается свѣжая новость, жужжитъ, какъ несносная комариная пѣснь.

«На вападъ не пройти, — всѣ дороги и всѣ станціи

ваняты красными.»

- «Генералъ Войцеховскій снялся сегодня рано утромъ съ тремя полками изъ Есаульскаго и тоже пошелъ на сѣверъ. Говорили, что если можно будетъ, то потомъ на Ангару выйдутъ.»
 - «Надо и намъ за ними идти.»

- «Не иначе, какъ тоже на съверъ»...

Раздавались торопливыя, опасливыя заключенія немногихъ, наиболье нервныхъ и потрясенныхъ вчерашнимъ Красноярскимъ боемъ. Масса же стояла молча, и только все озабо-

ченнъе и сумрачнъе выглядъли лица.

Въ сторонъ, около сельской школы, на бревнахъ сидъла кучка старшихъ офицеровъ, обсуждая тъ же вопросы и по картъ намъчая путь. Только-что подошелъ еще одинъ небольшой отрядъ, егеря полковника Глудкина съ генераломъ Д. А. Лебедевымъ во главъ. Они пробились у Красноярска одни изъ послъднихъ и принесли намъ послъдния свъдънія о красныхъ; объяснилось, почему тъ не насъдаютъ теперь:

 «Занялись грабежами огромныхъ обововъ, отбитыхъ вчера. Почти всъ красные теперь въ Красноярскъ. Дальше на востокъ, если и есть большевики, то отдъльныя небольшя банды. Надо быстръе, не теряя времени, двигаться форсиро-

ванными маршами, - тогда пройдемъ.»

Рискъ нъкоторый былъ. Но гдт его тогда не было?! Путь на съверъ по Енисею лежалъ мъстами по ледяной пустынъ, безъ признаковъ жилья на протяженахъ въ восемьдесятъ — сто верстъ; затъмъ, даже при условіи выхода потомъ на востокъ по ръкъ Кану или по Ангаръ, снова вышли бы на ту же опасность, пожалуй еще большую, такъ какъ это съверное направленіе сильно удлиняло весь путь и вызывало большую потерю времени. Поэтому ръшено было двигаться на востокъ, придерживаясь въ общемъ линіи желъзной дороги.

- «Запрягать, съдла-а-ай,» раздались, звонко перекли-

каясь по улицамъ большого села, команды.

Люди встряхнулись и живо, съ прибаутками, кинулись по дворамъ. Черезъ нѣсколько минутъ выступили передовые дозоры, за ними небольшой авангардъ, и скоро весь отрядъ въ составѣ немногимъ болѣе тысячи людей вытянулся по зимней проселочной дорогѣ. Проводники изъ мѣстныхъ крестьянъ обѣщали провести насъ кратчайшимъ путемъ, въ обходъ занятыхъ красными деревень, — на главный трактъ.

Времени терять было нельзя, поэтому шли почти безъ приваловъ, со скоростью, какую допускали наши не вполнъ

отдохнувшіе кони.

Небольшой отрядъ, состоявший на одну треть изъ конницы и на двъ трети изъ пъхоты и пулеметчиковъ на саняхъ, бодро подвигался впередъ. Настроение было такое же, въроятно, какое бываетъ у людей, только-что спасшихся отъ кораблекрушенія. Разразилась катастрофа, пронеслась буря, сокрушительный, уничтожающий все, ураганъ. И вотъ ваброшенные въ волнъ клокочущей стихии, они случайно лишь, потому что не потеряли сознанія и способности разсуждать, ухватились за обломки, связали изъ нихъ плотъ. Внизу реветъ бездонная пучина, воетъ ураганъ, темно на горизонтъ; и плотъ, маленькій и несчастный, носится, бъется, трепещеть, но все-таки плыветь, управляемый слабой рукой человъка. Куда они плывуть и зачьмъ? Туда къ темному горизонту, гдв не видно ничего, но гдв все же есть надежда найти землю; плывуть затьмь, чтобы не опустить руки, чтобы бороться до конца со стихіей и, можеть быть, побъдить ея вабунтовавшуюся силу. Главныя чувства, которыя испытывають люди въ такія минуты, — врожденная радость и жажда жизни, безотчетная гордость сознанія силь, надежда на успъхъ, въра въ побъду...

Дорога шла по рѣкѣ Есауловкѣ, горный потокъ, бѣгущій между отвѣсныхъ скалъ. Гигантскими стѣнами возвышаются онѣ, то голыя и гладкія, точно отшлифованныя, то отходящія

уступами вглубь и покрытыя столетнимъ лесомъ. Кедры, пихты, лиственницы и сосны громоздятся въ полномъ безпорядкъ, окруженныя густой дъвственной зарослью. Стремнина горной ръченки до того быстра, что мъстами не замерваетъ даже въ самые трескуче морозы; сани проваливались и скрипъли половьями по каменному дну. Изръдка дорога уходила на берегь, на узкую полоску его, подъ самыя скалы. Часа черезъ три попалось небольшое жилье сибирской семьи лъсного промышленника, охотника. Отъ двора отходитъ въ лъсъ небольшая, слабо наъзженная проселочная дорога въ сосъднее село. Вышель изъ избушки лъсовикъ. Мрачное, но не хмурое лицо, здороваго красно-бураго цвъта, острые глаза, смотръвшие съ добродушнымъ участиемъ на обступившихъ его егерей и стрълковъ, широкіе угловатые жесты и грубый голосъ съ растяжкой на букву «о». Лъсовикъ объяснилъ, что рано утромъ онъ вернулся изъ села, куда съ вечера прибыла банда красныхъ, человъкъ въ триста. Ждали еще.

Выславъ въ направлении на село, занятое большевиками, боковой авагардъ отъ конныхъ егерей, отрядъ продолжалъ движение по ръкъ. Горы и лъсная чаща еще болъе дикія, путь еще труднъе. Въ одномъ мъстъ скалы сошлись вплотную: чтобы выйти на дорогу, пришлось свернуть въ лъсъ и пробираться между гигантами-деревьями. Вдругъ новое препятствие, тробрывъ въ нъсколько десятковъ саженей передъ выходомъ снова въ ущелье ръки. Остановка, долгій заторъ и осторожный спускъ

саней, по одиночкъ, на рукахъ.

Въ это время со стороны бокового авангарда послышалась, такъ привычная за послъдніе годы, дробь ружейныхъ выстръловъ. Нѣсколько пулеметныхъ строчекъ. Выслали подкръпленіе и доворъ на карьерѣ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось что по дорогѣ изъ села наступала колонна красныхъ, которан послѣ короткаго боя съ нашимъ авангардомъ, отступила. Стръльба прекратилась, смолкли выстрѣлы, будившіе эхо вѣкового сибирскаго лѣса.

Короткій декабрьскій день кончался; быстро катилось по синему небу большое красное солнце, а съ другой стороны, изъ за горъ, между кедрами поднималась чистая серебрянная луна. Еще прекраснъе и сказочнъе стала дикая природа, — высоніе, громоздящіеся другъ на друга, какъ замки великановъ, горы,

темныя глубокія ущелья и зубчатын стѣны лѣсовъ.

Зажглись на небѣ рождественскія звѣзды. Отрядъ нашъ шелъ уже болѣе десяти часовъ. Безъ остановокъ, безъ отдыха, безъ пищи. Наконецъ, только къ полночи, горы стали уходить въ сторону, дорога дѣлалась легче, мы приближались къ тракту.

Вернулись передовые дозоры и доложили, что въ ближайшемъ селѣ большевиковъ нѣтъ, квартиры отведены. Оста-

новились на ночлегъ. Спали въ повалку, не раздѣваясь, тяжелымъ сномъ уставшихъ сверхъ мѣры людей, но чуткимъ отъ совнанія опасности, — спали съ винтовками въ рукахъ. Нѣсколько разъ поднималась тревога. Раздавались одиночные выстрѣлы, разъ разгорѣлась стрѣльба. Банды красныхъ подходили къ селу и тревожили всю ночь отдыхъ отряда.

Рано, еще не заалѣлся край востока, всѣ были на ногахъ, слышалась возня сборовъ въ походъ, раздавались въ темнотѣ отрывистые, охрипше отъ сна и мороза голоса. Наскоро поѣвъ, выступили дальше. Теперь мы шли уже по Сибирскому тракту. Старая, много видѣвшая дорога, широкая, сажень въ восемь, съ мостами, съ разработанными спусками и подъемами; бѣжитъ эта дорога на тысячи верстъ то степью бевконечной, то дремучими густыми лѣсами, то подымаясь въ дикія горы, разсѣкая каменныя твердыни ихъ.

По Сибирскому тракту чаще попадались большія села, гдѣ нашъ отрядъ могъ дѣлать и привалы, и имѣть ночлегъ подъкрышей. Но послѣднее становилось труднѣе съ каждымъ днемъ, такъ какъ вдѣсь, по тракту, тянулись отдѣльныя сани, небольшія партіи и отряды, проскочивше черевъ Красноярскъ раньше рокового сочельника; всѣ они шли впереди нашего отряда и

ежедневно мы догоняли все новыхъ и новыхъ.

Квартирьерамъ, которые высылались всегда на рысяхъ впередъ, приходилось имъть массу затрудненій, иногда чуть не стычекъ, чтобы найти, занять и отстоять достаточное количество

избъ для своей части.

Черезъ три дня мы вышли на желѣзную дорогу, у станци Клюквенной. До сихъ поръ кругомъ насъ были полныя потемки, въ нихъ прорѣзывались слабыми отдѣльными проблескамизигзагами кое-какіе слухи отрывочныя свѣдѣкія отъ мѣстныхъ жителей. Что творится въ Иркутскѣ и Владивостокѣ, каково положеніе въ Забайкальѣ, гдѣ и сколько находится нашихъ русскихъ воинскихъ частей, что дѣлаютъ союзники и ихъ войска ? Какого пункта достигла наступающая совѣтская красная армія? Всѣ эти вопросы до сихъ поръ были полны неизвѣстностью.

На станціи Клюквенной мы нашли довольно много своихъ, — воинскія части и учрежденія, которыя прошли восточнъе Красноярска раньше; тамъ же стояло нъсколько чешскихъ эшелоновъ и была польская миссія. Здъсь царила полная растерянность вслъдствіе той же неясности, запутанности въ обстановкъ. Питались и здъсь, главное, слухами. Чехи встръчали нашихъ очень недружелюбно, такъ что на вокзалъ пришлось поставить отъ егерей вооруженный караулъ, чтобы обезпечить нашу безопасность, такъ какъ были попытки со стороны чеховъ обезоружить нъсколькихъ одиночныхъ офицеровъ.

Вся жельвная дорога оказалась во власти чеховь, нечего было и думать получить хотя бы одинь повздь для нашихъ раненыхъ и больныхъ. Это можно было бы сдвлать только силой оружія. Какъ разъ въ эти дни на станціи Клюквенной шелъ споръ между чешскимъ командованіемъ и 5-й польской дивизіей; братья чехи категорически отказывались пропустить на востокъ даже санитарный польскій повздъ съ женщинами и двтьми.

На слѣдующее утро нашъ отрядъ, увеличившійся въ численности отъ присоединившихся новыхъ частей, выступилъ дальше на востокъ. Цѣлью движенія — былъ Иркутскъ, гдѣ по сбивчивымъ даннымъ велся бой между частями атамана Семенова и мѣстными красноармейцами. Стремлене было — какъ можно скорѣе пройти туда, полнѣе собрать наши разрозненныя силы и соединиться съ Верховнымъ Правителемъ, о предательскомъ арестѣ котораго мы тогда еще не знали. На станци Клюквенной стало извѣстно, что трактомъ, немного впереди насъ, идутъ части изъ состава 2-й армии подъ начальствомъ генерала Вержбицкаго, миновавшія Красноярскъ бевъ боя за два дня передъ главными силами бѣлыхъ армій; шли также изъ подъ Красноярска два полка Енисейскихъ казаковъ.

Движене по тракту стало теперь гораздо труднѣе: каждой колоннѣ, всякому отрядику хотълось проскочить впередъ, никто не стремился добровольно изобразить арьергардъ и нести его тяжелую службу. Населенные пункты во время ночлега были переполнены сверхъ мѣры, причемъ опять таки, благодаря разстройству управленія, происходило занятіе квартиръчисто захватнымъ правомъ, чуть не доводя дѣло до схватокъ.

На слъдующій день къ вечеру нашъ отрядъ подошелъ къ большому сибирскому селу Рыбному; на нъсколько верстъ растянулось оно по объ стороны тракта; двъ церкви, нъсколько каменныхъ двухъэтажныхъ зданій. Оказалось, что въ этомъ же селъ ночуютъ и отряды генерала Вержбицкаго, который вздумалъ было приказать егерямъ нашего отряда перейти въ другой районъ. Тъ взялись за винтовки и пулеметы, и только путемъ переговоровъ съ Вержбицкимъ и отмъны его требования удалось устранить готовое вспыхнуть столкновеніе.

Село Рыбное поразило всёхъ насъ своимъ богатствомъ. Вёдь это былъ январь мёсяцъ 1920 года, т. е. пять съ половиной лётъ прошло съ начала войны, и почти три года Россія билась въ конвульсіяхъ своей смертельной революціонной болёзни. И вотъ — въ каждой избё Рыбнаго были огромные, неисчерпаемые запасы всякой провивіи, именно неисчерпаемые, такъ какъ не только всего было вдоволь для самихъ жителей Рыбнаго, но сердобольныя хозяйки всю ночь пекли нашимъ офицерамъ и егерямъ хлёбы, жарили, варили и продавали намъ запасы на

дорогу. Въ каждомъ дворѣ было по нѣскольку десятковъ гусей, индѣекъ, куръ, всюду коровы и телята. Была даже такая ро-

скошь, какъ варенье.

Отношение сибиряковъ-староселовъ къ нашимъ отступающимъ отрядамъ было самое дружественное; всъ эти русскіе крестьяне настроены очень патріархально, привыкли в'яками, отъ поколенія къ поколенію, къ своему укладу жизни, къ прочно сложившемуся порядку, понятіямъ и традиціямъ. Они религозны, умъли уважать и слушаться начальство, свято чтили Царя. И теперь еще во многихъ избахъ оставались на ствнахъ портреты покойного Государя Николая Александровича, Императоровъ Александра III и Александра II, отъ отцовъ и дъдовъ. Революція, какъ зловонный вътеръ въ чистое мъсто, ворвалась въ ихъ жизнь со стороны, чужая, непонятная и враждебная имъ. Въ насъ они видели своихъ, такихъ же противниковъ революціи, контръ-революціонеровъ. И относились, какъ къ своимъ. Но не ясно имъ было: что же мы хотимъ, чего добиваемся? Или, дъйствительно, мы воюемъ за свои «золотые погоны», за свою власть, за господствующее положение? Какъ и во всемъ бъломъ движении, не проявлялось полной искренности, не было сказано все до конца; правда, почему-то, пряталась и скрывалась. Господа изъ канцелярій или изъ безпочвенной либеральной интеллигенціи думали, что мужинъ прогитвается, если они будутъ ясно, опредъленно и правдиво говорить, что безъ Царя нътъ спасенія страны; крестьяне же, слыша только о единой великой Россіи и ни слова о Царъ, начинали думать, что и впрямь, пожалуй, господа пошли противъ Царя и оттого-то вся бъда и разруха...

Пройдя походомъ черевъ Сибиръ тысячи верстъ, случалось много равъ натыкаться на это явление и тяжелымъ опытомъ убъждаться, какъ всѣ наши политики и политиканы были да-

леки отъ жизни...

Послѣ Рыбнаго мы свернули немного на югъ, чтобы тамъ пересѣчь рѣку Канъ. По всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ въ городѣ Канскѣ, лежащемъ въ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога сходится съ трактомъ, собрались большія силы красныхъ; брать Канскъ въ лобъ для нашего небольшого, бѣднаго патронами, отряда было непростительной роскошью, безсмысленнымъ рискомъ, — на винтовку было всего отъ 20 до 30 патроновъ и больше никакихъ запасовъ.

Черезъ день подошли поздно вечеромъ къ огромному селу со страннымъ названіемъ — Голопуповка (Верхне-Аманатское тожъ). Нѣсколько длинныхъ параллельныхъ улицъ, правильно пересѣкающихся подъ прямыми углами, число дворовъ свыше четырехъ тысячъ. Вотъ гдѣ будетъ просторный ночлегъ, — думалъ каждый изъ насъ.

Но не тутъ-то было. Вся Голопуповка оказалась набитой войсками, улицы были запружены распряженными обозами, во многихъ мѣстахъ горѣли костры, облѣпленныя группами солдатъ. Это грѣлись тѣ, которымъ не хватило мѣста въ избахъ. Нашъ отрядъ долго бродилъ въ поискахъ, гдѣ бы остановиться, обогрѣться и поѣсть. Наконецъ, съ большимъ трудомъ, кое-какъ размѣстились, прямо втиснулись на окраинѣ села въ курныхъ избенкахъ. Зато всѣ были внутренно довольны, что снова собираются мало по малу русскія бѣлыя части; черевъ нѣсколько дней мы будемъ представлять значительную силу, организованную армію.

Но не успъли разложиться на ночлегъ, какъ въ нашу избу вошли три офицера, изъ состава частей, пришедшихъ въ

Голопуповку наканунъ.

— «Какъ хорошо, что Вы прівхали, Ваше Превосходительство,» заявили они послів первыхъ привітствій, — «а то здівсь творится что-то невообразимое».

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Всѣ деревни по рѣкѣ оказались занятыми красными отрядами, высланными изъ Канска, гдѣ сосредоточились большія ихъ силы; революціонный большевицкій штабъ прислалъписьменное требованіе о сдачѣ оружія.»

— «Сегодня выслали развъдку на ръку Канъ. Разъъзды наткнулись на красныхъ. Попробовали взять одну деревню съ боемъ, потеряли убитыми нъсколькихъ драгунъ и отошли,»

рапортовалъ другой офицеръ.

— «Что же думаютъ дѣлать? Кто старшій начальникъ въ

деревиѣ?»

— «Ничего нельзя разобрать, Ваше Превосходительство, — мы оттого къ Вамъ и пришли. Какой-то совдепъ идетъ. Собирались два раза на совъщание начальниковъ, — каждый свое тянетъ: кто въ Монголию уходитъ, на югъ, а нъкоторые —

такъ даже большевикамъ сдаваться предлагають.»

Несмотря на поздній часъ я съ генераломъ Лебедевымъ влѣзли опять въ сани и принялись лично объѣзжать старшихъ начальниковъ всѣхъ частей, сосредоточившихся въ Голопуповкѣ. Нѣкоторыхъ приходилось поднимать съ постели, другихъ заставали на ногахъ, въ сборахъ къ выступленю. Дѣйствительно, растерянность была полная. Картина, нарисованная офицерами, оказалась блѣднѣе дѣйствительности.

Часть начальниковъ отрядовъ, — а здѣсь было много мелкихъ частей, остатковъ отъ кадровыхъ тыловыхъ полковъ, во главѣ съ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизи генералълейтенантомъ Миловичемъ, смотрѣли уныло и безнадежно. Рѣшили идти въ Канскъ сдаваться краснымъ, — обѣщана-де

полная всёмъ безопасность.

— «А что же дѣлать,» апатично добавилъ генералъ Миловичъ, — «патроновъ мало, а дальше за Каномъ, — даже если и пробъемся, — еще цѣлый рядъ такихъ же, коли не худшихъ затрудненій.»

Въ другихъ мъстахъ почти та же безнадежность и неувъренность, но меньше апати. Тамъ ръшили повернуть изъ

Голопуповки на югь и черезъ горы уйти въ Монголію.

— «Да въдь это, господа, безуміе! Посмотрите на карту: двъсти пятьдесять версть идти безь жилья по горамъ, да и затъмъ только ръдкія маленькія кочевья монголовъ. Въдь вы всъхъ погубите!»

— «Какъ-нибудь выйдемъ... А что же иначе дълать?»

спросилъ полковникъ Оренбургскаго войска Энборисовъ.

- «Пробиваться силой, съ боемъ, на востокъ.»

— «Нътъ, ужъ довольно. Теперь насъ не заставишь больше, Ваше Превосходительство», нервно произнесъ другой изъ монгольцевъ, офицеръ съ русой бородкой, длинными волосами и всемъ обличьемъ интеллигента третьяго сословія. —

«Теперь сами ръшили искать спасенія».

Мы вернулись усталые только подъ самое утро домой, въ свою избу; послѣ небольшого совѣщанія рѣшено было отдать приказъ, гдѣ я, какъ старшій, объединялъ всѣ части подъ своимъ командованіемъ, распредѣлялъ ихъ на три колонны и въ 9 часовъ утра приказывалъ выступить изъ Голопуповки на востокъ. Приказъ заканчивался краткимъ напоминаніемъ о воинскомъ долгѣ, о дѣйствительномъ значеніи для насъ большевиковъ, а также указаніемъ сборнаго пункта, порядка выступленія и мѣста явки всѣхъ начальниковъ для полученія боевыхъ задачъ.

Окончивъ приказъ и разославъ его съ ординарцами во всѣ части и отряды, я прилегъ отдохнуть. Въ маленькой тѣсной избѣ вповалку спали офицеры и солдаты; здѣсь же прикурнула и большая семья хозяина избы, качалась на круглой пружинѣ зыбка съ груднымъ младенцемъ, который поминутно просыпался и пищалъ отъ непривычной шумной ночи. Въ комнатѣ трудно было дышать, тяжелый кислый запахъ мѣшалъ заснуть.

Я одълъ полушубокъ и вышелъ на улицу.

Темная ночь, зимняя, глубокая, безъ просвъта и безъ звъздъ, окутала землю. Улицы тонули въ туманъ, сквозь который мутными пятнами кое-гдъ просвъчивали костры. Часовые у воротъ и дозорные нервно окликали каждую тънь.

Темно было въ деревнъ; тяжело и смутно было на душъ у каждаго изъ пяти-шести тысячъ русскихъ, занесенныхъ сюда, въ эту никому до сихъ поръ неизвъстную Голопуповку. Шестой годъ скитаній, — столько принесено въ это время жертвъ для счастья родной страны. Личное счастье, семья, здоровье,

кровь и самая живнь. И за все это — очутиться загнанными гдв-то въ глуши Сибири, въ этой деревнъ съ такимъ страннымъ названіемъ, какъ красному звърю въ садкъ. Мрачнымъ казалось настоящее, безпросвътно тяжелымъ, обиднымъ — прошедине пять лътъ. А тамъ впереди за деревней, на востокъ, еще темнъе. Тамъ полная неизвъстность, можетъ быть западня, а, — кто внаетъ, — можетъ быть и конецъ страданіямъ — смертъ безъизвъстная, мучительная, съ издъвательствами. Все представлялось неопредъленнымъ и зловъщимъ. Ясно было одно, — необходимо до конца быть твердымъ, сохранить бодрость въ себъ и въ другихъ.

Что-то скажеть завтрашній решительный день?

2.

Съ ранняго утра всё улицы Голопуповки пришли въ движение; вытягивались запряженные санные обозы, стояли правильными рядами небольшие конные отряды, пехота шагала около саней, пулеметчики тщательно укутывали свои пулеметы, чтобъ не застыли.

Зимнее солнце поднималось тусклое и красное изъ ночныхъ тумановъ, густыхъ и бѣлыхъ, какъ паровозный паръ. Вверху голубѣло небо. Воздухъ былъ свѣжій, бодрящій, наполненный крѣпкимъ сибирскимъ озономъ. Настроеніе въ отрядахъ и даже обозахъ было приподнятое и какъ будто довольное. Не замѣчалось и слѣда вчерашней растерянности.

Одинъ за другимъ являлись въ избу, гдѣ расположился мой маленькій штабъ, начальники и старшіе офицеры, чтобы получить боевую задачу и дать точныя свѣдѣнія о состояніи частей, о числѣ бойцовъ, количествѣ оружія и патроновъ. Послѣднее было всего хуже, — бѣдность въ патронахъ была крайняя, — въ нѣкоторыхъ отрядахъ было на винтовку всего по 15 штукъ.

Нашъ отрядъ, состоявшій вначалѣ только изъ кучки въ нѣсколько сотъ офицеровъ и добровольцевъ, вышедшихъ изъподъ Красноярска, да присоединившихся въ Есаульскомъ егерей, теперь увеличился до нѣсколькихъ тысячъ бойцовъ. Вошли почти всѣ, сосредоточившеся въ селѣ. 1-я кавалерійская дивизія почти въ полномъ составѣ не раздѣляла взглядовъ генерала Миловича и вошла въ армію, какъ одна изъ лучшихъ боевыхъ частей.¹)

Изъ всѣхъ частей были составлены двѣ боевыя колонны, одна для удара съ фронта, вторая обходная, а всѣ обозы и мало боеспособные части вошли въ третью колонну, которая должна была слѣдовать по дорогѣ за первой, ввидѣ резерва.

Морозъ за ночь покрѣпчалъ и здорово кусалъ щеки; пальцы коченъли такъ, что больно было держать поводъ. День

¹⁾ Подъ командой полковника Семчевскаго.

предстоялъ трудный: на такомъ морозъ, послъ пятнадцативерстнаго перехода, было тяжело вести наступательный бой.

Объяснивъ начальникамъ боевой приказъ, раздавъ задачи, я объъхалъ войска и началъ пропускать ихъ у выхода изъ села. Несмотря на самыя фантастическіе костюмы, на самый пестрый и разношерстный видъ, чувствовалось сразу, что это были отборные испытанные люди, стойкіе бойцы. Красно-бронзовыя отъ мороза и зимняго загара лица, заиндивълые отъ инея, точно съдые, усы и бороды, изъ подъ нависшихъ также бълыхъ, густыхъ бровей всюду смотрятъ глаза упорнымъ, твердымъ взглядомъ, — въ немъ воля и готовность идти до конца.

Это были тъ же закаленные русские витязи, что съ осени 1914 года по безчисленнымъ полямъ боевымъ совершали чудесные подвиги, проявляли высшую красоту человъческого духа. Это тъ же орлы - или родные братья ихъ, которые спасая Парижъ, вторглись могучимъ порывомъ въ Галицію и Восточную Пруссію, которые брали Львовъ, Перемышль, Эрзерумъ, защищали и отстаивали Варшаву, удивляли міръ своимъ геройскимъ отступлениемъ въ 1915 году, шагъ за шагомъ, съ палками въ рукахъ, противъ вооруженнаго до зубовъ противника; про ихъ легендарные подвиги на Карпатахъ французы складывали пъсенки, распъвавшиеся тогда на всъхъ бульварахъ Парижа. Это они рванули въ 1916 году снова въ Галиціи, нанесли вторичный разгромъ австро-венгерской армии и тъмъ спасли Италію. Это остатки тъхъ, кто подобно урагану, три года вели величайше бон, въ то время, какъ на западъ союзники танцевали свою военную кадриль, — метръ впередъ, полтора метра назадъ, двадцать пять плънныхъ и три раненныхъ... Для дъла «союзниковъ» за то время легло въ братскія боевыя могилы три милліона этихъ русскихъ орловъ. И теперь, въ благодарность за все это, брошенные всеми и всеми преданные, они стояли въ далекой Сибири, смыкая свои поръдъвшие ряды, готовые до конца биться за честь, жизнь и счастье родной страны.

Въдь все это были прямые потомки тъхъ кръпкихъ русскихъ людей, нашихъ предковъ, которые въ течени тысячелътней истории, бились за русскую землю подъ Великокняжескими стягами, подъ Царской хоруговью и подъ славными Императорскими знаменами. И Россія могла гордиться этой многовъковой боевой службой своихъ сыновъ: слава ея гремъла на весь міръ, а трудами и кровью ея армій была обравована величайшая въ міръ Имперія, — солнце никогда не заходило на

земляхъ Бълаго Царя.

И останься только Россія и армія върными Ему! Не поддайся подлой измънъ въ черные дни марта 1917 года. Выполни до конца долгъ свой передъ Царемъ, землей родною и предками

своими... Не только русская исторія, — исторія всего міра

пошла другимъ бы ходомъ.

Но слишкомъ это было не по вкусу всёмъ врагамъ Россіи, да, видно, и «друзьямъ» также. Грянули взрывы. Самые ужасные, ядовитые и зловонные удушливые газы были пущены на русскую силу. Опьянили, отравили ее и общими усиліями разгромили. Вмёсто свётлой побёды лётомъ 1917 года, которая возвеличила бы зданіе Россійской Имперіи, начался величайшій позоръ п кромёшный адъ. Страна наша, вся, цёликомъ, начиная отъ Государя-Мученника и кончая трудолюбивымъ, скромнымъ и добродушнымъ крестьяниномъ, была предана міровому еврейству на распятіе...

Русскіе никогда, ни на одну минуту не должны этого забывать. Помнили объ этомъ и мы всѣ тамъ въ далекой бѣлой Сибири, въ доблестныхъ бѣлыхъ войскахъ... но безъ Бѣлаго

Царя. Часъ тогда еще не пробилъ!

Долгъ свой передъ Родиной и предками мы выполняли до конца, — въ тяжеломъ, безрадостномъ подвигъ страданий бълыя армии боролись до конца за крестъ противъ кровавой пентограмы, боролись за Русь и за въру, заслуживая этой борьбой право для своего народа — громко и радостно кликнуть: и за

Царя! И тогда побъдить...

Колонны направились изъ села Голопуповки къ рѣкѣ Кану. Медленно, со скоростью не болѣе двухъ верстъ въ часъ совершалось движеніе, — вслѣдствіе трудныхъ, ненаѣзженныхъ дорогъ, также и изъ-за того, что передовыя части и разъѣзды шли крайне осторожно, нащупывая противника. Около трехъ часовъ дня первая колонна завязала бой; красные, имѣя всѣ преимущества, — и командующій правый берегъ рѣки, и богатство въ патронахъ и артиллеріи, и, наконецъ, возможность держать резервы въ избахъ, отогрѣвать ихъ тамъ, — оказывали намъ серьезное сопротивленіе; всѣ первыя атаки были отбиты; наши потери убитыми и ранеными росли.

Надо было торопиться съ маневромъ, который былъ разсчитанъ на то, чтобы глубокимъ обходомъ, крайняго лѣваго фланга большевиковъ, прорваться черезъ Канъ и ударить оттуда имъ въ тылъ. Я со штабомъ отъ первой колонны поѣхалъ вдоль

лъваго берега Кана ко второй, обходной.

Темнъло. Мъстность западнаго берега ръки идетъ равниной съ ложбинами и обрывами, съ низкимъ кустарникомъ, засыпаннымъ тогда на полтора-два аршина снъгомъ. Съ ръки и изъ овраговъ поднимался густой зимній туманъ и медленно, упорно обволакивалъ всю равнину.

Нъсколько нашихъ троекъ и десятка два всадниковъ продвигались въ этомъ туманъ почти наугадъ, безъ дороги. Цълина, глубокій снъгъ и темнота все гуще. Справа ръдкіе звуки выстрвловъ, слвва глубокая, зловвщая тишина. Вотъ въ туманв начинаютъ сввтиться, какъ мутныя пятна масляныхъ фонарей, далекіе костры. Все ближе и ближе. Различаемъ уже группы людей, громаду обоза и массу лошадей.

- «Какая часть? Кто такіе?»

— «Сибирскіе казаки-и-и, » слышится въ отвътъ разрозненный крикъ съ разныхъ мъстъ.

- «А вы кто такіе?» спохватился чей-то голосъ.

— «Командующій арміей.»

Останавливаюсь. Подходять ко мит полковники Глебовь и Катанаевь. Распрациваю въ чемъ дело, почему стоять адесь.

Оказывается, что это все, что поднялось съ Иртыша, изъ Сибирскаго, Ермака Тимофвевича, казачьяго войска; поднялось и пошло на востокъ, не желая подчиниться интернаціоналу, власти Лейбы Бронштейна. Здѣсь и войсковое правительство, и воинскія части, разровненныя сотни нѣсколькихъ боевыхъ полковъ, и семьи, старики, женщины, дѣти, и больные, и раненые, и войсковая казна.

Толпа номадовъ, точно перенесшаяся за тысячи лѣтъ, изъ великаго переселения народовъ. Больше обозовъ, чѣмъ войска. Но все же, — бригада набралась и подъ командой полковника

Глѣбова двинулась на поддержку первой колонны.

Черезъ часъ, примърно, я нагналъ обходящия части, которыя наступали подъ командой генералъ-маюра Д. А. Лебедева.

— «Какъ обстоитъ дѣло?»

 -- «Нашъ авангардъ внезапно атаковалъ красныхъ, тъ бъжали. Деревня занята нашими уже на восточномъ берегу.»

— «Сейчасъ же усильте авангардъ и направьте его внивъ по ръкъ, въ тылъ большевикамъ. Въ первой колоннъ вышла ваминка.»

Маневръ удался вполнѣ. Красные, только почувствовавъ нашъ нажимъ въ тылъ, дрогнули, началась паника, и они, бросая оружіе, бѣжали по направленію къ городу Канску. Наши войска, наступавшіе въ лобъ, воспользовались этимъ, дружно ударили, и уже къ десяти часамъ вечера всѣ наши части были на восточномъ берегу рѣки. Захватили много оружія, патроновъ, взяли нѣсколько пулеметовъ. Но плѣнныхъ не было. Неистовство стрѣлковъ и казаковъ было безпредѣльно. Воткинцы изъ отряда генерала Вержбицкаго, который наступалъ сѣвернѣе моей первой колонны, ворвались въ одну деревно и истребили въ этой атакѣ нѣсколько сотъ большевиковъ, трупы, которыхъ лежали потомъ кучами по берегу рѣки, какъ тихіе безмолвные свидѣтели ужаса гражданской войны.

Ночь посл'в боевъ принесла войскамъ отдыхъ, перерывъ въ опасности, спокойный ночлегъ. Характерная подробность.

Въ ванятыхъ боемъ деревняхъ мы нашли такой обильный ужинъ, какъ будто насъ ждали радушные ховяева. Въ каждой избъ варилось мясо или свинина, а то даже и птица, — куры, гуси, индъйки, — жирные наваристые русскіе щи, пироги, ватрушки и сибирская брага. И всего въ изобиліи.

— «Что вы насъ поджидали что-ли?» добродушно спрашивали хозяекъ стрълки, уплетая послъ голоднаго и холоднаго

боевого дня такъ, что трещало за ушами.

— «Нѣтъ, родимые,» съ наивной откровенностью отвѣчали тѣ, — «не жда-а-ли. Вишь, понаѣхали къ намъ комиссары съ приказомъ, чтобы варить, печь и жарить, что ихъвойска много придетъ, что бѣлыхъ будутъ бить тута. Ну, значить, по приказу мы и исполняли.»

— «Такъ вы для красныхъ все это наготовили?» слѣдо-

валъ грозный, въ шутку, вопросъ.

- «А мы, батюшка, не знамъ; намъ все равно, что красный,

что бълый. Намъ неизвъстно ...

Въ послѣдующія недѣли, при походѣ черезъ всю Сибирь, приходилось не разъ слышать подтвержденіе этой недоумѣнной мысли. Это высказывалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне относились къ намъ, именно какъ къ своимъ, не видали въ насъ начальства, когда откровенность и довѣріе были не стѣснены. И невольно мысль буравила мозгъ, ища разгадку такого безразличія, такой, на первый взглядъ, преступной, неразберихи; все равно, что бѣлые, что красные, никакой разницы! Сначала это возмущало до глубины души, позднѣе сердило. Но, когда разъяснилось, — разгадка окавалась простой; и возмущеніе, и обида исчезли — только жалость осталась, жалость къ нимъ, нашимъ сѣрымъ русскимъ крестьянамъ, и жалость къ намъ, къ русскимъ бѣлымъ войскамъ, и жалость къ рядовымъ сермяжнымъ красноармейцамъ.

— «Намъ, батюшка, все равно, что красный, что бѣлый»... Да, въ сущности, это было именно такъ, особенно теперь и въ этихъ глухихъ, медвѣжьихъ углахъ Сибири. Бѣлые воюютъ противъ красныхъ, и воюютъ страшно, упорно, до смертнаго конца. А за что? Чего добиваются? Это-то крестьянской

массъ было и не понятно.

За что воевали бѣлые? За Россію? А развѣ красные не русскіе, не такіе же тамъ полки, батареи и сотни? Развѣ не путали мы сами легко, особенно теперь вимою, когда всѣ одѣлись въ разнообразныя вимнія русскія одежды? Развѣ не ставили мы въ наши ряды взятыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ? Вѣдь руководители, эти инородцы, слуги интернаціонала и его пятиконечной звѣвды, были далеко, и главные изъ нихъ сидѣли въ Московскомъ Кремлѣ за крѣпкими латышско-китайскими заставами и караулами.

А большинству нашихъ рядовыхъ офицеровъ и солдатъ развъ было все ясно? Нъкоторымъ — да, они отдавали отчетъ, нричемъ въ началъ такихъ было большинство. Но потомъ остался только вопросъ чести, — быть върнымъ до конца, да чувство инстинктивнаго пониманъя, скоръе, въры, — что мы сражаемся за нашу родную тысячелътнюю Россію, которая всегда такъ полно и мощно воплощалась для каждаго русскаго

въ словъ Русскій Царь.

Вотъ прозвучи громко это близкое каждому русскому слово. Начертай его бѣлое движене на своемъ знамени подъ святымъ восмиконечнымъ крестомъ. Все бы стало ясно для всѣхъ. Раздвинулись бы ставни, развѣялся бы туманъ, исчезло бы недоумѣне, опредѣлилось бы совершенно и стало понятнымъ для всѣхъ различіе между красными и бѣлыми. И крестьянство бы россійское стало все на сторону послѣднихъ. Да и въ красныхъ рядахъ тогда осталось бы немного русскихъ людей...

Послѣ Кана мы шли нѣсколько дней безъ препятствій. Прорывъ линіи большевиковъ и разгромъ, нанесенный имъ, нагналъ такого страха, что дальше банды ихъ бѣжали при одномъ нашемъ приближеніи. Мы двигались все время южнѣе желѣзной дороги, опять оторванные отъ всего міра, въ полной неизвѣстности, что творилось на западѣ и востокѣ, что ждало насъ у Иркутска, куда мы такъ спѣшили, надѣясь соединиться

со своими.

Глухіе мѣста! По истинѣ, медвѣжьи углы. Села разбросаны на большомъ разстояніи одно отъ другого, раздѣленныя вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ, сибирской тайгой, по которой ни прохода, ни проѣзда, особенно въ зимнюю пору. Между многими селами совершенно не было дорогъ.

— «Мы туда не вздимъ, намъ безъ надобности,» отвъчали обыкновенно крестьяне на наши разспросы, — «вотъ къ желъзной дорогъ, къ станціи приходится вздить, тамъ есть дорога

хорошая».

— «Да ты пойми, мы не о томъ спрашиваемъ, — войску надо не къ желъвной дорогъ, а вотъ въ это село,» — добивались мы нужной дороги прямо на востокъ, — «какъ туда проъхать?» Мужики, даже мъстные старожилы, такъ называемые чалдоны, становились въ тупикъ и въ лучшемъ случаъ заявляли:

- «Лътомъ, молъ, еще можно проъхать вдоль ръчки, а

зимою, слыхать, никогда и не вадили туда.»

Приходилось сильно забирать на сѣверъ, затѣмъ снова спускаться на югъ; чтобы пройти разстояніе въ сорокъ верстъ, иногда дѣлали восемьдесять и тратили два дня. Къ желѣзной дорогѣ и къ тракту выходить мы не хотѣли, такъ какъ тамъ было очень тяжело съ фуражомъ. При ежедневномъ движеніи,

при полномъ напряжении силъ лошадей, этихъ нашихъ върныхъ друзей, было совершенно необходимо давать имъ хотя бы по десять фунтовъ овса въ день. На трактъ, - въ торговыхъ селахъ, найти его могли только самые передовые отряды, идущимъ свади не оставалось ничего. Плохо было и съ съномъ. Къ тому же какъ разъ на этомъ участкъ были села сожженные за время пресловутой охраны желъзной дороги. Черезъ одни такія руины мы прошли на третій день посл'в Красноярска. Огромное село, когда-то богатое, дышавшее довольствомъ, полное своей, русской незлобливой жизни, представляло теперь пустырь, на которомъ тянулись на версты кучи обуглившихся развалинъ избъ. Кое-гдъ только высились уцълъвшие дома; тамъ ютилось теперь по нъскольку семействъ напуганныхъ и озлобленныхъ крестьянъ. Да бълая церковь стояла одиноко и сиротливо. . . Печальные следы подвиговъ защитниковъ правъ «русской демократіи!»

Нѣкоторыя лошади нашего отряда прошли уже не одну тысячу верстъ, и теперь, вслѣдствіе безпрерывной работы и безкормицы, начали терять силы, выбывать изъ строя. Идетъ изъ послѣднихъ силъ и вдругъ остановится среди дороги; и никакими усиліями не сдвинешь ее съ мѣста. А кругомъ глухая угрюмая тайга, занесенная снѣгомъ, трещитъ сибирскій морозь и чутъ не по пятамъ за нами крадутся большевики. Что

дълать!

Нѣтъ, нѣтъ, да и натыкаешься на такую картину. Стоятъ въ сторонѣ отъ дороги сани, выпряженная лошадь безсильно, съ какой-то эпической покорностью, опустила голову, согнула устало ноги; рядомъ хлопочутъ около нее два-три человѣка, наши офицеры и солдаты, пробуютъ пробудить въ животномъ энергю; или такъ, просто сидятъ безнадежно на саняхъ и ждутъ своей участи, помощи или чуда. Но надо сказать, что никого у насъ не бросали, не оставляли товарища въ трудную минуту. Такихъ злосчастныхъ сѣдоковъ, владѣльцевъ отслужившей въ чистую лошади, забирали и распредѣляли съ ихъ незатѣйливымъ грузомъ по другимъ санямъ.

Съ каждымъ днемъ все больше и больше лошадей выбивалось изъ силъ, оставались на въчно въ тайгъ. Весь путь былъ
уставленъ, какъ въхами, этими животными. Проъзжаетъ
обозъ, мелкой, ровной рысью проходитъ вереница коннаго
отряда, — иначе какъ гуськомъ нельзя было проъхать по
узкимъ таежнымъ дорогамъ, — оборачиваются мимоходомъ
люди и грустнымъ тяжелымъ взглядомъ окидываютъ эту картину, которая такъ часто повторялась въ дни ледяного сибир-

скаго похода.

Между столътними деревьями, по кольно въ снъгу стоитъ понуро лошадь. Почти безъ движения. Иной разъ заботливый, благодарный хозяинъ набросаетъ передъ ней въ снѣгу ворохъ сѣна. Не смотритъ на него благородное животное. Безучастно и не хотя ухватило оно клокъ сѣна и стоитъ, не жуя, провожая унылыми глазами проѣзжавшія безъ конца мимо сани. И во всей позѣ животнаго видна такая смертельная усталость,

такой безконечный и безвозвратный расходъ силъ.

Стоитъ животное долго, упорно, затъмъ ложится въ снъгъ, и нончена лошадиная жизнь. Вся тайга на тысячи верстъ была усъяна трупами такихъ лошадей, върно отслужившихъ свою службу. Съ каждой изъ нихъ была связана молчаливая, тихая, но великая драма человъческой жизни. Сколько печальныхъ мыслей, горькихъ чувствъ, сколько безъисходнаго мужского горя и женскихъ слезъ клубилось около каждой изъ этихъ тысячъ павшихъ лошадей. Не сосчитать, не представить и не понять...

Въ нашемъ отрядъ десятки лошадей ежедневно выбывали изъ строя. Положение создавалось трудное, почти страшное. Мы не имъли права оставить никого изъ своихъ, всъ мы были связаны узами большими, чъмъ дружба и братство. При каждомъ отрядъ ъхали немногия семьи офицеровъ и добровольцевъ, мы вевли всъхъ своихъ раненыхъ и больныхъ; пока можно было, размъщали по другимъ санямъ, но всему есть предълъ. Стало настоятельной необходимостью находить замъну ослабъвшимъ и павшимъ лошадямъ, искать ремонтъ у мъстнаго населения. Обмънивали плохихъ лошадей у крестьянъ; пока были деньги, доплачивали, а затъмъ поневолъ перешли къ тяжелымъ реквизициямъ.

Это было дъйствительно тяжело, но неизбъжно и неустранимо, какъ сама судьба. Крестьяне, особенно староселысибиряки, понимали, сочувствовали намъ и не равъ, въ откровенномъ разговоръ, высказывали это; а иной равъ даже сами

предлагали лошадей.

Приходилось поневол'в установить реквизици, кром'в лошадей и фуража, также на хл'ябъ и на теплую одежду. Еслибы не было реквизицій подъ расписку старшаго начальника и только съ его разр'яшенія, — то офицерамъ и солдатамъ пришлось бы просто на просто отбирать: не умирать же имъ было отъ голода, не оставаться же въ дикой тайг'в на в'ярную смерть отъ морова.

— «Ты, парень,» утвшали солдаты сибиряка-таежника, — «дома ввдь не замервнешь, да и лошадь воть мы оставляемь тебв, она не гляди, что слабая, она лучше твоей. Ты ее подкорми, такъ къ веснв она тебв такъ заслужить, не въ примвръ

противъ твоей.»

И таежникъ, хотя и скръпя сердце, кивалъ головой и самъ становился рядомъ помогать запречь свою лошадь въ сани

бълаго воина. Въдь что это было: столкнулись въ необычныхъ революціонныхъ условіяхъ два русскихъ крестьянина, — одинъ съ Волги или съ Уральскихъ горъ, другой, рожденный въ холодной, бевпредъльной Сибири; несмотря на это, они были такъ бливки, такъ родственны другъ другу, какъ могутъ быть только бливки сыны одного народа, выросше въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, имъюще одну общую, при-

сущую всъмъ чисто-русскимъ людямъ душу.

Трудно было и съ ночлегами. Иной разъ на сотни верстъ въ тайгѣ не встрътишь ничего, кромѣ новоселовъ, съ маленькими избами, съ плохими дворами, почти бевъ ховяйственныхъ построекъ, — бѣднота. А всѣ люди отряда, продѣлавъ за день сорокъ-пятьдесятъ верстъ похода, изголодались, смервли, застыли, — кровь, казалось, замерзаетъ въ жилахъ. Всѣмъ надо дать мѣсто подъ кровомъ, въ теплой избѣ. Втискивались въ маленькія комнатушки почти вплотную, — всѣ вмѣстѣ, отъ генерала до рядового стрѣлка. Но на всѣхъ не хватало помѣщешй. Разводили костры на улицѣ и по дворамъ; около огней окоченѣвше люди проводили длинную зимнюю ночь, чтобы утромъ снова двигаться дальше на востокъ.

Число больныхъ все увеличивалось. Тифъ и простуда косили людей. Не редкость было встретить розвальни, на которыхъ пластомъ лежало три-четыре человеческихъ тела, завернутыхъ чемъ только можно и, какъ мешки, привязанныхъ толстыми веревками къ санямъ. Возница, офицеръ или стрелокъ, только изредка оборачивается, чтобы посмотреть, не развязались ли веревки, целъ ли его безгласный, живой грузъ. На каждой остановке подходили къ нимъ друзъя и несколько сестеръ милосердия, этихъ скромныхъ большихъ героинь отряда, и заботливо распутывали больныхъ, давали пить лекарство, кормили, поправляли и заворачивали снова. Въ долгій путь!

Не обходилось, естественно, безъ ссоръ изъ-за ночлеговъ. Квартирьеры что нибудь напутали или несправедливо распредълили избы; то опоздалъ кто-нибудь. Вздитъ пять-шесть саней по селу въ темнотъ, скрипятъ полозья по бълому снъгу, стучатъ въ каждое свътящееся оконце, — напрасно ищутъ пристанища: все переполнено до отказа. Въ такихъ случаяхъ приходилось еще уплотнять и назначать такихъ несчастныхъ, безприкровныхъ на цълый районъ какой-либо части; только по строгому приказу впихивали тогда въ полную избу къ двадцати-тридцати человъкамъ еще одного, двухъ.

Много непріятностей было съ отдёльными самостоятельными отрядами. Посл'в Голопуповки, когда мы прорвали Канъ, никто, понятно, въ Монголію не пошелъ; выждавъ время и ревультаты, вс'в, передъ т'ємъ буддировавшія, двинулись всл'єдъ за нашимъ отрядомъ. Кром'є нихъ появлялись еще и другія

части, выныривали совершенно неожиданно откуда-то съ боковыхъ дорогъ. Благодаря постоянному движеню, — не было вовможно привести все въ порядокъ, установить какое-либо подобіе органиваціи; да и совершенно естественно, что внутри, среди такихъ отбившихся отрядовъ накопилась значитель-ная доля деморализованнаго элемента, нежелавшаго подчиниться стъснительнымъ подчасъ приказамъ. Съ такими отрядиками было всего больше непріятностей и возни изъ-за ночлеговъ.

Къмъ-то изъ предпримчивыхъ начальниковъ одного изъ этихъ летучихъ отрядовъ былъ ивобрътенъ не лишенный остроумія способъ добычи квартиръ. Движене нашепроисходило съ частыми встръчами и стычками съ бандами красныхъ, а при малъйшей задержкъ насъ нагоняли съ запада авангарды совътской арми; естественно, отъ всего этого нервность въ людяхъ сильно повысилась. Вотъ на этомъ-то и построили всъ расчеты

наши изобрѣтатели.

Только расположились люди отряда на ночлеть или приваль, уплотнились выше мъры, задали корму конямъ, поставили самовары. Впереди ночь отдыха. Вдругь съ запада, откуда пришли, изъ тайги, раздается трескотня ружейныхъ выстръловъ, пулеметъ выпускаетъ нъсколько строчекъ. Сейчасъ же высылаются дозоры, развъдка, — и въ то же время торопливо запрягаютъ обозъ. Все тяжелое, небоеспособное снимается и, несмотря на усталость, плетется дальше на востокъ до слъдующаго селенія. Черезъ часъ-полтора возвращается наша развъдка.

- «Никаких» красных» нёт». Летучій отряд» стрёлял»

въ двухъ верстахъ отъ нашего бивака.»

— «Что ва причина?»

— «Говорять, что прочищали стволы,» ухмыляются наши

развъдчики, — «пробовали пулеметы, не замерали-ли»...

Черезъ три дня послѣ Канскаго прорыва наша колонна снова поднялась на сѣверъ къ желѣзной дорогѣ, тамъ переночевали, прошли немного по тракту и спуслились опять на югъ. Здѣсь мы совершенно неожиданно встрѣтились съ частями генераловъ Каппеля и Войцеховскаго, ушедшихъ послѣ Красноярка внивъ по Енисею. Радость была полная, — нашли другъ друга люди, считавшеся потерянными навсегда.

Эти отряды перенесли тяжелых неввгодъ много больше насъ. Движене ихъ по Енисею на съверъ, а особенно отъ впаденія въ него Кана по этой ръкъ на востокъ — было неимовърно трудно и полно такихъ лишеній, что даже главнокомандующій генералъ Каппель отморозилъ себъ объ ноги. Канъ въ своемъ нижнемъ теченіи бъжитъ сдавленный высокими скалистыми горами, стремнина ръки здъсь не вездъ замервла, не-

смотря, на трещавший тогда сорокоградусный моровъ. Генералъ Каппель провалился съ санями въ одну изъ полыней, промочилъ ноги, а такать до ближайшаго селенія нужно было еще очень далеко и долго, — переходъ въ тотъ день выдался въ девяносто верстъ. Въ ревультатъ объ ноги оказались отмороженными.

Сколько было среди нихъ такихъ страдальцевъ, сколько было погибшихъ, — никто не зналъ — и не увнаетъ никогда.

Съ генералами Каппелемъ и Войцеховскимъ шли части, прорвавшиеся ивъ Красноярскаго разгрома въ сочельникъ; за Есаульской ихъ нагнали еще Ижевцы и Уральцы, изъ состава 3-й армии, двигавшейся свади и обошедшей Красноярскъ на

олъдующій день послѣ катастрофы.

Теперь, если подсчитать все, что шло въ колоннахъ генераловъ Вержбицкаго, Каппеля, Войцеховскаго и моей, то можно было составить силу тысячь въ тридцать бойцовъ; не считая бродившихъ отдъльныхъ летучихъ отрядовъ, до сихъ поръ никому не подчинявшихся. Необходимо было возможно скорве провести организацію, свести всв отряды въ полки и дивизіи, наладить службу связи и правильность походнаго движенія; равно наврѣвала крайняя необходимость упорядочить вопросы снабженія, добыть фуражь, хлібь и патроны съ желъзной дороги, установить случаи и однообразную форму законныхъ реквизицій. Не менъе существенно и важно было поставить себъ точную, по возможности, опредъленную и выполнимую цель. До сихъ поръ все шли просто на востокъ послѣ разгрома, послѣ крушенія всѣхъ прежнихъ усилій; до сихъ поръ передъ нами не было выбора вадачи, потому что не было силъ выполнить ихъ; представлялось необходимымъ какъ, можно скорве пройти тысячи версть угрюмой холодной тайги, чтобы скоръе соединиться съ русскими національными войсками

Теперь же, когда наши отряды составили внушительную силу сами по себѣ, стало возможнымъ и нужнымъ рѣшить, какъ мы пойдемъ дальше.

Надо было разобраться и уяснить себѣ ту общую обстановку, и всѣ ея частности, какая сложилась въ Иркутскомърайонѣ, въ Забайкальѣ и на Дальнемъ Востокѣ; до сихъ поръмы шли въ совершенныхъ потемкахъ, вѣрныхъ свѣдѣній не имѣли; большинство же слуховъ было явно провокаціоннаго карактера, выпускаемыхъ ивъ враждебныхъ соціалистическихъ или чешскихъ круговъ. Усиленно поддерживалась версія, что войска атамана Семенова разбиты, самъ онъ бѣжалъ въ Монголю, всѣ города до Тихаго океана въ рукахъ совѣтской власти. Цѣль была — поколебать наши ряды, убить духъ, погасить вѣру въ возможность дальнѣйшей борьбы.

Было решено дойти скоре до города Нижнеудинска и тамъ собрать совещание изъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ, на которомъ и выяснить все вопросы и принять правиль-

ныя ръшенін.

Соціалисты, считавине, что они покончили съ бѣлымъ движеніемъ, что арміи подъ Красноярскомъ были уничтожены, встревожились не на шутку, когда до нихъ стали доходить вѣсти о движеніи на востокъ массы отдѣльныхъ отрядовъ. Но они успокаивали и себя, и свои красныя банды тѣмъ, что «идутъ безоружныя, разровненныя группы и отдѣльные офицеры, которыхъ уничтожить», — какъ писали Иркутскіе заправилы, — «не трудно». Попробовали на Канѣ, — обожглись. Теперь къ Нижнеудинску были стянуты большія силы, причемъ красное командованіе рѣшило дать намъ отпоръ у села Укъ, верстахъ въ пятнадцати западнѣе города.

Колонна генерала Вержбицкаго, имъя въ авангрдъ Воткинскую дивизію (сестру Ижевской, составленную сплошь изъ рабочихъ Воткинскихъ заводовъ), лихой штыковой атакой обратила красныхъ въ бъгство; наши полки ворвались въ Нижнеудинскъ на плечахъ большевиковъ, которые понесли въ

этомъ бою очень большия потери.

Отъ захваченныхъ пленныхъ, изъ местныхъ прокламацій, прикавовъ, изъ Иркутскихъ газетъ, частью и отъ чеховъ, эшелоны которыхъ были на станціяхъ западніве и восточніве Нижнеудинска, — обстановка начала по немногу вырисовываться. Атаманъ Семеновъ кръпко держалъ Забайкалье; въ Приморьъ шла неразбериха, но «союзныя» части еще оставались тамъ; Иркутскъ въ рукахъ у соціалистовъ, причемъ фактически тамъ распоряжаются большевики-коммунисты; бывший сотрудникъ Гайды, эсъ-эръ, штабсъ-капитанъ Калашниковъ былъ навначенъ главковерхомъ, онъ-то и руководилъ теперь дъйствіями красныхъ бандъ для уничтоженія «остатковъ бълогвардейщины». Адмиралъ Колчакъ заключенъ въ Иркутской тюрьмъ; соціалисты спѣшно вели слѣдствіе, собирали противъ Верховнаго Правителя обвинительный матеріаль. Золотой вапась стоить въ вагонахъ на путяхъ станціи Иркутска и охраняется красной арміей. Чехо-словацкія войска рішили соблюдать «вооруженный нейтралитеть», чтобы сохранить для себя желъвную дорогу. Въ этомъ имъ помогали всѣ союзники Россіи, объявивиле полосу русской желъвной дороги - нейтральной!

Вотъ тѣ данныя, которыя выяснились передъ военнымъ совѣщаніемъ, собраннымъ генераломъ Каппелемъ въ Нижнеу-динскѣ 23 января 1920 года. На немъ былъ принятъ такой планъ: двигаться дальше двумя колоннами-арміями на Иркутскъ, стремиться подойти къ нему возможно скорѣе, чтобы, по возможности, внезапно завладѣть городомъ, освободить Верхов-

наго Правителя, всёхъ съ нимъ арестованныхъ, отнять золотой запасъ; затёмъ, установивъ соединение съ Забайкальемъ, пополнить и снабдить наши части въ Иркутскѣ, наладить службу тыла и занять западнѣе Иркутска боевой фронтъ. Всѣ войска, шедше отъ Нижнеудинска далѣе на востокъ, сводились въ двѣ колонны-армии: 2-я, сѣверная, генерала Войцеховскаго и 3-я, южная, подъ моимъ командованиемъ. Главнокомандование оставалось въ рукахъ генерала Каппеля, который со своимъ штабомъ двигался при сѣверной колоннѣ.

3.

Послѣ Нижнеудинска движение начало принимать все болѣе правильный видъ, былъ внесенъ порядокъ, приводились въ ясность точное число бойцовъ, всѣхъ слѣдующихъ съ арміей людей; старались поднять и боеспособность частей. Результаты

стали скавываться съ первыхъ же дней.

Къ этому времени чрезмфрно усилился новый нашъ врагъ, — разыгрались во-всю эпидеміи. Тифъ, сыпной и возвратный, буквально косилъ людей; ежедневно заболфвали десятки, выздоровленіе же шло крайне медленно. Иногда выздоровфвий отъ сыпного тифа тотчасъ заболфвалъ возвратнымъ. Докторовъ было очень мало, по одному-по два на дивизію, да и тъ скоро выбыли изъ строя, также заболфли тифомъ. Трудно представить себф ту массу насфкомыхъ, которые набирались въ одеждф и бфльф за долгіе переходы и на скученныхъ ночлегахъ. Не было силъ остановить на походф заразу: всф мы помфщались на ночлегахъ и привалахъ вмфстф, объ изоляціи нечего было и думать. Да и въ голову не приходило принимать какія-либо мфры предосторожности. Это не была апатія, а покорность судьбф, привычка не бояться опасности, примиреніе съ необходимостью.

На ночлегѣ для моего штаба отводятъ домъ сельскаго священника. Входимъ, а стоявше тамъ передъ нами садятся въ сани, чтобы послѣ дневного отдыха продолжать путь до слѣдующей деревни. Старика генерала Ямшинецкаго, начальника Самарской дивизіи, два офицера сводятъ съ крыльца подъруки; узнаю, что онъ пятый день болѣетъ. Предлагаю генералу остаться переночевать у меня.

— «Благодарю, но ужъ разръшите, не отдъляться отъ своей части,» слабымъ, тихимъ голосомъ говоритъ онъ.

— «Плохо чувствуете себя? Что съ Вами?»

— «Да все жаръ сильный и голова болитъ. На моровъ легче.»

— «Ну повзжайте съ Богомъ!»

Священникъ и матушка хлопотливо и радушно принимали насъ; ужинъ, огромный мёдный нечищенный самоваръ, и даже

какимъ-то способомъ сохранившаяся бутылка вина. За столомъ, какъ и всюду, разговоры на больныя и близкія для насъ темы; о разрухѣ, о русскомъ несчастьи.

- «Скажите батюшка, какъ настроение крестьянъ? Чего

«У стятох ино

Священникъ помолчалъ минуту и затъмъ отвътилъ:

— «По правдѣ скажу, что наши крестьяне такъ устали, что хотятъ только спокойствія, да чтобы крѣпкая власть была, а то много ужъ больно сброда всякаго развелось за послѣдніе годы. Вотъ, передъ вашимъ приходомъ комиссары были здѣсь, всѣ убѣжали теперь; такъ они запугивали нашихъ мужиковъ: бѣлые, говорятъ, придутъ, все грабятъ, насилуютъ, а чутъчто не по нимъ, — убъютъ. Мы всѣ, прямо скажу, страшно боялись васъ. А на дѣлѣ увидали послѣ первой же вашей партіи, что наши это, настоящіе русскіе господа офицеры и солдаты».

На мъстахъ была полная неосвъдомленность, до того, что даже священникъ не имълъ никакого представления, какия цъли преслъдовалъ адмиралъ Колчакъ, что такое представляла

изъ себя бълая армія, чего она добивается.

— «Крестьяне совсъмъ сбиты съ толку. Боятся они, боятся всего и больше молчатъ теперь, про себя думы хранятъ. Ну, а только всъ они кромъ Царя ничего не желаютъ и никому не върятъ. Смъло могу сказать, что девяносто процентовъ моихъ прихожанъ монархисты самой чистой воды. А до остального они равнодушны: что бълые, что красные, — они не понимаютъ и не хотятъ никого.»

Кончили ужинъ и долгіе разговоры, въ которыхъ священникъ развивалъ и доказывалъ эти основныя мысли. Ложимся спать. Я уже улегся въ кровать, какъ входитъ изъ кухни адъютантъ, пошептавшийся тамъ о чемъ-то со священникомъ, и докладываетъ:

— «Ваше Превосходительство, Вы лучше не спите на этой кровати: здъсь отдыхалъ генералъ Ямшинецкій, а у него сыпной

тифъ. 🛚

— «Ну, какая разница?» И дъйствительно, — не все ли равно было спать на этой кровати, или на полу рядомъ. И на каждой, буквально, остановкъ были такъ перемъшаны больные

и здоровые.

Черезъ день утромъ выхожу садиться на лошадь, кругомъ идутъ сборы въ походъ; изъ нашей избы выводятъ подъ руки иъсколько слабыхъ шатающихся фигуръ. Въ одной узнаю подполковника К., офицера съ Русскаго Острова. Узналъ и онъ меня, смотритъ съ похудъвшаго лица огромными, какими-то туманными глазами. Здороваюсь, рука офицера горячая, какъ раскаленная печь.

— «Что съ Вами, подполковникъ?»

- «Виноватъ, Ваше Превосходительство,» отвъчаетъ онъ въ полубреду: «сыпной тифъ.»

«Ну, поправляйтесь скоръе, будьте молодцомъ.»

«Постараюсь, Ваше Превосходительство». . .

Съ каждымъ днемъ все больше и больше больныхъ; почти половина саней, нашихъ длинныхъ обозовъ, занята ими. Но, видимо, свъжій морозный воздухъ Сибири дъйствовалъ лучше всякихъ лекарствъ: смертныхъ случаевъ почти не было, всъ,

кромъ очень пожилыхъ людей, выживали.

Движеніе колоннъ было расчитано такъ, что пять дней каждая изъ нихъ должна была двигаться самостоятельно, по заранѣе составленному маршруту; разстояніе между дорогами было отъ 60 до 90 верстъ, почему поддерживать связь на походѣ было почти немыслимо. Единственно къ чему мы должны были стремиться, — это, чтобы движеніе совершалось точно по расчету. Тогда, около станціи Зима (съ городкомъ того же названія) обѣ арміи должны были сойтись въ одинъ и тотъ же день, соединиться снова, чтобы намѣтить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Третья армія шла южной дорогой черезъ два-три большихъ старыхъ села, и нѣсколько новыхъ деревень, созданныхъ главнымъ переселенческимъ управленіемъ, въ періодъ передъ самой войной, для новоселовъ. И мѣстность, и деревни, и дороги — все было еще болѣе глухое, дикое, заброшенное, жившее своимъ укладомъ, своими мѣстными интересами, далекое отъ гремѣвшихъ событій, отъ великой русской трагедіи, разыгрывавшейся тогда на необъятныхъ пространствахъ Руси.

Но и здѣсь оказалось нѣсколько бандъ, сформированныхъ соціалистами; и здѣсь они распустили свою вредную паутину, — кооперативы работали во всю, не столько занимаясь снабженіемъ населенія товарами, какъ политическими интригами. Всѣ эти банды бѣжали при одномъ приближеніи армін, бѣ-

жали на югъ, въ горы.

На третій день марша до насъ дошли слухи черезъ крестьянъ, что генералъ Каппель умеръ. Онъ сильно страдалъ отъ невыносимой боли въ отмороженныхъ ногахъ, простуда все больше охватывала ослабъвшій организмъ, началось воспаленіе въ легкихъ. Сердце не выдержало, и 25 января ушелъ отъ жизни одинъ изъ доблестнъйшихъ сыновъ Россіи, генералълейтенантъ Владімиръ Оскаровичъ Каппель. Всю свою душу онъ отдавалъ русскому дълу, ставъ съ самаго начала революціи на борьбу съ ея разрушительными силами. В. О. Каппель былъ полонъ въры въ правду бълаго движенія, въ жизненный инстинктъ русскаго народа, въ свътлое будущее его, въ возвращение на славный историческій путь. Чистый офицеръ,

чуждый больного честолюбія, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей и среди подчиненныхъ пользовался прямо легендарнымъ обаяніемъ. Смерть его среди войскъ, на посту, при исполнении тяжелаго долга, обязанности вывести офицеровъ и солдатъ изъ безконечно тяжелаго положенія, — эта смерть окружила личность вождя ореоломъ свѣтлаго почитанія. И безъ всякого сговора, какъ дань высокому подвигу, стали называться всѣ наши войска «каппелевцами»; такъ окрестили насъ мѣстные крестьяне, такъ пробовали ругать насъ соціалисты, такъ съ гордостью называли себя наши офицеры и нижніе чины.

Я получиль увъдомление о смерти генерала Каппеля отъ Войцежовскаго на четвертый день пути; одновременно онъ сообщиль миъ, что, по смерти В. О. Каппеля, онъ вступиль въ

главнокомандование бълыми войсками.

Вторая армія двигалась по Московскому главному тракту, вдоль желѣзной дороги, по которой безконечной вереницей тянулись поѣвда чехо-словацкаго воинства. Странная и постыд-

ная картина: въ великодержавной странъ по русской желъзной дорогъ ъхали со всъмиулобствами

всъми удобствами наши военноплѣнные. везли десятки ТЫСЯЧЪ нашихъ русскихъ лошадей, полные вагоны-цейхаузы съ русской одеждой, мукой, овсомъ, чаемъ, сахаромъ и пр., съ цъннымъ награбленнымъ имуществомъ. А въ то же время остатки Русской армін въ неимовърныхъ лишеніяхъ шли,

ободранные, голодные, шли тысячи верстъ среди трескучихъ си-

зовъ, ломая небы-

MODO-

бирскихъ

валый въ исторіи походъ. И не имъя у себя дома ни одного поъзда, ни одного вагона, даже для своихъ раненыхъ и больныхъ!

Чехи продавали нашимъ частямъ продукты и фуражъ, но требовали расплаты золотомъ или серебромъ. Предлагали они намъ купить и лошадей, но по цѣнамъ въ нѣсколько тысячъ рублей за каждую. Были, понятно, и среди этихъ «легіонеровъ» люди не потерявшіе совѣсти и чести, но, къ несчастью, такихъ было слишкомъ немного, почему они и не имѣли почти никакого вліянія.

Чехъ-докторъ, лечивший генерала Каппеля, уговаривалъ его перейти въ чешский эшелонъ и ъхать въ тепломъ вагонъ, но тогъ на отръвъ отказался, — не было никакой гарантии, что тъ изъ нихъ, которые предали адмирала Колчака и сотни русскихъ офицеровъ, — остановятся передъ предательствомъ и на этотъ разъ.

Нъкоторые болъе слабые фивически офицеры, много стариковъ и женщинъ ъхали въ поъздахъ, занятыхъ чехами. И мы знаемъ, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они всъ были. Въчныя угровы выдачи большевикамъ, самое грубое обращеніе, требованіе исполнять всъ тяжелыя, черныя работы и киданіе изъ милости, пренебрежительно объъдковъ. Пожилыхъ людей, русскихъ генераловъ, чехи-солдаты заставляли чистить своихъ лошадей, выносить помои, убирать вагоны, таскать дрова, за корку хлъба и остатокъ пустыхъ щей. Разжиръвше военноплънные ъхали въ поъздахъ, везли вагоны награбленнаго добра, измываясь надъ русскими людьми!

Ни въ одной странъ, ни у одного народа было бы немыслимо даже что-нибудь близкое этому безобразно-гнусному явленю. Только наша русская дряблость, да муть, поднявшаяся послъреволюціи, вызвали къ жизни эту позорную страницу въ Си-

бири.

Соціалисты, захвативше теперь власть, напрягали всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить нашу армію. Изъ Иркутска были высланы къ станціи Зима красныя части около десяти тысячь бойцовь при пяти орудіяхь и даже съ двумя аэропланами; главковерхь штабсь-капитань Калашниковь выѣхаль сюда же, чтобы лично руководить дѣйствіями. Красные были въ изобиліи снабжены патронами и имѣли опять то же преимущество обороны въ зимнюю стужу: они могли обогрѣвать своихъ бойцовь въ теплыхь избахь, въ то время какъ наши стрѣлки подходили къ мѣсту боя иззябше, продрогше, съ закоченѣлыми руками. Какъ туть стрѣлять и колоть!

Части второй арміи подошли къ станціи Зима первыми и повели наступленіе съ ранняго утра. Около десяти часовъ, послѣ упорного боя, красные отступили съ передовой позиціи,

вынесенной западнъе отанціи. Къ этому времени вышла и моя колонна; авангардъ быстро наступалъ, охватывая лъвый флангъ большевиковъ. Тъ дрогнули и начали отступать. Главковерхъ Калашниковъ со штабомъ уъхалъ поъвдомъ въ Иркутскъ; послъ этого, неожиданно для насъ и для красныхъ, выступилъ конный чешскій полкъ, стоявшій въ эшелонахъ на станціи Зима. Доблестный начальникъ 3-й чехо-словацкой дивизіи маюръ Пржхалъ рышилъ не оставаться безучастнымъ, его честная солдатская натура заставила принять рышене и взять на себя всю отвытственность. Онъ выступилъ съ коннымъ полкомъ своей дивизіи и потребовалъ сдачи красныхъ, гарантируя имъжизнь. Большевики положили оружіе и были собраны подъстражей чеховъ въ жельзнорожныхъ казармахъ.

Наши арміи вступили въ городъ Зиму. За помощь, оказанную намъ маюромъ Пржхало, наши офицеры и стрълки были готовы простить все вло, сдъланное легіонерами и ихъ руководителями раньше. Начали строить, съ чисто славянской порывистостью, планы о дальнъйшихъ совмъстныхъ дъйствіяхъ — операціи противъ совътской арміи. Но уже черезъ нъсколько часовъ отъ Яна Сырового пришли по телеграфу и строжайшіх разносъ маюру Пржхалъ, и приказаніе вернуть краснымъ оружіе, и требованіе ничего не давать бълогвардейцамъ, не

оказывать намъ никакого содъйствія.

Установившеся было отношения между нами и чехами были сразу прерваны. Маюръ Пржхалъ, показавъ полученныя имъ телеграммы, заперся въ вагонъ, а его штабъ, во исполнене приказа Сырового, захватилъ отбитый у большевиковъ денежный ящикъ и брошенныя ими орудія; даже патроны, въ которыхъ мы испытывали самую острую нужду, выдавали намъ

подъ сурдинку, тайнымъ образомъ.

Поражене у станціи Зима разстроило планы большевиковъ. Ихъ банды бъжали на съверо-востокъ, въ направлении на городъ Балаганскъ. До самаго Иркутска стала распространяться паника, причемъ даже такіе завзятые приверженцы большевиковъ, какъ развращенные соціалистами рабочіе Черемховскихъ копей, сами разоружали банды красноармейцевъ-Иркутскіе заправилы попытались взять армію съ другогоконца, — повели переговоры съ стоявшимъ во главъ бълыхъвойскъ генераломъ Войцеховскимъ. Для этого была использована его старая связь съ чехо-словацкимъ корпусомъ. Отъимени большевиковъ говорили изъ Иркутска по прямому проводу чешскій представитель Благошъ и американскій инженеръ Стивенсъ.

Было понятно само собою, что наша армія не сдастся ни на какія условія, — поэтому эти почтенные дипломаты спрашивали, на какихъ условіяхъ были бы мы согласны обойти Ир-

кутскъ, — чтобы избъжать кровопролитія. Генералъ Войцеховскій собралъ совъщаніе старшихъ начальниковъ для составленія отвъта. Поставленныя нами условія сводились въ общемъкъ слъдующему:

1. Немедленная передача адмирала Колчака иностраннымъ представителямъ, которые должны доставить его въ полной безопасности за-границу.

2. Выдача Россійскаго золотого запаса.

3. Выдача армін по наличному числу комплектовъ теплой одежды, сапогъ, продовольствія и фуража.

4. Исполнение всего изложеннаго подъ отвътственностью и гарантией иностранныхъ представителей, ведшихъ переговоры.

Но все это съ той стороны, были только новые вольты, продолжение той же фальшивой игры краплеными картами: большевикамъ нужно было выгадать время. Поэтому чехъ и американецъ начали оттягивать отвътъ. Штабъ съ Войцеховскимъ остались еще на одинъ день въ городъ Зима, — войска выступили дальше на востокъ. Теперь моя армія, 3-я, шла по Московскому тракту, а 2-я армія дорогой, верстъ на 30—40 съвернъе.

Получились свъдънія о томъ, что большевики въ Иркутскъ бьють тревогу, — тамъ шла мобилизація рабочихъ, усиленныя формированія, ежедневная спъшная эвакуація цъннъйшихъ грузовъ на подводахъ по Балаганскому тракту на съверъ. Нашей неотложной задачей стало двигаться какъ можно быстръе, форсированными переходами, чтобы налетъть на Иркутскъ врасплохъ.

3-я армія шла день и ночь съ самыми минимальными отдыхами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы встрѣчали высланные
изъ Иркутска красныя банды, два раза задерживались на
полдня, вели бои. Не мало зла и хлопотъ при этомъ причинили намъ латышскіе поселки. Императорское Русское переселенческое управленіе, въ заботахъ о всѣхъ подданныхъ
Царя, отводило въ Сибири большіе надѣлы и бевземельнымъ
латышамъ. Здѣсь образовались цѣлыя колоніи этой народности, богатыя землей и лѣсомъ, ни въ чемъ не нуждавшіяся.
И вотъ характерно, — въ то время, когда русское крестьянство оказывало намъ полное содѣйствіе, относилось сочувственно
даже въ дни наибольшей нашей слабости, эти колонистылатыши организовали банды, чтобы вести противъ бѣлыхъ
партизанскую войну.

Какая поравительная связь съ тѣмъ явленіемъ, что на протяженіи всей грязной русской революціи латыши являлись самыми ярыми углубителями ея, надежной опорой всѣхъ революціонныхъ вождей отъ Керенскаго до Бронштейна!

2-я армія встр'єтила на своемъ пути бол'є серьезное сопротивленіе, верстахъ въ 70 с'єверо-западн'є Иркутска. Большевики боялись нашего движенія на Балаганскъ, ихъ базу, куда они вывозили все ц'єнное; для прикрытія этого направленія ими были высланы сильныя части. Ц'єлый день, 6 февраля, и сл'єдующую ночь шелъ упорный бой во 2-й арміи, причемъ она ввела въ д'єло вс'є свои силы.

Моя армія также наткнулась въ этотъ день на значительный красный авангардъ, но къ вечеру разсѣяла его и послѣ небольшого отдыха продолжала движеніе, форсируя его до послѣдняго предѣла.

Гулко раздавались орудійные выстрълы боя 2-й арміи, сначала на одной высотъ съ нами, затъмъ стали отдаляться

все дальше въ тылъ.

На слѣдующій день послѣ полудня авангардъ 3-й арміи съ налета занялъ станцію Инокентьевскую, что лежитъ на западномъ берегу Ангары — противъ Иркутска. Движеніе было настолько быстро и такъ неожиданно было наше появленіе, что когда я со своимъ штабомъ въѣхалъ, одновременно съ авангардомъ, въ поселокъ Инокентьевскій, то наткнулся на такую картину.

Стоитъ длинный обозъ. По обыкновению послалъ орди-

нарца узнать, какой части.

— «107-го совътскаго полка,» отвъчали бородачи обозники, не узнавъ въ нашихъ закутанныхъ въ тулупы и дохи фигурахъ — бълогвардейцевъ, какъ и мы не распознали въ нихъ «большевиковъ».

 «Для чего прівхали сюда, «товарищи»? спросилъ находчивый ординарецъ.

— «За снарядами, въ чихаусъ прислали, насъ-то. А вы

чьи будете?»

 «Штабъ генерала Сахарова, командующаго 3-й арміей, » посл'ядовалъ громкій отв'ять.

Полная растерянность. Руки вверхъ и мольба о пощадъ. Въ то же самое время начальникъ развъдывательнаго отдъления штаба армии полковникъ Новицкий съ пятью своими людьми захватилъ у красныхъ два орудия, причемъ, обезоруживъ часть большевиковъ, остальнымъ приказалъ держать караулъ до прихода нашихъ.

Какіе богатые склады нашли мы въ Инокентьевской! Всего было полно: валенокъ, полушубковъ, сапогъ, сукна, хлъба, сахара, муки, фуража и даже новыхъ съделъ. Только теперь встало во весь ростъ преступленіе тылового интендантства и министерства снабженія, оставившихъ въ октябръ нашу армію полуголой. Всю ночь и слъдующій день шла спъшная раздача частямъ изъ складовъ всего, что хотъли, — и то боль-

ше половины мы должны были оставить въ Инокентьевской, не на чемъ было поднять; разръшили брать мъстнымъ жителямъ.

Занятіе нами Инокентьевской облегчило положеніе 2-й арміи, которая, отбивъ противника на съверъ, свернула къ Московскому тракту и должна была на следующий день выйти на Иркутскъ.

Со всъхъ сторонъ подтверждалась полная растерянность большевиковъ. Ясно было, что при быстромъ проведении операціи, взять Иркутскъ не составить большого труда.

Только нельвя было терять времени.

Всю ночь, не ложась спать, проработали надъ составленіемъ плана операціи по овладенію Йркутскомъ. Къ утру приказъ былъ готовъ. Атака назначалась въ 12 часовъ дня. Генералъ Войцеховскій, прибывшій въ Инокентьевскую передъ разсвътомъ, согласился со всъми соображениями, одобрилъ планъ и послалъ распоряжение 2-й армии согласовать свои дъйствіа — ударомъ на Иркутскъ съ съвера.

Утромъ грянулъ громъ. Сначала былъ доставленъ документъ ва подписью начальника 2-й чехо-словацкой дивизіи полковника Крейчій, адресованный «начальнику передового отряда войскъ генерала Войцеховскаго»; въ немъ заключался наглый ультиматумъ, — чехи категорически требовали не ванимать Глазговскаго предмёстья и не производить никакихъ репрессій по отношенію жельанодорожных служащих, -иначе чехи угрожали выступить вооруженно противъ насъ.

Надо пояснить, что Главговское предместье расположено на высотахъ, командующихъ городомъ; не занимая его, мы оставляли бы въ рукахъ большевиковъ тактическій ключъ всей повиціи; кром' тото, тамъ могли бы сосредоточиться красные въ любыхъ силахъ и бить во флангъ наши наступающія части. И все это проходило бы подъ прикрытіемъ чешскихъ штыковъ.

Вскоръ ватъмъ съ разныхъ сторонъ, - въ томъ числъ и отъ чеховъ, — поступили свъдънія, что наканунъ утромъ, Верховный Правитель адмиралъ А. В. Колчакъ былъ убитъ комиссарами во дворъ Иркутской тюрьмы. Это печальное

извъстіе, какъ громомъ, поразило всъхъ.

Картина смерти за Россію свътлаго слуги ея, адмирала А. В. Колчака, рисуется такъ, — по разскавамъ и описаніямъ многихъ лицъ, пробравшихся затъмъ изъ Иркутска на востокъ. Почувствовавъ, что имъ Иркутска не отстоять, комиссары рано утромъ, 7 февраля, вывели изъ тюрьмы во дворъ Верховнаго Правителя и съ нимъ министра В. Пепеляева. Последній страшно нервничаль и умоляль пощадить его жизнь. Адмираль хранилъ полное самообладаніе, вынулъ папиросу, вакурилъ ее,

отдавъ серебряный портсигаръ одному изъ красноармейцевъ сопровождавшаго его конвоя. Величавое спокойствие адмирала Колчака такъ подъйствовало на красноармейцевъ, что они не исполняли команды комиссара и не стръляли. Тогда адмиралъ, отшвырнувъ докуренную папиросу, самъ отдалъ приказъ стрълять; по его собственной командъ красноармейцы и произвели залпъ, прекративший жизнь одного изъ лучшихъ сыновъ России.

Главная цѣль нашего быстраго движенія къ Иркутску — освободить адмирала — не удалась. Но тѣмъ не мѣнѣе нужно было взять городъ, наказать убійцъ и искупить жертву великаго человѣка — продолженіемъ дѣла, за которое онъ положилъ свою жизнь. Свѣдѣнія, все болѣе подтверждали, что у большевиковъ дрожали поджилки, и они не расчитывали удержаться въ Иркутскѣ. Масса развѣдчиковъ и лазутчиковъ побывали въ городѣ отъ насъ, много переходило къ намъ и оттуда, изъ большевицкаго стана. Самое большое и неизгладимое впечатлѣніе оставили тогда два солдата-чеха, которые три дня слонялись по Иркутску, побывали во всѣхъ большевицкихъ учрежденіяхъ, съ цѣлью все разузнать. Затѣмъ эти добровольные развѣдчики вышли изъ Иркутска, пробрались на нашу сторону и явились прямо въ мой штабъ, требуя допуска ко мнѣ.

Предо мною были два бравыхъ солдата; загорѣлыя, обвѣтренныя, добродушныя лица, глаза смотрятъ смѣло и прямо, во всемъ обликѣ та внѣшняя выправка и дисциплина, которая присуща только постоянному солдату.

Чехи разсказали мнѣ, что Иркутскіе красноармейцы трусять нашей атаки и между собой поговаривають о томъ, что они сдались бы, если бы не боялись съ одной стороны своихъ комиссаровъ, съ другой — жестокой расправы бѣлыхъ.

— «Брате-генерале, ничего не стоитъ ввять Иркутскъ, ибо и ихъ комиссары также боятся дюже. А рабочихъ-коммунистовъ всего нъсколько сотенъ,» закончилъ одинъ изъ этихъславныхъ чеховъ.

Другой добавилъ:

— «И позиции ихъ совсъмъ не страшны, — они только мъстами понастроили изъ снъговъ окопы и облили ихъ водой, чтобы ледъ былъ, но обойти вездъ можно. Я, брате-генерале, въ Вашемъ штабъ планъ всъхъ ихъ окоповъ нарисую. Мы вездъ были.»

— «Только скоръе надо идти и сразу Иркутскъ возьмете.» Это были послъдніе изъ могиканъ, остатки тъхъ братьевъчеховъ, воиновъ школы полковника Швеца, маіора Пржхалъ; ихъ остались единицы, которыя были поглощены моремъ разнузданной и трусливой массы легіонеровъ новой школы Яна Сырового и всъхъ его политическихъ соратниковъ.

Мы были готовы произвести ударъ. Но ультиматумъ, предъявленный, отъ имени 2-й чешской дивизи, полковникомъ Кречій, произвелъ на большинство нашихъ начальниковъ

отрицательное впечатление.

Генералъ Войцеховскій собралъ военный совѣтъ, на котокоромъ присутствовало десять старшихъ генераловъ. Разобрали
всѣ данныя предстоящей операціи, обстановку въ случаѣ неуспѣха, почти всѣ напирали особенно сильно на ограниченное
количество патроновъ у нашихъ стрѣлковъ. Только два мнѣнія, — атамана Енисейскихъ казаковъ генералъ-маюра Өеофилова и мое, — были за немедленное наступленіе для овладѣнія Иркутскомъ; остальные высказались за уклоненіе отъ
боя и обходъ города съ юга. Войцеховскій присоединился къ
этому рѣшенію и отдалъ приказъ отмѣнить наступленіе.

Генералъ Өеофиловъ особенно волновался; онъ прослужилъ въ Иркутскъ долгіе годы, зналъ каждую складку мъстности, каждую тропинку. А его молодцы казаки сътью разъъздовъ входили чуть не въ самое предмъстье города съ юга. Өеофиловъ доказывалъ, что мы возъмемъ Иркутскъ безъ всякаго риска неудачи. А такъ, преступно было отказаться отъ этого и оставить у большевиковъ массу арестованныхъ офицеровъ, весь Российский Государственный золотой запасъ и богатые военнымъ

имуществомъ Иркутские склады.

Послѣ военнаго совѣта я провѣрилъ настроеніе войскъ моей арміи; всѣ офицеры, посланные мной, принесли самыя отрадныя впечатлѣнія. Части ждали боя, желали его и почти каждый офицеръ и солдатъ мечтали войти въ Иркутскъ. Ультиматумъ чеховъ произвелъ на войска иное впечатленіе, всѣ страшно возмущались, накопившаяся ненависть къ дармоѣдамъ, захватившимъ нашу желѣзную дорогу, прорывалась наружу.

- «Не посмъютъ чехи выступить противъ насъ. А если

и выступять, то справимся. Надо посчитаться!!»

Посовътовавшись еще съ генераломъ Өеофиловымъ, я отправился на квартиру къ Войцеховскому и уговорилъ его дать мнъ разръшение — произвести налетъ на Иркутскъ съ юга одними моими силами. Не сомнъваясь въ успъхъ, мнъ удалось убъдить въ томъ же и его.

Вернувшись къ себъ, я только началъ отдавать распоряжения для боя, какъ былъ полученъ письменный приказъ генерала Войцеховскаго съ новымъ категорическимъ запрещениемъ

брать Иркутскъ.

Въ 11 часовъ ночи было назначено выступленіе авангарда для обходнаго движенія города. Въ Инокентьевской оставался заслонъ, который долженъ былъ демонстрировать подготовку нашего наступленія на Иркутскъ и тёмъ отвлечь вниманіе большевиковъ отъ нашихъ обходящихъ колоннъ. Войска выступили сначала въ южномъ направленіи, чтобы затъмъ свернуть на

востокъ и черевъ горы выйти къ Байкалу.

Темная ночь. Зимняя стужа. Гудить вътеръ и крутить бъльми снъжными вихрями; отъ завыванья бурана, отъ непроглядной темноты ночи дълается еще тяжелъе на душъ. Всъ нервничаютъ, всъ недовольны другъ другомъ и собою. Чувствуется, что съ этимъ отказомъ отъ овладъния Иркутскомъ рвется надежда, иропадаетъ та свътлая цъль, которая вела насъ тысячи верстъ черевъ тайгу, снъга Сибири и ея лютые моровы, черевъ сыпной тифъ и красныя большевицкия ваставы...

Идемъ часъ, другой. Всѣ молчатъ, нахохлились въ этой воющей холодной зимней ночи, каждый полный своими невесельми мыслями. Впереди, авангардомъ Ижевская дивизія, затѣмъ егеря, мой небольшой штабъ, генералъ Войцеховскій со своимъ штабомъ и дальше остальныя части арміи. Въ бездонной черной пропасти ночи не разберешь, какъ мы идемъ, — повернули равъ, другой, третій, — наконецъ и счетъ потеряли; не знаемъ, въ какомъ направленіи двигаемся. Изъ-за темныхъ тучъ и снѣжнаго бурана не видно звѣздъ. Правильно-ли идемъ? А! Все равно: такая безразличная усталость послѣ всего, — при авангардѣ проводники, авось не собьются.

Прошли лѣсомъ, гдѣ бурная ночная вьюга стала еще мрачнѣе и вловѣщѣе, спустилисъ вь оврагъ, поднялись. И передъ

нами вамигали сотни огоньковъ.

Авангардъ остановился. Я проъхалъ впередъ узнать въ чемъ дъло.

— «Проводники сбились съ дороги. Это Иркутскъ». Доложилъ мив начальникъ Ижевской дививіи, генералъ-маюръ Молчановъ: «наши походныя заставы подошли почти къ самому предм'встью. Видно зд'ясь большевики не ждутъ насъ!»

Сама судьба стала за проведение плана генерала Өеофилова

и моего — вахвата города внезапнымъ налетомъ.

— «Что это нарочно Вы хотите настоять на своемъ, Ваше Превосходительство?» раздался сзади недовольный голосъ подошедшаго къ намъ Войцеховскаго, — «въдь я приказалъ

опредъленно - Иркутска не брать».

Я объяснилъ причину: проводникъ сбился съ дороги, заплутался; выходъ къ Иркутску для меня и моихъ подчиненныхъ начальниковъ — полная неожиданность. Но и большевики не ждутъ насъ также. Надо этимъ воспользоваться и занять городъ, что теперь можно было сдълать почти бевъ боя, бевъ потерь.

Но генералъ Войцеховскій упорно стоялъ на своемъ, не считая возможнымъ мѣнять налаженныя и отданныя имъ распоряженія для обходнаго отступательнаго марша; онъ отдалъ снова прикавъ двигать авангардъ на юго-востокъ-къ Байкалу.

Прощай Иркутскъ!...

Долго и медленно двигались мы, усталые и обозленные. Заалълъ востокъ. Раздвинулись тъни. Стало свътлъть. Моровъ усиливался и трещалъ теперь во всю, чисто по сибирски.

Утромъ мы вышли къ деревнѣ, уже верстахъ въ пятнадцати восточнѣе Иркутска, и здѣсь остановились на привалъ. Надо было выкормить лошадей и дать людямъ обогрѣться.

Черевъ три часа выступили дальше.

Дикой горной дорогой шли мы весь день и еще одну ночь. Кавалось конца не будеть этому длинному утомительному переходу. Моровъ крѣпчалъ; сильный порывистый вѣтеръ вырывался изъ горныхъ ущелій, съ воемъ и визгомъ, забрасывая сани, людей и животныхъ цѣлыми ворохами снѣга. Не было силъ, двигала всѣми какая-то посторонняя автоматическая воля. На вторыя сутки, передъ разсвѣтомъ, наша колонна дотянулась наконецъ къ большому прибрежному селу Лиственичному.

Здѣсь Ангара вливается въ Байкалъ. Несется проврачная, какъ хрусталь, рѣка. Быстрый бѣгъ и такая чистота, что видна на днѣ каждая галька, видны плавающія форели. Въ самые лютые моровы не замерваетъ вдѣсъ вода. Кругомъ нависли горы, живописными утесами громовдясь другъ на друга. А вдали растилается ровная бевконечная гладь огромнаго овера, таинственнаго, полнаго мистическихъ легендъ, бевдоннаго Байкала.

Снова, второй равъ ва этотъ переходъ, всходило солнце. Первые косые лучи его окрасили ледяную поверхность овера и дальнія горы въ нѣжные розовые тона, какъ цвѣты вишневыхъ деревьевъ. Ангара стала еще красивѣе и бѣжала съ немолчнымъ рокотомъ, точно живая широкая голубая дорога. Усталые люди, выбивштеся изъ силъ кони, подходили къ концу сво-

его безконечно длиннаго пути.

Богатое прибрежное село Лиственичное раскинулось по берегу Байкала на нѣсколько верстъ. Большинство жителей рыбаки; они и теперь, въ этотъ крѣпкій февральскій моровъ, вытаскивали свои снасти и собирались раннимъ утромъ на ловлю. Есть въ селѣ нѣсколько мельницъ, фабрика, пароходство и судостроительные доки. Но все теперь, со времени революціи, ваглохло, пріостановилось; живнь тлѣла еще кое-какъ при бѣлыхъ, поддерживаемая надеждой на лучшее будущее. Теперь исчевла эта надежда; впереди стоялъ привракъ смерти в разрушенія; приближалась власть красныхъ...

Лиственичное встрътило наши войска радушно, тепло, но именно съ этимъ оттънкомъ горечи обреченныхъ на погибель. Они все-таки ждали, что мы выбьемъ большевиковъ изъ Иркутска, ваймемъ городъ, соединимся съ Забайкальемъ и воз-

становимъ порядокъ. Сквозь обычные разговоры, во взглядяхъ, въ отношенияхъ просвъчивала мысль: «Эхъ, отчего вы не можете защитить насъ?! Да, върно, вы не можете...»

Здёсь также, какъ и на всемъ остальномъ пути нашемъ, проступало неудовлетворенное и скрываемое чувство отчужденности и недоумънія. Что же внутри бѣлаго движенія? Какова сущность, чѣмъ руководились вожди? Столько разъ за эти мѣсяцы пришлось встрѣтить въ массѣ русскихъ людей вѣру, а еще больше жажду вѣрить, что сущность бѣлыхъ, ихъ внутренняя правда — заключается въ возвращени къ Царской власти.

Много, много разъ, каждый день на этомъ тысячеверстномъ пути, приходилось говорить съ крестьянами, съ учителями, съ купцами и ремесленниками, съ сельской интеллигенцей, съ тысячами русскихъ людей — и почти у всъхъ на умъ была одна эта общая мысль, въ сердцахъ — одно общее чувство. И не упрекъ, а сожалъне, — почему не объявили открыто, не скавали громко и прямо? Отчего?... Тогда подъемъ народный былъ бы не таковъ, — всъ встали бы на поддержку бълыхъ...

Наши части остановились въ Лиственичномъ на продолжительный дневной отдыхъ, чтобы подкръпить силы людей и конскаго состава для предстоящаго на завтра перехода черезъ Байкальское озеро. Ночевать здъсь мы не могли, — надо было освобождать мъсто для идущей сюда же 2-й арміи. Ея арріергарду принілось уходить отъ Иркутска уже съ боями, такъ какъ большевики, осмълъвшіе послъ тревожнаго ожиданія, увидавшіе въ нашемъ обходъ — слабость, ръшили преслъдовать, разсъять и уничтожить остатки «каппелевцевъ», какъ они писали въ прокламаціяхъ и разсылали приказы по телеграфу на станціи желъвной дороги, бывшія въ ихъ рукахъ.

Несмотря на подходъ вплотную къ Забайкалью, все еще обстановка тамъ, впереди, рисовалась очень неясной: станція Мысовскъ по ту сторону Байкала была нѣсколько дней тому назадъ въ рукахъ японцевъ. Какъ теперь, неизвѣстно, а было слышно, что будто большевики повели наступленіе, шелъ бой. Кто теперь тамъ, гдѣ атаманъ Семеновъ, каковы его силы, — никто въ точности не зналъ. Лиственичное жило и питалось

только слухами.

Также обстояло и съ дорогой черезъ Байкалъ. Раньше въ прежне годы вздили прямо изъ Лиственичнаго или изъ Голоустнаго, верстъ 40—45 по льду; теперь совсвиъ не вздятъ, — не зачвиъ, да и опасно, неравно и на большевиковъ наткнешься на другомъ берегу. Намъ предстояло идти первымъ, нащупывая и прокладывая дорогу.

Къ вечеру стали прибывать въ Лиственичное передовыя части 2-й арми. Моимъ войскамъ нужно было выступать даль-

ше, пройти около десяти верстъ по льду до поселка Голоустнаго.

Байкальское оверо вулканическаго происхожденія. Бевдонной глубины бевдна его бунтуется и клокочеть иногда въ самую тихую погоду; раздаются раскаты подземныхъ громовъ, ворчить глухой рокоть и поднимаются черные волны-валы. А зимой, когда морозы, сковывають поверхность Байкала, въ такіе дни толстый слой льда грохочеть, ломается, даеть глубокія

трещины, которыя тянутся иной разъ на многія версты.

Рыбачьи села, что пріютились кругомъ овера въ дикихъ Байкальскихъ горахъ, живутъ въ вѣчномъ страхѣ, поколѣніе отъ поколѣнія перенимая легенды о тайнѣ своего «моря». Ни одинъ настоящій, коренной байкалецъ не осмѣлится назвать его оверомъ. Священное, таинственное море! Неизвѣданная, богатая и щедрая природа, но также и дикая, первобытная, полная крайностей, какія неизвѣстны въ другихъ странахъ. Въ Лиственичномъ жители намъ разсказывали нескончаемыя исторіи про трудность переѣзда черезъ Байкалъ и въ обычноето время, когда всѣ рыбаки выѣзжаютъ на ледъ уже съ ноября, когда шагъ за шагомъ устанавливаютъ и провѣшиваютъ они дорогу на другой берегъ. А въ этомъ году еще никто не ходилъ на ледъ.

«И есть ли перевадъ черевъ море, не знаемъ, не можемъ

сказать, в получали мы отвѣтъ.

— «Часто гремѣлъ Байкалъ, почти что каждый день; поди широкія и глубо-о-окія трещины по срединѣ. А только въ точности неизвѣстно.»

— «Не иначе, какъ въ Голоустное идти вамъ, а оттуда, можетъ, и найдете проводниковъ въ Мысовскъ, на ту сторону.»

— «Только и про Мысовскъ въ точности не внаемъ. Были тамъ японцы двъ недъли тому назадъ; да, скавываютъ, большевики наступление на нихъ сдълали... Ничего въ точности неизвъстно».

Это постоянное «неизвъстно» было самое непріятное, тя-

желое и давило на духъ, на психику людей.

Тысячи бълыхъ воиновъ стояли, какъ и раньше, весь путь отъ Красноярска, передъ этой полной неизвъстностью. Черевъ всю Россію прошли они; своими ногами измърили безпредъльныя пространства Сибири, пробились сквозь сказочныя препятствія. А дальше что?

Изможденные и усталые, закаленные въ бояхъ, привыкше къ опасности, смъявшеся надъ голой безстыдной улыбкой костлявой смерти, — они надъялись на заслуженный отдыхъ, върили въ возможность продолжения борьбы, въ успъхъ своего праваго дъла, имъли впереди цъль. Върили до послъдняго дня.

Въ рядахъ бълаго войска были смъщаны люди самыхъ равличныхъ слоевъ русской жизни: гвардейскіе офицеры и солдаты, кадровые офицеры арміи, для которыхъ традиціи съдой старины, честь мундира и слава старыхъ прострълянныхъ внаменъ были дороже всего; волжские и уральские крестьяне, оставивиле свои черновемныя поля, чтобы бороться до побъды надъ захватчикомъ и насильникомъ, жидомъ-комиссаромъ; каваки Урала, Иртыша и Енисея, върные потомки своихъ предковъ, строившихъ ширь и могущество Государства Россійскаго; рабочіе Ижевскихъ, Воткинскихъ и другихъ Уральскихъ ваводовъ бросили станки свои, чтобы побъдить врага Россіи; сотни молодежи изъ сибирскихъ городовъ, — кадеты, студенты, реалисты и техники, - составляли отборные партиванскіе отряды, безпощадные къ комунистамъ и комиссарамъ, безстрашные въ бояхъ; и много отдъльныхъ русскихъ людей со всъхъ концовъ земли нашей, тъхъ, что не могли и не хотъли примириться съ властью темнаго преступнаго интернационала, твхъ, которые поклялись уничтожать большевиковъ до конца, до самого своего смертнаго часа. Среди нихъ были женщины и дъвушки, раньше избалованныя красивой, ижной русской жизнью, — теперь дълившія тягости похода и боевь на ряду съ офицеромъ. У многихъ соціалисты-большевики убили, замучили отца, мать, братьевъ, сожгли дома, разграбили имущество, надругались, растоптали все свътлое.

Теперь эти тысячи бѣлыхъ крестоносцевъ, напрягая остатокъ силъ, дошли до священнаго Байкальскаго моря, достигли предѣла, за которымъ ждали отдыха, братской встрѣчи, подмоги, опоры для дальнѣйшей борьбы. А вдругъ это только

миражъ, обманъ довърчиваго воображения?!

Люди отъ усталости, отъ изможденія трудами, голодомъ

и тифомъ доходили до галюцинацій.

Вотъ высокій стройный полковникъ въ тонкой сѣрой, солдатскаго сукна шинели, но въ погонахъ и формѣ своего родного гвардейскаго полка, входитъ легкой походкой въ комнату. Лицо, какъ у схимника, худое, проврачное съ огромными ввалившимися глазами, горящими упорнымъ тусклымъ огнемъ. Безкровныя губы кривятся судоргой страданія-улыбкой.

— «Ваше Превосходительство, позвольте доложить, — Байкалъ трещитъ. Я выступилъ съ авангардомъ, но пришлось остановиться, — нътъ прохода, — трещины, какъ пропасть». . .

— «Взять саперъ, досокъ и бревенъ. Строить мостъ. Не терять времени. Продолжайте движеніе, — Вы задерживаете всъ колонны.»

— «Невозможно, — Байкалъ трещитъ. И нътъ дороги...» Подхожу, беру руку полковника, — она горячая, какъ изразецъ раскаленной бълой гладкой печки. Въ глазахъ глу-

бокая пропасть пережитихъ страданій, собрался весь ужасъ пройденнаго крестнаго пути. Стройное, сроднившееся со строемъ и войной, тѣло тянется привычно и красиво, несмотря на то, что страшный сыпной тифъ проникъ уже въ его кровь и отравилъ ее своимъ сильнымъ ядомъ.

Слабъла воля. Падали силы. Терялся смыслъ борьбы, и сама живнь, казалось, уходила...

5.

Темная ночь окутала и горы скалистаго берега, и дали Байкала, и глубокое небо безъ звъздъ. Ничего не видно, — черная бездна вокругъ. Двумя яркими нитками проръзываютъ ее два фонаря у переъзда-моста, сдъланнаго наскоро черезътрещину.

— «Держи правѣе, пра-а-вѣ-ѣ-ѣй, чортъ!» слышится повременамъ крикъ. Лошади волнуются, храпятъ, прядутъ ушами и неловко дергаютъ, чуя опасность бездонной пучины. Проходитъ колонна, медленно и осторожно, однѣ сани за другими.

Лишь къ полночи добираемся до Голоустнаго. Маленькая прибрежная деревушка, всего нъсколько рыбачьихъ избъ, большихъ, богатыхъ, рубленныхъ изъ столътнихъ кедровъ — хоромы сибирскихъ староселовъ.

Останавливаемся на ночлеть. Какъ камни, падають на лавки и на полъ люди и засыпають тяжелымъ сномъ безконечно уставшаго. Только часовые стоять съ винтовками у костровъ. Да полевые штабы составляють приказъ на завтрешній переходъ, совъщаются съ проводниками, взятыми изъ Голоустинскихъ рыбаковъ.

— «Господи, а въ Мысовскъ-то, кажется, бой идетъ. Такъ и гудитъ артиллерійская канонада», раздается нервный отрывистый шепотъ дежурнаго офицера, вернувшагося съ улицы,

съ повърки постовъ.

Всѣ выходять изъ избы; толпятся темные силуэты на берегу ледяного моря и замерли, — жадно слушають, ловять далекіе звуки. А тамъ, изъ открытой черной пасти, несется немолчный рокотъ, то стихая на минуту, то усиливаясь снова, точно ворчащій звукъ отдаленной артиллерійской подготовки. Среди группы людей на берегу Байкала идетъ тихій разговоръ.

- «Несомивино, это бой идетъ. Только гдв?»

— «Это въ Мысовскъ, Ваше Благороде; прямо вотъ такъ, направление берите, туды,» машетъ рукой одинъ изъ рыбаковъ Голоустнаго.

 «Да, только что-то больно ужъ долго и громко шумъ идетъ»,
 раздается одинъ сомнъвающійся голосъ,
 «въдь у насъ и на Германскомъ фронтъ только въ самыя большія сраженія такъ шумъло. А сколько тамъ одной тяжелой артиллеріи бывало». . . .

— «Нътъ это не пушки. Байкалъ трещитъ!..»

— «Ну, вотъ! Спросите нашихъ артиллеристовъ, — всякій скажетъ, что это бой идетъ, артиллерійскій. Очевидно, большевики атакуютъ въ Мысовскъ семеновцевъ и японцевъ.»

- «Э-эхъ, хоть бы до завтра продержались, пока мы на-

шимъ на подмогу придемъ»...

Разошлись, вернулись въ избы, полные бѣлогвардейцами, спавшими тяжелымъ глубокимъ сномъ. Заканчиваются послѣднія распоряженія, разсылаются съ ординарцами приказы. Добродушная круглолицая хозяйка избы со своими дочерьми возится около печки и самовара, готовитъ на завтра подорожники. Добрые глаза ихъ останавливаются на лицахъ офицеровъ, на спящихъ фигурахъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго участія и печали. За долгіе годы войны, передумавъ и перечувствовавъ безконечно много надъ ея ужасами, теперь впервые увидали эти простые люди армію, тысячи вооруженныхъ солдатъ въ ихъ особомъ міру отношеній, понятій и традицій; и надътуманными грезами, надъ страшными легендами и сказками слегка приподнялся уголъ завѣсы...

До зари поднялись всѣ, запряжены сани, посѣдланы лошади, отрядъ готовъ къ выступленію, чтобы успѣть засвѣтло сдѣлать этотъ переходъ въ 40—45 верстъ по ледяной дорогѣ. Предъутренній холодъ пробираетъ тѣло, еще не отошедшее отъ сна. Вытягивается колонна, проходитъ улицей Голоустнаго и спускается по отлогому берегу на Байкалъ. Жители затеряннаго поселка, рыбаки съ семьями, провожаютъ и прощаются добрыми, задушевными словами, идущими изъ сердца пожеланіями.

Выважають троечные сани изъ большого двора, гдъ стоялъ штабъ отряда; хозяйка суетливо бъгаетъ около, засовывая жаренныхъ куръ, хлъбы, пироги, рыбу. Ея младшая дочь, кръпкая четырнадцатилътняя сибирячка, стоитъ у дверей, кутаясь въ толстый платокъ, и переговаривается съ отъъзжающими, блестя чистыми, бълыми зубами.

— «Поъдемъ, Сонька, со мной,» обращается одинъ изъ офицеровъ, одътый въ оленью доху, улыбаясь глазами.

— «А чаго-жъ и повду... Только куды-ы-ы съ тобой вхать. Нвтъ, не хочу.»

— «Почему не хочешь?»

— «Да тебя большевики-то забьють, а съ къмъ я одна останусь,» жеманно отвъчаетъ Сонька при общемъ дружномъ смъхъ...

Но у всъхъ остается осадокъ горечи отъ этихъ простыхъ, увъренныхъ и жалостливыхъ словъ подростка-сибирячки: большевики забъютъ...

Гяжело было идти по Байкалу. Только мъстами попадались небольшія пятна, покрытыя снігомь, который осіль, какь песокъ на морскихъ дюнахъ, тонкими, извилистыми, волнистыми линіями. Все пространство овера было ровной ледяной пустыней. Взощедшее солнце блескомъ своимъ сверкало и переливалось на льду миллюнами брильянтовыхъ искръ. Вътеръ, вырвавшійся изъ горъ, несся свободно и буйно, завывая по временамъ и ударяя съ такой силой, что валилъ пъшехода съ ногъ. Ъхать все время въ саняхъ было невтерпежъ, - морозъ и произительный вътеръ обращали все тъло въ сплошную ледяшку, ныли кости, останавливалась кровь. Люди выскакивали изъ саней и бъжали пъшкомъ рядомъ, чтобы отогръться. Лвигались очень медленно съ остановками, такъ какъ при авангардъ шелъ спеціальный отрядъ проводниковъ, Байкальскихъ рыбаковъ, съ длинными шестами, опредъляя прочность льда, осторожно отыскивая путь, чтобы не наткнуться на трещину.

Всего труднѣе было съ нашими лошадьми. Кованныя на обычныя подковы, безъ шиповъ, онѣ шли по ледянной дорогѣ Байкала, скользя и спотыкаясь на каждомъ шагу. Бѣдныя животныя напрягали всѣ свои силы, видно было какъ при каждомъ шагѣ вздувались и дрожали мускулы ногъ, какъ напрягалась спина и сгибалась шея, чтобы сохранить равновѣсіе. Болѣе слабыя лошади выбивались изъ силъ и падали. Пробовали ихъ поднять, провести нѣсколько шаговъ. И людьми и животными управляли не обычныя силы, а сверхъестественное напряженіе воли: еще двадцать-десять верстъ — и все рѣшится. И, можетъ быть, настанетъ заслуженный покойный отдыхъ послѣ многихъ тысячъ тяжелаго, полнаго опасностей, ледяного похода.

Февральское зимнее солнце поднялось невысоко и быстро стало спускаться по небосклону. Блестъло яркими бликами необъятное ледяное пространство Байкала. По дорогъ попалось нъсколько старыхъ трещинъ; на полтора аршина кристалъльда, какъ дивные гигантскіе аквамарины, а между ними черныя полосы зіяющей бездны бездонныхъ водъ. Кругомъ ровная, ровная пустыня и лишь легкими силуэтами обрисовываются навстръчу намъ горы восточнаго берега. Мысовскъ!

Все меньше силъ, все ближе вечеръ. И все больше падаетъ по нашему пути бъдныхъ боевыхъ слугъ, нашихъ усталыхъ лошадей. Бредетъ животное по льду, ноги расползаются въ стороны, не за что уцъпиться стертыми подковами, не осталось силъ въ истощенномъ тълъ. И лошадь падаетъ, грохается всей своей тяжестью. Нътъ больше возможности поднять ее. Быстро снимаютъ съдло или хомутъ, кладутъ на ближайшия сани... и дальше въ путь.

Къ концу дня вся дорога черезъ Байкалъ чернъла раздувшимися конскими трупами. Печальныя въхи!

Людей двигала воля и твердость души, но шли изъ послѣднихъ силъ, изможденные, прозябше до костей на ледяномъ вѣтру, голодные и безпріютные. Также скольвили и расползались ноги, также не за что было уцѣпиться на скользкой дорогѣ, также напрягалось тѣло, — иногда равновѣсіе терялось, падалъ человѣкъ. Лежитъ на льду, надъ бездонной пучиной Байкала, а мимо идутъ, идутъ свои, тянется безостановочно вереница пѣшеходовъ, саней и конныхъ; кое-кто подойдетъ съ участливымъ словомъ и дальше. Отлежится человѣкъ нѣсколько минутъ, мысль стучитъ въ усталой крови: «Вставай, вставай, вставай, — не то смерть, смерть, смерть...»

Подымается, тяжело, точно съ похмѣлья или послѣ тяжкой болѣзни, и медленно бредетъ дальше. Къ близкой уже цѣли.

Въ Мысовскъ...

Трудно дать настоящую картину тахъ дней, — слишкомъ необычна она, такъ угарно-устало прошли они, эти дни, и кажутся, такими далекими, какъ кошмарный сонъ. Но представьте себъ, заставьте себя на минуту, среди обычной вашей живни въ теплой обстановкъ, вообразить - тысячи верстъ Сибирскаго въкового простора; глухая тайга, куда не ступала нога человъка, дикія горы съ трудно доступными подъемами, огромныя ръки, скованные льдомъ, снъгъ глубиной въ два аршина, моровъ трещитъ и доходитъ до сорока градусовъ по Реомюру, затерявшіяся въ тайгі и засыпанныя снігомъ деревни. И представьте тысячи русскихъ людей, идущихъ день за днемъ по этимъ глубокимъ безпредъльнымъ снъгамъ; цълые мъсяцы, день за днемъ, въ обстановкъ жуткой по своей жестокости и лишеніямъ. А тутъ еще чуть не на каждомъ шагу, опасность братоубійственной войны. Бродячія шайки красныхъ разсыпаны всюду, съ запада преследуетъ организованная большевицкая сила, совътская армія, съ востока выдвинуты сильные отряды эсъ-эровъ.

И полная неизвъстность. Гдъ конецъ? Что будетъ дальше? Байкалъ съ его ледяной дорогой — это апофеовъ всего ледяного похода. Бълая армія шла черевъ оверо-море, не зная, что ждетъ ее на другомъ берегу, ожидая тамъ противника, жесто-

каго и безпощаднаго врага гражданской войны.

Но звуки, казавшіеся наканун'в гуломъ отдаленнаго артиллерійскаго боя, были иллювіей усталаго слуха, возбужденнаго, уже больного воображенія. То гуд'влъ Байкалъ, трещалъ, раскалываясь ледъ.

Къ Мысовску мы подошли подъ вечеръ. Маленькій заштатный городокъ расползся своими плоскими домами и избами по невысокому берегу озера, раскинулся одной длинной широкой улицей и нѣсколькими переулками. Пители Мысовска толпятся небольшими кучками, издали наблюдая, какъ, извиваясь безконечной лентой, приближается колонна бѣлыхъ войскъ. Молча, не отрываясь, смотрятъ они, какъ вступаютъ въ ихъ городокъ эти люди, прошедше черезъ всю Сибирь. И лишь только тогда, когда вслѣдъ за авангардомъ появляется штабной значекъ, флагъ на половину русскій трехцвѣтный, на половину бѣлый съ синимъ Андреевскимъ крестомъ, сами собой снимаются шапки, кучки людей подходятъ ближе, толпятся около колонны.

- «Эхъ не такъ бы васъ встръчать надо, родные,» раздался голосъ изъ толпы, «да нътъ у насъ ничего».
 - «Настрадались-то сколько вы».

— «Сердечные. Герои!»

Сейчасъ же нашлось масса добровольныхъ квартирьеровъ, звали на перебой офицеровъ и солдатъ къ себъ. И черевъ часъ отряды уже отдыхали въ просторныхъ теплыхъ избахъ, обогръвались; и снова ховяйки пекли, варили и жарили, какъ въ правдникъ.

Въ Мысовскъ оказалась рота японцевъ, ихъ передовой отрядъ; временно оставили, — какъ намъ объяснили, — если бы еще два дня не пришли бълые, — то японцы ушли бы на востокъ, въ Верхнеудинскъ.

И тогда Мысовскъ ваняли бы большевики...

Какъ только наши солдаты увидали первыхъ японцевъ, которые стояли на желъвнодорожномъ полотнъ, проходящемъ надъ оверомъ, радостный гулъ пошелъ среди нашихъ. Посыпались остроты, шутки, крики. Маленькіе японскіе солдаты, вябкіе и закутанные въ непривычные для нихъ мъха, стояли на вытяжку и отдавали честь вступавшимъ въ Мысовскъ русскимъ войскамъ

Вотъ отдѣляется нѣсколько стрѣлковъ-Ижевцевъ и бѣжитъ къ японцамъ, стоящимъ зрителями. Рукопожатія. Самураи бормочатъ что-то на своемъ непонятномъ языкѣ и улыбаются узкими раскосыми глазами. Наши хлопаютъ радостно ихъ по плечу.

— «Здорово, братъ-япоша, ты теперь будешь все одно, какъ Ижевецъ.»

— «Спасибо, японецъ, — одинъ ты у насъ вѣрный союзникъ остался.»

«Будешь помогать намъ большевика бить?...

— «Ура!.. Банзай!»

Маленькіе желтые люди тоже кричать ура и банзай. Сраву устанавливаются близкія, дружескія отношенія. И наши солдаты уходять подъ руки съ «япошками» по квартирамъ.

Тепло, уютно, и появилась увъренность въ завтрашнемъ днъ, въ томъ, что кончился тяжелый походъ, оправдались частью наши надежды на возможность новаго дъла, продол-

женія борьбы за Россію.

Въ Забайкальъ кръпко держался атаманъ Семеновъ со своимъ корпусомъ. Въ Мысовскъ оказался присланный имъ встрътить насъ полковникъ, который, впервые за все время, сообщилъ дъйствительныя, правдивыя и полныя свъдъня о положении въ восточной Сибири. Узнали мы, что большевики не рискуютъ еще наступать на Забайкалье изъ Иркутска, но за то организуютъ банды изъ мъстныхъ жителей, снабжая ихъ оружіемъ, агитаторами и инструкторами. Западная часть Забайкалья кишитъ такими шайками и съ каждымъ днемъ все больше волнуется. Передалъ намъ полковникъ, что адмиралъ Колчакъ успълъ передъ своимъ арестомъ издать слъдующий указъ:

Указъ Верховнаго Правителя.

4 января 1920 года. г. Н-Удинскъ.

Poccie#:

Въ виду предръшения мною вопроса о передачъ верховной всероссійской власти Главнокомандующему вооруженными силами юга Россіи Генералъ-Лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаній, въ цъляхъ сохранения на нашей Россійской восточной окраинъ оплота Государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей

- 1. Предоставляю Главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской восточной окраины, объединенной Россійской верховной властью.
- 2. Поручаю Генералъ-Лейтенанту Атаману Семенову образовать органы Государственнаго управленія въ предълахъ распространенія его полноты власти.

Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ. Предсъдатель Совъта министровъ В. Пепеляевъ. Директоръ канцелярии Верховнаго Правителя Генералъ-Маюръ Мартьяновъ.

Узнали, мы также, что японцы оказывають полную поддержку и помощь, которая еще видимо, усилится съ выходомъ нашей армии, — этого ждали, хотя никто не быль увъренъ.

Скоро были получены изъ Читы телеграммы; атаманъ Семеновъ запрашивалъ о составъ и силахъ арміи и о томъ, какая и въ чемъ первая неотложная нужда. Японское командование и миссія прислали горячій привътъ и восхищеніе передъ под-

вигами ледяного похода Русской арміи.

Той же ночью мы получили нъсколько вагоновъ продовольствия и теплой одежды. Снова почувствовалась забота, прочная связь и опора, выросла еще болъе увъренность въ то, что кончено тяжелое испытание.

Посл'в одного дня отдыха, закончивъ звакуацію части больныхъ по жел'взной дорог'в, двинулись дальше: 3-я армія на Верхнеудинскъ, 2-я — въ раїонъ западн'ве его.

6.

Дъйствительно, все пространство западнаго Забайкалья кишъло бандами; онъ организовывались по общей схемъ, проведенной соціалистами по всей Сибири, т. е. съ привлеченіемъ къ работъ органовъ коопераціи и, такъ называемыхъ, земствъ выборовъ 1917 года. Всъ распоряженія шли изъ Иркутска, оттуда же доставлялось оружіе и патроны; военное руководство принялъ на себя товарищъ Калашниковъ, перешедшій теперь отъ эсъ-эровъ на службу къ большевикамъ. Главнымъ райономъ сосредоточенія бандъ было большое село Кабанье.

Здѣсь и произошло первое столкновеніе. Передовыя части 3-й армін послѣ короткаго боя выбили красныхъ лихой конной атакой, овладѣли деревней и разсѣяли банды. Путь былъ открытъ. Остальныя колонны прошли безпрепятственно до Верхнеудинска.

Трудность движенія заключалась теперь въ другомъ. Забайкалье обычно отличается безснѣжными зимами, не было исключенія и въ томъ году; бѣднымъ нашимъ конямъ приходилось тянуть сани почти по голой землѣ, или по рыхлому мелкому снѣгу перемѣшанному съ пескомъ. Если бы не нѣкоторые участки пути, когда можно было идти рѣкою Селенгой, по льду, лошади были бы зарѣзаны окончательно.

Верхнеудинскъ большой городъ съ казармами, съ каменными домами, магазинами, базарами, гостиннымъ дворомъ, имъетъ богатое население въ нъсколько тысячъ человъкъ. Бълыя войска были здъсь встръчены такъ тепло и искренно, къ нимъвсъ проявили такую массу заботливости и даже нъжности, какъ могутъ сдълать это только свои близкие люди. Но была и ложка дегтя въ этомъ сладкомъ меду.

Въ Верхнеудинискъ, какъ всюду по Сибири, благодаря неопредъленному курсу и слабости тыловыхъ властей, эсъэровщина пустила прочные корни. Повторялась одна и та же исторія: всъ слои коренного населенія страстно желали порядка, ненавидъли всъми своими силами злую революцію и тосковали по прошлому величію и покою живни подъ Царской Державой, а кучка пришельцевъ, наглыхъ инородцевъ и своихъ, русскихъ предателей кричала о завоеваніяхъ революціи, о правахъ

«демократіи» и объ опасности реакціи.

Какъ и всюду, здъсь они были также трусливы и наглы. Послъ прихода армии, которую эти іуды предали вмъстъ съ ем вождемъ, они притихли и попрятались. Но черезъ нъсколько дней была сдълана первая попытка: застръльщики направились къ генералу Войцеховскому и къ японскому командованю, начали разнюхивать и развъдывать. И увидали, что эти, видимо, не понимая ничего въ происходящемъ, продолжаютъ върить ихъ высокопарнымъ словамъ объ какихъ-то ихъ правахъ, какъ народныхъ избранниковъ, о пресловутой демократии и пр. Послъ перваго успъха, тотчасъ же вылъзла вся шайка и часами стала засъдать въ домъ генерала Войцеховскаго. Ихъ работа была направлена теперь на то, чтобы поссорить Войцеховскаго съ атаманомъ Семеновымъ и внести смущене въряды армии.

Здѣсь же, въ Верхнеудинскѣ, пришлось встрѣтиться съ генераломъ Дитерихсомъ. Онъ какъ-то весь сжался, похудѣлъ и смотрѣлъ въ сторону пустымъ взглядомъ своихъ еще не такъ давно молодыхъ и вѣчно полныхъ жизни глазъ. Не долго говорилъ я съ нимъ, не находилось ни съ той, ни съ другой стороны настоящихъ словъ, — слишкомъ велика была пропасть съ того дня въ Омскѣ, когда онъ передалъ мнѣ, въ трудную минуту, главнокомандование боевымъ фронтомъ, а самъ уѣхалъ на

востокъ.

Съ того дня прошло всего три мѣсяца, но по пережитому, казалось, пронеслись годы. Величайшія напряженія спасти положеніе, непрестанные бои, рядъ предательствъ, катастрофа, тысячи верстъ ледяного похода дикой сибирской тайгой — у насъ всѣхъ; постоянное воспоминаніе о томъ, что бросилъ армію въ трудную минуту, думы тяжкіе и переживанія въ одиночествѣ, здѣсь въ тылу, за Байкаломъ, — у него и несомиѣнно муки совѣсти съ сознаніемъ тяжести отвѣтсвенности, которую снять можетъ только жертва и подвигъ, да исполненный до конца долгъ.

Трудно объяснить психологію и связь въ цѣлой цѣпи поступковъ этого дѣятеля. Генералъ Дитерихсъ всегда казался полнымъ горячаго желанія принести пользу Родинѣ, развить живую дѣятельность и для этого стремился занять центральное мѣсто. Но со времени революціи слишкомъ много проступало взаимныхъ противорѣчій въ словахъ, поступкахъ и даже мысляхъ этого незауряднаго человѣка.

Въ концъ августа 1917 года Дигерихсъ, прівхавъ ивъ Салоникъ, идетъ, какъ начальникъ штаба генерала Крымова,

какъ мозгъ этой арміи народнаго гнѣва, на Петроградъ, чтобы ликвидировать совдепъ и покончить съ керенщиной. Полная неудача. Крымовъ стрѣляется, его армія распыляется агентами Керенскаго и постепенно подготовляется революціоннымъ развратомъ къ принятію Ленина и Бронштейна. Корниловъ съ помощниками арестованъ. Дитерихсъ молча, тихо возвращается въ Могилевскую ставку и занимаетъ стулъ генералъ-квартир-

мейстера у шута-главноверха Керенскаго.
Въ концъ октября того же года этотъ главковерхъ бъжитъ сначала изъ Петрограда, а затъмъ ночью скрывается и отъ свой арміи. Пропадаетъ на нъсколько лътъ. Прапорщикъ Крыленко съ красными матросами наступаетъ на Могилевъ и убиваетъ доблестнаго и честнаго солдата-генерала Николая Николаевича Духонина, который заступилъ автоматически мъсто главковерха, освобожденное дезертиромъ Керенскимъ. Дитерихсъ избъгаетъ этой участи, и ему послъ нъсколькихъ дней

удается скрыться въ Кіевъ.

Новый этапъ — онъ съ чехами. Въ ихъ эшелонѣ, какъ начальникъ штаба, добирается до Владивостока, гдѣ его застаетъ весна 1918 года. Общее выступленіе; при содѣйствіи японцевъ чехи берутъ и этотъ городъ. На помощь сюда спѣшитъ отрядъ русскихъ офицеровъ изъ полосы отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги, но Дитерихсъ передаетъ, что онъ будетъ разговаривать съ ними только въ томъ случаѣ, если они положатъ оружіе. Вскорѣ онъ появляется въ роли начальника штаба Яна Сырового, одѣваетъ на себя чешскую форму безъ погонъ, защищаетъ узко-чешскіе интересы, зачастую съ большой настойчивостью.

Когда чехи ушли въ тылъ, они стали производить чистку въ своихъ командныхъ верхахъ и всъхъ русскихъ офицеровъ убрали вонъ. Принужденъ былъ уйти и Дитерихсъ. Въ началъ 1919 года онъ опять во Владивостокъ, уже въ русской формъ, съ очень маленькими защитными погонами генералъ-лейтенанта.

Съ разръшения Верховнаго Правителя онъ, въ спеціальномъ поъздъ, отвозить на англійскій крейсеръ «Кентъ» для сохранности всъ вещи, оставшіеся отъ Царской Семьи въ Тобольскъ и Екатеринбургъ, тщательно собранные русскими людьми; цълый вагонъ реликвій.

Послѣ этого — генералъ Дитерихсъ становится во главѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о влодѣйскомъ убіеніи Государя, Государыни и Августѣйшихъ Дѣтей. Тщательно ведетъ онъ ровыски, строитъ цѣлую систему, отдается весь дѣлу, помогая большой работѣ слѣдователя Н. А. Соколова.

Когда Гайда пытался, по указк'в эсъ-эровъ, пойти противъ адмирала Колчака, и решено было убрать его, генералъ Лебедевъ вадилъ къ Дитерихсу и, предложивъ ему постъ командующаго Сибирской арміей, составилъ совмъстно съ нимъ планъ дъйствій и исправленій дезорганизаціи внесенной Гайдой. Генералъ Дитерихсъ съ большою радостью ухватился за это предложеніе. Онъ началъ съ того, что отмънилъ всъ приказы Гайды и довольно спъшно повелъ армію въ тылъ, надъясь здъсь ее перестроить на новыхъ началахъ.

Лебедевъ, которому адмиралъ върилъ до конца чуть-ли не больше всъхъ, вскоръ долженъ былъ уйти. Его мъсто занялъ генералъ Дитерихсъ, сдълавшись главнокомандующимъ фронтомъ и одновременно начальникомъ штаба Верховнаго Правителя. Такъ что цъль, поставленная соціалистами Гайдъ — убрать Лебедева, — была достигнута.

Здѣсь съ вершины власти начинается рядъ непонятныхъ дѣйствій, словъ, распоряженій, вплоть до самаго ухода генерала Дитерихса съ поста и до отъѣзда его изъ Омска. То онъ самъ заявляеть:

— «Подумайте, Пепеляевъ мнѣ доложилъ, что онъ и его генералы требуютъ созыва учредительнаго собранія или земскаго собора немедленно, — иначе будто дѣло не пойдетъ. Я посовѣтовалъ имъ: пустить пулю въ лобъ, если они такъ думаютъ. Это какая-то керенщина.»

А затъмъ тотъ же Дитерихсъ беретъ въ самый трудный моментъ, снимаетъ армію Пепеляева съ фронта и перебрасываетъ ее по желъзной дорогъ въ тылъ, чъмъ, невольно, создаетъ смертельную угрозу самому существованію боевой армін; какъ показали событія, эти дъйствія и привели къ предательству Зиневича и къ Красноярской катастрофъ.

Но въ это время Дитерихсъ сталъ уже горячимъ сторонникомъ и заступникомъ идеи созыва земскаго собора въ Сибири; идеи, съ которой носились Омскіе министры и такъ называемая общественность.

То онъ выпускаетъ во Владивостокъ, мужественно и открыто, за своей подписью прокламацію о еврейской міровой опасности, о необходимости самой упорной борьбы съ ними, общаго крестоваго похода. А затъмъ, получивъ власть, чуть ли не потакаетъ эсъ-эрамъ, среди которыхъ больше половины были и есть жиды.

— «Нельзя, надо считаться съ общественностью...»

Во время осенняго напряженія арміи, нашей побѣдной Тобольской операціи, генералъ Дитерихсъ не можетъ подать на фронтъ ни одного эшелона пополненій, не можетъ заставить тылъ, полный складами и людскими запасами, помочь арміи, одѣть ее, снабдить хотя бы самымъ необходимымъ; и повторяетъ съ таинственнымъ видомъ:

— «Важно не то. Надо лишь продержаться только до октября, когда Деникинъ возьметъ Москву. Необходимо до этого времени сохранить Верховнаго Правителя и министровъ. Остальное не важно.»

Что онъ думалъ, канія мысли роились у него въ головѣ, когда онъ сидѣлъ въ своемъ вагонѣ, уставленномъ иконами и хоругвями, и работалъ за письменнымъ столомъ цѣлыя ночи напролетъ? Также трудно понять, какъ и то, что таилось у него на душѣ тогда, когда онъ шелъ съ Крымовымъ, работалъ съ Керенскимъ, служилъ у чеховъ, ѣхалъ изъ Омска на востокъ, сидѣлъ въ Верхнеудинскѣ во время нашего тяжелаго похода

черевъ Сибирь.

Такія же неясныя и неопредвленныя были его мысли и рвчи здвсь въ Верхнеудинскв, во время послвдней встрвчи. Видно было только, что его оставила или, покрайности, сильно ослабла въ немъ мистическая уввренность въ особомъ призвании спасти Россію; та неотвязная идея, которая раньше проявлялась во всемъ, и которая дала основаніе П. П. Иванову-Ринову мвтко назвать его Жанной д'Аркъ въ рейтувахъ. Временно опять генералъ Дитерихсъ затихъ и вскорв увхалъ въ

Харбинъ.

Въ Верхнеудинскъ стояла бригада японцевъ подъ командой генералъ-маюра Огата. Во всемъ Забайкальъ въ ту пору однимъ изъ важнъйшихъ факторовъ являлись японцы. Ихъ воинскія части были въдь настоящей Императорской арміей, такой, какъ наша въ 1914 году. Организація и воинская дисциплина стояли также высоко, какъ въ обычное время; офицерскій корпусъ и солдаты представляли отличный боевой матеріалъ причемъ сила дивизіи простиралась до 12—14 тысячъ штыковъ и была достаточна для разгрома всъхъ большевицкихъ войскъ, если бы японцы ръшили выступить на помощь бълымъ активно. Этого добивались отъ нихъ давно и директорія, и Омское правительство, и теперь атаманъ Семеновъ; давно и напрасно, такъ какъ японцы, не говоря окочательно «нътъ», оттягивали время и въобщемъ держались пассивно.

Необходимо, — въ цѣляхъ справедливости и правды, а слѣдовательно и интересовъ нашей Родины, — сказать о томъ, что отношеніе японцевъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ самаго перваго періода интервенціи, значительно отличалось отъ всѣхъ остальныхъ союзниковъ. Только въ началѣ, въ 1918 году, японцы, и то не командованіе ихъ и не воинскія части, а спеціальныя миссіи, — стремились какъ можно больше и скорѣе набрать того, что плоко лежало; это были, главнымъ образомъ, секретныя карты и планы, дѣлались съемки въ раіонѣ Владивостокской крѣпости, занимались казармы въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ. Но уже съ января 1919 года все

это было совершенно устранено, отношенія рѣзко перемѣнились въ самую лучшую сторону. Поведеніе японскаго командованія и войскъ стало вполнѣ союзническимъ, даже рыцарственнымъ. И они одни остались теперь въ Сибири, чтобы помочь русскимъ

людямъ, русскому дѣлу.

Положение ихъ было не изъ легкихъ. Какъ разъ въ тв дни, въ началъ 1920 года, игроки міровой сцены начали перестраиваться. Слабое своей разрозненностью и расплывчатостью бълое движение отшатнуло Ллойдъ Джорджа, Клемансо и Ко, успъвъ ихъ напугать все-таки привракомъ возрожденія сильной національной Россіи. Видимо, этотъ испугъ и былъ одной изъ причинъ, почему они поспъшили приложить преступную руку свою къ предательству и погублению бълыхъ. Эти современные руководители міровой политики, только-что проклинавшие большевиковъ, призывавшие «всъхъ чистых» русскихъ къ борьбъ съ этими врагами не только Россіи, но всего человъчества», — начали говорить о невмъщательствъ въ русскія діла; Ллойдъ Джорджь шель дальше и уже нащупываль почву для переговоровь съ совътскимъ правительствомъ. съ тъми же большевиками. Подъ вліяніемъ сложныхъ и путанныхъ причинъ, «союзники» бросили бълыхъ и отошли отъ нихъ, умывъ руки.

Остались одни японцы. Они не отходили потому, что, вопервыхъ, духъ рыцарства, правила чести и върность слову живы и развиты въ народъ Восходящаго Солнца значительно сильнъе, чъмъ въ народахъ Европы, всъхъ вмъстъ и въ каждомъ порознь; а во-вторыхъ, — и это было не маловажно, японцы сильно опасались за Манчжурію и Корею, гдъ бурлили темныя массы подъ вліяніемъ большевицкой агитаціи. Надо помнить, что Корея, провинція присоединенная къ имперіи лишь съ 1911 года, представляетъ собою сильно взрывчатый, опасный очагъ: покоренная, насильно подчиненная страна, лишенная своего національнаго правленія, придавленная и

имъющая потому много недовольныхъ элементовъ.

Японскія войска оставались на Дальнемъ Востокѣ и въ Забайкальѣ, стремясь оказать намъ самую полную поддержку. Но въ этихъ своихъ стремленіяхъ они наталкивались на французскія и американскія миссіи, на своихъ друзей-англичанъ. Императорскому японскому правительству приходилось сталкиваться не только съ бездѣйствіемъ этихъ союзниковъ Русскаго народа, но и съ открытымъ подчасъ противодѣйствіемъ; «союзники» выставляли Японіи требованіе увести изъ Сибири войска и не помогать, ни въ коемъ случаѣ, колчаковцамъ или, какъ теперь звали наши войска, «каппелевцамъ».

Стоявшая въ Верхнеудинскъ бригада 5-й японской дивизік ванимала казармы въ самомъ городъ. Командиръ бригады

генералъ Огата, человъкъ недалекій и хитрый, съ типичнымъ раскосымъ лицомъ авіата, а не японца, съ постоянной широкой улыбкой, — выставилъ требованія, чтобы наши части въ городъ не становились, указавъ на ръшенную общесоювническимъ совътомъ нейтраливацію жельвной дороги. Долго спорили, — мы не сдавались, Огата не хотълъ уступить, — наконецъ, пришли къ соглашенію: въ городъ станутъ штабы съ охраной, а части расположатся въ военномъ городкъ въ восьми верстахъ и въ окрестныхъ деревняхъ.

Тамъ далеко было не спокойно. Красные партиваны, соорганизованные Иркутскимъ штабомъ и главковерхомъ товарищемъ Калашниковымъ, совершали на деревни нападенія, набъги, установили своеобразную блокаду, прекративъ подвозъ къ городу крестьянами продовольствія и фуража. Приходилось снаряжать цълыя экспедиціи, усиленныя фуражировки.

Ежедневно много войскъ отвлекалось на службу охраненія и развъдки; отдыхъ въ Верхнеудинскомъ районъ получался очень куцый, а о регулярыхъ занятіяхъ нечего было и думать.

Въ самомъ городъ охрана неслась японскими солдатами исправно и неутомимо. Ходили патрули этихъ маленькихъ людей, такъ непривычныхъ къ морозамъ, завернутыхъ въ торчащій пушистый мѣховой воротникъ, въ теплыхъ шапкахъ, въ валеныхъ сапогахъ. Трудно было объясняться имъ со случайными прохожими по ночамъ на улицѣ, съ нашими патрулями, въстовыми и съ лицами команднаго состава. Пробовали установить общій пароль, пропускъ и отзывъ, — ничего не вышло: слишкомъ различенъ и труденъ для каждой стороны языкъ другой. Выйти изъ ватрудненій помогли чувства взаимной пріязни. Наши скоро подмѣтили, что японцы съ особой симпатіей относятся къ нашей арміи, къ каппелевцамъ. Именемъ погибшаго героя установился самъ собою и пароль.

— «Капель-капель?» спрашиваль ночной японскій патруль

встръчныхъ офицеровъ и солдатъ.

— «Каппелевцы!» раздавалось въ отвъть.

Пріятной улыбкой скалились вубы маленькаго желтаго солдата и вм'єст'є съ морознымъ паромъ вылетала какая-то фраза, сопровождавшаяся похлопываньемъ по рукаву или ласковымъ см'єхомъ.

И расходились...

Было устроено нѣсколько офиціальныхъ обѣдовъ. Японцы дали первый въ нашу честь, привѣтствовали, — какъ переводчикъ съ чисто-восточной пышностью перевелъ рѣчь генерала Огата, — героевъ, сдѣлавшихъ небывалый въ мірѣ походъ черезъ ледяное море Сибири. Затѣмъ мы отвѣтили японцамъ. Непріятно было только слышать, что въ рѣчахъ японскихъ представителей ввучала здѣсь какая-то невѣрная, смущавшая

19*

насъ нотка о нейтралитет союзниковъ, объ ихъ общихъ обяванностяхъ передъ чехо-словаками. Эти нотки начали проходить черезъ вс ихъ завъренія о дружб къ національной Россіи, о необходимости борьбы съ большевиками, до полной побъды надъ ними. Японцы, какъ люди очень компанейскіе, охотно пьютъ и любятъ выпить. Къ концу объда обычно чувства нире, ръчи смълъй; особенио у молодыхъ офицеровъ. Эти опредъленно заявляли о своей готовности драться съ нами вмъстъ, плечо къ плечу. Только бригадиръ Огата, даже и подъ парами, не забывалъ своего основного мотива, а нъсколько разъ такъ договорился даже до пространнаго и несвязнаго лепета о «демократии и демократичности».

Все это было несомнънно наносное, подъ вліяніемъ союзнаго совдепа; отравилась также нъсколько и та двойственнам игра, которую генералъ Войцеховскій велъ съ мъстными верхнеудинскими эсъ-эрами, этими темными дъльцами мъстныхъ кооперативовъ и земствъ. Характерно, что и внъшность всъхъ этихъ милостивыхъ государей была какая-то темная, сърая, полупочтенная: угловатыя движенія, длинныя космы, косые воровскіе взгляды, ръчь или съ еврейскимъ, или польскимъ акцентомъ. Съ ихъ помощью вскоръ выполяъ на свътъ и печальный герой Красноярскаго предательства — генералъ Пепеляевъ, революціонный командармъ 1-й Сибирской арміи.

Сперва было доложено, какъ слухъ, что онъ скрывается въ городъ въ штатскомъ платъъ, прячась по квартирамъ верхнеудинскихъ «общественныхъ» дъятелей. Послъ провърки этого слуха, я прикавалъ доложить это генералу Войцеховскому, который здъсь былъ старшимъ начальникомъ, и отъ котораго потому зависълъ арестъ. Отвътъ отъ Войцеховскаго былъ полученъ, что онъ знаетъ о пребывании Пепеляева въ Верхнеудинскъ и будетъ сегодня же имъть съ нимъ разговоръ. До этого онъ просилъ никакихъ мъръ не предпринимать.

Пепеляевъ появился въ штабѣ командующаго арміей, держа себя неувѣренно и даже робко, проговорили они около двухъ часовъ, послѣ чего революціонный герой вышелъ съ бодрымъ и даже веселымъ видомъ; черевъ день онъ появился снова, уже въ формѣ русскаго генерала.

Считая совершенно вреднымъ такое попустительство офицеру, виновному въ государственномъ преступлени, въ предательствъ армии подъ Красноярскомъ, многіе офицеры частей, проведшіе въ рядахъ армии на фронтъ всъ эти пять лътъ, начали волноваться, ко мнъ поступали рапорты съ выражениемъ недовольства тъмъ, что преступникъ остается на свободъ.

Обо всемъ этомъ было снова доложено генералу Войцехоскому; тотъ, видимо, только для успокоенія офицеровъ ваявилъ, что весь этотъ вопросъ откладываетъ до ръшенія главно-

командующаго атамана Семенова, до Читы.

— «Если Пепеляевъ не вывдетъ къ навначенному сроку въ Читу, то прикавываю его арестовать и отправить подъ конвоемъ», получена была черевъ два дня шифрованная телеграмма изъ Читы, куда перевхалъ со штабомъ Войцеховскій.

Въ назначенный день Пепеляевъ пробрался тайкомъ въ теплушку, полную его сторонниками и отправился по вызову.

На этомъ сравительно мелкомъ эпизодъ приходится такъ задержаться, чтобы яснъе обрисовались многія стороны тог-

дашнихъ настроеній.

Части 3-й арміи, сведенныя къ этому времени, по моему представленію, — въ отдъльный корпусъ, были въ очень тяжеломъ положеніи; болѣе половины личнаго состава болѣло тифомъ, причемъ многіе перенесли обѣ формы: сыпной и возвратный. Всѣ были измучены и страшно устали отъ послѣднихъ мѣсяцевъ зимней кампаніи, отъ многихъ тысячъ верстъ похода; и физическія силы и, еще болѣе, состояніе духа требовали предоставленія частямъ продолжительнаго отдыха; нужно было время, чтобы переформировать части, дивизіи свести въ полки, уничтожить излишніе штабы и учрежденія, влить пополненія, вести регулярныя занятія. Тогда черезъ мѣсяцъ-полтора можно было снова начать наступленія на западъ.

Главнокомандующій генералъ-лейтенантъ атаманъ Семеновъ вполнъ оцънивалъ эту необходимость. Черевъ недълю имъ была прислана въ Верхнеудинскъ монголо-бурятская дивизія на смъну 3-го корпуса, которому было прикавано

двигаться походнымъ порядкомъ на Читу.

Несмотря на самое благожелательное отношене японскаго командованія и ихъ полное желаніе намъ помочь, не могли предоставить для корпуса достаточнаго количества пов'ядовъ. Изъ Верхнеудинска повезли только больныхъ, раненыхъ и Уфимскую дивизію, сведенную изъ бывшаго Уфимскаго корпуса. Для остальныхъ частей по'вяда были об'вщаны отъ Петровскаго Завода.

Петровскій Заводъ отстоитъ отъ Верхнеудинска верстъ на 140—150, на четыре перехода. Дорога предстояла крайне трудная, такъ какъ весь нашъ обовъ, да и большинство пъхоты двигались на саняхъ. А этотъ районъ, къ востоку отъ Верхнеудинска, отличался еще большимъ бевснъжіемъ; на десятки верстъ вемля была совершенно обнаженна или прикрыта слоемъ снъга толщиною не болъе вершка.

Войска корпуса были распредѣлены на три эшелона, одна группа двигалась ва другой, чтобы такимъ путемъ всѣхъ обев-печить ночлегомъ. Мѣстность вдѣсь сильно пересѣченная оврагами и холмами, покрыта на три четверти густымъ дѣв-

ственнымъ лѣсомъ; селенія до крайности рѣдки, расположены

на 30-40 верстъ одно отъ другого, дорогъ очень мало.

Впереди шли Ижевцы и сгеря, за ними Уральская дививія, драгуны и Волжане, въ третьей группъ казаки, Оренбургскіе и Енисейцы. Послъдніе везли съ собою своего маститаго, смълаго атамана генерала Өеофилова, который не избъгъ общей участи и свалился въ сыпномъ тифу.

Тяжелая дорога. Лошади, хоть и отдохнули въ Верхнеудинскъ, съ большимъ трудомъ тащатъ сани, скрипятъ, точно пробкой по стеклу, половья, задъвая землю, проходя по песку, цъпляясь за камни. На подъемахъ изъ овраговъ въчные за-

торы, — приходится сани выносить на рукахъ.

Ночлеги въ Забайкальскихъ деревняхъ съ старосельческимъ населенемъ, изъ тѣхъ же «семейныхъ». Такъ прозвались издавна эти, одни изъ первыхъ поселенцевъ угрюмаго Забайкалья, старовъры Петровской эпохи, которыхъ выселяли сюда съ ихъ семьями. Истовые русскіе крестьяне, чуждые и враждебные, не только непонятной имъ революціи, но и всему, что мошло за ней. Повсюду чувствовалось здѣсь, а иногда открыто высказывалось одна общая основная мысль, причина этой враждебности:

«Зачъмъ отняли и погубили нашего Царя? Зачъмъ

разрушили нашу жизнь? Что вамъ еще надо?»

На этой почвъ разросталось повстанческое движене, именно на почвъ крайней контръ-револющонности крестьянства. Большевики только использовали ихъ, усиливъ свою агитацію и направивъ изъ Иркутска транспорты съ оружіемъ и патронами. Банды повстанцевъ группировались на юговападъ отъ Петровскаго Завода. Первой колоннъ было приказано атаковать ихъ и уничтожить. Егеря и Ижевцы повели бой, сильнымъ натискомъ опрокинули красныхъ и погнали ихъ въ горы. Но въ этомъ бою былъ раненъ въ объ руки начальникъ первой колонны генералъ-маюръ Молчановъ. Поэтому дъло не удалось закончить, — красныхъ потрепали, отогнали, но не уничтожили.

Я со своимъ штабомъ шелъ съ Волжанами, въ полупереходъ свади двигалась Уральская дивизія, на сутки повже шли казаки. Послъдній ночлегъ передъ Петровскимъ Заводомъ мы

имъли въ большомъ бурятскомъ аулъ Коссотахь.

Среди пустынной всхолмленной мъстности, слегка запорошенной снъгомъ, разбросано нъсколько сотенъ маванокъ и кибитокъ. Посрединъ высится капище-храмъ буддистовъбурятъ. Эти инородцы въ массъ своей настроены непримиримо къ совътской власти, къ большевикамъ и всей соціалистической братіи; какъ и всъ инородцы въ Россіи, на всемъ ея необъятномъ просторъ, всъ инородцы, — кромъ избраннаго инород-

ческаго племени, обрѣзанныхъ іудеевъ. Слуги ихъ, этихъ держателей мірового волота, объясняютъ прикосновенность инородцевъ къ контръ-революціи и приверженность старому режиму тѣмъ, что они всѣ слишкомъ-де мало культурны, неразвиты, темны и не понимаютъ сами своей пользы. Такъ говорили и до сихъ поръ готовы утверждать почти всѣ, принадлежаще къ лагерю «демократовъ» и даже профессора ихъ лагеря, типа Милюкова; вѣроятно, въ глубинѣ своей души эти господа совнаютъ, что эти ихъ утвержденія ложь отъ начала до конца, но тактика и партійная дисциплина, двигатели современной совѣсти, мало считаются съ правдой.

Сохраненіе инородцами Россіи бережнаго, святого почитанія Царскаго Имени, ихъ затаенныя мечты о возвращени Царской Власти основываются главнымъ образомъ на томъ, что только эта власть была абсолютно справедлива ко всѣмъ бевъ различія національности и вѣроисповѣданія; кромѣ евреевъ, по весьма понятной причинѣ, справедливость которой они такъ наглядно доказали на дѣлѣ за періодъ 1917—1920 годовъ; нельяя ставить враговъ государства въ положеніе равноправное съ остальными вѣрными поддаными его. Жизнь каждой національности развивалась спокойно и естественно, въ условіяхъ жизненно прирожденныхъ ей. Рѣдкія отклоненія, эксцессы случались, бевъ сомнѣнія. Но вѣдь гдѣ ихъ нѣтъ? Только маньяки теоретической политики или завѣдомые шулера могутъ утверждать обратное.

А вотъ когда грянула революція, бунтомъ обманутаго народа были растоптаны Царская Власть и весь государственный аппарать ея, тутъ сразу картина перемѣнилась: инородцы стали подвергаться всяческимъ стѣсненіямъ, нарушались ихъ вѣковыя права, попирались обычаи, своеобразные устои жизни; когда же это было на руку новой власти, соціалистической, и сосѣднему населенію, русскому, то цѣлыя племена инородцевъ подвергались систематическому угнетенію, близкому къ уничтоженію. Такъ было съ Астраханскими и Донскими калмыками, Уфимскими татарами и башкирами, Забайкальскими бурятами.

Не мудрено, что вдѣсь среди зимовниковъ бурятъ-буддистовъ приходилось встрѣчать повышенное и оѣзко опредѣленное контръ-революціонное настроеніе.

7

Съ ночлега, изъ Коссотъ Волжане выступили рано утромъ, до разсвъта. Мой штабъ съ конвойной Оренбургской сотней и квартирьерами 2-й колонны, общимъ числомъ не болъе двухсотъ всадниковъ, ожидалъ подхода головного отряда Уральцевъ. Кони были посъдланы, небольшой обозъ запряженъ.

Около половины десятаго утра летять верховые бурята, наши добровольные развъдчики, и докладывають, что на Коссоты наступаеть банда красныхъ, человъкъ до тысячи. Вскоръ прискакали съ такими же донесеніями изъ сторожевого охраненія казаки.

Двинувъ впередъ по дорогъ на Петровскій Заводъ небольшой, въ нъсколько саней, обовъ, я прикавалъ нашему маленькому отряду выходить изъ аула, чтобы ватъмъ съ двухъ сторонъ атаковать красныхъ и отбросить ихъ на подходящихъ Уральпевъ.

Идемъ небольшой сомкнутой колонной, легкой спокойной рысью. Только вышли изъ послъдней улицы Коссотъ, какъ съ ближайшихъ холмовъ затрещали винтовки большевиковъ, заработалъ пулеметъ.

— «Ваше Превосходительство, скорфе, скорфе,» кричитъ миф подъ ухомъ начальникъ штаба корпуса, полковникъ К.

— «Не кричите, — крики всегда вызывають волнение и безпорядокъ», только успълъ я ему отвътить, какъ съ боку послышались нъсколько испуганныхъ голосовъ:

— «Ваше Провосходительство, Ваша лошадь ранена!»

Нагнувшись съ сѣдла, я увидалъ что дѣйствительно изъ лѣваго плеча «Маруси» била фонтаномъ темная, алая кровь. Любимая полукровка, дѣлившая со мной походъ отъ Уфы, напрягала усилія и еще выше выбрасывала въ своемъ легкомъ бѣгѣ раненую стройную ногу. Видѣнъ былъ сбоку умный карій главъ лошади, смотрѣвшій напряженно и печально, но бевъ малѣйшей тѣни испуга или страха.

Прошло всего нѣсколько мгновеній. Вдругъ «Маруся» рухнула на землю, придавивъ мою лѣвую ногу, такъ что съ трудомъ удалось мнѣ ее вытащить. Вторая пуля въ голову

сразила моего върнаго боевого товарища на смерть.

Лежа на землѣ я видѣлъ, какъ весь небольшой отрядъ пронесся мимо меня; такъ что, когда мнѣ удалось встать на ноги, я очутился одинъ среди пустыннаго поля, одѣтый въ неуклюжія мѣховыя сибирскія одежды; вотъ что было одѣто на мнѣ: фуфайка, гимнастерка съ погонами, шведская куртка, полушубокъ и мѣховая доха, а на ногахъ валенки. Красные, продолжая обстрѣлъ, двинулись впередъ и приближались. Приплось пережить нѣсколько жуткихъ минутъ, самыхъ отвратительныхъ.

Но вотъ, изъ-за холмовъ, за которыми скрылся мой конвой, показались четыре всадника. Вскоръ подъъхали ко мнъ два офицера, полковникъ Семчевскій и ротмистръ Исаевъ, и два казака-Оренбуржца. Подхватили меня и помогли выбраться. А вслъдъ за ними смълый начальникъ партизанскаго отряда прапорщикъ Маландинъ лично подалъ изъ обоза мнъ тройку. Кошева подъёхала, звеня колокольцами подъ дугой, сдёлала поворотъ и, забравъ меня и одного раненаго драгуна, плавно полетъла обратно изъ подъ самаго носа красныхъ; успёли даже положить съ собою мое сёдло, снятое казакомъ

съ убитой «Маруси».

Такія минуты способны вознаградить ва многіе дни, даже мѣсяцы страданій и лишеній. То самопожертвованіе, которое проявили г.г. офицеры и казаки, красота этого невиднаго, непоказного, но большого подвига говорить лучше всякихъ словъ о связи начальника съ подчиненными, о той настоящей братской связи, которая нѣкогда была присуща всей Россійской арміи; и эту-то связь, съ весны 1917 года, всѣми силами стремились вытравить растлители русской боевой силы: Гучковы, Керенскіе, Бронштейны со всей ихъ компаніей дантистовъ, акушеровъ и адвокатовъ, устремившихся въ дни революціи на высшія должности въ арміи...

Волжане, издали услышавъ перестрълку, повернули назадъ, на Коссоты, навстръчу намъ. И очень кстати, такъ какъ другая банда красныхъ направилась по дорогъ къ Петровскому Заводу, чтобы отръзать этотъ путь. Волжская кавалерійская бригада, предводимая лично своимъ безсмъннымъ начальникомъ генераломъ Нечаевымъ, разбила большевиковъ; часть

была уничтожена, остальные убъжали въ лъса.

Красные, наступавше на Коссоты, были прогнаны нашими силами. Часть всадниковъ, спѣшившись подъ командой полковника Новицкаго, повела на нихъ наступлене съ фронта, а небольшой отрядъ пошелъ съ фланга въ конную атаку во главъ съ полковникомъ Семчевскимъ. Большевики бѣжали. Вскоръе мы соединились съ Волжанами и уже къ полудню

бевъ дальнъйшихъ помъхъ достигли Петровскаго Завода.

Большой поселокъ, основанный еще въ царствованіе Петра Великаго, около каменноугольныхъ копей и богатыхъ залежей жельвной руды; нъсколько тысячъ жителей, — рабочіе завода, торговцы, скотопромышленники, немного земледъльцевъ. Сплошь почти всъ они тъ же «семейные», старообрядцы.

Замѣчательно то, что по всей Сибири, не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ большихъ селахъ лучше дома принадлежатъ евреямъ. Здѣсь наблюдался особый типъ сибирскаго еврея, нѣсколько поколѣнй котораго жили въ этомъ суровомъ, холодномъ краѣ Великой Руси. Они утратили многія отталкивающія черты своей расы, — юркость, граничащую съ мощенничествомъ, трусливую наглость, бевмѣрную хвастливость; и даже внѣшне они сдѣлались нѣсколько похожими на степеннаго бородатаго сибирскаго крестьянина. Но при всемъ томъ они сохранили свою непримиримую ритуальную религю, доходя до того, что откавывались давать ѣсть русскимъ ивъ

своей посуды; сохранили евреи и принадлежность къ кагалу, полную подчиненность этому государству въ государству, и отчужденность отъ великаго русскаго народа, пріютившаго ихъ въ своей странъ. И не только пріютившаго, но давшаго имъ больше, чъмъ имълъ самъ. Ибо по всей Сибири «бъдное гонимое избранное племя» жило во много разъ лучше и богаче, чъмъ коренные русскіе.

Въ Петровскомъ Заводъ мы простояли нъсколько дней, ожидая пока будутъ поданы составы, чтобы погрузить пъхоту и штабы, которымъ былъ объщанъ переъздъ отсюда въ Читу по желъвной дорогъ. Люди отдыхали, мылись въ банъ, приходили въ себя отъ всего пережитаго ужаса междоусобной войны.

Но не оставляло нопряженное состояние, какъ не прекращались и слухи о новыхъ опасностяхъ. Наша развъдка къ этому времени была налажена уже хорошо и давала очень полныя свъдънія. Было установлено, между прочимъ, совершенно точно, что чехи, которые все еще проходили эшелонами на востокъ, снабжали красныя шайки оружіемъ и патронами. Въ ихъ поъздахъ скрывались большевицкіе комиссары, и оттуда шло фактическое руководство военными дъиствіями противъ замученной усталой Русской арміи.

На третій день нашего пребыванія въ Петровскомъ Заводѣ, на базарѣ нѣсколько чешскихъ солдатъ и офицеровъ продавали русскія казенныя вещи. А какъ разъ передъ тѣмъ мной былъ отданъ приказъ запрещающій дѣлать это нашимъ солдатамъ подъ страхомъ преданія суду. Нашъ патруль, высланный отъ егерей на базаръ, отобралъ у чеховъ казенныя вещи. Тѣ начали ругаться и грозить; тогда егеря выгнали чеховъ съ базара плетьми.

Черевъ нѣсколько часовъ развѣдка доставила свѣдѣнія, что въ эту ночь чехи собираются выступить противъ насъ съ цѣлью обезоружить отряды бѣлыхъ, стоявше въ Петровскомъ Заводѣ.

Были приняты мѣры, чтобы обевопасить себя. Выставили сторожевое охраненіе, сильныя ваставы, на станцію желѣвной дороги отправили патрули. Старшему чешскому начальнику отъ моего штаба было послано требованіе, чтобы впредь ни одинъ чехъ не смѣлъ приходить въ поселокъ, — во избѣжаніе недоразумѣній. Въ каждой части было приказано имѣть всю ночь дежурныя роты и сотни, въ полной боевой готовности.

Когда ночью я повърялъ части, то нашелъ, что всъ люди, поголовно, не спали. Всъ ждали, сжимая винтовки въ рукахъ, выступленія чехо-словаковъ. Настроеніе нашихъ было самое бодрое, приподнятое и даже радостное.

— «Эхъ, хорошо бы, если бы чехи выступили. Надо имъ помять бока. Довольно поизмывались они надъ Россіей!» Такъ говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться въ Петровскій Заводъ. Но отогнанные нашими заставами оставили эту

ватью.

На следующий день начали намъ подавать поевда для

отправки въ Читу.

Довольные, какъ двти, садились г.г. офицеры и стрълки въ теплушки, лошадей грузили въ открытыя платформы-углярки; на весь корпусъ дали всего на всего одинъ вагонъ III класса. Но и за то мы говорили: спасибо отъ души. Въдь впервые за полтора мъсяца послъ Красноярска Русскія войска получили возможность воспользоваться своей собственной, русской жельзной дорогой.

Чехи пробовали и на этотъ разъ протестовать, симулировали даже угрозу, но атаманъ Семеновъ съ помощью дружественныхъ японцевъ быстро привелъ этихъ шакаловъ Сибири въ спокойное состояние, пригрозивъ, что, если со стороны чехословаковъ послъдуетъ хоть одно враждебное дъйствие, то ни одинъ изъ эшелоновъ не пройдетъ въ полосу отчуждения.

Чехи притихли. А наши войска двинулись дальше на востокъ по желъзной дорогъ. Не хватило составовъ только для конницы: 1-я кавалерійская дивизія и казаки пошли походомъ долиною ръки Хилокъ. Насколько былъ тяжелъ этотъ безснъжный путь можно судить по цифрамъ — только за пять дней ихъ марша отъ Петровскаго Завода до Читы погибло около

30 % лошадей.

Жельзная дорога охранялась японцами. Но даже несмотря на это было нъсколько попытокъ устроить крушенія. Въ одномъ мъстъ подорвали путь, портили стрълки, устроили вярывъ небольшого моста какъ разъ въ моментъ прохода броневика «Забайкалецъ», который двигался непосредственно передъ повздомъ моего штаба. Японскіе саперы быстро исправляли всъ поврежденія; всъ ихъ части представляли собою отличные организмы, неразвращенные революціей, неиспорченные демократизаціей, такъ непохожіе на остальныхъ представителей нашихъ бывшихъ союзниковъ. Дисциплиной они были проникнуты до того, что не было случая неотданія чести не только своимъ офицерамъ, но и нашимъ.

Бросалась въ глава какая-то даже подчеркнутая ласковость къ русскимъ со стороны этихъ маленькихъ желтыхъ людей. Они старались угодить каждому отъ генерала до солдата, до каждаго самаго мелкаго желъвнодорожнаго служащаго. Особенно велики были ихъ ваботы о послъднихъ, — имъ япон-

цы даже доставляли продовольствіе.

Не рѣдко можно было видѣть одинокаго японца, простого солдата, который попадая среди русскихъ, принимался участливо разговаривать на плохомъ, ломаномъ русскомъ языкѣ и сейчасъ же вытаскивалъ папиросы, какія-нибудь лакомства, чтобы угостить бѣлыхъ ховяевъ-собесѣдниковъ.

Пока мы шли, а ватъмъ и ъхали до Читы, до новой столицы, приходилось слышатъ самые лучше отзывы о новомъ главнокомандующемъ, атаманъ Семеновъ; среди части населения Забайкалья, даже у эсъ-вровъ Верхнеудинска, самой

ходячей фравой было:

«Ссменовъ-то самъ хорошъ, — семеновщина невыносима.» Это повторялось почти всеми и на все лады. Когда старались выяснить причины возстаній «семейныхъ», этихъ крепкихъ патріархальныхъ староверовъ, обычно объясненія были те же:

— «Они воюютъ не противъ Семенова, а противъ семеновшины.»

Это былъ какой-то лозунгъ дня, подобный тѣмъ, которые съ несчастнаго 1917 года туманили русскія головы и бурлили массы. Нелѣпые ложные лозунги, заключавшіе въ себѣ полную безсмысленность: такъ и здѣсь — атамана Семенова хвалили за его простоту, доступность, за силу духа, за искренность стремленій, твердость въ борьбѣ, за чисто-національный русскій курсъ, за его пріемы и стараніе сдѣлать все возможно лучше для широкихъ массъ народа, за справедливость, — и въ то же время кляли семеновщину, т. е. то самое, что толькочто нахваливали подъ другимъ названіемъ.

Въ Читу наши части прибыли въ концѣ февраля. Городъ, игравшій все время гражданской войны исключительное значене, бывшій какъ бы второй столицей полу-самостоятельнаго княжества, а теперь оставшійся единственнымъ центромъ всего, что сохранилось отъ колоссальной русской національной постройки на востокѣ. Все остальное было валито ядовитыми, смертельными волнами соціалистической, интернаціональной нечисти: или ввидѣ кроваваго жестокаго большевизма или, какъ переходная къ нему ступень, безвольной, слюня-

вой эсъ-эровщиной.

Чита производила впечатлъние полнаго порядка и большой энергичной работы. Внъшнее впечатлъние было, что эта работа имъетъ всъ шансы на успъхъ, что на этотъ равъ, наученные горькимъ опытомъ большихъ разочарований и катастрофическихъ неудачъ, русские люди нашли силы и умънье пойти настоящимъ путемъ къ побъдъ за национальную самостоятельность, къ возрождению живни своей великой страны.

Человъкъ, который стоялъ во главъ и направлялъ работу и борьбу, былъ генералъ-лейтенантъ, атаманъ Григорій Михайловичъ Семеновъ. Мнѣ пришлось видѣть его впервые те перь. Высокаго роста, съ большой головой, широкими, могучими плечами, одѣтый въ русскую поддевку, съ погонами, со внакомъ на нихъ монгольской «суувастики», — форма монгольско-бурятской дивизіи, — атаманъ имѣлъ видъ богатыря самородка. Высокій гладкій лобъ, изъ подъ котораго смотрятъ спокойные сѣрые глава, смотрятъ прямо, открыто и нѣсколько испытующе, выражая большое вниманіе, постоянную и законченную свою мысль, храня въ глубинѣ волю, которой не сломать самымъ тяжелымъ испытаніямъ и неудачамъ.

Размъренный, спокойный голосъ. Изръдка освъщается лицо улыбкой доброй, естественной и искренней. И во всей фигуръ, и въ лицъ, въ словахъ, ръчахъ и мысляхъ, во всей жизни и поступкахъ — спокойствіе, его главная черта. Ръдкая способность — оставаться самимъ собою при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, при ватрудненіяхъ и неожиданностяхъ, которыми такъ богата стала русская жизнь ва послъдніе три года.

Послѣ первой встрѣчи у всѣхъ устанавливались съ нимъ сразу ровныя и довърчивыя отношенія, несмотря на то, что болѣе года — при работѣ на большихъ разстояніяхъ — все время шли усилія со многихъ сторонъ, чтобы настроить всѣхъ противъ атамана Семенова. При дальнѣйшемъ знакомствѣ усилилось и подкрѣпилось первое впечатлѣніе, что это былъ человѣкъ съ недюжиннымъ, все охватывающимъ, умомъ, съ крѣпкой, совершенно ненадломленной волей и съ чисто эпическимъ спокойствіемъ, которымъ было пропитано все его существо.

Атаманъ Семеновъ не старался казаться, а былъ дъйствительно доступенъ всъмъ и каждому. Несмотря на чрезвычайно занятое время, — такъ какъ въдь вся масса государственныхъ вопросовъ и организація дальнъйшей борьбы падали на него, — онъ выслушивалъ каждаго, кто имълъ до него дъло; выслушивалъ и старался дать сейчасъ же, не откладывая, лучшее, наиболъе правильное и справедливое ръшене. Депутаціи отъ крестьянъ, казаковъ, бурятъ, желъзнодорожниковъ, пріъхавшая съ фронта сестра милосердія, или офицеръ, сельскій священникъ, учитель, вдова солдата — всъ находили доступъ къ атаману. И уходили отъ него почти очарованные, ставшіе его друзьями.

Такое впечатлъне послъ первой встръчи получали даже люди изъ враждебнаго ему лагеря, изъ такъ называемыхъ демократовъ, изъ общественности; понятно, это бывало лишь тогда, когда попадались среди нихъ люди честные.

И еще болъе кръпло и ширилось нелъпое крылатое слово: «Семеновъ самъ очень хорошъ, семеновщина невыносима».

Атамана Семенова не измѣнила революція; онъ быль и остался русскимъ человѣкомъ, преданнымъ безъ конца Ро-

динъ и любящимъ ее всъмъ существомъ своимъ. Онъ былъ и остался убъжденнымъ монархистомъ, ибо атаманъ вналъ, что такое же убъждение, такую же въру исповъдуютъ, въ глубинъ своихъ душъ, массы Русскаго народа; онъ вналъ навърное, что внъ возвращения на этотъ историчесткий путь невозможно ни возрождение России, ни самое существование ея, какъ вели-

кой, самостоятельной страны.

По приходѣ въ Забайкалье, наши войска были размѣщены по широкимъ квартирамъ, 2-й корпусъ генерала Вержбицкаго въ Читѣ и ея окрестностяхъ, 3-й корпусъ въ ближайшихъ деревняхъ. Начались усиленныя ванятія, реорганизація, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться возможно большаго числа бойцовъ, поднять боеспособность и, черезъ мѣсяцъ повести наступленіе, съ цѣлью очистить отъ большевицкихъ бандъ всю Восточную Окраину Россіи, отъ Тихаго Океана до Байкальскаго Озера.

Въ то же время намъчено было успокоение страны внутри: мърами устроения живни, путемъ удовлетворения, котя бы примитивныхъ, повседневныхъ потребностей, такъ необходимыхъ

для рядового обывателя и для массы.

Структура вародыша государственности слагалась такъ: атаманъ Семеновъ, какъ главнокомандующій и глава правительства, имълъ нѣсколько помощниковъ, — управляющихъ отдѣлами: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и торговли, путей сообщенія и иностранной политики; ватѣмъ ему же подчинялся командующій Дальневосточной арміей генералъ-маюръ Войцеховскій. Въ армію входили три корпуса: 1-й обравованный изъ Забайкальскихъ войскъ, 2-й и 3-й — изъ остатковъ арміи покойнаго адмирала Колчака, вышедшихъ сюда черевъ всю Сибирь.

8

Генералъ Войцеховскій былъ и раньше совершенно не ясенъ въ своемъ политическомъ мірововарѣніи. Самъ онъ не подпалъ подъ новыя революціонныя вліянія, не увлекся ни однимъ изъ модныхъ, дешевыхъ теченій, не сдѣлался соціалистомъ мартовскаго призыва, но въ то же время Войцеховскій считалъ возможнымъ не только общую дѣятельность и работу съ соціалистами, но даже допускалъ компромиссы съ ними; онъ не могъ подняться до сознанія: что наши русскіе соціалисты — всѣ люди одного лагеря; что для всѣхъ нихъ національная Россія враждебна и, именно она-то, національная Россія опредѣляется словами «контръ-революція» и «реакція»; что для борьбы съ національной Россіей всѣ соціалисты готовы объединиться всегда съ большевиками, какъ и доказало ихъ участіе въ Сибирской бѣлой эпопеѣ.

Генералъ Войцеховскій, во время переговоровъ со станціи Зима, готовъ былъ привнать власть преступнаго политическаго центра въ Иркутскъ и только ръшительный протестъ остальныхъ генераловъ остановилъ это; онъ разговаривалъ и вырабатывалъ совмъстно съ «общественностью», т. е. съ эсъ эрами, въ Верхнеудинскъ основанія для продолженія борьбы противъ большевиковъ. Онъ былъ другомъ чеховъ и оставался имъ до конца, находя общій языкъ и общія чувства.

За такое, болве чвмъ лойяльное отношене къ такъ навываемой демократи и общественности, Войцеховскій былъ людьми этого лагеря превовносимъ; даже въ самые подлые періоды, когда эта свора накидывалась на армію, въ періоды ихъ успъха и побъды надъ національной Россіей, — Войцеховскаго они не трогали. Вотъ это обстоятельство, въ свяви съ весьма развитой силой характера, повліяло, въ значительной степени, на дальнъйшее. Войцеховскій сразу занялъ по отношенію къ атаману Семенову позицію осторожнаго, въчно наблюдающаго и готоваго на разрывъ, случайнаго сотрудника, подчеркивая это и стремясь отмежевать и отвоевать себъ возможно больше самостоятельности.

Такъ продолжалось всё пять мёсяцевъ пребыванія генерала Войцеховскаго въ Читё на посту командующаго арміей. Къ сожалёнію это сыграло свою печальную роль, въ числё другихъ причинъ, въ ускореніи конца Забайкальскаго періодя.

Враги русскаго народа пустили въ ходъ опять таки тотъ же пріемъ, который они съ большимъ успѣхомъ примѣняли съ самаго начала революціи. И снова русскіе попались на крючекъ, пошли на приманку. Всячески стремились внести расколъ въ арміи. Упорной и подчеркнутой работой укрыпляли дѣленіе офицеровъ и солдать на два лагеря: семеновній и каппелевцы. Первымъ говорили о нежеланіи каппелевцевъ воевать, о нежеланіи подчиниться атаману Семенову и что каппелевцы ненадежны, что ихъ командованіе даже горти рается арестовать атамана; а арміи, сдѣлавшей ледяной потучше всѣмъ снабжены и обезпечены, что въ то время, какъ они, каппелевцы, шли съ боями черезъ Сибирь, семеновцы ничего не дѣлали и т. д. Зарождалась глухая отчужденность, раздвоенность. Временами, особенно подъ вліяніемъ алкоголя, вспыхивали ссоры и чуть-ли не стычки.

Большой работой офицеровъ и, главное, личнымъ участіемъ въ ней атамана Семенова, который объъзжалъ войска, близко подходилъ къ нимъ и буквально очаровывалъ, — удалось потушить эту рознь. Но не вполнъ. И черезъ много, много мъсяцевъ она снова проступила наружу, какъ скрытая, не вполнъ вылеченная болъзнь, и опять стала разъъдать тамъ русскую

массу и мъшать ея усилямъ въ смертномъ бою за нашу Родину, на ея жизнь и самостоятельность.

Все это не проходило незамѣченнымъ для иностранцевъ. Одни изъ нихъ, — тѣ самые, которые подготовили и помогли разгрому адмирала Колчака, — потирали отъ удовольствія руки. Другіе, напли друзья въ тотъ періодъ, японцы, искренно

огорчались.

На потомковъ самураевъ произвела глубокое и сильное впечатлъніе наша гражданская война. Вникая во всѣ ея подробности и въ самую сущность, зная хорошо истинное положеніе вещей, — японцы стали пылкими врагами большевиковъ. Всѣ, начиная отъ генераловъ до маленькаго солдата — «мусимуси», желали искренно нашей полной побѣды надъ краснымъ интернаціоналомъ. Это доказали они не разъ дѣломъ, самымъ явнымъ и страшнымъ доказательствомъ, сражаясь бокъобокъ съ бѣлыми войсками, противъ комунистовъ и кровь самурая окрашивала не разъ бѣлые сибирсніе снѣга.

Японское командованіе жадно, пытливо разглядывало условія нашей русской д'яйствительности, стараясь понять настроеніе массъ, офицеровъ, солдатъ, стараясь уяснить себѣ, что такое подразум'ввается подъ словами демократія и общественность. Особенно чутко относились они къ начавшемуся д'яленію на семеновцевъ и каппелевцевъ, искали разр'ященія новой загадки. Японское командованіе и офицерство прилагали всѣ усилія, чтобы не дать расколу разгор'яться, чтобы помочь намъ слить

армію въ одинъ могучій, крѣпкій организмъ.

На одномъ объдъ, который давали въ честь прибывшаго новаго начальника военныхъ сообщений, генерала Шибо, начальникъ 5-й японской дивизи генералъ Судзуки произнесъ красивую ръчь о рыцарствъ, устанавливающейся дружбъ двухъ армій, о будушемъ долгомъ общемъ пути двухъ народовъ-сосъдей; желалъ скорой побъды надъ большевиками и соціалистами, чтобы начать спокойно большую работу по воврожденію великой страны. Судвуки закончилъ свою ръчь фразой:

 «И всегда тънь Императорскаго японскаго знамени будетъ рядомъ съ тънью дружественнаго знамени великой

Русской Арміи.»

Эта рѣчь была знаменательна. Впервые опредѣленно заявлялось не только о поддержкѣ, но о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Скоро японскія войска стали готовиться къ выступленію на передовыя позиціи, чтобы помочь 1-му корпусу и дать время двумъ другимъ корпусамъ отдохнуть и привести себя въ порядокъ.

Жизнь въ Читъ въ то время била ключемъ. Всъ работали для общей цъли — усилить армію, быть къ веснъ готовыми къ ръшительному наступленю, наладить въ то же время порядокъ

внутри области. Войсковыя части пополнялись, снабжались, одъвались, цълыми днями вели ванятія, чтобы вывътрить духъ партиванщины, невольно привившійся за мъсяцы длиннаго похода. Работа кипъла во всю. И впереди, казалось, кръпла надежда не только на возможностъ продолженія борь-

бы, но и на успъхъ ея.

Чешскіе ашелоны уходили на востокъ, и скоро вся область могла очиститься отъ этого враждебнаго, вреднаго элемента. Благодаря пріятельскимъ связямъ генерала Войцеховскаго съ чехо-словацкимъ корпусомъ по его прежней службѣ въ немъ, чехи получили раврѣшеніе выходить въ Читѣ на станцію, а ватѣмъ и въ самый городъ. Они вели себя наружно гораздо менѣе нагло, но за то продолжали окрытную работу помощи не только эсъ-эрамъ, но даже и большевикамъ; такъ въ ихъ поѣвдахъ проѣвжали переодѣтые, подъ чужими паспортами, большевицкіе комиссары, перевовилась регулярно совѣтская почта. Свѣдѣнія объ этомъ давала своевременно наша контръразвѣдка, агенты которой проникали и въ чешскіе эшелоны; но Войцеховскій дѣлалъ видъ, что не вѣритъ этому, и былъ противъ принятія рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія зла.

Вообще онъ занялъ довольно опредъленную позицію, которая клонилась все больше и больше на-лѣво, въ сторону не только прощенія вчерашнихъ предателей эсъ-эровъ, но и возможности совмъстной работы съ ними. Атаманъ Семеновъ, бывшій въ то время главнокомандующимъ войсками, не считалъ своевременнымъ рѣзко рвать съ подчиненнымъ ему генераломъ, авторитетъ котораго среди войскъ, вышедшихъ изъ подъ Красноярска, стоялъ тогда еще довольно высоко. По-

этому начался рядъ компромиссовъ.

Японцы, въ сущности, поощряли такую линю поведения, ибо для нихъ, видимо, было всего важнѣе установление единства и полной согласованности въ новомъ русскомъ военномъ аппаратѣ, образовавшемся чисто случайнымъ порядкомъ.

Самымъ жизненнымъ и настоятельнымъ въ тѣ дни было рѣшеніе вопроса въ Приморьѣ и въ частности во Владивостокѣ. Положеніе въ этомъ городѣ было до сихъ поръ въ переходномъ состояніи; единственными войсками, охранявшими порядокъ, оказались тамъ японскія части. На нихъ же опиралось и такъ навываемое мѣстное правительство, образовавшееся послѣ всѣхъ описанныхъ перепитій; въ него вошло нѣсколько безличныхъ господъ изъ партій эсъ-эровъ и кадетъ, да мѣстные земцы. Большевики и примыкавше къ нимъ активные эсъ-эры спрятались снова въ подпольѣ, откуда и направляли довольно свободно свою дѣятельность по организаціи красныхъ шаекъ въ окрестностяхъ Владивостока, стремясь поднять пожаръ

возстаній среди сельскаго населенія. Изъ Москвы имъ была поставлена цѣль — сформировать красную армію, которой и обрушиться на Забайкалье съ востока, чтобы совмѣстно съ совѣтской арміей отъ Иркутска задавить послѣднюю искру Руоской Государственности. Надо отдать справедливость, что работа соціалистовъ подъ руководствомъ большевиковъ шла

и на этотъ разъ энергично, безъ потери времени.

Намъ было чрезвычайно важно укрѣпить свою позицюю во Владивостокѣ, сосредоточить тамъ отборныя войска, котя бы въ небольшомъ сначала числѣ, сформировать аппаратъ власти и образовать прочную базу. Въ этомъ отношении веласъ подготовка и шли переговоры атамана Семенова съ японцами. Но опять таки и здѣсь сказывалась ненормальность во вза-имоотношенияхъ начальниковъ, Семенова и Войцеховскаго; сильно мѣшало заигрывание послѣдняго съ лѣвыми элементами.

Въ этомъ отношени дошло до того, что Войцеховскій разръшилъ генералу Пепеляеву вновь формировать дивизію. Пепеляевъ, робкій вначалъ отъ совнанія свой огромной вины, смѣлѣлъ день ото дня; окруженный своими сторонниками изъ революціонныхъ офицеровъ и партійнихъ дъльцовъ, онъ началъ скоро выступать уже открыто; печатать аршинныя афици, призывавше каждаго «честнаго сына Родины вступать въ партизанскую дививію имени народнаго героя генерала Пепеляева». Такъ и печаталось, безъ всякаго стъснения, съ присущей демократін наглостью дурного тона. Самъ Пепеляевъ и его компанія выступали на устранваемыхъ ими секретныхъ митингахъ, заманивая къ себъ молодыхъ офицеровъ и солдатъ, то объщаніями дать новое обмундированіе, то указаніями на то, что въ «партиванской дививін» будетъ установлена «революціонная дисциплина, безъ какихъ-либо признаковъ и отрыжекъ стараго режима».

Въ подтверждение этого была принята особая форма присяти. Пепеляевъ приказалъ титуловать себя «гражданинъгенералъ» или «братъ-генералъ». Изобрътательность далеко не шла. Всъ революціонные герои играли одними пріемами — и товарищъ Калашниковъ въ Иркутскъ, Янъ Сыровой и другіе коммивояжеры — въ чеховойскъ, купецъ Гучковъ и Керенскій въ Императорской Русской Арміи; теперь Пепеляевъ шелъ

той же избитой тропою въ Забайкальъ.

Также одинаково были всё они трусливы, когда было — къ расчету стройся. Гучковъ убрался заблаговременно, Керенскій дезертировалъ ночью, Пепеляевъ пробирался по Сибири сначала тайкомъ въ саняхъ, а затъмъ въ чешскомъ взгонъ.

Прошель февраль. Въ серединъ марта наступили первые теплые дни, стало чувствоваться приближение весны. Войска

вели усиленныя занятія; цълыми днями шла работа въ поль, улицы города съ утра были полны стройными колоннами войскъ,

на полигонахъ раздавалась учебная стрвльба.

Въ это время прибылъ въ Читу, совершенно неожиданно для всёхъ, атаманъ Сибирскихъ казаковъ генералъ-лейтенантъ П. П. Ивановъ-Риновъ. Подъ Красноярскомъ, въ день нашей катастрофы, онъ отбился отъ колонны штаба генерала Каппеля и очутился отрёзаннымъ отъ своихъ. Трое сутокъ провелъ атаманъ Сибиряковъ въ лёсу, ночуя въ заброшенномъ шалаштв, въ сторонв отъ дороги. Затъмъ, истощенный отъ голода, онъ пробрался въ Красноярскъ, гдв и прожилъ, скрываясь, около двухъ мъсяцевъ, иногда попадая въ самую гущу красноармейщины и совътскихъ дъятелей. Присутствіе духа выручало всегда генерала Иванова-Ринова. Нашлись у него и благожелетели, съ помощью которыхъ удалось достать паспортъ на имя огражданина Армянской республики»; благодаря этому, онъ пробрался черезъ Иркутскъ въ Забайкалье неузнаннымъ.

Генералъ Ивановъ-Риновъ привевъ самыя полныя, свъжія свъдънія о состояніи Средней Сибири, попавшей теперь подъвласть совътовъ. Общее недовольство наступило уже черевъ недълю послъ прихода красной арміи, а вслъдъ за нею и чрезвычаекъ. Въ ръзкую оппозицію большевикамъ стали всъ слои населенія, даже рабочіе заводовъ и желъзнодорожныхъ мастерскихъ; особенно сильно проявлялось недовольство новой властью у крестьянъ. Полки Щетинкина заставили его выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ комиссаровъ. Повсемъстно вспыхивали возстанія, которыя не принимали большихъ размъровъ изъ-за всеобщей усталости, зимнихъ хололодовъ, а главное, потому что не было вождей, да и всъ наиболъе активные элементы ушли на востокъ или погибли.

Чрезвычайки проявляли страшную, неслыханную жестокость. Такъ: на словахъ была отмънена смертная казнь,
какъ милость побъдителей; но чтобы уничтожить захваченныхъ въ плънъ бълогвардейцевъ, эти десятки тысячъ офицеровъ, солдатъ и казаковъ, ихъ сосредоточили въ казармахъ,
въ особыхъ городкахъ, около Томска и Красноярска, въ невозможныхъ, страшныхъ условіяхъ жизни, безъ воды, пищи и
топлива, совершенно внъ санитарныхъ условій, безъ медицинской помощи. И смерть отъ тифа буквально косила тамъ
русскихъ людей; ежедневно умирало по нъсколько сотъ. Мертвыхъ не убирали, оставляя лежать вмъстъ съ живыми. Томскъ
и Новониколаевскъ пріобръли жуткое названіе «черныхъ городовъ».

Въ городахъ, съ приходомъ большевиковъ, исчезли всъ продукты, жизнь непомърно вздорожала. Комиссары стали

тогда организовывать сборъ продовольствія по деревнямъ, посылая реквизиціонные отряды, что окончательно овлобило крестьянъ.

Въ то же время новые властители Сибири ничего не предпринимали для устроенія живни, для удовлетворенія самыхъ примитивныхъ нуждъ населенія; и не могли ничего сдѣлать, и не хотѣли. Гордые своими побѣдами надъ бѣлыми, комиссары ваговорили новымъ языкомъ теперь даже и съ рабочими. Особо уполномоченный комиссаръ изъ Москвы, «товарищъ» Смирновъ, проѣхалъ въ спеціальномъ поѣздѣ по всей Сибири до Иркутска, вводя всюду четырнадцати часовой рабочій день и грозя всѣмъ ослушникамъ расплатой, такой же суровой, какъ «съ контръ-революціонерами».

Большевики провели недѣли черевъ три послѣ завоеваня Сибири анулированіе колчаковскихъ денегъ, причемъ сдѣлано было это самымъ беззастѣнчивымъ образомъ: служащимъ и рабочимъ выдали буквально наканунѣ жалованье впередъ этими самыми сибирскими (колчаковскими) знаками; затѣмъ анулированіе денегъ вводили по районамъ, и комиссары переѣзжали изъ одного города въ другой, ведя на этомъ

многомиллюнную спекуляцію.

Сибирь, начавши испытывать большевизмъ, сразу почувствовала его смертельныя объятія и начала повсемъстно гото-

виться къ сверженію его.

Эти свъдъня подтверждались многими офицерами и каваками, пробиравшимися почти каждый день изъ совътской Сибири на востокъ. То же самое говорили и польскіе офицеры, вырвавилеся въ небольшомъ числъ изъ большевицкаго плъна.

Ясно было, что при надлежащей работь въ Приморьь и въ Забайкальь, можно было льтомъ получить мощную поддержку въ массахъ средней Сибири, при движени туда нашей арміи. Но къ сожальнію у насъ-то самихъ мало было надежды

наладить дъло.

Кренъ влѣво, взятый штабомъ генерала Войцеховскаго, ваигрывание съ эсъ-эрами, непонятная дружба, послѣ всего происшедшаго, съ чехо-словацкими войсками. Пепеляевъ продолжалъ взращивать свою дивизю, махрово-эсъ-эровскаго толка; несмотря на опредѣленное несочувствие къ этому предприятию главнокомандующаго атамана Семенова, вопреки самому настойчивому недовольству со стороны остальной армии, генералъ Войцеховский взялъ его подъ свое непосредственное по-кровительство.

Когда же вдобавокъ ко всему было проявлено желаніе поставить Пепеляевскую партиванскую дивизію снова въ тылу нашихъ корпусовъ, я окончатекьно рѣшилъ уйти. Мнѣ былъ данъ отпускъ ва-границу.

Тогда я собралъ ближайшихъ, мнв подчиненныхъ начальниковъ и объяснилъ имъ, какъ смотрю на создавшееся положеніе, на лежащій передъ нами путь, что раврешеніе нашей задачи вижу въ одномъ: идти въ Россію съ Царскимъ знаменемъ, поднятымъ прямо и открыто. Для этого необходимо было предпринять рядъ шаговъ въ Европъ. На этомъ заседаніи присутствовало шесть подчиненныхъ мнв старшихъ офицеровъ, начальниковъ крупныхъ частей 3-го корпуса. Всё они согласились съ моей точкой зрёнія, высказали убёжденіе въ необходимости такой подготовки въ Европъ, а далъе работы и въ самой Россіи.

Тяжело было уважать и разставаться сь теми офицерами, солдатами и казаками, съ которыми вместе проделаль всю кампанію, делиль радость победы, горе пораженія и труды ледяного похода, которые стали близкими, какъ братья.

Передъ отъвадомъ изъ Читы я объважалъ ввъренныя мнъ войска. Во всъхъ частяхъ были парады, служились молебны. Изъ многихъ разговоровъ съ офицерами и солдатами приходилось убъждаться, что только открыто поднятый монархическій флагъ, съ именемъ Законнаго Царя, вернетъ имъ по-

терянную въру въ свои силы, въ правду, въ побъду.

По многу и съ полной откровенностью говорилъ я съ атаманомъ Семеновымъ. Для меня выяснилось, что главнокомандующій не считалъ вовможнымъ въ тѣ дни идти рѣзкими, опредѣленными путями къ намѣченной цѣли. То было еще сумеречное время, когда мракъ, окутавшій Русскую вемлю въ чаду трехлѣтней революціи, не прояснился. Только, только загоралась варя совнанія, изрѣдка вспыхивали зарницыпроблески національной мысли и чувства.

Умы массъ были еще въ состояни того тяжелаго и труднаго раздумья, какое бываетъ послѣ сильнаго русскаго похмѣлья или отъ оглушительнаго удара по головѣ. Руководители и вожди зачастую чувствовали себя неувѣренно и даже отставали отъ массъ въ ощущени жизненной необходимости,

въ совнании жизненной исторической правды.

Особенно памятно изъ дней передъ моимъ отъвадомъ ва-границу и дорого для меня воспоминание о парадъ въ Ижевской дивизіи. Ижевцы и егеря выстроены стальнымъ карра на площади большаго сибирскаго села. Весенній вътеръ рветъ полотнища знамени и хоругвей, когда подъ живой треввонъ выходитъ изъ церкви крестный ходъ. Высокое мартовское солнце валиваетъ яркимъ свътомъ всю площадь и горитъ бликами на волотыхъ ризахъ священниковъ. Служится напутственный молебенъ. Затъмъ священникъ произноситъ короткую проповъдь о нашей борьбъ за Родину и Въру, о нашемъ долгъ побъдить и освободить русскій народъ отъ иноземныхъ

вахватчиковъ власти. Старые Ижевцы выносятъ икону Нерукотворнаго Спаса, которой священникъ благословляетъ меня.

Парадъ. Стройными рядами проходятъ полки Ижевцевъ и егерей. Серьезныя обвътренныя лица, молодецкая выправка, прямой открытый взглядъ русскихъ витязей. Послъ ледяного похода всъ отдохнули, прюдълись, подправились.

Затъмъ объдъ въ сельской школъ, временномъ офицерскомъ собрании. Много теплыхъ завдравныхъ ръчей. И первый тостъ ва Святую Русь, за нашу Родину, которая будетъ жить, будетъ снова Великой и свободной! Этотъ тостъ былъ покрытъ могучими радостными аккордами безсмертнаго русскаго гимна.

«Боже Царя храни! Сильный Державный, Царствуй на славу намъ. Царствуй на страхъ врагамъ, Царь Православный. Боже Царя храни!»

У многихъ на главахъ слевы; цвиныя мужскія слевы воина текутъ по огрубълымъ лицамъ. А кругомъ школы гудитъ толпа егерей и Ижевцевъ, гудитъ довольная, бливкая, гудитъ не поганымъ революціоннымъ безсмысленнымъ гамомъ, а близкимъ, братскимъ единеніемъ, какое было всегда между русскими г. г. офицерами и ихъ солдатами.

Среди последнихъ многіе, слыша гимнъ, крестятся. И

раздается въ толпъ часто общая всъмъ мысль:

«Господи, неужто понастоящему придетъ теперь освобождение!»...

Заключеніе.

«Чувство, которое заставляеть работать ихъ, не есть то чувство мелочности, тщеславія, азбывнивости, которое испытали вы сами, но какое-пибудь другое чувство, которое, сділало нав вихъ мюдей такъ же спокойно живущихь подть ядрами, при ста случайностяхъ смерти, выбсто одной, которой подвержены всё эти люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпревывато труда, блівнія, и грязи. Изт-за креста, изт-за названія, изт-за угрозы не могуть люди принять эти условіях должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рідко проявляющесся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубина души каждаго, — любовь къ Родина.

Графъ Л. Н. Толстой.
«Севастополь въ денабрв мъсяцъ 1854 г.»

«У насъ, русскихъ, есть, конечно, двъ стращныя силы, стоющія всъхъ остальных во всемъ міръ. — это всецълость и духовная нераздъльность народа нашего и тъсяващее единеніе его съ Монархомъ.»

— О. М. Достоевскій.

• Дневникъ писателя за 1877 г.» Январь, Гл. I.

1.

Кончился, если не блестящій, то во всякомъ случав большой, крупный періодъ нашей русской двиствительности. Мъсто для оцвики его мы всв, современники, должны предоставить будущему. Тогда же равберутся и выяснятся всв причины, которыя привели бълое движеніе къ неуспъху. И скажутъ, несомивно, бевпристрастное слово, сдълаютъ правильные выводы. Но намъ, современникамъ величайшаго потрясенія нашей Родины, принадлежитъ право, и на насъ лежитъ обяванность — выскавать тв ясныя и правдивыя положенія, которыя подчасъ многими ватемняются и искажаются, умышленно или по недомыслію.

Прежде всего, — о бѣломъ движении. Нельвя забывать и преступно замалчивать, что движение бѣлыхъ русскихъ массъ вылилось совершенно естественно и вылилось мощной волной, какъ неизбѣжное послѣдствіе, какъ отвѣтъ на всю революціонную подлость и гадость. Бѣлогвардейщина зародилась на всѣхъ концахъ Руси, на всемъ необъятномъ пространствѣ, въ каждомъ углу ея; и это былъ отвѣтъ Русскаго народа на

то ужасное униженіе, которое, какъ изъ бездоннаго ушата, вылили на страну и на народъ творцы и углубители революціонной смуты.

Бѣлое движене явилось проявленемъ чести націи, и поэтому оно было неизбѣжно и неустранимо. Неустранимо, такъ какъ всѣ честные элементы нашй Великой Россіи, во всѣхъ слояхъ ея и во всѣхъ народностяхъ, не хотѣли и не могли примириться съ захватомъ Государственной власти кучкой преврѣнныхъ инородцевъ, дезертировъ и преступниковъ. Если бы не не проявилось бѣлаго движенія, то пришлось бы съ горькимъ совнаніемъ поникнуть всѣмъ русскимъ людямъ и опустить глава; не будь бѣлыхъ, не было бы у Россіи права скавать, что честь и честность въ русскомъ народѣ являются самыми сильными, самыми живучими его свойствами.

Прослъдите все бълое движение, отъ его зарождения, черевъ венитъ славы, успъховъ, могущества и до упадка, — и нельзя не увидъть той простоты и естественности, какими все оно проникнуто. Людей поднимало и гнало на величайшие труды и лишения, на смерть, на подвиги — только чувство. Чувство оскорбленной чести за великую Родину, чувство мести низкимъ растлителямъ родной армии и страны, чувство долга передъ Россіей. И это было настолько могуче, что двигались на это дъло, собирались подъ бълыми знаменами сотни тысячъ, милліоны насъ, русскихъ.

Не только настоящей книгь не подъ силу, — думается, что многіе и многіе еще труды не въ состояніи будуть дать полное отраженіе всъхъ перенесенныхъ бълыми лишеній, жертвъ, трудовъ и подвиговъ, совершенныхъ зачастую въ обстановкъ почти полной безнадежности успъха. Но ими двигало горячее, сильное чавство и глубокая въра въ правоту своего дъла. И потому получались величайшія напряженія, удесятерялись силы, ломались гигантскія препятствія, создавался самый успъхъ. Во всемъ этомъ — красота бълаго движенія, такая красота, которая приближаетъ его не къ завоевательнымъ войнамъ,но къ скромнымъ, сіяющимъ внутреннимъ свътомъ черевъ чреду въковъ — Крестовымъ походамъ.

Въ этомъ то и заключается моральное значение бѣлыхъ, какъ-бы сила побѣды въ самомъ поражении. Пускай Ллойдъ Джорджи и Вальтеры Ратенау торгуютъ и договариваются съ совѣтскимъ правительствомъ, пусть даже приэнаютъ ихъ, этихъ татей, насильниковъ и трусовъ, равноправными съ собою, — лучше элементы каждой страны и народа стоятъ и всегда будутъ стоять на сторонѣ бѣлыхъ, хотя бы только морально. И слѣдующее поколѣне русскихъ вправѣ сказать: наши отцы сдѣлали все, что могли для спасенія своей страны

отъ повора, унижения и рабства; не ихъ вина, что многія постороннія причины свели всѣ усилія бѣлыхъ на нѣтъ.

Да и такъ ли это? Дъйствительно ли всъ труды и жертвы пропали даромъ, не дали ничего? Это еще спорный вопросъ, ръшить его недалекое будущее; но думается, что съмя брошено, и придетъ срокъ, когда оно дастъ всходы и свой могу-

чій ростъ.

Русское національное анти-соціалистическое движеніе зародилось стихійно по всему простору нашей страны, съ первыхъ же дней революци. И надо помнить, какъ велика была всеобщая ненависть къ большевикамъ и желаніе скорве съ ними покончить; но руководители этихъ первыхъ тайныхъ органивацій берегли ихъ, ждали пока движеніе соврѣетъ, искали въ то же время полнаго объединения всъхъ силъ. И думается, что предоставленные самимъ себъ, русскіе сумъли бы справиться съ большевизмомъ и уничтожить его съ корнемъ, какъ то сдълали у себя Финляндія, Баварія и Венгрія. На горе вмѣшались эти «союзники» Россіи, которымъ выгодно оказалось использовать для себя наше національное движеніе, и они вызвали его наружу преждевременно, постарались выявить былыхъ, какъ можно ранье, обыщая полную помощь противъ соціалистовъ (большевиковъ). А затъмъ когда, несмотря на этотъ срывъ національныхъ огранизацій, все же общій подъемъ русскихъ массъ оказался настолько могучимъ, что объщаль конечный успъхъ и возрождение страны, тъ же иностранцы начали помогать тогда соціалистамъ (эсъ-эрамъ). Бълое движение показало истинное отношение иностранцевъ къ Россіи: только благодаря «союзникамъ» національное русское движение потерпъло крахъ; «союзникамъ» до России не было никакого дела, - более того, - національное возрожденіе Россіи для нихъ явилось нежелательнымъ, какъ что-то враждебное, опасное. Отнынъ Русскій народъ долженъ корнъ пересмотръть и измънить свое отношение къ такъ навываемой Антантв, этимъ бывшимъ «своимъ союзникамъ».

Въ бѣломъ движени необходимо различать еще двѣ стороны, одна изъ коихъ до сихъ поръ совершенно замалчивалась. Первая — это то, что бѣлое движеніе, будучи исключительно чистымъ, преслѣдовавшимъ высонія цѣли спасти свой народъ и вырвать его изъ цѣпкихъ лапъ большевицкаго стервятника, — явилось въ политическомъ отношеніи совершенно незрѣлымъ и шло вслѣпую. Все дѣлалось для народа и во имя народа, но что хочетъ народъ, что именно ему жизненно необходимо, никто не только не выявилъ открыто и прямо, но видимо и не могъ, не зналъ этого. Потребовался долгій періодъ бѣлыхъ, чтобы подойти къ рѣшенію такого основного вопроса; и только бѣлымъ движеніемъ опредѣленно установилось, что

нужно и что приметь народъ. Бѣлое движеніе выявило это всѣмъ своимъ путемъ и подтвердило своимъ неуспѣхомъ, выявило опредѣленно и ясно для всѣхъ, незатемненныхъ увкопартійнымъ сектантствомъ; даже иностранцы-очевидцы, искренно относившеся къ Россіи, увидали, въ чемъ должно состоять раврѣшеніе вопроса.

Второе, — и это чрезвычайно важно не для прошедшихъ годовъ, а для настоящаго и ближайшаго будущаго, — бѣлое движеніе въ самой сущности своей явилось первымъ проявленіемъ фашизма. Той волны народныхъ массъ, которая все выше ввдымаетъ свой валъ; и въ которой человѣчество готово уже видѣть единственное средство отъ общаго паралича государственной власти, знаменующаго наше время, начало двадцатаго вѣка.

Бѣлое движеніе было даже не предтечей фашизма, а чистымъ проявленіемъ его. Дѣйствительно, если пристально вглядѣться въ стимулы, двигавшіе бѣлыми, то въ нихъ выступаетъ все то же, что создаетъ фашизмъ въ другихъ странахъ. И не только создаетъ самый фашизмъ, но и дѣлаетъ его желаннымъ для всѣхъ, даетъ ему стальную силу и крѣпкую прочную опору, обезпечиваетъ успѣхъ.

Невольно можетъ возникнуть вопросъ: почему же тогда неудача бѣлаго движенія, даже разгромъ его? Вѣдь фашизмъ идетъ всюду вѣрными шагами къ побѣдѣ — для торжества права, правды и справедливости? Отвѣтъ на это лежитъ въ томъ, что, во-первыхъ, русскій фашизмъ, бѣлое движеніе было лишь первымъ робкимъ опытомъ его; во-вторыхъ же, этотъ первый опытъ проходилъ въ неимовѣрно трудныхъ условіяхъ, въ которыхъ и явилось много причинъ его временнаго крушенія. Частью эти причины открыты, по возможности, въ предыдущихъ главахъ; но всѣ ихъ выяснитъ и выскажетъ только изслѣдователь изъ будущаго поколѣнія.

Теперь же можно сказать безошибочно слѣдующее: необходимое условіе успѣха фашизма, неотдѣлимая отъ него сущность его — это диктатура. И вотъ, къ несчастью, ни одно бѣлое народное движеніе, какъ и всѣ вмѣстѣ взятыя, не смогло дать диктатора. Не нашлось такой воли и души одного человѣка, который все подчинилъ бы себѣ, а себя самого подчинилъ бы цѣликомъ этой великой идеѣ — служенію всему народу путемъ проявленія непререкаемаго, безусловнаго закона, воплощеннаго въ немъ одномъ. Вся та масса большихъ патріотовъ, бѣлыхъ офицеровъ и солдатъ, отдѣльные крупные вожди и дѣятели, — все поэтому расплывалось, разбивалось и не могло добиться полной концентраціи силъ, безъ чего окончательная побѣда никогда невозможна.

Къ этому примъшалась и неизбъжно вытекающая изъ-за отсутствія диктатуры та дряблость, которан вездъ губила бълое движеніе. Именно дряблость, ибо она одна допустила не только терпимость къ соціалистамъ, но даже и совмъстную работу съ ними. Въдь фашизмъ всегда и всюду болье чъмъ противуположенъ сущности соціализма (марксизма), — фашизмъ прямо враждебенъ ему: первый является движеніемъ чисто народнымъ, направленнымъ къ улучшенію, къ упрочненію человъческихъ отношеній и устройства государства, второе же соціализмъ — есть проведеніе насильно нежизненныхъ, искусственныхъ нормъ, выводимыхъ изъ теоріи, пропитанной вавистью и ненавистью къ человъчеству, презръніемъ къ человъку. А потому и приводящій къ тъмъ, разультатамъ всеобщаго горя и разрушенія, что соціалисты и выполнили такъ безпредъльно въ нашей несчастной Россіи.

И несомивно, за эти годы прибавилась къ прежнимъ новая васлуга Россіи передъ человвчествомъ, передъ всвиъ міромъ: она своимъ бвлымъ движеніемъ сняла маску съ соціализма и показала его истинное лицо. Твмъ самымъ облегченъ путь торжествующаго, побвднаго фашизма; дано предостереженіе, что вождь народнаго фашизма, терпящій соціализмъ, допускающій его двятельность въ государствв, хотя бы и подпольную, — обрекаетъ народное двло и себя на неуспвъъ.

Возвращаясь къ сказанному выше о выявлении черезъ бѣлое движение того, что хочетъ народъ и что необходимо ему для устройства его жизни, приходится подробнѣе остановиться на этомъ, чтобы не было недоговоренности; иначе можетъ показаться людямъ, смотрящимъ на Русскій вопросъ предвято, невязка и даже противорѣчіе между высказанными положеніями. Съ одной стороны, выявилась опредѣленная и всѣми сознаваемая необходимость диктатуры, того, что всѣ называли твердой властью; а съ другой, также опредѣленно, сначала робко, но затѣмъ все шире и сильнѣй, выявилась не только необходимость, но даже тоска Россіи по Монархіи, по Царской Власти. Но это только кажется на первый взглядъ, что здѣсь двѣ стороны. На самомъ дѣлѣ — это одно и тоже.

Не приходится много доказывать, что Россія нуждается и хочеть именно такой власти, которая служила бы народу, соблюдая его жизненные интересы, охраняя его трудъ и жизнь, оберегая его духовныя цѣнности. И народъ, въ его цѣломъ, отъ крестьянской массы до лучшей интеллигенціи, не отдѣляетъ въ своемъ сознаніи этой власти отъ Царя. Только въ немъ одномъ видитъ народъ, и теперь яснѣе, чѣмъ когда-либо, соединеніе всѣхъ свойствъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго достиженія обще-народнаго блага.

Всѣ партіи, начиная отъ союза русскаго народа и октябристовъ, до эсъ-эровъ и коммунистовъ, являются въ главахъ народа, — да такъ оно и по существу, — противниками этого народнаго идеала. Ибо каждая изъ партій заключаетъ въ себѣ партійныхъ вожаковъ, партійные интересы и солидарность, партійную дисциплину и партійныя вождѣленія, которые всѣ вмѣстѣ ставятъ партію въ ея сознаніи и дѣйствіяхъ не только превыше народа, но и выше этой народной власти, т. е. Царя. Это несомнѣнно такъ; это станетъ ясно и среднимъ партійнымъ людямъ, если они дадутъ себѣ трудъ честно проанализировать эти вопросы, для чего используютъ богатый опытъ надъ Россіей всѣхъ партій за послѣднее десятилѣтіе.

Оттого-то ни одна партія, никогда и нигдів, не выражала народных вмассь и не можеть выразить; оттого-то лучшіе и настоящіе вожди фашизма въ Европів отвергають всякія партіи; наконець, оттого-то въ нашей Россіи все сильніве и значительніве разростается число безпартійных в. Это именно и есть та масса Русскаго народа, отъ которой и только отъ которой зависить будущее Государства Россійскаго и устройство его.

Такими же безпартійными были и тѣ милліоны, которые составляли полчища бѣлыхъ; ихъ безпартійность была совершенно того же характера и направленія, какъ и у массы безпартійныхъ въ самой Россіи. Но и тѣ, и другіе русскіе люди никогда не считали и никогда не признаютъ монархизмъ за

партію.

Русскій народъ быль всегда монархичень; а теперь, когда на его горбу перебывали и смінились послів марта 1917 года сотни владыкь, отъ Родзянки, Милюкова до Нахамкеса и Бронштейна, — всів эти партійные вожаки, крупные партійные люди, а результать отъ всівхъ нихъ получался одинь, т. е. все большая и большая разруха, все сильнівшее униженіе національнаго достоинства: не осталось, думается, ни одного честнаго русскаго, который явно или, пока, тайно не быль бы проникнуть монархической идеей.

И, безспорно, бѣлое движене дало толчекъ къ выявленю этого, доказало силу, значене и жизненность этой идеи.

Но также несомивно, — и это также опредвлилось изъ бълаго движенія, — Русскій народъ желаетъ, даже жаждетъ осуществленія монархической идеи не для самой идеи, а для счастья и польвы Россіи. Народъ признаетъ поэтому только двиственный монархизмъ, т. е. такой, который сможетъ устроить Государство, поднять его на высоту и защитить народную жизнь отъ всего, что было гадко и скверно не только въ періодъ революціонной смуты, но и до нее, до 1917 года.

Когда ва адмираломъ А. В. Колчакомъ шли массы, несли подъ его знаменемъ въ жертву долгу свои труды, кровь и жизни, - людей охватывалъ порывъ и въра въ то, что вождь откроетъ народу возможности приближенія къ его, народнымъ, идеаламъ права, правды и справедливости. Другихъ вождей въ то время не было, и быть не могло, ибо народъ монархиченъ не на словахъ, а на дълъ. До какого предъла это могло дойти, видно изъ следующаго: почти всегда, когда адмиралъ Колчакъ пріважаль въ армію, ко мнв являлись начальники проходящихъ частей, дивизій, полковъ и батарей, съ просьбой, чтобы Верховный Правитель вышель къ войскамъ; ихъ солдаты просили: «Покажите намъ того, за кого Россія воюеть». Крестьяне въ Сибири и въ Забайкаль в называли покойнаго адмирала въ періодъ успъховъ арміи: «царь Колчакъ». И надо было видъть тотъ восторгъ въ войскахъ, какой охватывалъ ихъ, когда они видъли своего вождя. Болъе тихо, но съ глубокой преданностью, почти съ обожаниемъ встречали его и крестьянскія массы въ техъ тысячахъ сель, которые посетиль адмимиралъ. Что произошло, бы если бы бълые имъли конечную, полную побъду?...

Вотъ что пріоткрыло и показало еще бѣлое движеніе. И ярко, страшно доказало, что слабость, бездѣйствіе и забвеніе простыхъ народныхъ идеаловъ влечетъ неминуемо за собою сначала разочарованіе массъ, а затѣмъ гибель и еще большую разруху.

Теперь успокаивается, внъшне и временно, взбаламученное русское море, затихають его усталыя народныя массы; но волнене идеть, широко и глубоко расходится оно, это волнене чистой монархической идеей, тоской по Законномъ Царъ. И все больше будуть волны, все шире движене, и, быть можеть, не далекь уже тоть день, когда вскипить снова русское море и вынесеть свой грозный девятый валь. Вознесеть для того, чтобы смыть всю нечисть, загрязнившую Россію, а на гребнъвысоко поднять исконную Русскую Царскую Власть и съ нею право, правду и высшую споаведливость.

2,

Въ бъломъ движени была одна ужасная для всъхъ русскихъ сторона, та самая, которая заставляла, быть можетъ, интервентовъ не равъ потирать радостно руки; это — вваимное уничтожение русскими другъ друга. Народъ и страна раздълились на два лагеря, на бълыхъ и красныхъ.

Въ станъ бълыхъ никогда не было не только ненависти и злобы по отношению къ краснымъ массамъ, не было даже и вражды. Кромъ отдъльныхъ, весьма ръдкихъ случаевъ расправы за предательство, за измѣну и за звѣрство, никто не можетъ указать на систематическое преслѣдованіе и истребленіе, на терроръ, который широко примѣнился въ противномъ лагерѣ. Болѣе того, среди бѣлыхъ всегда существовала жалость къ своимъ страждущимъ братьямъ и вытекающая изъ нея мягкость къ нимъ.

И это понятно само собой: тотъ безпощадный терроръ, какимъ пропитана вся красная, большевицкая Россія, направляется и проводится исключительно инородцами, главнымъ образомъ интернаціональнымъ жидовствомъ. Бѣлая же Русь имѣла вождями и руководителями только своихъ, рус-

скихъ людей, была строго національна.

Бѣлые разобрались своевременно и полно въ тѣхъ разслоеніяхъ, на которые дѣлилась тогда часть Россіи, оставшаяся подъ властью коммунистовъ-большевиковъ. Больше всего, на первомъ планѣ была масса, вначалѣ одурманенная революцей, но быстро отрезвѣвшая, и потому ненавидѣвшая соціалистовъ всѣми своими силами. Но масса усталая, инертная, бездѣятельная и совершенно неспособная сама по себѣ, своими силами сбросить присосавшихся паразитовъ. Въ этой массѣ кое-гдѣ въ очень маломъ числѣ, проступали преступные элементы, и то, главнымъ образомъ, не среди крестьянства, а изъ рабочей бѣдноты. Это были или совершенно люди отпѣтые, иной разъ изъ каторжанъ, или ослѣпленные и тогда еще не прозрѣвше.

Далѣе шелъ весьма значительный слой тѣхъ русскихъ людей, изъ интеллигенціи, для которыхъ Россія составляла и составляеть все, которые, являясь русскими до мозга костей, не могутъ жить внѣ Россіи, для которыхъ понятія Родина, Вѣра, Царь — не одни слова. Такихъ было и есть большинство во всѣхъ городахъ русскихъ; съ ними всѣ мы связаны неразрывными узами крови и общаго духа. Среди этихъ многихъ сотенъ тысячъ русскихъ наблюдалось всегда не только полное сочувствіе бѣлымъ, но ихъ горячія молитвы сопутствовали намъ, и ихъ желанія были направлены въ сторону нашей полной и

Многіе изъ нихъ, этихъ простыхъ, честныхъ и цѣльныхъ русскихъ людей, принуждены были служить большевицкимъ комиссарамъ, правда не съ первыхъ дней возникновенія бѣлаго движенія, а примѣрно съ конца лѣта 1919 года. Кто обрекъ себя на это тяжкое дѣло изъ-за семьи, изъ-за куска хлѣба, многихъ заставила неизбѣжность — иначе грозила тюрь-

ма или растрълъ.

скорой побъды.

Только небольшой сравнительно процентъ русской безпартиной интелигенции пошелъ на службу теперешнихъ владыкъ Русской вемли, жидовскаго интернаціонала, изъ-за лич-

ныхъ разсчетовъ, изъ-ва мелкаго честолюбія или по полной

бевпринципности. Богъ и совъсть судья имъ!

А чъмъ лучше тъ, которыхъ не мало нашлось среди самой первой русской эмиграціи, изъ тъхъ такихъ же безпринципныхъ людей, что въ самомъ началъ смуты уъхали за-границу. Случайно ускользнувъ отъ красныхъ, они не примкнули и къ бълымъ, выжидая въ безопасности, когда на ихъ сторонъ опредълится успъхъ. Теперь многіе изъ нихъ начинаютъ прикрываться фарисейскими заявленіями, что будто бы они все предвидъли и знали заранъе. Ну, а это, видимо, просмотръли, упустили и тогда, да и теперь не понимаютъ: если бы всъ дружно и соединенно пошли съ самаго начала на поддержку бълаго движенія, то временные успъхи его легко обратились бы въ окончательную побъду!

Чтобы представить полную картину, какъ шло разслоеніе красной стороны нашей общей матери Росси, остается упомянуть о самомъ верхнемъ слов, состоявшемъ почти сплошь изъ руководителей; это — люди по преимуществу не русскіе, для которыхъ Россія, Отечество, Въра, традици, — все это является ненавистнымъ, надъ истребленіемъ чего они и рабо-

таютъ въ открытую съ перваго дня революціи.

Кром'в этой группы, которая цвликомъ заключается въ рабочей коммунистической парти (Р. К. П.), да небольшого числа безпринципныхъ господъ, служащихъ ей не за страхъ, а за сов'всть, — вся остальная русская масса тамъ была и осталась проникнутой національнымъ духомъ. Это несомните такъ, и доказательства этого разсыпаны во вс'вхъ дняхъ и событяхъ пережитаго потрясенія. Бол'ве того, коммунисты сум'вли использовать для своихъ цвлей русскій націонализмъ: когда они крпчали по Россіи и распространяли въ десяткахътысячъ разнообразные плакаты о томъ, что б'влые идутъ съфранцузской и англійской буржуазіей, д'вйствуютъ по ихъукавкъ, бьются за какіе-то ихъ скрытыя цвли, — большевики бпли въ точку.

Получалась ужасная гримаса жизни, страшное извращение. Въ бъломъ чисто-національномъ движеніи появились со стороны анти-національныя теченія, примъшалась политика интервентовъ, опредъленно враждебная (кромъ японской) Россіи; а среди красныхъ, управляемыхъ ІІІ-мъ интернаціоналомъ, забила струя національнаго русскаго подъема, непримиримаго и ненавидящаго все, идущее на Русь изнъ.

Такіе крупные факты, какъ чехо-словацкая эпопея въ Сибири, спасеніе Варшавы и усиленіе Польши цівною предательства арміи Юга Россіи, Рижскій миръ — говорять сами за себя. А сколько было еще боліве мелкихъ, не такъ замізтныхъ фактовъ!

Одна изъ главныхъ причинъ этой аномаліи лежитъ въ томъ, что большевики нашли силы и умѣнье справиться съ эсъ-эровщиной, скрутить ее и извести съ корнемъ. Бѣлые не сумѣли этого сдѣлать, оставили эсъ-эровщину не только жить, но дали ей работать, чѣмъ и впустили къ себѣ это внѣшнее, анти-національное теченіе, погубившее ихъ и усилившее красныхъ.

Приходится также съ большой грустью установить, что диктатура, которой такъ не хватало всему бѣлому движеню, у красныхъ нашла полное проявление. На горе Россіи — не въ лицѣ національнаго Русскаго вождя, а въ томъ же ІІІ-мъ интернаціоналѣ, т. е. въ лицѣ коллективнаго жида-большевика. Злая, безпощадная диктатура, направленная къ разрушеню Святой Руси, но твердая, со стальной волей, неумолимая и забывающая себя въ своей преступной работѣ, при достижени поставленныхъ цѣлей. И эта диктатура сумѣла заставить работать и драться всѣхъ для того, чтобы сломить бѣлое движеніе.

Грустно, безконечно грустно теперь положение каждаго русскаго. Всюду, и въ самой Россіи, въ нашемъ Отечествъ, и за границами его, во всъхъ странахъ Стараго и Новаго Свъта. Тяжесть непомърная придавила камнемъ душу, нътъ не только радости живни, но исчеваетъ временами надежда на улучшене, самая въра въ скорый конецъ великихъ испытаній. И приходять дни, когда многимъ русскимъ, разбросаннымъ по различнымъ угламъ цълаго міра, кажется, что нъть впереди просвъта. Понятны и это настроеніе, и упадокъ силъ, и даже временная потеря въры въ свътлое будущее нашей страны. Но долгъ насъ всъхъ вмъстъ, и каждаго поровнь — не допускать въ себъ унынія, кръпко держать въ умъ мысль, что Святая Русь переживала уже на своемъ величавомъ тысячелътнемъ пути такія потрясенія, которые длились стольтіями; чаще обращаться въ родную исторію и тамъ черпать силы для вѣры въ свѣтлое будущее.

Оскорблена національная гордость Русскаго народа. Свы ше мѣры оскорблено это чувство, унижено и уяввлено самолюбіе народа. Въ этомъ виноваты сами. Одно ивъ главнѣйшихъ преступленій русской интеллигенціи было и есть въ томъ, что одни эту національную гордость просмотрѣли, другіе умышленно, въ припадкѣ какого-то садизма, топтали ее въ себѣ и въ другихъ въ грявь. А среди нашихъ «передовыхъ» людей считалось чуть ли не за стыдъ, за какой-то пережитокъ проявленіе этого чувства. Надъ нимъ всячески измывались, называя его «зоологическимъ патріотизмомъ», «чувствомъ дикарей» и т. д.

Кто-то изъ этого лагеря «передовыхъ» пустилъ даже крылатую фраву: «русскіе любятъ заниматься самооплеваніемъ». Какая гнусная ложь! Эта интеллигентская традиція униженія національной гордости проистекала, помимо другихъ причинъ, отъ полной оторванности, отчужденности отъ народныхъ массъ, изъ-за незнанія его быта, жизни, запросовъ.

Приходилось часто удивляться, слыша другую ходячую фраву отъ людей, казалось бы, по своему рожденію, состоянію и образованію обяванныхъ внать духъ народныхъ массъ: «Нашъ русскій мужикъ даже не совнаетъ, что такое національная гордость. Ему видна только его деревня, да вемлицы бы побольше. Дальше онъ не видитъ ничего».

Или, во время войны, въ періоды неудачь, послѣ героическихъ успѣховъ: «Да развѣ нашъ солдатъ понимаетъ войну ва Россію, — ему дѣла до нея нѣтъ. Они такъ и говорятъ, что, молъ, до насъ, Скопскихъ или Калуцкихъ, не дойдетъ, — далеко».

Все это клевета на нашъ народъ; и клевета не только на современниковъ, но и на предковъ, которые вѣкъ изъ вѣка жили и умирали для своей родной Великой Россіи. И преступники тѣ русскіе люди, кто допускаеть эту клевету на свой народъ.

Развъ гдъ-нибудъ въ другомъ народъ возможны подобныя разсуждения, допустимы такия фразы. Да если бы и нашелся такой выродокъ среди нъмцевъ, англичанъ, французовъ и даже американцевъ, вылъзъ бы съ подобными фразами о своемъ народъ, то нашлись бы сейчасъ же и здъсь же десятки другихъ нъмцевъ, англичанъ, французовъ или американцевъ, которые заткнули бы ротъ своему не въ мъру «передовому» сооточественнику. И заткнули бы такъ, что не явилось бы новыхъ охотниковъ клеветать и поносить свой народъ. А наша Святая Русь молчала! И не только молчала, но продолжала, молча, творить чудеса подвиговъ, на которые можетъ подвинуть только высоко развитое чувство національной гордости и любви къ Родинъ.

Не надо даже возвращаться мыслью такъ далеко, какъ къ Міровой войнъ, достаточно взглянуть глазами, не прикрытыми личной влобой, себялюбіемъ или узкой партійностью, на бѣлое движеніе. Это сплошь — проявленіе чувства національной гордости, да притомъ еще въ такихъ величавыхъ образцахъ, на которые невольно съ уваженіемъ смотрѣли иностранцы. И теперь въ эмиграціи, во всѣхъ странахъ, если и прииимаютъ русскихъ, какъ равныхъ себѣ, то этимъ обяваны той героической борьбъ, которую вели бѣлые. Годы,

протеките въ этой борьбѣ, не прошли невамѣченными для міра; не мало искреннихъ, честныхъ иностранцевъ были при бѣлыхъ арміяхъ и черевъ нихъ-то, капля по каплѣ, просочилось совнаніе о подвигахъ русскихъ войскъ, объ ихъ трудахъ и великихъ жертвахъ, принесенныхъ во имя Родины, и только Родины.

Оскорбленное долгими неваслуженными неудачами Міровой войны чувство національной гордости привело народъ въ началѣ марта 1917 года къ принятію бунта тыловыхъ солдатъ ва революцію, ваставило повѣрить фарисеямъ типа Милюкова и истеричнымъ фиглярамъ Керенскимъ. Еще болѣе униженное и оплеванное то же чувство позоромъ отъ углубленія революціи кинуло народныя волны въ бѣлые ряды, подъ національныя знамена бѣлыхъ армій. Говоря о національной гордости нельзя, понятно, отдѣлять ея отъ любви къ Родинѣ, такъ какъ первое чувство проистекаетъ изъ второго. Всѣ слои Русскаго народа полны этимъ чувствомъ, всѣ, кромѣ «передовыхъ» интелигентовъ, пропитанныхъ духомъ космополитизма и поэтому глубоко преступныхъ передъ своимъ народомъ.

Бълое движение сіяло любовью къ Родинъ. Г. г. офицеры, солдаты и казаки, массы населенія, учащаяся молодежь, — все горъло однимъ желаніемъ — спасти Россію, вернуть ее на путь національной самостоятельности, очистить Отечество отъ всей мерзости, которая развелась въ немъ за послъднее десятильтіе, и которая такимъ махровымъ цвътомъ распустилась послъ февраля 1917 года. Десятки тысячъ безвъстныхъ героевъ среди бълыхъ принесли великія жертвы только во имя любви къ Родинъ.

Да и какъ можно не любить нашей милой страны! Революціонной бурей раскиданы русскіе люди по всему свъту, народилось огромное число новыхъ эмигрантовъ изъ Россіи, эмигрантовъ другого типа, чемъ были до войны: не тъхъ выродковъ русской семьи, что ковали гибель своей Родины, поклоняясь сатанинскому ученію Карла Маркса, а простыхъ, обыкновенныхъ русскихъ людей изъ числа «безпартійныхъ». Эти невольные изгнанники видятъ теперь неприкрашенную ваграничную жизнь и действительность, сравнивають съ тъмъ, что было до революции въ нашемъ Отечествъ. И всюду выводъ одинъ: все въ Россіи было лучшее, все было первосортное, превосходное передъ иностраннымъ, все и во всемъ. Какъ часто собираются русскіе эмигранты и мечтательно вспоминають Святую Русь. Еще болве часто встаеть въ поэтической дымкъ этого недалекаго прошлаго наша великая Родина передъ очами нашихъ сестеръ и братьевъ, живущихъ въ неимовърно тяжелыхъ условіяхъ въ совътской федеративной соціалистической республикъ. И эти мечты, и чувства, и кровь, и духъ, и Въра, и любовь къ Родинъ, — у насъ съ ними обще; и все же насъ раздълили и между наши провели черту, пока непереходимую.

Насъ раздъляли и равъединяли съ перваго дня проклятой революции. И мы сами поддавались этому злому разъединеню, забывъ, что мы должны быть прежде всего русскими, и только русскими. Сначала — дълене на партіи, затъмъ искусственная, дьявольски проведенная, враждебная отчужденность классовъ, классовая рознь; послъ этого на сцену вывели «украинцевъ», пытались создать самостоятельную Сибирь и казачьи государства. Когда все это валилось, какъ постройка карточнаго домика, — обще-русское чувство и сила духа сметало эти перегородки, — появилось самое дикое дълене по цвътамъ: бълые, красные, зеленые. И эти клички привились такъ прочно, точно наглухо затянули повязкой русскимъ глаза. На цълые годы была ими замънена наша сущность, чтобы разрушителямъ Россіи было тъмъ легче докончить ихъ темное, преступное дъло.

На великомъ русскомъ народѣ повторилась старая народная сказка объ умирающемъ отцѣ большой семьи и его
духовномъ завѣщаніи. Призвалъ онъ передъ смертью всѣхъ
своихъ дѣтей и велѣлъ принести вѣникъ. — Попробуйте сломать его, — отдалъ умирающій отецъ приказъ. Пытались
сыновья сдѣлать это и не были въ силахъ. — Теперь развяжите его. — Развязали и разсыпались прутья. — Попробуйте теперь сломать. — Всѣ отдѣльные прутья были безъ труда
переломлены дѣтьми. — Вотъ такъ и вы: пока будете вмѣстѣ
жить дружной и крѣпкой семьей, будете сильны единеніемъ,
васъ никто не тронетъ. Разъединитесь, разсыпитесь, и васъ,
слабыхъ, легко сломаетъ порознь всякій, — завѣщалъ умирающій отецъ.

Забыта была простая народная мудрость. А враги наши использовали это свойство русскихъ начала двадцатаго въка къ разъединеню зачастую по самымъ пустякамъ, способность нашу къ непримиримой и разгорающейся розни. Въдь чистое національное движеніе бълыхъ было бы живительной струей воскресенія Россіи, поддержи его тъ русскіе, которые уклонились въ сторону — изъ-за програмныхъ, партійныхъ и личныхъ разногласій. И давно былъ бы конченъ преступный опытъ надъ нашимъ Отечествомъ, производимый ничтожной кучкой Р. К. П. (рабочей комунистической партіи), ничтожной по числу, но сильной нашимъ разъединеніемъ и слабостью.

И пока разъединение русскихъ, этотъ вловредный процессъ, не кончится, пока не будутъ забыты споры и раздоры, пока все не объединится въ одной цѣли спасти Родину и жить только для нея: до тѣхъ поръ не можемъ мы ждать милости

Божіей и просвіта.

Пусть же ловунгъ русскаго бълаго національнаго движенія ляжетъ прочно и непоколебимо въ сердцѣ каждаго: Наша единственная партія — Святая Русь. Нашъ классъ — весь Русскій народъ!

И да пронижеть и соединить весь народь нашть право, выстраданное всёмъ бёлымъ движеніемъ, — право Россіи вернуться на свой историческій путь, къ своему Законному Царю.

Оглавленіе.

			Стр.
Предислов	sie		3
Глава І.	Борьба за власть		7
Глава II.	Армія и тылъ		48
Глава III.	Подвигъ арміи		95
Глава IV.	Предательство тыла		155
Глава V.	Чехо-словацкій корпусъ		212
Глава VI.	Ледяной Сибирскій походъ		242
Заключені	ie		311